Владимир Николаевич Крупин

Незакатный свет

Записки паломника

Религия. Рассказы о духовной жизни —

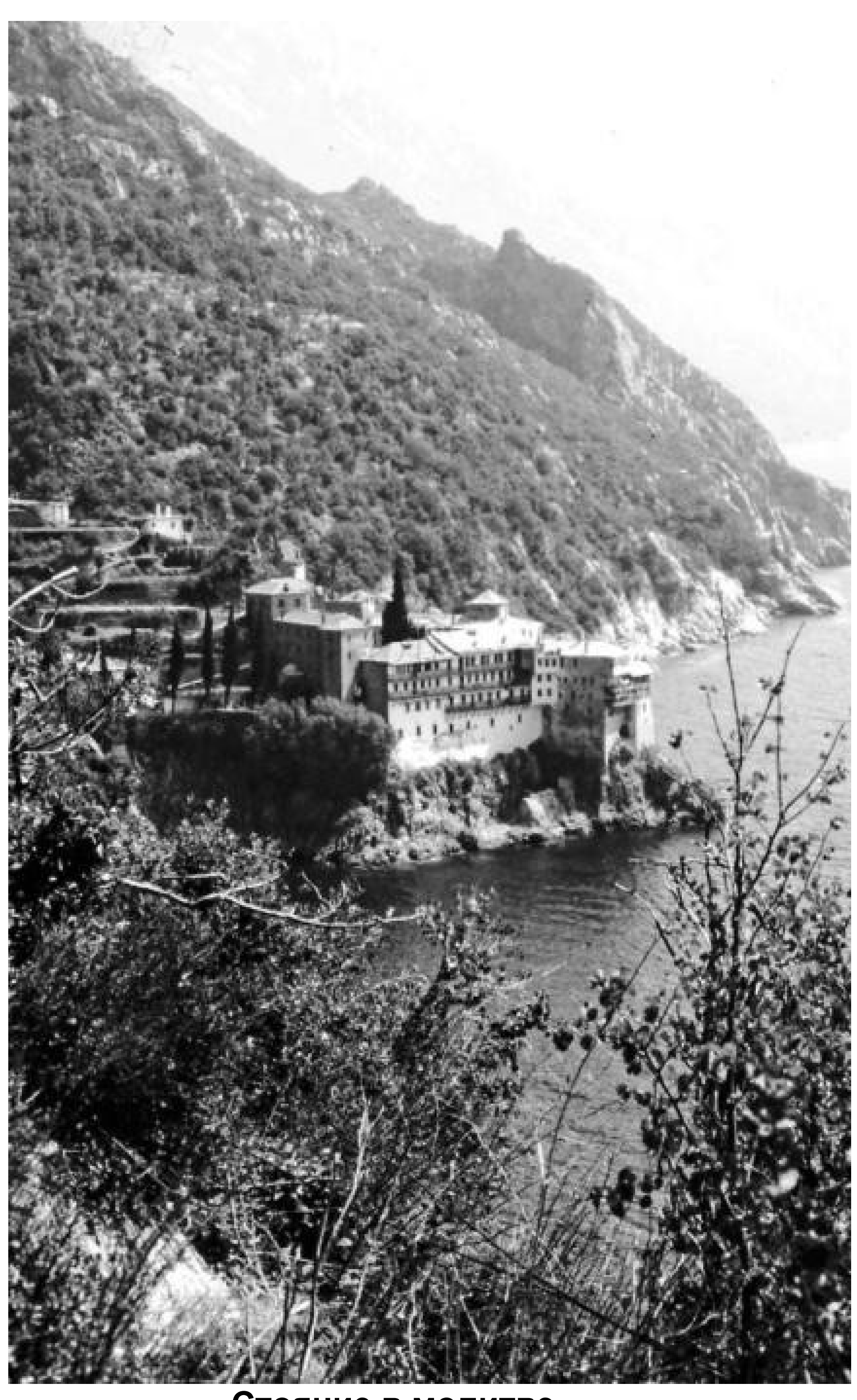
М.: Эксмо, 2014. — 512 с. (Религия. Рассказы о духовной жизни). ISBN: 978-5-699-70074-5.

Аннотация

В книге рассказывается о священных для православных верующих местах Палестины, Афона, Греции и христианских святынях других стран и городов. Владимир Николаевич Крупин — русский писатель, автор более 30 книг. Лауреат Патриаршей премии по литературе. Сопредседатель правления Союза писателей России. Книга допущена к распространению Издательским Советом Русской Православной Церкви.

Владимир Крупин
Незакатный свет. Записки паломника

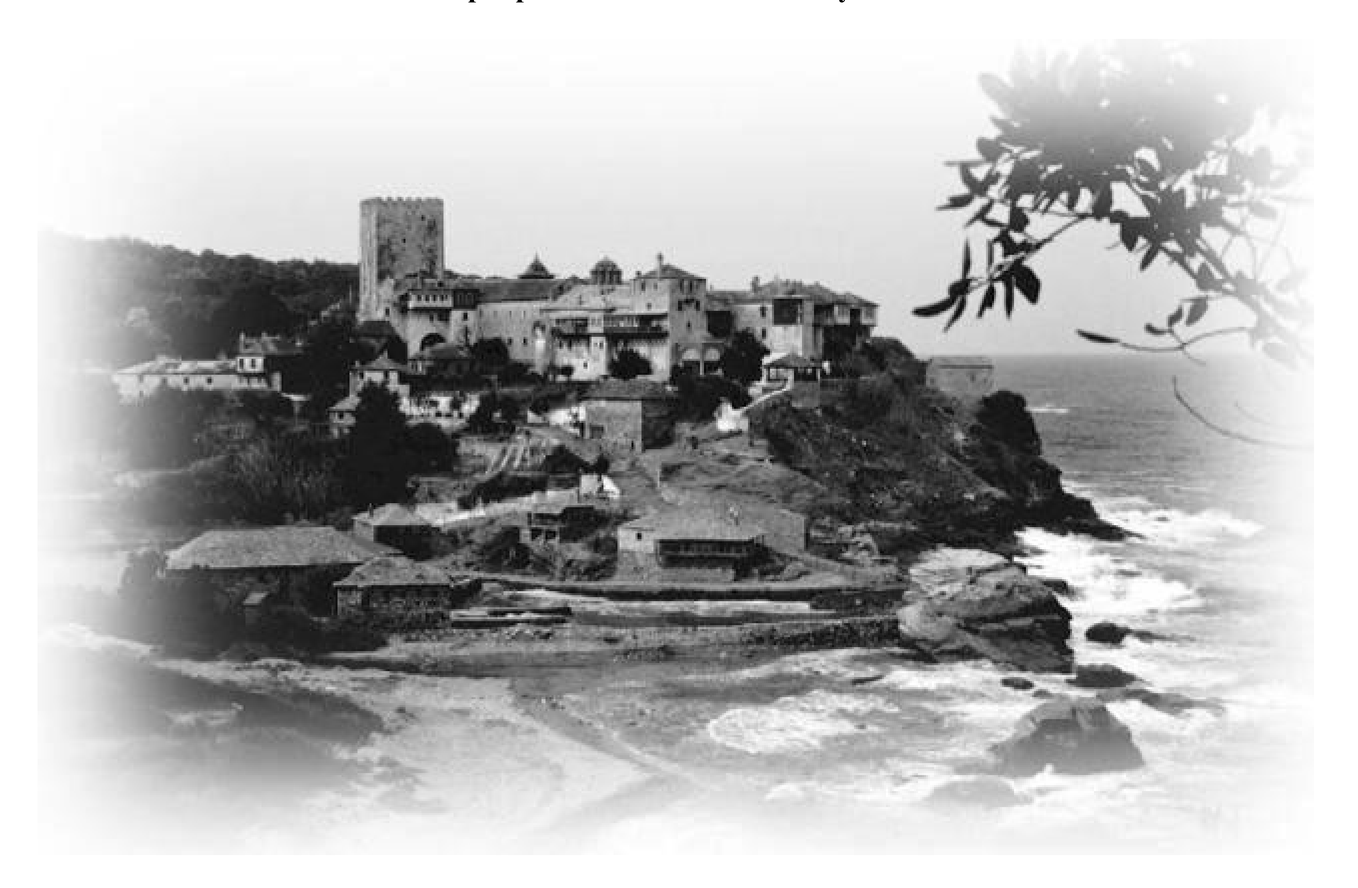
Афон

Стояние в молитве

«Велик подвиг их веры, ибо обрели они нетленные сокровища Духа, даруемые свыше от Отца Небесного, чем и прославили Святой Афон — остров сугубой молитвы и благочестия».

Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II

Монастырь Пантократор, Афон. Фото Х. Шнайдера.

«Кто расскажет о трудах ваших, блаженные отцы? Кто достойно воспоет подвиги ваши — трезвение ума, непрестанную молитву, болезненное мученичество совести ради добродетелей, изнурение тела, совлечение страстей, всенощные стояния, вечнотекушие слезы, распинание втайне, смирение ума, победы над бесами, множество даров? ...

О сонм преподобных, освященный в Боге и возжелавший Его! О богоносный пчельник, собравший в расщелинах и пещерах Святой Горы, как бы в ульях умных, сладчайший мед безмолвия! Троицы услада! Богородицы украшение! Афона похвало! И Вселенной свято чтимые! Предстательствуйте пред Господом о помиловании душ наших!».

Святой Никодим Святогорец

Удел Божией матери

Многие места нашей земли напоминают красоту Дня Творения, но особенно чувствуется присутствие Божие в мире здесь, в Греции. Здесь все говорит о Господе: море, полное тайн, горы, скрывшие свои склоны травами, кустарниками, деревьями и цветами, и небо, настолько драгоценно-изумрудное, что голубизна его не дается никакой кисти. Когда восходит, по Божией милости, солнце, то кажется, что небо стекает в море, а море поднимается в небо.

Пристань у монастыря Зограф. Фото Х. Шнайдера

А главное место Греции для нас — это Святая Гора Афон. По свидетельству космонавтов, которые летают в космосе над планетой, Афон всегда сияет, даже и тогда, когда кругом его облачность.

Святая Гора Афон — удел Божией Матери. После храма Гроба Господня в Иерусалиме — это главное место в мире. Почему? Если бы не молитвы Афона, мир давно бы провалился в черные дыры безбожия.

Был ли ты или не был на Афоне, все равно при этом слове слышится небесный звук чистой молитвы.

В отверстое над Елеонской горой небо вознесся Воскресший Иисус Христос. Его приход на землю был последней милостью Господа, показавшего пути спасения. Об этих путях и должны были поведать миру Его ученики. Рассказать и об обетовании Второго пришествия, при котором уже не будет вразумления грешников, а грянет Божий Суд.

В «Деяниях апостолов» рассказывается, как ученики Христа собрались по Его Вознесении в Сионской горнице, которая помнила и чин умовения ног и Тайную вечерю, и как на них снизошел Дух Божий. «И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились, и явились им разделяющиеся языки, как огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святаго…» (Деян. 2, 2—4). После проповеди Петра к апостольской церкви «присоединилось в тот день душ около трех тысяч». (Деян. 2—41).

Апостолы, получившие такой святой дар, решили понести Его вместе с Благой вестью о Воскресшем Христе и в другие земные пределы. Узнать же, кому куда идти, они решили с помощью жребия. Божия Матерь пришла участвовать в жеребьевке. Ее отговаривали, но она не хотела никакого особого отношения к себе и пожелала участвовать в трудах апостольских. Ей выпала Иверия. Но не успела Божия Матерь собраться в дорогу, как Божий ангел (в церковном предании архангел Благовещения Гавриил) возвестил Ей волю Божию — пребывать пока в Иерусалиме, а там Сам Господь укажет Ей страну для поучения заблудших.

…и явились им разделяющиеся языки, как огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святаго… (Деян. 2, 3—4)

Нисхождение Духа Святого. Миссал Роберта Жюмьежского. 1006—1023 гг. Руан, городская библиотека.

Тем временем Она, сопровождаемая учеником Иисуса Иоанном Богословом, усыновленным Ею при Кресте на Голгофе, отправилась на остров Кипр, чтобы увидеться с Лазарем. Это тот Лазарь «четверодневный», на могиле которого написаны два поразительных по своей простоте слова: «Друг Христа», брат праведных сестер Марфы и Марии. Лазаря хотели убить иудеи, пылая злобой ко Христу и надеясь уничтожить чудо Воскрешения, вспоминаемое нами в Лазареву субботу Великого поста. Лазарь скрылся, затем апостолом Варнавою был рукоположен в епископы и служил на Кипре. Он писал оттуда к Божией Матери, зовя навестить его, так как по-прежнему была опасность преследования со стороны иудеев и он опасался сам прибыть в Иерусалим.

Корабль внезапно поднявшимся ветром несколько дней гонит в сторону от Кипра, по Эгейскому морю, и прибивает к северо-восточной стороне греческого полуострова Халкидики, к его еще более малому полуострову Афон. Место выхода Пречистой Девы там, где ныне монастырь Иверской иконы Божией Матери. В то время там было идольское капище. По сведениям древних источников, идолы подняли свой предсмертный крик, рушились. Люди бежали к берегу, встречая корабль.

«Сие место будет Мне в жребий, данный Мне от Сына и Бога Моего, — сказала Божия Матерь. — Благодать Божия да пребудет на месте сем». Было это промыслительное событие в сорок четвертом году от Рождества Христова.

Пророческие слова об Афоне сбылись с совершенной точностью. Афон, земной удел Божией Матери, стал исключительно иноческой страной, монашеской обителью, соединившей в себе двадцать монастырей. Во мнении общественном он воспринимается не полуостровом, а самостоятельным островом, куда можно приехать только с одной целью — молиться Богу. Все остальное — от лукавого.

Отверзающая райские двери

Благодать Божия, предсказанная Божией Матерью, Которую на Афоне именуют Защитницей, Попечительницей, Заступницей, никогда не уходила от Афона. Все было в эти столетия: нашествия врагов, разорения монастырей, гибель монахов, голод и холод, но, спросим, а в остальном мире что? Государства исчезали, империи рушились, религии возникали и растворялись, а уж сколько было учений, идеологий, всяких аттил, чингиз-ханов, наполеонов, марксов, лениных, троцких… Сколько неверных, тупиковых путей пройдено человечеством от человеческой гордыни, а Афон стоит! Ибо стоит на скальной основе веры Православной, смирения и терпения. Другого объяснения прочного стояния Афона в мире нет. Случись что с ним — это будет вселенская катастрофа. Враг нашего спасения отлично это понимает и насылает все новые и новые напасти на монашескую республику. Но разбивается о крепость афонской молитвы. А крепость этой молитвы идет от Заступницы усердной рода христианского — Божией Матери. И наименование Божией Матери высоким именем Вратарницы произошло здесь же. Это не просто Хранящая врата афонских обителей Неусыпная стража, но и двери в райские пределы Отверзающая. Дивно, отрадно слышать здесь Акафист Пресвятой Богородице в честь иконы Ея Иверской. Идет по простору храма, как по морской глади, раскатистой волной славословие согласными голосами, единым сердцем, «едиными усты»: «Радуйся, во всяких нуждах скорое вспоможение, радуйся, в печалях быстрое услышание. Радуйся, от огня, меча и нашествия иноплеменных нас избавляющая, радуйся, от глада и напрасныя смерти нас свобождающая… Радуйся, благая Вратарнице, двери райския верным отверзающая».

Верным. Но кто более верен Царице Небесной, нежели монахи Святой Горы?

Монастырь Ксиропотам. Рисунок. XIX в.

Нет в мире сирот

Нет в мире сирот. Это главное счастье нашей земной жизни. Мы теряем отцов и матерей, но не сиротеем: всех нас усыновила при Кресте Сына Своего Пресвятая Богородица. Уходящие из мира в монастырь покидают навсегда своих земных матерей, но не остаются сиротами.

Мы стоим с монахом на высоком берегу.

— Море и земля и вся, яже в них, — обводит он рукой пространство. — И все Богом создано, и все к Нему, и все от Него, и все Им.

Мне хочется задать вопрос о его матери, родне по крови, только не смею и говорю:

— Грехи ваши ничтожны по сравнению с нашими, зело гнусно нас оплетшими, — вспоминаю я читанное из Святых Отцов. — И мы к вам притекаем, прося ваших молитв.

— Слаба и наша молитва, — говорит монах. — Одна надежда на Пресвятую Матерь Божию.

Он говорит, что слаба, и говорит искренне, но если молитва и здесь слаба, то где же она

сильна? Именно на Афоне слышит нас Господь, и именно монахи Афона лучше всех знают, как, за что и за кого молиться. Почему такая уверенность? Отвечает святой Симеон Новый Богослов:

«Монахи не находятся на земле, хотя и держимы землею, но живут в свете будущего века».

Монахи не находятся на земле, хотя и держимы землею, но живут в свете будущего века…

И.Н. Крамской. Созерцатель. 1876.

Вспоминаю и преподобного Памву, подвижника горы Нитрийской, смиреннейшего из монахов, воспитавшего многих великих старцев. С несколькими братиями святой шел в Александрию по просьбе святителя Афанасия. Около храма сидели люди, не обратившие на монахов никакого внимания. Святой Памва, небывалый случай, возмутился и повелительно сказал мирянам: «Встаньте и приветствуйте монахов с почтением, просите у них благословения. Они беседуют с Богом и уста их священны».

Монахи уже прошли то, что нам еще предстоит пройти, — оборвать крепкие привязки к вещественному миру. Монахи над нами. Много раз я ощущал это до прилива благодарных слез — я, грешный, сподобился стоять рядом и молиться с молитвенниками за весь род людской. Вот они входят в храм, берут объемные тетради с тысячами и тысячами имен и оглашают их для небес, моля о прощении грехов неразумных тварей Божиих. Молятся о нас с вами, ныне живущих и способных еще спастись. А молитв об упокоении еще больше. Озаряет восковая свеча седую бороду, склоненное лицо, мантию и еле уловимое движение губ, шепчущих читаемые глазами имена.

Обители Небесной Вратарницы

На Афоне нет ни одного монастыря, не осененного милостию Небесной покровительницы. От Божественного лика Пречистой на святых иконах всегда исходили вразумления и наставления.

А иногда вразумление было и иным образом. Кажется, даже искусство фотографии Господь попустил открыть только для того, чтобы миру было явлено это, скрытое от наших земных глаз, чудо.

Начало двадцатого века. В монастыри стекаются нищие, не имеющие пропитания. Как и во все века, здесь кормят страждущих. Но и в монастырях запасы муки для хлеба истощаются. Игумен Свято-Пантелеимонова монастыря распоряжается хлеб сегодня раздать, а на завтра всех предупредить, что больше хлеба не будет. Фотограф снимает огромную очередь за подаянием. В тот же день проявляет и печатает снимки. На одном из них совершенно явственно видна женщина в черном покрывале, стоящая в очереди и получившая подаяние. Потрясенная братия вглядывается в фотографию. Сомнений нет — Сама Царица Небесная вразумляет монахов заботиться о голодных. Игумен распоряжается — выдавать хлеб, пока есть мука. И назавтра, по Божией милости, муку привозят купцы, решившие не продавать ее, а отдать обители на спасение души.

В сентябре на Афоне вспоминают образ Божией Матери «Светописанная». В конце книги мы расскажем об этом подробнее.

Церковь в ските Продром. Афон

Память об умножении запасов муки, вина и елея, по молитвам к Божией Матери, хранят монастыри Ватопед и Пантократор. Да и в любом монастыре живут предания о заступничестве Божией Матери. Вот некоторые их них.

Хиландар

Предание, живущее в Хиландарской обители, объясняет, почему Божию Матерь называют Игуменией Святой Горы. В Хиландаре хранится икона Божией Матери «Троеручица», та самая, пред которою молился и исцелел святой Иоанн Дамаскин. Однажды, после кончины настоятеля, в монастыре пошли нестроения, несогласия по поводу нового игумена. И тут случилось нечто вразумляющее: братия, собравшись на молебен, не увидели иконы на своем месте в алтаре. Она стояла на игуменском. Отнесли икону в алтарь. На следующее утро икона вновь была на игуменском месте. Храм же, все это знали верно, был заперт. Тут и наступило вразумление: Сама Божия Матерь является игуменией монастыря. И выбрали только наместника.

Ивирон

Иверская обитель спасена Божией Матерью в Средневековье явным образом. Персидское войско под командованием Амиры, на пятнадцати кораблях, пристало к берегу. Иноки, захвативши, сколько успели, утвари и сосудов церковных, укрылись в наиболее крепкой башне. Враги грабили обитель, хотели обрушить столпы храма, но не успели в тот день и вернулись на корабли. Надо ли говорить, что иноки усердно молились Своей Заступнице. Была тихая погода, ничто не предвещало бури, и вдруг она поднялась, да такая, что суда разметало и потопило. Амира уцелел, но уцелел именно для того, чтобы показать необоримость веры христианской. Оплакав своих воинов, посыпав голову пеплом, на коленях просил иноков принять его в обитель и принес огромный вклад драгоценностей, на который были возведены крепкие стены обители.

Монастырь Ивирон

Ватопед

Разбойники тайно подошли к Ватопеду с вечера и укрылись в кустах. Но Божия Матерь не попустила им разграбить обитель. Настоятель услышал голос, исходящий от иконы Божией Матери: «Не отверзайте сего дня врат обители, но взойдите на стены и прогоните разбойников». Пораженный таким чудом настоятель собрал братию, пересказал им слова Небесной Заступницы. Монахи пришли к иконе и, к изумлению, своему, увидели, что очертание иконы стало другим. Тогда же они вооружились и поднялись на стены. Разбойники, видя, что они изобличены, отступили.

Зограф

Вблизи Зографского монастыря уединенно жил старец. «Радуйся», — говорил он, обращась к иконе Богородицы. «Радуйся и ты, старец Божий», — услышал он. Старец затрепетал и принял повеление идти в монастырь сказать, что враги Христа скоро нападут на Зограф. «Кто слаб в духе, пусть скрывается, пока пройдет искушение, но желающие страдальческих венцов пусть остаются. Поспеши же». Едва старец вступил в монастырские ворота, как увидел, что его келейная икона, пред которою он молился и от которой слышал голос, уже над вратами.

Монастырь Зограф. Афон

Врагами обители были на сей раз не разбойники, чающие грабежа и добычи, а ловцы душ, посланники Ватикана. Они убеждали, что у них добрые намерения, вот только одно надо, чтобы на Афоне признали папу римского главой церкви. В награду Афон получит груды золота. «У нас, — отвечали иноки, — Глава Церкви — Христос». «Так умирайте же!» — завопили латиняне, обложили стены башни, в которой укрылись иноки, хворостом и зажгли.

Предали в руки Господа свои чистые души иноки Зографа. А икона Божией Матери вскоре была открыта в пепле пожарища неповрежденной.

Карея

Особенно чтима на Афоне икона Божией Матери «Достойно есть». Ведь именно на Афоне был услышан и записан рукой самого архангела Гавриила полный текст этой молитвы.

Недалеко от центра Афона, от Кареи, в небольшой келлии жил старец. Он пошел к службе, а ученик-послушник остался и творил, по благословению, келейную молитву. Среди ночи к нему постучался незнакомый благообразный инок, и они стали вместе молиться. Оканчивая канон, послушник, по обычаю, читал молитву: «Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слово рождшую, Сущую Богородицу Тя величаем». Но дивный гость поправил послушника и пропел молитву с иным началом: «Достойно есть, яко воистину блажити Тя, Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную и Матерь Бога нашего».

Послушник был растроган до слез и просил пришельца записать новую для него молитву. Но даже чернил и бумаги не оказалось в келье. Тогда гость попросил каменную плиту и начертал на ней своим перстом всю Богородичную песнь.

— Отныне навсегда пойте так и вы, и все православные христиане, — сказал небесный гость.

Инок узрел полное сходство гостя с архангелом Гавриилом, хотел еще что-то сказать ему, но тот стал невидим. Доска с начертанными словами молитвы была показана собору старцев Святой Горы. С тех пор ангельская песнь «Достойно есть» вошла в общецерковное употребление.

Благоговеть перед тайной

Гора Афон. Вид с внутреннего двора скита Продром

Монашеская жизнь — тайна. Мы, люди обычной жизни, видим монахов в церкви, на послушаниях, в трапезной. Вот, пожалуй, и все. И никому не дано проникнуть в мир монашеской души. Более того, неохотно монахи рассказывают не только о себе, но и о своей обители. Поучительна история монаха Афона Нила Мироточивого. По его молитвам

происходили исцеления больных, вразумления заблудших. Исцеленные и их знакомые создавали вокруг имени Нила легенды. Но он всегда уходил от мирской славы. По его земной кончине его мощи стали обильно мироточить, и люди, естественно, потянулись за лекарством для души и тела. Мироточение было обильным, и наплыв желающих получить миро становился все более многочисленным. Тогда ученик преподобного сказал своему учителю: «Я знаю, как ты бегал от мирской славы, но вот она тебя настигла». И что же? Мироточение прекратилось. Это очень краткий пересказ жития преподобного, но сказанного достаточно, чтобы увидеть, насколько монахи не дорожат публичностью, более того, настоятельно избегают известности. Например, не хотят фотографироваться. Они ушли из мира и не хотят возвращаться в него даже своим изображением. Именно афонцам хочется, чтобы флагманский корабль монашества шел по морю современности необремененным мирской, отягчающей славой.

Пишущие об Афоне сходятся во мнении, что нет точной даты заселения полуострова. Гора упоминается даже в «Илиаде» Гомера. В первые века Новозаветного времени, после того, как сюда ступила Божия Матерь, здесь селились монахи-одиночки, отшельники, пещеры которых обнаруживали в последующие времена, изумляясь их многочисленности. Несомненно, тут были и палестинские, и синайские, и египетские молитвенники, ученики великих Антония, Павла, Макария, других духоносных старцев первых веков.

Добавим, что нашествия диких язычников, самоуверенных мусульман, образованных папистов уничтожили многие документы афонской древности, и только с десятого века есть письменные источники, отчего одни говорят, что начало монашеской жизни на Афоне началось лишь со времен Константина Великого. Известно, что храм Успения Пресвятой Богородицы в Карее отстроен при Константине Великом, а разрушен при Юлиане Отступнике. Это четвертый век. А вновь возведен при императоре Никифоре Фоке уже в десятом веке. Несомненен и факт свержения идола с самой высокой горы еще в первом веке. На этом месте стоит храм Преображения Господня. Служат в нем раз в год, ибо он труднодосягаем. Это Фаворская гора Афона. Иногда, в ясный день, вершина ее предстает как драгоценный камень в оправе гранитных гор. Сияет в солнечную погоду и скрывается туманом в ненастье. А иногда бывает такое чудо — храм плывет выше туч, отделясь от земли, и стоит как будто на воздухе, как невесомый. Зрелище, восторгающее душу к горним пределам.

«Достойно Есть». Икона афонского письма. XIX в.

Афон — это навсегда. Не видел его — тянешься к нему. Увидел — никогда не забудешь. Двенадцатилетним отроком тайно пришел сюда один из самых почитаемых в Греции духовников, будущий старец Порфирий (Байрактарис), пробыл тут семь лет в скиту Кавсокаливит, а потом… шестьдесят девять лет пробыл вдали от Афона, служил священником в больнице Афин, уходил в уединение, организовал женский монастырь Преображения Господня, в котором был наставником, и за несколько месяцев до кончины, предчувствуя ее, вернулся на Афон. Это было совсем недавно (1991). Старца Порфирия мы вспомнили, чтобы примером его жизни показать неодолимую тягу к Святой Горе. И еще вспомнить наставления старца: «Кто молится лишь о себе, совершает большую ошибку». Сказано это в первую очередь об афонской молитве.

Часть государства, но особая

Афон — сердце и душа Православия. Вместе с тем это часть Греческого государства.

Часть совершенно особая. Статус Святой Горы закреплен в Конституции Греции в статьях 109—112. Сделаем выписки, показывающие эту особость:

«Афонский полуостров… является в соответствии со своим древним привилигированным положением самоуправляющейся частью Греческого государства, суверенитет которого над ним остается неприкосновенным.

…Все монашествующие на ней приобретают греческое гражданство без каких-либо формальностей, как только они принимаются в число монахов или послушников. Святая Гора в соответствии со своим установленным порядком управляется двадцатью ее Священными монастырями, между которыми поделен весь Афонский полуостров, и ее земля не подлежит отчуждению. Управление осуществляется представителями Священных монастырей, составляющими Священный Кинот. Категорически запрещается какое бы то ни было изменение системы управления или количества монастырей Святой Горы, их иерархического строя и их взаимоотношений с зависящими от них учреждениями. На ее территории запрещается пребывание иноверцев или раскольников». По Конституции государство берет на себя «исключительное право поддержания общественного порядка и безопасности» на Святой Горе».

И вот, когда видишь в сегодняшнем мире постоянные нападки на Афон, особенно со стороны демократических женских движений, как будто для них не указ слова Божией Матери, или со стороны бизнесменов, которые видят только мрамор Афона да его живописные берега и чистейшее, омывающее их море, то диву даешься. Видимо, и Конституция государства не для них писана. Демонстрации эмансипированных женщин-суфражисток часто происходят на причале Уранополиса — греческого города, откуда уходят и куда приходят монашеские корабли. Вспоминается, как такие демонстрации встречали монахов, сопровождавших святые мощи всехвального первозванного апостола Андрея, мощи святого великомученика и целителя Пантелеимона и мощи святой равноапостольной Марии Магдалины. А часто и без всякого повода неистовые ревнительницы женского равноправия выходят на причал, чтобы в очередной раз покричать о том, что нет на Афоне демократии. Какая несправедливость!

Уранополис. Халкидики, Греция. С местной пристани паломники отправляются на Афон

А у бизнесменов есть выражение: снимать доходы. С перепродаж и продаж, с

жилплощади, с рынка… Стоя на палубе теплохода, огибающего полуостров, один такой предприниматель все ахал, все изумлялся красотам Афона и восклицал: «Да тут с каждого километра можно в сезон по миллиону долларов снимать!» Когда же ему пытались втолковать особость и единственность Афона и его неподчиненность светским законам, он это никак не мог понять.

— Пусть и молятся, — упирался он, — кто им помешает? Молятся, в нашу сторону пусть не глядят. Места хватит. Им же и доходы будем отстегивать. Когда кто и с курорта к ним заглянет, свечку купит. Да они ж еще и мрамором могли бы торговать. На золоте сидят и не понимают своего счастья.

О мраморе этот бизнесмен точно заметил — весь Афон стоит на мраморном основании как на драгоценном пьедестале. Еще и в этом мы читаем Божий промысл — предоставить место для чистой молитвы совершенно особое, единственное. Но это может понять только верующий человек. Чаще мы сталкиваемся с почти полным, безнадежно глухим отрицанием монашеской республики. Это, к сожалению, есть и в Греции, и за ее пределами.

Вот, к примеру, в Греции были Олимпийские Игры. Ведь и сама Греция — родоначальница этих Игр. Но какие же нападения испытала тогда Святая Гора! На нее рвались и бегуны, и прыгуны обоих полов. Пресса визжала, цитируя апостола Павла, что нет для Господа ни эллина, ни иудея, ни мужеска, ни женска пола. Европарламент выделял изрядную сумму тем монастырям, кои согласятся принять у себя женщин-паломниц. «Это, — сказали афонцы, — дьявольская уловка». Устоял Афон и перед олимпийцами и, даст Бог, устоит пред любыми нашествиями соблазнов сего века и будущего.

Будем надеяться, что наш посильный труд послужит просвещению заблудших и закосневших в одностороннем, только материальном истолковании мира. По дьявольскому наущению внедряются в умы людей мысли, что бытие определяет сознание, что базисом жизни — материальный мир, а надстройкой (слово нашли) — духовность. Тут все поставлено с ног на голову. Вначале же было Слово, Дух Святый, потом материальный, вначале допотопный, мир. Тело каждого человека пришло из земли и уйдет в землю, а душа будет продолжать жить. Как? Ликовать с ангелами или мучиться во аде, это зависит от наших дел в продолжение краткого нашего пребывания на земле.

Именно служить спасению души уходили и уходят на Афон православные люди.

Пейзаж сотворения мира

Подумать, столько копий ломается из-за совершенно крохотного участка земли. Если бы через полуостров протянуть дорогу, о которой тоже кричат неистовые поборники уничтожения монашества, то по этой дороге можно было б проскочить весь Афон за двадцать минут. Шестьдесят километров его длина. А в ширину всего ничего — от семи до девятнадцати километров. Полуостров Айон-Орос, как он значится на картах, возвышается из вод Эгейского моря с северо-запада на юго-восток. Вначале он более равнинный, затем всхолмливается, переходит в горную цепь и оканчивается значительным возвышением, возносимым к восходу солнца. Высота главной горы Афона, горы Преображения, свыше двух тысяч метров.

Склоны гор, долины, прибрежные земли необычайно богаты растительностью. Это сплошной ботанический сад. Это рай, и не меньше. В любое время года. Весной ошеломляющий, осязаемо плотный запах цветущих трав и кустарников. Розоватятся на рассвете и закате расцветающие деревья, кисейно белеют вишни в свой краткий двухнедельный срок, и как долго помнятся потом. Заявляют о себе и маслины, напоминая о Елеонской масличной горе, а как радостно раскрываются навстречу теплу груши, черешни, виноградники. Легко воспаряет над землей розовая пена цветущего миндаля, соперничает с белизной облаков цветущая яблоня, подолгу стоят над пространством красные свечки каштанов, беззаботно раскидывают свои широченные ветви крепкие платаны, а черешни уже показывают свои скороспелые плоды. Скромно цветет орех. Орехи, конечно, грецкие, учитывая место их нахождения. И вспоминается добрая, исцеляющая, шутка монаха Амвросия Оптинского: «Грех как грецкий орех — расколоть легко, выковырять трудно».

Монастырь Дионисиат. Афон

Но спелые орехи — это осень. Осень здесь такая долгая, что, кажется, никогда не придут холода, все время будет это золотое состояние торжества природы, эти крепкие дубовые листья, которые одновременно уже и под ногами и еще на ветвях, эти костры красно-оранжевых кленов, и наш родной русский шиповник, только плоды его сочнее и крупнее. Все такое полное, пришедшее в меру торжества созревания, что только и думаешь: «Господи, за что нам такое?»

Свято-Пантелеимонов монастырь. Афон

Наш Свято-Пантелеимонов монастырь — на юго-западной части острова, поэтому солнце приходит к нам после обеда и царствует до вечерних звезд. Море прямо-таки пылает на закате. А ночью, при полной луне, оно совсем золотое. Случаются и пасмурные дни, особенно зимой. Но, по русским понятиям, какая же это зима: выпал ночью снег, а к обеду и нет его, а к вечеру и вовсе тепло. Тем более, как ни облетают лиственные деревья и лиственницы, Афон всегда зеленый, цвета жизни, здесь много хвойных пород: ели, сосны, туи, много вересковых зарослей.

Но до красот ли монахам?

Летом жарко. Но все равно хорошо. Всегда найдется тенистое место, всегда утолит жажду вода из чистого, текущего из мраморных недр ручейка. Но нигде в монашеских трудах и рассказах нет описания красот Афона, любования ими. До красот ли монаху, когда он занят ежеминутно? Молитвы, послушания, снова молитвы, снова труды. Иногда очень тяжелые: строительство, погрузка, разгрузка, копание земли, работа на огородах и в садах, приготовление пищи, заготовка продуктов на зиму, — всего не перечесть. Но главный труд, это, конечно, молитва. Непрерывная — и совместная, и уединенная. И вот этой молитвы не увидишь, если сам не молишься. Идешь по тропинке — впереди мелькнул человек, идущий навстречу. Подходишь, а там нет никого. Спрятался, уклонился от встречи, чтобы не прерывать молитвенное состояние. Это состояние иногда улавливаешь в ночную, утреннюю или вечернюю пору в храме и понимаешь, насколько оно сильно. Молитвы те же, что слышал в обычных церквях, но как-то звучат они иначе. Серьезнее, неспешнее, проникновеннее. И монастырское монашеское пение тоже неповторимо, оно какое-то особое, единоустное, спокойное в своей всепобеждающей силе.

День смерти — это день рождения

Есть ли в нынешнее время святые на Афоне — вот вопрос всем побывавшим на Святой Горе. Лично я уверен, что есть. Хотя сам их не видел. А может, видел, но, по грехам своим и недостоинству, не понял, кто предо мною.

Но почему я так заявляю? Потому, что видел здесь и осознал главное в нашем мире — отношение к смерти. Мы ее боимся, а здесь день смерти — это день рождения в жизнь вечную. И понять без этого вразумления Афон невозможно. Вот попробуйте не бояться смерти. А здесь этот страх отступает. Смерть страшит привязанных к земному, а здесь никто не озабочен земным. Здесь все ничто: деньги, успех, известность, сила физическая, власть, даже и времени настоящего здесь нет. Как? И времени?

Да, и времени. Ведь время дано нам в наказание за первое грехопадение. Времени не было, и нет его у Бога. У Него все враз: настоящее, прошлое и будущее. А у нас и настоящего нет. Было утро, и нет его, вечер приближается.

А что такое афонская полночь? Это закат, это погружение солнца в глубины горизонта, это начало новых суток. Но и это не время, это сигнал колокольчику звать на молитву. Переливистый звук летит по коридорам, вскоре трель колокольчика подхватывает колокол на колокольне, но вот уже и колокольчик и колокол в прошлом, а в будущем то, что возглашается, поется и читается. И это летит в пропасть времени, а вечность все пред нами.

Монахи Афона постоянно устремлены в вечность.

Г.А. Косяков. Русский собор Руссик на Афоне. Акварель. 1911

Патриаршие, ставропигиальные

Афоном за долгие годы его вековечного стояния руководили и византийские императоры, и турецкие султаны, и константинопольские патриархи. Это внешне. Внутренне же Афон всегда жил своими преданиями, обычаями, традициями. Они были или закреплены в монастырских уставах или передавались изустно. Власти противились этому, но и монахи были непреклонны. Попробовали турки в 1860 году установить законодательство для Афона — не получилось. И следующие попытки провалились. Не хотело монашеское сообщество жить по светским указам. И добилось своего. В 1911 году афонские старцы определили «Главные канонизмы Святой Горы». Турецкое правительство не утвердило их, и, как будто в наказание за это, через год Афон стал греческим, а вскоре получил международное признание. Каждый год 10 мая вспоминается, как в этот день в 1924 году была принята «Уставная хартия Святой Горы Афонской», иначе известная как «Новый канонизм» или просто Устав. Устав этот, его 188

статей, утвержден правительством Греции и является основным документом Афона.

В нем названы в определенном порядке двадцать Священных Царских Патриарших ставропигиальных монастырей. Вот этот порядок, который сложился с давних пор:

ВЕЛИКАЯ ЛАВРА, во имя преподобного Афанасия Афонского.

ВАТОПЕД, в честь Благовещения Пресвятой Богородицы.

ИВЕРСКИЙ монастырь (Ивирон), в честь Успения Богородицы.

ХИЛАНДАР (Хилендарь), в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы.

ДИОНИСИАТ (Преподобного Дионисия), в честь Рождества Святаго Иоанна Предтечи.

КУТЛУМУШ, в честь Преображения Господня.

ПАНТОКРАТОР, в честь Преображения Господня.

КСИРОПОТАМ, в честь сорока севастийских мучеников.

ЗОГРАФ («Живописец»), в честь великомученика Георгия Победоносца.

ДОХИАР, во имя святых Архангелов.

КАРАКАЛ, во имя апостолов Петра и Павла.

ФИЛОФЕЙ, в честь Благовещения Пресвятой Богородицы.

СИМОНОПЕТРА, в честь Рождества Христова.

СВЯТОГО ПАВЛА, в честь Сретения Господня.

СТАВРОНИКИТА, во имя святого чудотворца Николая.

КСЕНОФОНТ, во имя святого великомученика Георгия Победоносца.

ГРИГОРИАТ, во имя святого чудотворца Николая.

ЭСФИГМЕН, в честь Вознесения Христова.

РУССКИЙ ПАНТЕЛЕИМОНОВ («Россикон, Руссик»), в честь святого великомученика Пантелеимона.

КАСТАМОНИТ («Среди каштанов»), во имя святого первомученика Стефана.

Только эти двадцать монастырей имеют право собственности. Остальные: скиты, келлии, каливы, исихастирии — являются собственностью какого-либо монастыря. Впервые посещающие Афон изумляются величественностью скитов, часто превосходящих размерами постройки монастырей. Например, Андреевский, доныне поражающий своею мощью и какой-то основательностью, стоящий как крепость духа.

Святой Петр

Первым афонским святым, образ которого дошел до нас, считается преподобный Петр Афонский. В трапезной монастыря Хиландар — его изображение. Это совсем исхудавший старец с длиннейшими седыми волосами, высоким лбом, с пронзительным взглядом. Время его подвигов — первая половина девятого века.

Известно, что он из Византии. Имевший склонность к монашеской жизни, он не раз собирался уйти в монастырь. Но его не отпускали с царской службы. Широко образованный, смелый, он заслуженно достиг звания полководца. Во многих походах удача была на его стороне, но однажды, в тогдашней огромной Сирии, на границе Вавилона и Финикии, он потерпел поражение от варваров и был пленен. Его заточили в аравийскую крепость на берегу Евфрата. Тогда-то, оплакивая свою участь, он и вспомнил о своих обещаниях Богу стать монахом. Он молился любимому своему святому, святителю Николаю, архиепископу Мир Ликийских, и был им спасен. Также в Житии Петра Афонского говорится и об участии в его судьбе святого Симеона Богоприимца.

Святой Петр прославился даром чудотворений в Риме, был обласкан вниманием папы римского. Но бежал от славы человеческой, сел по наитию в корабль, идущий на восток, и предал себя воле Божией. Именно у Афона, несмотря на попутный ветер, корабль остановился, будто сел на мель. Нет, место было глубокое. «Чада моя, — спросил святой Петр у корабельщиков, — как называется эта гора?» Узнав, что это Афон, святой понял, что это то место, которое называл ему святитель Николай. «Высадите меня, — сказал Петр корабельщикам, — иначе вы не сдвинетесь с места». Его не хотели отпускать, но вмешательство Божие было совершенно явно, и они перевезли Петра на пустынный берег. Изгнавши молитвой диких животных и гадов из пещеры, святой обосновался на Афоне. И жил

здесь оставшиеся ему пятьдесят три года. Как жил, чем питался? Житие говорит: «Телесная пища ему и на мысль не приходила. День и ночь возсылал он свои молитвы и благодарения Богу».

Множество нападений от демонов выдержал святой, но заступничеством Божией Матери не потерпел от них вреда.

Рембрандт. Симеон Богоприимец в храме. 1627—1628 гг.

По истечении долгого времени исполнились евангельские слова о том, что не может светильник остаться незамеченным. Господь открыл святого людям. Один охотник устремился за ланью, и она привела его к пещере святого. Охотник понял, что видит святого и со слезами молил исцелить его брата, одержимого нечистым духом. Петр запретил охотнику говорить кому-либо о нем, а больного брата просил привести к нему на следующий год. Охотник выполнил благословение. Спустя указанное время он пришел с братом к святому. Но уже не застал его в живых. Они увидели только мощи святого. Охотник безутешно рыдал, но чудо свершилось тут же. Лишь только братья приблизились к телу святого Петра, как демоны с горестными криками вышли из тела больного брата. Они вышли из уст в виде черноватого дыма, а мощи святого заблистали неземным сиянием. С великим благоговением охотники принесли цельбоносные мощи на корабль и хотели везти их с собою. Но против Климентовой пристани корабль остановился. Такова была воля Божия — наградить Климентовскую обитель, создаваемую в то время, святыми мощами Петра Афонского.

Созидаются обители

Как раз к девятому веку относится узаконивание владений монастырей. Доселе афониты благодарны преподобному Евфимию Новому и преподобному Иоанну Колову. Они отстаивали независимость Афона перед светскими властями. Преподобный Евфимий принял постриг на горе Олимп, жил в Фессалонике, но главное дело его жизни — Афон. Он нашел на Афоне большое количество монахов, но не монастырей. Монахи жили разрозненно, отшельнически и были беспомощны при нашествиях властей или просто грабителей. Вместе с преподобным Евфимием на Афоне подвизался преподобный Иоанн Колов. Он создал монастырь прямо на перешейке полуострова. Удобное место, плодородные земли притягивали в монастырь насельников. Афонские монахи добились через константинопольского императора передать обитель Святого Иоанна Колова в собственность тогда же создающемуся Иверскому монастырю.

Древнейший дошедший до нас императорский указ (хрисовул) об Афоне был издан в 883 году. По нему монахи освобождались от уплаты налогов на занимаемую ими землю, а не монахам запрещалось пасти скот на владениях монастырей. Но окончательное обозначение монашеских владений произошло в 942 году по указу императора Романа I. Он обозначил границу земель Афона по самому узкому месту полуострова, как раз у его начала, «от моря до моря». Более того, монахам приносились пожертвования, подобные тем, что получали уже существовавшие тогда монастыри в других местах империи. Можно сказать, шефствовал над Афоном константинопольский монастырь Мирелейон. Но и государственная казна свершала существенные выплаты. Деньгам был строгий учет, шли они в основном на строительство церковных зданий. Кормились же монахи от своих трудов.

Йоос де Момпер. Монахи-отшельники в пещерном скиту. XVII в.

Кафоликон Великой Лавры. Афон

Созидались обители, шла монашеская молитвенная жизнь. Но старцы понимали, что нужен центральный орган управления Афоном. Он необходим, чтобы решать различные хозяйственные вопросы: земельные, строительные, продовольственные, имущественные, транспортные, а главное, чтобы выработать единство богослужений, образ жизни. Из числа старцев выбирался руководитель — прот. С самого начала (середина десятого века) он помещался в Лавре, там, где доныне административный центр управления Афоном, Карея. Общее монашеское собрание — Протат — было высшей властью. Синаксис, так называлось это собрание, собиралось раз в год. Остальное время республикой руководил прот и совет игуменов при нем. Прот обладал решающей властью, занимался земельными владениями, к нему являлись новоприбывшие, он определял их судьбу, назначал хозяев келлий. Судебная власть на Афоне также принадлежала проту. Он утверждал избранных настоятелей, вручал игуменский посох.

Проту приходилось бывать в Константинополе для решения возникавших вопросов. Но высшей инстанцией для афонского главы был даже не Патриарх Константинопольский, а сам император.

На Афоне три раза в год происходили общие торжества — совместная молитва на великие праздники: Пасха, Рождество Христово и Успение Божией Матери.

Кроме совместной молитвы и общей трапезы в эти дни обсуждались накопленные вопросы.

К десятому веку относится созидание Великой Лавры Афона, свершенное преподобным Афанасием Афонским. Средства на строительство святой Афанасий получил от видного военачальника Никифора. Соборный храм Лавры в честь Благовещения Пресвятой Богородицы был освящен в 963 году. И именно в этот год военачальник Никифор стал императором Византии Никифором II Фокой.

Лавра преподобного Афанасия получила статут (звание) императорского монастыря. Для монахов Великой Лавры, а значит, и для всего Афона, преподобный Афанасий создал Устав (типикон) и «Завещание». Эти работы стали основой существования общежительных монастырей.

Святой Афанасий

Достойно рассказа жизнеописание святого Афанасия. Афонский патерик так начинает повествование его жития:

«Этого небесного человека, земного ангела, бессмертных похвал достойного мужа, в смертную жизнь ввел великий город Трапезунд, в науках возрастил Константинополь, а представили в нем жертву Богу Кимин и Афон». Тут перечислены места жизни святого. Отец его умер еще до рождения Афанасия, мать также, едва успеть вскормить его, отошла в вечность. Сироткой возрастал Авраамий, таково было его имя при крещении. Его воспитывала монахиня, подруга матери. В детских играх друзья его избирали не начальником, не царем, не атаманом, как это делают дети, выделяя из своей среды достойнейшего, а игуменом. Следует заметить, что многие его друзья детства и отрочества впоследствии стали иноками. Сиротство Авраамия умножилось: в семь лет отроду он потерял и свою приемную матерь. Но Божие смотрение за ним продолжалось, — Авраамия заметил и привез в Византию таможенный чиновник императора. Обучаясь там светским наукам, Авраамий образовывал себя и нравственно — уже молитва была неразлучна с ним. Даровитого юношу ввел в свой дом военачальник императора.

Авраамий жил очень скромно, постнически. Яства, которые посылали ему, он менял на простой ячменный хлеб, да и тот вкушал через два дня. Он и спал-то, сидя на стуле. И одежды, ему даримые, отдавал нищим, имел только верхнее платье, скрывая им свою наготу. Далее враг нашего спасения воздвигает на Авраамия злобу и корысть человеческую. А произошло так: царь приблизил к себе Авраамия, возвел на кафедру, сделал его равным учителю его, Афанасию, а тот, по слабости, возревновал, потому что к его ученику пошли толпы людей, желающих наставления в житейской мудрости.

Авраамий, не желая быть причиной раздоров, просил военачальника, в доме которого жил, взять его в поход. Тот как раз, по повелению императора, отправлялся на острова Эгейского моря. Вот тогда-то, с вершины острова Лемнос, святой Афанасий увидел Афонскую гору. Она просто притянула его к себе, и он положил в свое сердце намерение поселиться здесь.

Святой Афанасий Афонский. Настенная роспись

Преподобный Афанасий Афонский. Фреска работы Мануила Панселина. Византия. XIV в. Взято с сайта www.ruicon.ru.

Далее следуют годы проживания в малоазийском монастыре Кимин у святого Михаила Малеина, который и свершает пострижение Авраамия в Афанасия. Здесь-то и состоялось знакомство воеводы Востока Никифора со святым Афанасием. Михаил Малеин, будучи в преклонном возрасте, хотел видеть Афанасия своим преемником, но святой Афанасий в прямом смысле сбежал на Афон, который влек его с той поры, когда он его увидел издали. А теперь ступил на его землю. Подвиги монахов-пустынножителей восхищали душу от земли к небесному. Тогда афонцы не имели жилищ, сплетали себе из ветвей деревьев защиту от солнечных лучей, от холода, употребляли в пищу лишь травы, орехи, каштаны и овощи и непрестанно молились. Святой Афанасий поселился средь них, радуясь и благодаря Бога за дарованное счастье спасения души.

Между тем военачальник Никифор искал Афанасия, и нашел его с помощью брата Льва, тоже военачальника. Никифор просил Афанасия вернуться в Кимин, но Афанасий уже всем сердцем прикипел к Святой Горе Афонской и не желал ее покидать. Тем более и братия Афонская нашла в нем мудрого старца, которому несла свои горести и сомнения. Слава о монахе-прозорливце росла. Далее в Житии рассказ о благодеяниях Никифора Афанасию и Афону, о строительстве Лавры. Конечно, по молитвам святого Афанасия Никифор становится императором Византии.

Главное событие игуменства святого Афанасия — это, несомненно, явление ему Божией Матери. Именно от этого явления произошла традиция не ставить в монастырях экономов, а только подэкономов. Ибо Сама Матерь Божия изрекла: «Я навсегда остаюсь домостроительницею, экономиссою, твоей Лавры».

В Житии святого Афанасия описываются многочисленные нападения на него духов

злобы, то явно являющих свою ненависть, то подучающих иноков ополчаться на игумена. Во вразумление врага человеческого явилось ему однажды знамение — вся Гора Афонская полна иноков православных. Но от того еще более злобствовал нечистый. Превращал воду в обителях негодной для питья, но святой Афанасий своими молитвами соделывал ее пресной. Святой восстанавливал болящих братий, благословлял выращивание овощей и фруктов. Более же всего исцелял страсти и немощи душевные.

Кончина земная преподобного сразу прославилась исцелением от святых мощей его. Тело святого Афанасия даже по прошествии трех дней со времени кончины источало свежую кровь. Лицо усопшего было белым как снег, благоухало.

И после преселения в небесные обители святой Афанасий подавал и подает чудеса исцелений «всем, с верою к нему притекающим».

Каппадокия, родина святого Афанасия Афонского

В «Завещании» святой Афанасий наставляет братию жить в любви и согласии, заповедует поставлять в игумены Лавры не кого-то «отъинуду, а из живущих в ней братий, отличающихся благоразумием и добродетелью». Афанасий просит поминать благодетелей Лавры, императоров Никифора Фоку, Иоанна Цимисхия и Василия Багрянородного. Замечательно, что они, столь непохожие друг на друга образом и мыслей и действий, относились к Лавре преподобного одинаково хорошо. Таков был его авторитет и таково было уже в то время значение Афона.

Преподобный трогательно перечисляет монахов, называет всех, обо всех находит добрые слова, оставляет после себя блюстителем (епитропом) монаха Иоанна.

Свидетель жизни преподобного — кипарис, посаженный, по преданию, самим Афанасием.

Отец русского иночества

Для святых нет расхождения в веках. Преподобного Сергия Радонежского, преподобного

Серафима Саровского мы воспринимаем вне привязки к какому-то временному отрезку истории. Они и в вечности живут рядышком. И рядышком с ними и отец русского иночества преподобный Антоний Киево-Печерский. Из далекого для нас, а для Афона просто вчерашнего, десятого века сияет нам образ святого Антония.

Вообще нет необходимости подробно излагать жизнеописания святых. Сегодня издается много святоотеческой литературы. Вновь выходят «Жития святых» святителя Димитрия Ростовского, книги о русских монастырях, сегодня нам важен факт связи того или иного святого с Афоном.

В десятом веке слава об Афоне была повсеместна. К преподобному Афанасию притекали отовсюду: из Рима, Македонии, Италии, Грузии, Армении и, конечно, Болгарии и России. Почему «конечно»? Потому что Афон для славян был, как тогда выражались, «разсадником иночества и благочестия». К одиннадцатому веку были монастыри — болгарский Зограф и русский Ксилургу.

Слух о святой жизни монахов Эгейского моря дошел и до града Любеча, что близ Чернигова, и коснулся сознания юноши по имени Антипа. В его младенческих годах свет Христов пришел на Русскую землю. Начиналось на Руси и «поучение книжное». Кто бы мог предугадать, что юный отрок вырастет в великого старца, наставника монахов, духовного отца киевских князей, особенно боголюбивого князя Изяслава.

Преподобные Антоний, Макарий и Феодосий. Икона работы И. Е. Репина

Монастырь Эсфигмен. Афон

С отрочества Антипа стремился к тишине и спасению души. И вознамерился обрести это на Афоне. Он обошел все места поселения монахов на Святой Горе, воспламенился желанием остаться здесь и просил постричь его в иноческий образ. Его, по преданию, постриг игумен Эсфигмена Феоктист и нарек Антипе имя Антоний. Немалое время пробыл Антоний, мужая в молитвенных подвигах, но вот игумен призвал его и возложил послушание — идти в Россию, дабы и там послужить Богу. Известно, какие трудные времена были тогда в Святой Руси. На берегах Днепра Антоний отыскал место, похожее на склоны Афона, занял варяжскую пещеру, которая отныне стала убежищем молитвы, а не вертепом разбойников и не кладовой для награбленного.

Летописи (преподобный Нестор) не сообщают, где встретил святой Антоний братоубийственную смуту, в которой погибли первые русские святые Борис и Глеб, но мы знаем, что нестроения, наступившие после кончины великого князя Владимира, вынудили Антония вновь удалиться на Святую Гору. И вновь прошло немало лет. И вновь откровением свыше он был возвращен в Киев. В этот раз он водворился в пещеру, в дремучий лес у селения Берестово, куда Божиим смотрением собрались к нему русские молитвенники, многие из которых становились иноками.

При их пострижении всегда говорил: «Бог вас собрал, братие, а я вас постригаю по благословению Святой Горы, которым я и сам пострижен от ея игумена».

Копая новую пещеру или закладывая новый храм, святой всегда восклицал: «Да будет на сем месте благословение Святой Афонской и молитва моего отца, меня постригшего. Благослови, Господи, мое вселение здесь!»

Скажем словами Святогорца: «С киевских гор, как светильник с высокого свешника, преподобный Антоний разливал во все стороны земли Русской немерцающий свет святой иноческой жизни».

Отошел преподобный в вечность в 1073 году. Память его ежегодно празднуется на Афоне, особенно в монастыре Эсфигмен. Над пещерою, в которой он, по преданию, отшельнически

подвизался, воздвигнута церковь его имени.

Монастыри-братья

В семидесятых годах десятого века основан монастырь Ватопед. Пожар уничтожил свидетельства его раннего периода, но факт созидания достоверен. Немного позже или одновременно основаны тогда же греческие монастыри Ксиропотам, Зограф, славянская обитель Фессалоникийца с главным храмом во имя Святого великомученика Пантелеимона. Далее следуют монастыри Преподобного Павла Ксиропотамского, а на рубеже десятого и одиннадцатого веков создаются монастыри Преподобного Ксенофонта и монастырь Дохиар.

Одиннадцатый век еще более оживлен приходом на Афон новых насельников и, как следствие, созданием новых обителей.

Из земли и камней Афона возникают и устремляются к небесам монастыри Эсфигмен, Каракал, Кастамонит, Филофей, Симонопетра. В конце одиннадцатого или в начале двенадцатого созидается Кутлумушская обитель. Еще позднее (1347) монастырь преподобного Григория (Григориат), Пантократор (ок. 1363), и преподобного Дионисия, Дионисат, (ок. 1370). В 1541 году скит Ставроникита, образованный в одиннадцатом веке, был преобразован в монастырь.

Такое количество монастырей, большое число монахов, а в их числе было немало и тех, кто желал отшельничества, не могло не привести к накапливанию недоразумений по вопросу владения землей, зданиями. После смерти императора Никифора Фоки некоторые афонские монахи выступали против возвышения Великой Лавры, ее власти над всеми.

Император Иоанн Цимисхий, покровительствуя Афону и не желая осложнений его жизни, направил к монахам преподобного Евфимия, насельника Студийского монастыря. Вдумчивый и доброжелательный Евфимий с одобрения императора разработал первый документ монашеского сообщества, известный как «Типикон Иоанна Цимисхия» (972).

Священная купель в монастыре Ватопед. Афон

Успение Пресвятой Богородицы. Гравюра. Репродукция картины П. Рубенса. XIX в.

В просторечии Типикон назывался Трагос. Слово «трагос», в переводе с греческого, означает «козел», так как Типикон был написан на выделанной козлиной шкуре. Типикон защищал интересы и монастырей, и отшельников, и небольших групп анахоретов, келлиотов. Раз в году, на Успение Пресвятой Богородицы, назначались общие собрания, на которые выносились вопросы, не решенные внутри монастырей. Типикон воспрещал селиться в монастыре без решения прота и благословения игумена. Вновь пришедший был обязан найти духовного наставника и пройти под его водительством год послушания. Монахам запрещалось крестить детей и вообще вступать в какие-то отношения с мирянами, гостить у них, запрещалось покидать монастыри, особенно в дни святой Четыредесятницы, торговать с мирянами, перепродавать свои участки. Категорически запрещалось постригать в монахи безбородых юношей и евнухов. Виновники раздоров выгонялись неукоснительно.

Оговаривалось в Типиконе правило принимать в монастырь без ограничения представителей всех национальностей. Греки, грузины, болгары, румыны, русские, итальянцы, египтяне стекались сюда, как говорили ранее, «от всех четырех ветров». На рубеже

десятого-одиннадцатого веков на Афоне подвизалось около трех тысяч иноков.

В начале правления Константина Мономаха (1042) светским властям вновь пришлось заняться устройством афонской жизни. Дело в том, что Типикон Цимисхия не был так строг, как того хотели бы истинные подвижники. На Афоне вовсю шла торговля, несколько сот семейств пастухов — влахов даже поселилось на его территории. Особые условия для себя выговорили монастыри Ватопед, Великая Лавра, и это тоже вызывало раздоры.

Типикон Константина Мономаха не заменял Типикон Цимисхия, но дополнял и ужесточал его. Патриарх Николай III Грамматик издал указ об удалении пастухов-влахов с Афона, об изгнании со Святой Горы безбородых и евнухов. На Афоне распространились подложные грамоты и анафемы, произведенные якобы патриархом. Жалобы от некоторых иноков на патриарха достигли императора. Последовал, после разборки, приказ о безусловном подчинении Афона императору.

Это было уже при начале византийской власти Комнинов, при императоре Алексии, положившем курс на сближение церкви и престола. Монахам было приказано вернуться на Афон.

Афон расширялся и количеством монахов, и числом зданий, и укреплялся молитвенным духом. Но наступили тяжкие времена нашествия на монахов приспешников Ватикана — латинян.

Захват Константинополя

1204 год. Это год, тяжелейший для Православия. Впавший во вселенскую гордыню Ватикан начинал учить жить только по его установкам. Константинополь был захвачен, разграблен, подчинен католичеству. Византийская империя была разделена на королевства, а религиозная жизнь попала под регламентацию католиков. Святая Гора оказалась в Фессалоникийском королевстве, во власти католического титулярного Самарийско-Севастийского епископа. Тогдашнее время — разгул грабежей якобы цивилизованных крестоносцев, якобы освободителей Гроба Господня от турок. Справедливости ради надо сказать, что, когда бесчинства латинян достигли огромного размаха, когда вблизи Афона был построен разбойничий замок Франкокастро, монахов защитил папа Иннокентий III. Он в ответ на жалобу афонцев осудил в своем послании (1213) бесчинства «врагов Бога и Церкви». Более того, он гарантировал монахам сохранение тех привилегий, которые были даны византийскими императорами. Помогали Афону и тогдашние православные правители Болгарии и России.

Эжен Делакруа. Крестоносцы в Константинополе. 1840

Восстановление Византийской империи (1261) значительно облегчило участь Афона. Но ненадолго. Император Михаил Палеолог наивно рассчитывал получить выгоды от сближения с Западом. Церковная уния Лионского собора (1274) обязывала поминать императора-униата, а это не могли принять монахи — хранители благочестия.

Михаил явился на Святую Гору лично. Убеждал монахов в правильности унии. Но монахи Великой Лавры, Ватопеда, Ксенофонта, Ивериона, Зографа стояли насмерть. Предание говорит о жестокости Михаила по отношению к непокорным.

Однако сын Михаила Андроник Палеолог был противником унии, проявлял заботу о Святой Горе. Как и правители Сербии, Болгарии, Валахии. При Андронике появился статус автономных, ставропигиальных, монастырей. Это означало непосредственную подчиненность их юрисдикции Константинопольского патриарха. Такое решение императора не только не вызвало возражения на Афоне, но даже получило монашеское одобрение. Но и Андроник не уберег монастыри от нашествия теперь уже каталанских наемников, которым поверил. Наемники грабили не меньше, чем крестоносцы.

К концу тринадцатого века относится вторжение на Святую Гору папистов. В «Афонском патерике» ему уделен большой раздел. Кажется, не осталось монастыря, скита, келлии, не оскорбленных латниками латинян.

Кратко говоря: греки и болгары жили немирно, но общая беда — нападения латинян — заставила забыть распри. Соединяясь, болгары и греки освободили Фригию, захваченную Римом, а потом вновь поссорились. Болгары вторглись в греческие пределы. Палеолог просил защиты у папы. Западные государи-католики двинулись на Константинополь. По пути вошли на Святую Гору. Пощадив Лавру святого Афанасия, они грабили остальные монашеские поселения. Монахов Иверской лавры латиняне посадили на корабль, вывезли в море и

потопили. Молодых монахов, совлекши с них иноческие одежды, увезли в Рим и продали в рабство иудеям.

Монахи Ватопеда успели укрыться, но остались больные и немощные. Латиняне вопрошали их, где остальные. В ответ им было сказано: «Они укрываются, чтобы сохранить веру и не оскверниться общением с богомерзкими». Латиняне умертвили святых исповедников и ринулись искать укрывшихся монахов. Некоторых отыскали и пытали. Не добившись признания папы наместником Христа, паписты повесили иноков на месте, которое доныне называется Виселичной горой.

Перейдя на другую сторону полуострова, иноверцы ворвались в обитель святого великомученика Георгия, монастырь Зограф. Одному духоносному старцу был глас от иконы Божией Матери, предупреждавший о скором приходе богомерзких папистов. Старец поспешил в Зограф. Придя, он увидел икону над монастырскими вратами. Игумен Зографа Фома обратился к братии со словами о краткости земных мучений и о блаженстве вечной жизни со Христом.

Еретики начали с увещеваний, с уговоров: брить бороды, произносить Символ веры с добавлением католического филиокве, на проскомидии приносить пресный, а не квасной хлеб. Монахи были непреклонны, называли пришедших богоборцами и духоборцами. «Вам, окаянным, лучше бы не бороду, а язык обрезать, чтобы он не произносил хулы на Духа Святаго».

Закрывши монахов в церкви, паписты обложили ее хворостом и зажгли. И молитвы монахов восходили к небесам вместе с дымом от огня, в котором они сгорали. В «Патерике» описано, как среди пламени виделись на пирге (башне) монахи, которые, подобно вавилонским отрокам при царе Навуходоносоре, воссылали свои молитвы ко Христу, моля его спасти Церковь православную: «Ты, Господи, излиявый пречестную кровь свою ради церкви Твоея и рекий, яко врата адовы не одолеют ю, сохрани церковь Твою от волков, губящих ю».

Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах…
Фра Беато Анжелико. Христос выводит из ада души праведников. 1437—1446 гг.

По окончании молитвы был слышан голос свыше: «Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесех». Голос этот ужаснул нечестивых. Ужаснул, но не образумил. Еще долго продолжались грабежи и убийства.

В огне перешли в жизнь вечную двадцать два монаха и четыре мирянина. Память пострадавших празднуется в первое воскресение после воскресения Всех святых.

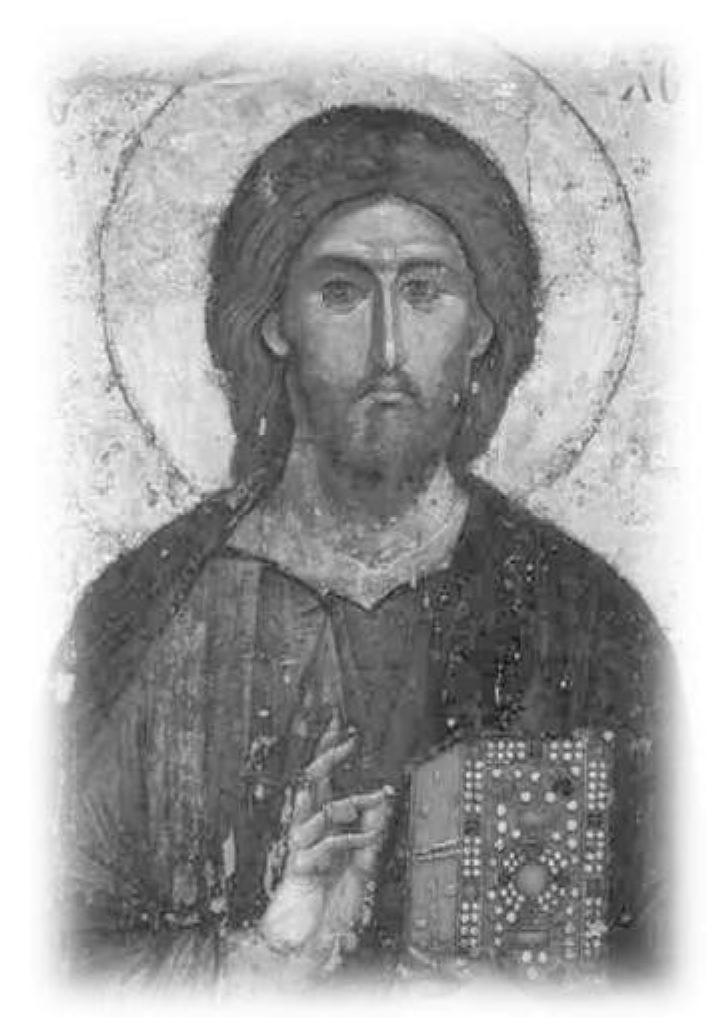
Есть православные определения впавших в гордыню. Это прелесть, это самомнение, это ревность не по разуму. Но в отношении католиков, протестантов просится очень точное русское слово: упертость. Века и века противостояния Православия и папства должны же были убедить Ватикан в бесполезности наступлений на нас. Но не вразумляются. Сбывается на них мудрое изречение: «Кого Бог хочет наказать, лишает того разума».

Дай им, Боже, вразумления. Ну никогда, ни за какие коврижки не будут афонцы облатинены.

Расцвет монашеской жизни

Века с тринадцатого по пятнадцатый благоденственны для Афона. Здесь мы сразу вспоминаем преподобного Никифора, назвавшего себя Уединенником. Вышедший из латинян, он перешел в Православие и всегда говорил о единственно возможном спасении только через веру православную. Он учитель другого вселенского учителя Православия — Григория Паламы.

К душеполезному наследию Святой Горы времен второй половины тринадцатого века относится свиток Никифора Уединенника «Слово о трезвении и хранении сердца многополезное». Оно включено в пятый том «Добротолюбия». Путь к духовному совершенству преподобный Никифор называет вниманием. И объясняет это так: «Внимание некоторые из святых называли блюдением ума, иные — хранением сердца, иные — трезвением, иные — смысленным безмолвием, а иные — еще иначе как. Но все сии наименования одно и то же значат. Как о хлебе ни говорят — укрух, ломоть, кусок, — все будет хлеб. Так и о сем разумей».

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» Христос Пантократор. Афонская икона XIII в.

Каким образом можно достигнуть такого внутреннего делания? Преподобный отвечает: «Собрав ум свой к себе, понудь его войти в сердце и там остаться». И продолжает: «Когда же ум твой утвердится в сердце, то ему там не следует оставаться праздным, но непрестанно творить молитву: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя! И никогда не умолкать. Ибо это, содержа ум немечтательным, делает Его неуловимым и неприкосновенным для прилогов вражеских и каждодневно все более и более вводит в любовь и вожделение Бога».

И далее, как итог: «Придет же к тебе, при многовожделенном и сладостном внимании, и весь лик добродетелей: любовь, радость, мир и прочие, ради коих потом всякое твое прошение исполняемо будет, о Христе Иисусе, Господе нашем, с Коим Отцу и Святому Духу слава,

держава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Два Григория

Григорий Синаит

Во времена Андроника Палеолога Григорий Синаит вместе с родителями был взят турками в плен и привезен в Лаодикию. Члены Лаодикийской общины выкупили пленных христиан. Григорий удалился на Кипр, где, по Промыслу Божию, пришел к отшельнику-монаху и обучался у него. Сделавшись искусным в монашеской жизни, Григорий сделался также и известным. Тогда он убежал от мирской славы на Синай, где приводил в изумление тамошних монахов своими молитвенными трудами: его пост, бдение, всенощные стояния превосходили всякое описание. Патриарх Константинопольский Каллист, написавший Житие святого Григория, замечает вначале, что молчать об истине значит грешить против нее, и рассказывает о святом:

«Ввечеру, получив благословение от настоятеля, входил в свою келлию и закрывал за собою дверь. Здесь коленопреклонения, псалмопения, воздеяния рук к Богу, с устремлением всего ума к Нему, продолжались до удара к утрени. Он первый приходил к дверям церкви, пришедши, уже не выходил из нее прежде окончания службы. Выходил из храма последним. Пища его состояла из ломтя хлеба и воды».

Описываются в Житии и восхождения Григория на Синай, а также и то, как посеял враг нашего спасения плевелы зависти в иноках, как Григорий тайно удалился из монастыря. Он посещает Иерусалим. Поклонясь Земле Спасителя, он отправился на Крит, причалив к берегу в том самом месте, которое из Апостольских Посланий известно названием «Хорошие пристани». И здесь Господь послал Григорию наставника, духоносного старца Арсения. Старец повел с Григорием разговор об опыте молитвы, о хранении и очищении ума, о трезвении, о возможности сделать ум световидным. Григорий, пав к ногам старца, просил научить его умному деланию и объяснить созерцание.

Старец Арсений много времени провел с Григорием. Особо предупреждал о неисчислимых способах нападений лукавого на тех, кто становится на путь умного делания. О том, что завистливые люди как раз и есть орудия нечистого.

Благословленный старцем, Григорий отплыл на Святую Гору. Обойдя ее, нашел скит Магула вблизи Филофеевской обители, а в нем трех монахов: Исаию, Корнилия и Макария. Они также упражнялись в умной молитве, пытаясь соединить ум с духом и пригвоздить его ко кресту Христову. Они сразу узрели в Григории старшего и просили о духовном их окормлении. Жизнеописатель подвигов Григория Синаита рассказывает много случаев, когда подтверждались слова апостола о том, что святой Григорий иногда не знал, где он, молясь: «аще в теле, или кроме тела» (2 Кор. 12, 2).

Священная гора Синай. Фото А. Старостина

Кроме названных трех учеников у святого были еще и еще ученики. Герасим, которого называют отсветом Герасима Иорданского. Позднее он также создает обители благочестия в Элладе, как некогда святой Герасим в Палестине. Называются его учениками славные подвигами Иосиф и Николай. Последнего патриарх Иосиф уговаривал принять архиерейский сан, но Николай удалился на Святую Гору. Марк, Иаков, Аарон, Моисей, Логгин, Исаия, Климент — это все великие молитвенники, исихасты, выросшие под отеческим водительством Григория Синаита. Но разве мог быть диавол равнодушен к такому умножению молитвы? Завистники кричали Григорию: «Не учи нас тому, чего мы не знаем», — то есть отказывались от спасения. Святой решил вернуться на Синай, чтобы там вновь быть в уединении. Но уже тогдашние агаряне захватили синайские пределы. Григорий уходит в Солунь, далее в Константинополь и Созополь, где создает сто тридцать так называемых «Трезвенных глав», учение духовного делания и созерцания. Затем вновь любимый Афон, но уже не прежнее место, а скрытое, на горе, которая так и называлась — Скрытная. Здесь он нашел покровительство болгарского царя Александра, здесь вновь умножилось число его учеников, здесь он мирно окончил свои земные дни. Учение Григория Синаита, говоря словами Псалмопевца: «во всю землю изыде и во всю вселенную сила глаголов его» (Псал. 18, 5)

Идеалом исихастов после Григория стала скитская жизнь, при которой они безмолствовали, молились и трудились уединенно, а под вечер субботы собирались для совместного богослужения, исповеди и причастия.

Герасим Иорданский со львом. Икона. XIX в.

Второй Григорий — Григорий Палама

Второй Григорий — Григорий Палама. Именно памяти о нем и его учении посвящена целая неделя Великого поста. Палама дал богословское обоснование исихастской практике. Он был сыном приближенного к императору государственного деятеля, который перед кончиной удалился от мира и принял иноческий облик с именем Константина. Конечно, у такого отца и должен был быть такой сын, как Григорий.

Император Палеолог приблизил Григория к себе, щедро награждал его, но уже с юности Григорий тянулся к святогорцам, которые были нередкими гостями императора. Дорогие одежды придворного Григорий сменил на простое платье, питался крайне скудно, даже на трапезах во дворце удовольствовался только хлебом и водой. Дивно ли, что он подвергался насмешкам и считался чуть ли не умалишенным. Император призывал Григория к себе, уговаривал принять на себя обязанности придворного, но ничто уже не могло остановить Григория на его пути. Уже и многие домашние его подражали ему. Поэтому, когда Григорий в 1317 году объявил, что движется на гору Афонскую, то многие пошли с ним, и с ним вселились в обитель Ватопедскую.

Житие преподобного Григория Паламы повествует о том, что ему в его трудах всегда сопутствовал святой Иоанн Богослов. Оттого, что Григорий всегда взывал к нему и просил: «Просвети тьму мою». Всего на Афоне Палама пробыл в общей сложности двадцать лет. Во время его игуменства в Эсфигменском монастыре было видимое всеми чудо умножения елея, когда в нем была крайняя нужда. Святой Григорий с братией пришел в подвал, где хранились сосуды с елеем, сотворил молитву, и на глазах у всех пустой сосуд наполнился елеем. Узнавши же, что причиной недостатка в елее является скудное плодоношение маслин, святой обошел посадки маслин с молитвой, и с тех пор они всегда плодоносили.

Святой Григорий Палама. Икона. XIV в.

Упросив братию снять с него игуменство, Григорий поселяется в скиту святого Саввы. К этому времени относится его полемика с Варлаамом Калабрийским о нетварных энергиях.

В 1325 году Григорий на пять лет уходит в Фессалонику, затем возвращается и поселяется близ Великой Лавры, где создает свои новые труды. В том числе «Житие святого Петра Афонского» и сочинения по исихазму. Многие скорби пришлось выдержать святому: и нападки от врагов (он переживает плен у агарян), и гонения от своих. Солуняне, где он был архипастырем, вынуждали его удаляться от них на остров Лемнос, затем сами солуняне, пристыженные совестью и узнавшие о чудесах святого, вновь, с поклоном, призвали его к себе.

От многотрудных подвигов святого Григория Паламы остался составленный им так называемый «Святогорский свиток». Под свитком поставили подписи игумены монастырей: Великой Лавры, Ватопеда, Эсфигмена, Кутлумуша, Иверского и Хиландарского. Константинопольский собор 1341 года оказал Григорию Паламе поддержку решающим большинством. На этом соборе помощь святому оказывала большая группа афонцев, специально приехавших для подтверждения верности учения Григория Паламы.

В четырнадцатый день ноября 1360 года, а этот день святой Григорий заранее назвал сам, он отошел ко Господу. Уста его непрерывно шептали молитвы, а последними словами были: «В горняя, в горняя!» Комната озарилась неизъяснимым сиянием и благоуханием.

Отметим, что примерно в это время на Афоне побывал архимандрит Нижегородского монастыря Досифей. Он учился практике «умной молитвы», а для назидания русских монахов описал келейное правило святогорцев. Он сообщил, что монахи, живущие келейно, каждый день прочитывают половину Псалтыри и шестьсот Иисусовых молитв, тогда как у нас тогда Псалтырь вычитывалась по кельям только перед Великим постом. И уже в пятнадцатом веке в русских монастырях было распространено афонское молитвенное правило, описанное Досифеем.

Башня Святого Саввы. Монастырь Хиландар, Афон

Святой Григорий Палама. Настенная роспись в монастыре Ватопед. Афон

Но договорим о достославном Григории Паламе. Ровно три века спустя, день в день, в разгар наступления латинян на Православие, когда они нечестиво говорили, что нет более в Восточной церкви святых и святости, тогда им ставили на вид многих святых, в том числе и Григория Паламу. Но они все равно кощунствовали. Так вот, тогда имело место быть такое событие.

На острове Санторини франки разгулялись. В безветренную погоду нагрузились они винами и закусками и кричали богохульно: «Анафема Паламе! Если он свят, пусть он нас утопит»! Тем самым они произнесли себе приговор. Как говорится, сами напросились на желаемое отмщение. «Пучина, — пишется в Житии святого, — зевнула, и несчастные, вместе с лодками, погрузились в море». Это широко известное чудо наказания за кощунство подтверждает Иерусалимский патриарх Досифей.

Честные мощи святого Григория Паламы почивали в митрополичьем храме Солуни. В пожаре 1890 года они остались целыми.

Проповедника Божественной Благодати, Нетварного Света святителя Григория Паламу и возродителя умного делания Григория Синаита объединяет еще и келлия «Панагица». В пещерах около нее они и подвизались. Это южная часть Святой Горы. На пути из монастыря Симонопетра в монастырь Григориат, около тропы, проложенной по ущелью, названному в честь подвижников Ущельем исихастов, находятся эти пещеры. В 1990 году келлия сгорела, но после долгих трудов восстановлена.

Блаженный Арсений

Мы немного знаем о преподобном Арсении Коневском. «Афонский патерик» делает предположение, что инок Арсений подвизался в Старом Руссике. Пришел он на Святую Гору в конце четырнадцатого века из Великого Новгорода. С отроческих лет возлюбил монашескую

жизнь, уединенную и общежительную молитву. Обитель на Лисьей горе стала первой его пристанью на пути к Афону. Мысль об Афоне зародили афонские монахи, посетившие Великий Новгород. Беседы с ними зажгли в сердце юного инока пламень желания поселиться на Святой Горе. Со слезами молил он игумена благословить его на дорогу вместе с афонскими монахами. Игумен долго не соглашался, ибо чувствовал, какое это лишение для обители, но наконец уступил слезному прошению.

На Афоне святой Арсений со смирением нес самые различные послушания: выпечку хлеба и просфор, плотничал и столярничал, работал в лесу и на огороде. Но особенно отличался в кузнечном искусстве. Он так замечательно выковывал медные сосуды для монастырских потребностей, что заказы к «русскому кузнецу» шли со всего Афона. Чтобы не обременять свой монастырь нашествием заказчиков, преподобный Арсений, с благословения игумена, решился обойти все монастыри, чтобы в каждом изготовить необходимую в богослужебном и хозяйственном обиходе утварь из меди.

В таковом подвиге преподобный пробыл три года. Когда посещаешь монастыри Святой Горы и видишь искусно выкованные медные сосуды: кувшины, чаши, блюда, тазы, невольно думаешь, что это работа русского мастера, новгородского и афонского монаха Арсения.

Игумен Иоанн, исполненный прозорливости, пророчески возвестил Арсению, что ему надлежит возвращаться на родину, где он, в стране северной, воздвигнет обитель во славу Божией Матери. Он благословил святого двухсторонней иконой — Божия Матерь с Предвечным Младенцем с одной стороны и Спас Нерукотворенный — с другой. Вручил Арсению Устав Святой Горы и возвестил: «Боже, отец Наших, призри от престола славы Твоея на раба Твоего Арсения, да почиет на нем благодать Духа Твоего Святаго и пребудет с ним благословение Твое».

В 1393 году блаженный Арсений вернулся в Великий Новгород, неся с собою чудную икону. Архиепископ Новгородский Иоанн благословил его на создание обители во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Отплывши в Ладожское озеро, святой некоторое время пробыл в обители Валаамской, а затем решился искать еще более уединенного места. Сел в ладью, взялся за весла и стал грести в направлении пустынного острова Коневского. Там еще были идольские капища и так называемые языческие требища, которые от явления святой иконы и от молитв преподобного разрушились.

Преподобный Арсений Коневский. Икона. XIX в.

Коневецкий монастырь зимой. Вид от Конь-камня. Ладожское озеро, остров Коневец. Фото В. Муратова

К великому молитвеннику на свет его всечестного жития потянулись иноки, чающие спасения, и миряне, желающие послушания и пострига. Братия росла численностью, остров покрывался церковными строениями и кельями.

Но велик был в преподобном зов Святой Горы. И он пошел на Афон, благословенный уже новым архиепископом Новгородским Симеоном. А при его отсутствии Коневская обитель оскудела, да до такой степени, что иноки уже хотели разойтись, проситься в другие монастыри. Но один из старцев, богодухновенный Иоанн, просил братию повременить. Он взошел на высокую гору рядом с обителью и молил Божию Матерь о том, чтобы настоятель обители преподобный Арсений вернулся в нее. После долгой молитвы старец воздремал, и ему в тонком сне Божия Матерь тихим голосом заповедала не уходить братии с сего места, ибо вскоре прибудет и сам Арсений.

И точно! Вскоре на двух больших судах, с припасами еды вернулся в созданную им обитель святой Арсений.

После многолетних подвигов, в глубокой старости, в 1447 году, 12 июня, отдал старец Богу душу. Как раз в день памяти преподобных Онуфрия и Петра Афонских, по примеру коих он удалялся на Святую Гору.

Первый русский скитоначальник

Так называют святогорца Нила Сорского. Личность удивительная, поклонения достойная! Сам преподобный Нил называет себя невеждою. Но его сочинения, его жизненный путь говорят, что Святую Русь озарил своим подвигом муж достойнейший. Сейчас пустынь Нила Сорского возрождается в былой славе. А при большевиках была разорена, унижена, превращена в психиатрическую больницу. Помню, посещение ее оставило след мистического, предреченного пророком Даниилом, зрелища. В центре, внутри монастырских стен, возвышалась огромная, выкрашенная под бронзу статуя главного большевика, вокруг бродили тени несчастных душевнобольных, лишенных пастырского окормления и церковных таинств.

Местность пустыни и доселе удивляет трудностью проживания в ней: болото, чахлая

северная растительность, летом гнус, зимой жестокие морозы. Именно сюда ушел инок обители Белозерского монастыря. В ней он получил и постриг, и из нее он уходил на Святую Гору.

Как райская пчела, пишется в «Афонском патерике», носился он среди дивных старцев афонских и одарил наше русское иночество опытом скитского жития. Если преподобного Антония мы называем первоначальником иночества в России, то преподобного Нила, по всей справедливости, можно назвать первенцем скитского по движничества. Не только вычитанные им из древнемонашеских уставов образы скитского безмолвия, но и изученная собственным опытом скитская жизнь укрепили преподобного в правильности созидания скита на родной русской земле.

Нил Сорский. Икона. 1908

Сколько он пробыл на Афоне, патерик не сообщает, но известно, что было это в середине пятнадцатого века. Вернувшись в Россию, он, с благословения, ушел в одиночество из монастыря в Кириллове на реку Сорку, в болотистую, безжизненную местность за пятнадцать верст. Установил крест, выкопал колодезь, поставил часовню, хотел жить один, но к нему собралась братия, и тогда они совместно поставили церковь.

«Теперь преселился я вдаль от монастыря, — писал преподобный одному из сподвижников, — нашел благодатию Божиею место, мало доступное для мирских людей… Живешь ли отшельнически или в общежитии, внимай Святому Писанию и следуй по стопам отцов. Святое Писание жестоко лишь для того, кто не хочет смириться страхом Божиим и отступить от земных помышлений жить по своей воле. Писание не для нас писано, но должно быть исполняемо и в наше время. Слова Господни всегда будут для нас словами чистыми, как очищенное серебро, заповеди Господни для нас дороги более, чем золото и драгоценные каменья, сладки более, чем мед».

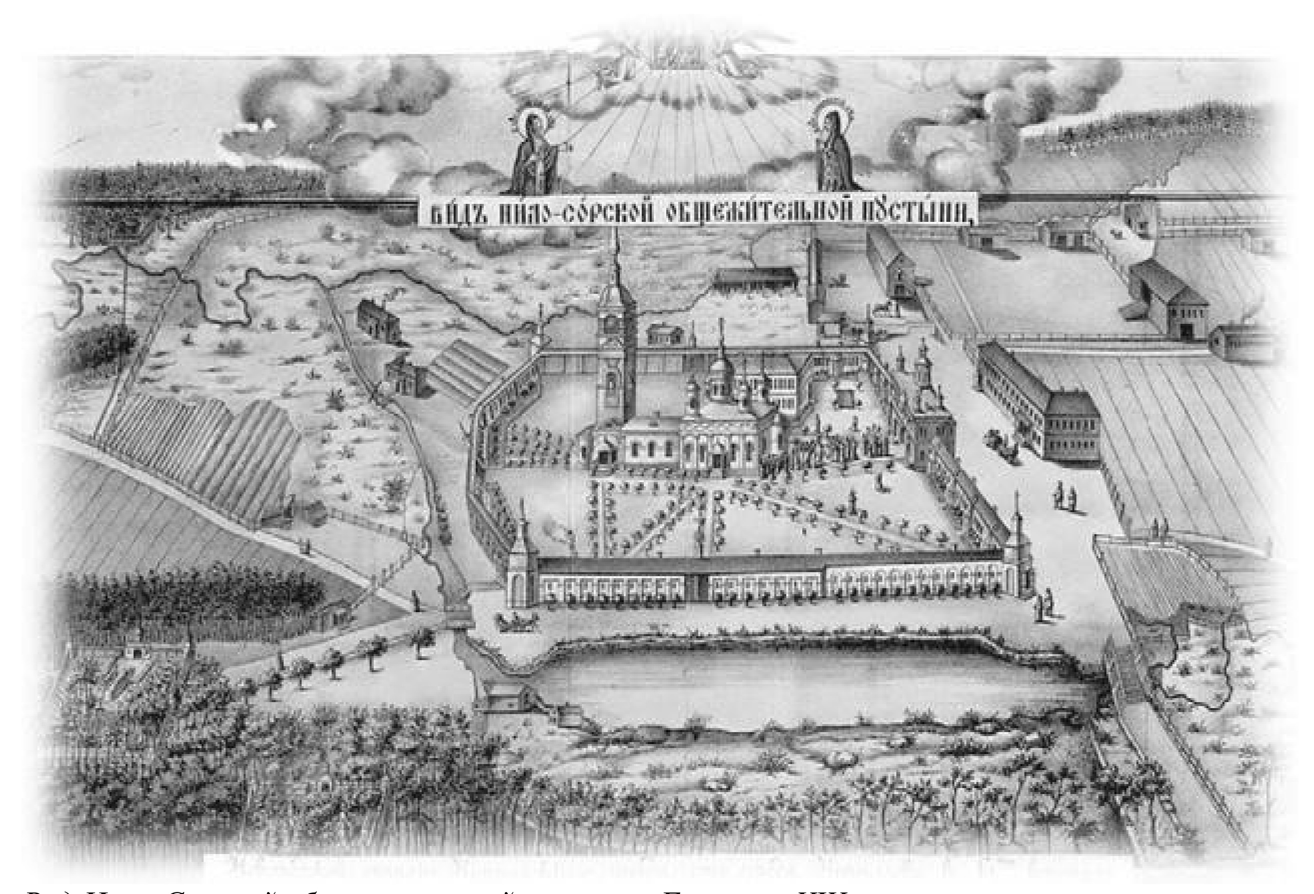
И опять же — не мог светильник укрыться даже в таких глухих местах. Жизнь преподобного изумляла современников. Учение преподобного Нила о нестяжательстве на все времена стала примером для монашествующих. Он учил до последней степени отложить мирские пристрастия и стремиться душой к одному горнему.

Преподобный Нил был участником собора 1508 года, где разбиралась ересь жидовствующих. Ревнители православия архиепископы Иосиф Волоцкий и Геннадий Новгородский видели в преподобном Ниле своего сторонника в деле очищения Святой Руси от

заезжих идей и нашествия на веру Христову.

Надо заметить, что святогорцы преподобные Нил и Максим Грек были знакомы, хотя последний много моложе Нила.

Перед своей кончиной преподобный просил, чтобы его грешное тело выбросили на съедение зверям, ибо «оно тяжко согрешило пред Богом и недостойно погребения». И прибавил: «Сколько возможно было по силе моей, старался я не пользоваться никакою честию на земле, в этой жизни, так пусть и будет и по моей смерти».

Вид Нило-Сорской общежительной пустыни. Гравюра. XIX в.

«Устав скитского жития» преподобного Нила дошел до нас. Дошли и его послания. Два из них писаны к его постриженнику Кассиану. А Кассиан этот не кто иной, как бывший князь, пришедший в Россию с греческой царевной Софией. Старец учит Кассиана, как бороться с помыслами, советуя для того молитву Иисусову, занятие рукоделием, изучение Священного Писания, охранение себя от внешних соблазнов и дает наставления о послушании наставнику, о смирении, терпении в скорбях, о молитве за врагов. Утешая Кассиана в его прежних испытаниях (плен, изгнание, переселение в чужую землю), преподобный говорит, что Господь наводит скорби на любящих Его, что все святые, пророки, мученики достигли спасения путем страданий, указывает на пример многострадальных Иова, Иеремии, Моисея, Исаии, Иоанна Крестителя и других и выводит заключение, что если такие святые столько терпели, то тем более должны терпеть на земле мы — грешные, что своими бедствиями и скорбями мы очищаем себя от грехов, а это и есть путь спасения.

Замечательны на все времена и для монахов и для мирян сочинения преподобного Нила о поведении иноков и вообще православных людей. Он говорит о пользе трудов телесных, о воздержании в пище и питии, о принятии странников, о повиновении настоятелю, наставникам, о заповедях соблюдать бедность и нищету, ибо ничего мы с собой не унесем из сего мира в жизнь вечную.

Он говорит о внутреннем или мысленном делании молитвы, и о том, что недостаточно внешнего делания без внутреннего.

Преподобный разделяет свой Устав на одиннадцать глав: в главе первой говорит о

различении мысленной брани, во второй — о борьбе с помыслами, в третьей — об укреплении в борьбе против помыслов, в четвертой и пятой разделяет помыслы по числу их на восемь, в шестой — о борьбе с каждым из них, в седьмой — о памятовании о неизбежной смерти и неизбежном суде, в восьмой — о слезах, в девятой — о хранении постоянного сокрушения, в десятой — о смерти для мира, в одиннадцатой — о том, чтобы все было делаемо в свое время.

Тропарь преподобному обобщает его многотрудную земную жизнь и подвигает нас обращаться к нему:

«Мирскаго жития отвергся и мятежа житийскаго бегая, преподобне и Богоносне отче наш Ниле, не обленился еси собрати цветы райския от писаний отеческих, и в пустыню вселився, процвел еси яко крин сельный; отонудуже прешел еси и в небесныя обители. Научи и нас, честно почитающих тя, твоим царским путем шествовати, и молися о душах наших».

Страдалец за веру Христову

Так назовем преподобного отца нашего Максима Грека, инока Афонского. Преподобный Максим — один из тех мостов, что соединили Русь с Афоном. Не всегда Русь была милостива к святому, но упокоился он в русской земле.

Преподобный родом из Албании, но родители его греческого происхождения, посему он и вошел в историю как Максим Грек.

Конец пятнадцатого века. Греция порабощена магометанами. Духовные училища уничтожены. Но родители отрока — набожные люди, и они закладывают в сына начатки веры христианской. Отец — важный сановник, имеет возможность дать сыну образование и вне порабощенной Греции. Юноша учится в Галлии, в Париже, у своего знаменитого соотечественника Иоанна Ласкариса. Древние языки юноша изучает в Венеции. В то время Италия была поражена недугом неверия, но сердце и разум Максима стояли на скальной основе Православия, и он безошибочно разбирался в науках, отметая вредные и занимаясь полезными. Уже в молодости он выступил против языческих тогдашних заблуждений: о вере в то, что наши судьбы управляются движением звезд, что судьба человека есть дело случая, что нет загробной жизни.

Трудно было жить в мире, зараженном неверием. «Если бы Господь не помиловал меня и не посетил Своею благодатию, и не озарил светом Своим мысль мою, то давно бы и я погиб с находящимися там проповедниками нечестия», — так писал позднее преподобный об итальянском периоде своей жизни. И не Парижский университет, не Флоренция, не Венеция завершили его образование, а Святая Гора Афон. Здесь получил он образование души и сердца, ибо ум его был напитан светскими науками, и он мог бы занять блестящее, по мнению света, место, но он отказывается от самых заманчивых предложений и стремится к иночеству.

Максим Грек. Икона. XVI—XVII вв.

Двадцати семи лет отроду, в 1507 году, Максим принимает пострижение в братство Благовещенской Ватопедской обители. Через десять лет обитель совсем обнищала, и Максима, как знающего языки, отправляют в мир для сбора подаяний для обители. И хотя Максим намеревался всегда жить в монастыре и не выходить за пределы Афона, он со смирением принимает нелегкое послушание просителя. Он использует свое послушание еще и для проповеди веры Христовой.

Далее происходит вот что. Великий князь московский Василий Иоаннович обратил внимание на то, что в Кремлевских палатах хранятся драгоценные сокровища — византийские рукописи, вывезенные из Константинополя и спасенные от уничтожения турками. Это наследие отца Иоанна III, женатого на византийке Софии Палеолог. Василий Иоаннович и тогдашний митрополит Московский Варлаам обращаются на Афон с просьбой прислать умного инока, знатока древних языков. Письмо повезли торговые люди Василий Копыл и Иван Варравин. Приехали они за знатоком древностей, конечно, не с пустыми руками. Такой знаток на Афоне был — монах Савва. Но он просил пощадить его старость, больные ноги. Прот Святой Горы заменил Савву Максимом. Максим, как бы предвидя будущие страдания, долго отказывался и только слова игумена о том, что доставить духовную пищу алчущим есть святое дело величайшей любви, склонили его к согласию ехать в далекую северную страну.

В Москве местом пребывания Максима был назначен Чудов монастырь…
Ф.Я. Алексеев. Иван Великий и Чудов Монастырь. Начало XIX в.

По дороге, а она длилась в то непростое время два года, Максим пожил и в Константинополе, и в Крыму — и, времени зря не теряя, изучил русский язык и русскую письменность.

В Москве местом пребывания Максима был назначен Чудов монастырь, содержание на проживание и труды преподобный получал от великого князя.

Осмотрев кремлевское книгохранилище, Максим пришел в восторг — такого богатства он не видел нигде. Великий князь и митрополит просили вначале заняться переводом толковой Псалтири, книги, которая была особо чтима в России.

Год и пять месяцев длилась работа по переводу. Одобренная и князем и митрополитом, она снискала Максиму новые почести. Максим же просил об одной милости — дозволения вернуться на Афон. Дозволения на это не было. Труды по переводу продолжались. Последовали переводы толкований Святых Отцов на апостольские Послания, толкование святителя Иоанна Златоустаго на Евангелия от Матфея и Иоанна.

А далее следует то, что послужило к несчастьям в судьбе преподобного — ему было поручено выверить по первоисточникам богослужебные книги. «Жегомый Божественною ревностью, очищал плевелы обеими руками», — писал он о своих трудах. Но ревнители старины невзлюбили Максима. Начался ропот на «пришельца греческого», как его называли. Клевета выросла до того, что Максиму приписывали утверждение, что на Руси нет ни Евангелия, ни Апостола, ни Псалтири. Пока Максима защищал Варлаам, дело переводов и исправления книг все-таки продвигалось.

Но вот на первосвятительскую кафедру заступил Даниил, инок Волоколамского монастыря, который встал на сторону противников Максима. Кроме того, Даниил еще пуще невзлюбил преподобного, когда тот спросил: почему на Московскую кафедру поставлен митрополит без согласования с Константинопольским патриархом? Ему отвечали, что есть в Москве грамота Патриарха, которой дозволяется русским епископам ставить своих митрополитов самостоятельно. Но никто такой грамоты Максиму не показал.

Новые неудовольствия преподобный навлек на себя, когда отказался переводить «Историю церкви» Феодорита Кирского, находя в ней много актов еретических, могущих стать соблазном для верующих. В повседневной жизни Максим обличал насилие сильных над слабыми, упрекал иноков некоторых монастырей, ставя им в пример монастыри афонские. Кривить душой, говорить не то, что думаешь, он не мог. Хитрые люди ставили перед ним острые вопросы о положении дел в Москве, а затем пересказывали его речи, искажая их.

Тучи над головой святого сгущались. В Москву, и всегда-то осаждаемую Римом, прибыл на долгое время легат Шонберг, привезший и распространявший «Слово о соединении Руссов и Латинян». Он обольстил видного боярина Феодора Карпова, других. Преподобный Максим написал ряд сочинений, где вдребезги разбивал доводы папистов и обличал их вероломство. Ходили по рукам и его сочинения против иудеев, магометан и язычников. «Надо проповедовать Евангельскую истину, несмотря на злобу невежества», — говорил он.

В это время великий князь решил расторгнуть брак с супругой, детей не имеющей, и сойтись с Еленой Глинской, оправдывая это тем, что нужен наследник престола. Даниил поддержал князя, а Максим встал на сторону церковных правил, заявляя, что так поступать великий князь не должен.

Надо проповедовать Евангельскую истину, несмотря на злобу невежества…
Святые апостолы Петр и Павел в тюрьме в Мамертине. Гравюра. 1880.

И тут в ход пошла уже такая клевета, что поверить в нее было невозможно тому, кто знал преподобного. Но князь уже был не тот, что девять лет назад, когда зазывал Максима и осыпал почестями. Князь клевете поверил. Она была в том, что будто бы через турецкого посла в Москве Искандера Максим писал султану, чтобы тот шел войной на Россию, что время удобное, что силы военные в Руси слабы, что великого князя на Москве не любят и прочее.

Преподобного заковали в кандалы и отвели в темницу Симонова монастыря. Всегда искренний, он и на допросах говорил правду. Не скрывал и своего осуждения задуманного брака. Но брак все равно состоялся. Прежнюю жену, Соломонию, постригли в монахини. Великий князь, к его чести, распорядился выпустить преподобного.

Новым местом заключения Максима Грека стал Тверской Отроч монастырь…
Успенский собор. Единственное сохранившееся здание Тверского Отроча монастыря.

Тогда враги его выдвинули новые обвинения, они стали буквоедски искать ошибки в его переводах, называли еретиком, будто бы он искажал суть Священного Писания. Преподобный смиренно каялся, просил снисхождения, но еретиком себя не признавал. Неумолимый собор не внял его голосу. Преподобный был вновь схвачен, тайно увезен из Москвы, и долгое время не знали, жив ли он. А он томился в подвале Иосифо-Волоколамского монастыря под строгим присмотром и отлученный от причастия Святых Тайн Христовых. На старца даже поднимали руки, морили голодом. Впавшему в отчаяние, ему явился Ангел, сказавший: «Терпи, старец, сими муками избавишься вечных мук». Старец написал углем на стене темницы канон

Утешителю Духу Святому и ныне воспеваемый в церкви:

«Иже манною препитавый Израиля в пустыни древле, и душу мою, Владыко, Духа наполни всесвятаго, яко да о нем богоугодно служу Ти выну».

Ученики и друзья преподобного разделили его участь. Их разослали по отдельности в различные монастыри, ставшие для них местами заточения и страданий. В Москву доносили, что старец в грехах не кается, ведет себя гордо.

Через пять лет преподобного привезли в Первопрестольную и поставили перед новым судом. Оказывается, в переводе Жития Пресвятой Богородицы, сделанном Максимом, нашли много погрешностей. Старец в ужасе открещивался от обвинений, он так не говорил, это все ему приписано. «Это ложь на меня, я так не мудрствую».

Новым местом заключения стал Тверской Отроч монастырь. Здесь условия жизни были лучше, чем в прежнем заточении, ибо Тверской епископ Акакий сознавал невиновность Максима, часто разделял с ним трапезы, подолгу беседовал. Забегая вперед, скажем, что и Акакий потом изменил свое отношение к старцу, ибо тот, по обычаю не умеющий лукавить и льстить, высказал однажды свое мнение о тверичах и об их пастыре.

Митрополит Иов стал первым патриархом всея Руси спустя три года после кончины преподобного Максима Грека…

Патриарх Иов. Миниатюра Царского титулярника. 1672.

В 1534 году опочил великий князь. Преподобный надеялся на свободу, писал боярам подробное письмо, доказывая свою невиновность. На троне сидел малолетний сын от Елены Глинской Иоанн. Бояре вертели им, как хотели, и им не нужен был в Москве такой правдолюбец, как Максим. Новый митрополит, сменивший сосланного в Иосифов монастырь Даниила, милостиво писал старцу, что целует его узы, как единого от святых, но что ничего более не может сделать в его пользу. Кстати, первым, кто заступился за сосланного Даниила, был именно Максим, который, забыв все, что он претерпел от митрополита, заступался за него, просил облегчить его участь.

Патриарх Вселенский Дионисий и Патриарх Александрийский, столетний Иоаким, писали юному царю Иоанну, прося об освобождении Максима. Это было в 1545 году. Но только в

1551-м старец покинул Тверскую землю, с честью был принят в Москве, а вскоре вступил на землю Троице-Сергиевой лавры. Изможденный заключением, пытками, голодом, кандалами, он был очень слаб физически, но дух его был бодр. Ему было семьдесят лет. В лавре посетил его царь Иоанн Грозный. Он ехал по обету в Кириллов монастырь. Старец обличил царя в избиении невинных, в умножении сиротства на Русской земле, советовал собрать вдов и сирот и оказать им царское покровительство. «Если не послушаешь, умрет твой сын новорожденный Димитрий». Так и сбылось. Это заставило царя уважать старца и советоваться с ним в важных вопросах. Так, преподобный резко отозвался о ереси Матвея Башкина, сходной с ересью жидовствующих и с кальвинистской. Также старец наставлял царя о том, чтобы в России появился свой Патриарх. Что и было исполнено спустя три года после кончины преподобного.

Опочил старец, духом рожденный на Афоне, в России в 1556 году. Константинопольский Патриарх Иеремия служил над гробом его в Сергиевой обители. Митрополит же Московский Платон устроил над захоронением преподобного палатку. Множество исцелений, происшедших по молитвам святому Максиму, описано в летописи Троице-Сергиева монастыря.

Блаженный здесь Максим телом почивает,
Но с Богом в небеси душою пребывает.
И что божественно он в книгах написал,
То жизнию своей и делом показал.
Оставил образ нам и святости примеры,
Смирения, любви, терпения и веры!

Такие стихи были вырезаны на медной доске над гробницей преподобного. Ныне святые мощи, вновь открытые в середине 90-х годов двадцатого века, почивают в Свято-Духовском храме лавры.

Новые нападения на Афон

Торжество учения исихазма усилило благотворное влияние Афона на религиозную жизнь и востока и юго-востока Византийской империи. На Афон за уроками нравственного совершенствования потянулись отовсюду. Возревновал к возрастающей роли Афона епископ близлежащего города Иериссо, он же имел титул епископа Афонского. Но Патриарх Антоний Четвертый в своем послании (1392) запретил епископу Иериссо вмешиваться в дела Афона без разрешения прота Святой Горы, а проту в послании, в свою очередь, давались новые права, в частности: назначение духовников, исповедников и поставление чтецов.

Даже уния с католиками не помогла Иоанну VIII Палеологу спасти Византию…
Беноццо Гоццоли. Иоанн VIII Палеолог. Фреска. 1459—1461 гг.

Но началось очередное, далеко не первое и не последнее, нашествие на Афон извне. Турки-османы вошли на Балканский полуостров. Они изображали уважение к религиозным чувствам. Да и сами афонцы, не желая пролития крови, через своих послов высказали султану Орхану свое согласие с новыми властями. Султан, а впоследствии его сын Орхан Мурад уверили монахов, что подтверждают их древние привилегии. До конца четырнадцатого века Афон был под властью турок, но в 1403 году по договору между Сулейманом и Мануилом II Палеологом был возвращен Византии. Мануил издал новый афонский Типикон, который не упоминал Типиконы Цимисхия и Мономаха, но ссылался на Типикон преподобного Афанасия и на обычаи Великой Лавры, авторитет которой был непререкаем.

Печально известен Ферраро-Флорентийский собор, на котором император Иоанн VIII Палеолог предпринимал попытки заручиться поддержкой Запада, чтобы спасти Византию и церковь. На соборе, в числе других, были и представители Афона. Но собор никак не спас ни Византию как государство и не оградил Православную церковь от тиранства ее и Востоком и Западом. Только два афонских монаха, Моисей и Дорофей, подписали унию, остальные отказались. Вскоре и подписавшие отозвали свои подписи, ибо слишком явно уния обозначала примат папы. А это угрожало большими потерями, нежели власть турок. Вспомним нашего великого князя Александра Невского, видевшего угрозу подчинения Ватикану более опасной, нежели временное ордынское иго. Так и тут — монахам надо было спасти и душу, оградив ее от католиков, и сам Афон.

Афонцы отправились к султану Мураду, привезли богатые дары, и Мурад, помня обещания отца покровительствовать монахам, обещал также защищать Афон. На сей раз уже от Ватикана.

Византия пала

Не спасла уния Византию. Грянул 1453 год, а с ним взятие Константинополя, замена креста на Святой Софии на мусульманский полумесяц, разрушение православных храмов, гонение на христиан.

Афон в тяжкие годы исламского засилья был как свет в окошке для православного монашества. Конечно, и он был притесняем и облагался непосильными данями, да и просто иногда его грабили, но главное оставалось — Афон не переставал молиться. Фактически он жил в изоляции от остального мира. Но в те годы и это спасало. Действовали девятнадцать монастырей, к которым в 1541 году добавился двадцатый — Ставроникита. Так сложилось их окончательное количество. Меж ними был поделен Афон, и никто уже не мог, помимо них, владеть землей полуострова.

Первым из турецких султанов пожаловал на Афон Селим I. Огромная свита его беззастенчиво обирала монахов. Но он все-таки издал фирман, подтверждающий привилегии Святой Горы. Гостил он в монастыре Ксиропотам.

Были потом и другие визиты турок, чаще разбойничьи. Но грабили не только разбойники, грабили якобы официально. Насельники были обложены хараджем — подушным налогом, который все увеличивался. Пиратские набеги продолжались. И с суши и с моря. Монашеская жизнь угасала. Просто даже от того, что часто и питаться было нечем. Игумены решились на крайнюю меру. Тайком стали отправлять монахов за сбором подаяний. Очень хорошо помогали правители Молдавского и Валашского княжеств. Обильные поступления потекли из Москвы, когда в пятнадцатом веке были установлены дипломатические отношения Афона с московскими великими князьями и митрополитами. И до этого русские были на Афоне, но сейчас их присутствие узаконилось.

Ангелос Акотантос. Собор Архангелов. Икона. Монастырь Ватопед, Афон. XV в.

А дела на Святой Горе становились невеселыми. К физическим трудностям, ветшанию построек, скудному питанию добавилась еще одна трудность, очень значительная — проникновение на Афон обмирщенных людей, торгашей и тех, кто видел в Афоне не школу молитвы, а территорию для наживы. Некоторые монахи и сами дрогнули, уходили на подворья, где жили совместно с «сестрами», проникали в монастыри и миряне, ленившиеся ходить в храм, но спешащие на трапезу.

Патриарх Иеремия II собрал в Салониках афонских старцев, решая с ними трудности Афона. На месте их расследовал, по просьбе Иеремии, Александрийский патриарх Сильвестр. В результате был составлен новый Типикон, вернее, его новая редакция. Монахам запрещалось, что называется, выносить сор из избы, то есть решать проблемы, вытаскивая их за пределы Афона, запрещалось сеять пшеницу, ячмень, торговать орехами, растительным маслом, плодами за пределами Афона. Внутри Афона устанавливались твердые цены на продукты питания и облачения. Изгонялись с Афона безбородые юноши, домашний скот женского пола. Последнее было, по преданию, вызвано еще и тем, что один инок привел козу, чтобы молоком

от нее питать тяжко болеющего монаха. Но, когда он стал ее доить, вместо молока пошла кровь. Запрещалось также проживание монахов на подворьях вне Афона. А мирянам, приходящим в монастыри, давалось три года на размышление. После этого они или постригались в монахи или изгонялись. Запрещено было покидать Афон даже для сбора милостыни. Запрещалось производство и употребление водки.

Все эти категорические меры были, конечно, вынужденными. К великому сожалению, они достигли цели лишь частично. Шестнадцатый век, а во многом и семнадцатый, были печальны для Афона. К началу семнадцатого века даже в Великой Лавре оставалось менее десяти монахов. Ее спас, в самом прямом смысле, Патриарх Дионисий III, избравший Лавру для проживания в ней в старости. В 1630 году он принес сюда все свое состояние.

К началу семнадцатого века даже в Великой Лавре оставалось менее десяти монахов... Великая Лавра. Афон

Великая Лавра. Афон. Фото Mates II.

Единственное, что надо непременно сказать, так это то, что молитва Афона продолжалась и экономический упадок не угашал ее. Уменьшалось количество молитвенников, но остававшиеся усугубляли, усиливали свои мольбы к Царице Небесной, и Она слышала их.

Пустели, но не прекращали молитвенных бдений Ксенофонт и Руссик, Кастамонит. Стояли Иверский, Хиландарский, Ватопед. Монастырь преподобного Дионисия в списке монастырей стал занимать пятое место, опередив Ксиропотам.

Примерно в это время в России началось строительство Нового Иерусалима. Оно было одобрено монахами Афона и поддержано ими посылкой Патриарху Никону иконы, именуемой «Троеручица», из монастыря Хиландар. Это важно заметить, так как и доселе бытуют мнения, что строил Никон Новый Иерусалим от своей великой гордыни, что от старого при императоре Тите не осталось, по предсказанию Спасителя, «камня на камне», что и Новый Иерусалим ждала та же участь. Что, кстати, и сбылось при большевиках. Сейчас, слава Богу, монастырь на Истре возрождается. Патриарх Никон затевал строительство, как думается, по двум причинам: первое — показать русским людям, а особенно тем, кто не мог, по достатку или по здоровью, посетить Святую Землю то, как выглядит Земля обетованная, и второе — исполнить предсказания духоносного старца Спасо-Елеазаровского монастыря Филофея о том, что Москва — Третий Рим, а четвертому не бывать.

Голоса скептиков, и тогдашних, и нынешних, раздавались в том смысле, что данный тезис уязвим, что Византийское Константинопольское семихолмие, затем подхваченное семихолмием римским и продолженное московским, легко дополнить семихолмием где угодно. Или отыскав его в природе, или насыпав рукотворно. Но Никон подчеркивал именно идею религиозно-духоносную, он созидал Иерусалим Нового Завета. Третий Рим нес идею государственную, державную, а Иерусалим Нового Завета освещал всех Фаворским светом, Голгофскими страданиями, Воскресением и Вознесением Христа, Его обетованием Второго сошествия для суда над живыми и мертвыми.

Новоиерусалимский монастырь. Истра, Московская область

И то, что афонские монахи поддержали идею создания в России пусть не копии Иерусалима, но хотя бы его схему, напоминающую подлинные места земных подвигов Спасителя, показывало веру святогорцев в предназначение России — стать местом Царствия Божия на Земле.

В самом деле, когда идешь по землям Воскресенского монастыря, расположенного в бывшем Звенигородском уезде Московской губернии, воочию представляешь Святую Землю. Очень похожа на Иордан река Истра (как, кстати, и река Жиздра у Оптиной пустыни), похож ручеек у монастырских стен на поток Кедрон, две вершины, названные Фавором и Ермоном, напоминают о Преображении Господнем, березовая роща напоминает маслины Гефсиманского сада, старый дуб — отдаленная, но все-таки родня дубу Мамврийскому. Здесь и купель Силоамская, и колодезь самарянки. В главном храме — Судные врата, Красные врата, Камень Помазания. С благодарностью вспоминается подвиг монаха Арсения (Суханова), который, будучи в Иерусалиме, снял планы и чертежи Святой Земли. И, мало того, привез модели (макеты) храмов Гроба Господня и храма Рождества в Вифлееме. Патриарх Никон, как известно, не достроил Новый Иерусалим, ссылка в северные монастыри оторвала от главного дела жизни. Но упокоился он здесь. Спустя сто лет, при Екатерине, храм был достроен. В июле восемнадцатого года служил прибежищем эсеров, вскоре был разрушен. Но прошло время, стал возрождаться, и вот — чудо Божие, как будто и не было никаких большевиков и эсеров,

воскрес Воскресенский монастырь! И поныне несет благородную службу ознакомления паломников с местами земных подвигов нашего Спасителя.

Но вернемся на Афон восемнадцатого века.

От особножительства к общежительности

В восемнадцатом веке наметилось общеафонское движение к особножительству, называемому на Афоне идиоритмией. Стали появляться скиты. Скит состоял из нескольких построек, хижин, домиков, обычно скромных, а в середине строился общий храм — кириакон. Появление скитов со строгим режимом жизни, очевидно, было неким противодействием идиоритмии, которую строгие аскеты считали признаком обмирщения.

Первым был создан скит Святой Анны, при Великой Лавре (1572). Особо суровой аскезой прославился скит Кавсокаливит. Далее шли также крупные скиты: Святого Димитрия (Ватопед), Иоанна Предтечи (Иверский), Святого Великомученика Пантелеимона (Кутлумуш), Новый скит Богородицы и румынский скит Святого Димитрия (монастырь Святого Павла), Благовещения Богородицы (Ксенофонт), Пророка Илии (Пантократор).

Румынский скит Продром. Афон

Долги и налоги обременяли Афон весь восемнадцатый век. Нищета не всегда способствовала улучшению духовной жизни, поиск пропитания отвлекал монахов от главного их назначения — молитвы. Патриарх Гавриил издал (1783) Типикон, главной целью которого было возвращение древних порядков иноческого жития. Из трапезы монахов изгонялось мясо, число мирян резко ограничивалось, да и то им разрешалось обитать только в Карее. Проту Святой Горы давалась пожизненная власть, он рукополагался лично Патриархом, который вручал проту ключи от зала собраний. В помощники проту избирались от монастырей четыре эпистата (попечителя). У каждого из них была четвертая часть афонской печати, и никакой афонский документ не мог быть действителен, если на печати недоставало хотя бы одной части.

К преобразованиям Гавриила следует отнести и постепенное возвращение монахов к общежительности. На Киновийный (общежительный) устав перешли монастыри Ксенофонт (1796), далее, до 1839 года, и другие: Эсфигмен, Симонопетр, Свято-Пантелеимонов, Дионисат, Каракал, Кастамонит, Святого Павла, Григориат, Зограф и Кутлумуш.

Афон выжил, несмотря ни на что

Турецкое иго опустошало не только материально. Культура Греции также страдала. Немалые потери понес и Афон. Книжные сокровища монастырей использовались уже не так интенсивно, как ранее. И все-таки то духовное окормление православного мира, которое всегда совершал Афон и благодаря которому он и был, прежде всего, известен, продолжалось.

Настенная роспись в Карее, административном центре монашеской республики Афон

В начале семнадцатого века иеромонах Иерофей продолжает составление «Повести об Иверском монастыре», начатой еще в шестнадцатом веке монахом Феодосием. А в конце семнадцатого иеромонах Григорий (монастырь Кастамонит) пишет «Записку об основании сего монастыря и монашеского жительства на Афоне». Продолжается и необходимейшая работа по переводу Священного Писания и святоотеческих книг на разные языки.

Но где святость, там и нападения на нее врагов нашего спасения. В эти же годы продолжаются и вползания к святогорцам лазутчиков Ватикана. Под всякими на первый взгляд благовидными предлогами. Папа Григорий XV прислал на Афон, якобы помощников монахам в образовании, иезуитов Антония Василопула и Канакия Россиса. Они организовали целую школу в Карее, которую посещали двадцать монахов. Только по требованиям Константинопольского патриарха школа была удалена с Афона. Хорошо бы, если не только с Афона, но и вообще из Греции. Но из Греции католические учителя не ушли, они открыли школу с еще большим количеством учеников в Фессалонике.

Андреевский скит. Афон. Неные принадлежит монастырю Ватопед

Но нет худа без добра. Может быть, именно эти иезуиты натолкнули на мысль о создании собственных православных монашеских учебных заведений. Иеромонах Ватопеда Мелетий организовал в обители духовную школу, которая должна была стать «оплотом греческих знаний, воспитания и всяческого научения в области как философских, так и богословских наук». Школа это вошла в историю Афона как академия «Афониада». Вначале в ней было двадцать иноков, а к 1756 году сто, а еще через два года двести. Патриарх Кирилл V утвердил ее устав. Именно в ее стенах было создано много душеполезных сочинений. Отсюда разносились по свету, спасая души людей, книги о христианском учении, издавались труды великих святителей Иоанна Златоустаго, Григория Богослова, Василия Великого. Составлялись сборники, назовем их «Хрестоматиями изречений Святых Отцов».

Руководитель академии ученый грек-монах Евгений Булгарин в конце жизни принял русское подданство и умер в сане епископа Херсонского. Чтобы договорить об Афониаде, скажем, что трудности, в основном материальные, привели к ее закрытию в 1799 году. Но попытки возобновления духовного образования не прекращались и в девятнадцатом веке. А в 1930 году Афониада была возстановлена как Афонская священническая школа. Через двадцать три года в странноприимном корпусе Андреевского скита, близ Кареи, открылось Афонское церковное училище, преобразованное в 1972 году в академию с шестилетним сроком обучения. Целью обучения являлось «всестороннее образование святогорских монахов в согласии с духом Православной церкви и древнего святогорского учения». Среди выпускников академии были и миряне.

Но вернемся к порядку повествования.

Мы уже упоминали о помощи Афону от московских правителей. Она прищла и в труднейшее время начала восемнадцатого века. В 1707 году к Петру I прибыл игумен Пантелеимоновой обители Варлаам. Получил из царской казны щедрые пожертвования. Через пять лет Варлаам вновь был в Москве и вновь уехал с дарами. Преемник Варлаама Киприан

приезжал в Москву в 1720 году. Получил милостыню и деньгами, и книгами, и церковной утварью.

Это же время запечатлено паломничеством по святым местам Востока воспитанника Киево-Могилянской академии Василия Григоровича-Барского. Он, после посещения италийских и греческих святых мест, пришел на Афон и обошел его весь, посетив все двадцать монастырей и множество скитов. Именно обошел, свершая, как говорят монахи, молитву ногами. «И тако мне умисливших все тамо святи посетити монастыри, начах ходити чинно первее по стране восточной». От Изографа, Хиландара, через Ватопед и Пантократор, Ставроникиту и Кутлумуш, Иверон и Филофей и далее, далее раб Божий Василий, тогда еще совсем молодой, прошел весь Афон.

Святой Андрей Критский и преподобная Мария Египетская. Икона

Многое множество страданий претерпел паломник. Он пишет: «Аз же разумев быти оную пакость от христоненавистного врага диавола за посещение Святых мест, и молих Владыку и Творца моего, да мя избавит от него, в скорби же оной таково сложих Утешение грешной и окаянной душе моей».

Следует в Записках и само это Утешение. Первые буквы каждой строки, читаемые сверху вниз, составляют имя и фамилию Василия Григоровича-Барского. Мы приведем несколько выдержек из стихов инока, навеянных несомненно Покаянным каноном преподобного Андрея Критского:

Восстани, о душе, восстани, что спиши,
Грехами помрачена, почто не радиши?..
С каковым ответом приидеши пред Бога,
Истинного Судию, сотворши зла многа.
Иже всю жизнь твою начнет истязати,
Горе тебе, яко несть что отвечати…
Будешь кровными слезами рыдати,
Тогда не поможет тебе ни отец, ни мати…

Смерть бо грешным люта, всяк то может знати,
Чисту душу получив, чисту треба здати…

Записки Григоровича-Барского были широко известны в России и послужили добрую службу желающим спасения на Святой Горе. А многие вообще впервые узнавали о ней из Записок паломника.

Возобновитель русского монашества

Петровские реформы в области религии, упразднение Патриаршества, секуляризация церковного имущества ускорили исход монахов из России. Те, кто особенно желал строгой монашеской жизни, шли в Молдавию, в Мерлополянский скит, где их принимал, без преувеличения, великий Паисий Величковский.

На Святую Гору он ушел в 1746 году. В 1757 году основал скит Пророка Илии, Ильинский, для «братии молдавского и словенского языка». Для прославления преподобного Паисия хватило бы уже и того, что, вернувшись в Россию, он возобновил в ней монашескую жизнь, но надо перечислить и его труды, хотя бы основные. Ведь именно он перевел на русский «Добротолюбие», сочинения Исаака Сирина, «Огласительные слова» Феодора Студита, сочинения Григория Паламы, Максима Исповедника, Варсонофия, сборник «Восторгнутые класы», то есть колосья, собранные с нивы Господней, в который входили тексты Иоанна Златоустаго, Мелетия, Фотия, Марка, Зосимы, Феогноста…

Годы, в которые прибыл на Афон преподобный Паисий, были печальны для Святой Горы. Примерно в это время посещает Афон уже упомянутый Василий Григорович-Барский. Он указывает на причину упадка монашеской жизни — это притеснение от турок. Честно сказать, и не только. Притеснение русских было и от греков. Славянское племя на Афоне тиранилось и одноверцами. Наши соотечественники, пишет Барский, вынуждены были «семо и овамо по горам скитаться, и от труда рук своих зело нуждно и прискорбно питаться, от всех презираемы. Лиси язвины имут, и птицы гнезда своя, россы же не имут, где главы приклонити на столь прекрасном, уединенном и иноческому житию весьма приличном месте».

Широко известно «Житие» святого Паисия. Не мыслящий спасения души и монашеской жизни без наставника, старца-духовника, он был лишен этого и спасался с помощью святоотеческих книг. Молва о его святой жизни не могла укрыться. К нему притекали отовсюду. Почти в отчаянии он взывал к инокам, что он и сам чает наставничества, но число их все увеличивалось.

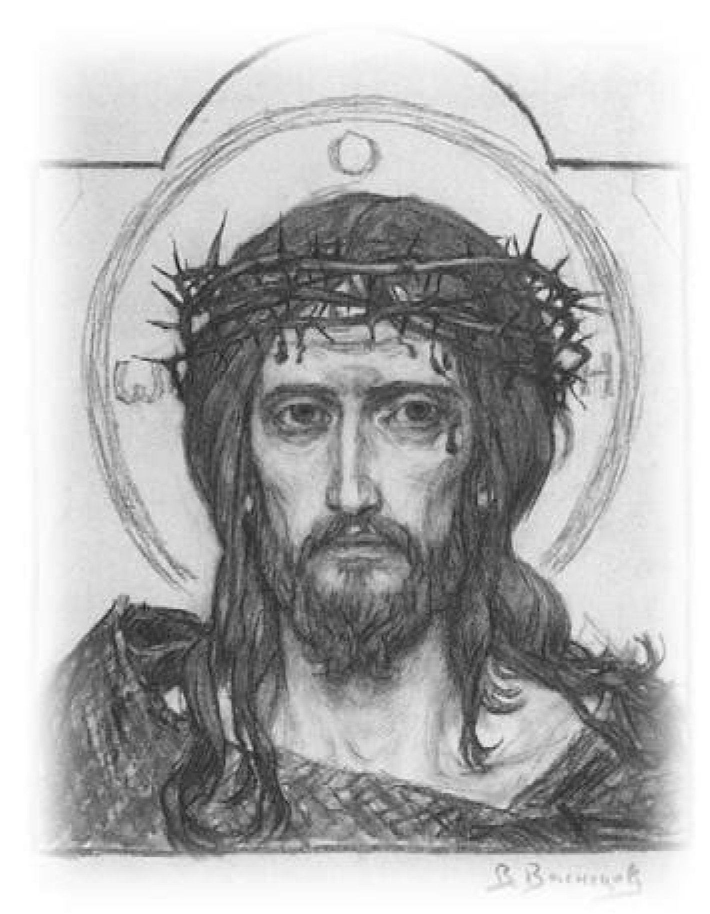
Портрет святого Паисия, в миру Петра Величковского. XVIII в.

Все прошел святой Паисий: и крайнюю нищету, когда иноки, получив милостыню, от истощения едва могли ее донести, и наветы и клевету. Преподобный Паисий исследовал все виды монашеского пребывания на острове: и общежительный, и особножительный, и уединенный, отшельнический. Ставя новоначальным в пример труды святого Григория Синаита, он предупреждал об опасности перехода отшельничества в самочиние и самомнение. «И великий Варсонофий, — назидал преподобный Паисий, — говорит, что преждевременное безмолвие бывает причиной высокоумия».

У монастыря Пантократор святой Паисий выпросил пустующую келью пророка Илии, ибо уже негде было селиться приходящим братиям, и возобновил, а вернее сказать, основал Ильинский скит. Здесь, с помощью жертвователей и трудами братии он выстроил церковь, трапезную, пекарню, странноприимный дом и кельи для иноков.

Претерпевши еще многие и многие злоключения, святой Паисий принял решение — уйти с Афона, ставшего для него негостеприимным. Для России это решение было спасительным. Несколько десятков монахов, ушедших с Паисием в Нямецкий монастырь, близ Кишинева, стали именно тем костяком российского монашества, который с конца восемнадцатого века возродил и усилил влияние Слова Божия на российскую паству.

В малое время насельников Нямецкого монастыря стало до тысячи человек. Так велика была слава афонского пастыря. Святой Паисий принимал всех. «Идущего ко Господу не изждену вон», — говорил он. Когда братия роптала, что им и самим-то нечего есть, старец отвечал: «Прибыл брат, прибыла и молитва, пошлет Господь и на него пищу».

...лисицы имеют норы и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову... (Мф. 8, 20)

В.М. Васнецов. Спаситель в терновом венце. 1906.

Но и взыскивал старец строго. Увидев послушника, идущего по монастырскому двору неблагочинно, размахивающего руками, он не его наказывал, а его духовника. «Как ты наставляешь учеников? Монах ступает кротко, руки на груди, очи в землю, главу склонить, каждому встречному поклон. Иеромонаху или монаху до земли, равному себе — в пояс. Послушник еще не монах, но он уже в монастыре, пострижен или нет, должен соблюдать монашество».

Протоиерей Сергий Четвериков, исследователь жития святого Паисия, приводит список лавр и монастырей, которые основали или в которые принесли афонские уставы, ученики преподобного. В списке сто семь обителей. Причем протоиерей Сергий извиняется за то, что список далеко не полный. Здесь и Александро-Невская лавра, и Боровско-Пафнутьевский монастырь, и Александро-Свирский, и Валаамский, и Арзамасский, и Свято-Вознесенский Нямецкий, и Елецкий, и Коневский, и Козельщанский, и Николо-Угрешский, и Тихвинский, и многие другие. И родная нашему сердцу Саровская пустынь.

Святая Троица. Настенная роспись. Монастырь Ватопед, Афон

В «Надгробном рыдании старцу Паисию от всех чад его духовных», составленном по стихотворным размерам того времени, пишется:

Удивляхуся страны предивному слову,
Стекахуся приятии пользу душ готову.
С надеждою твердою к тебе притекаху,
С радостию полною от тебе исхождаху.
И как утверждение трудов преподобного:
Память твоя, блаженне, во славе пребудет
Блистающа, дондеже мир стояти будет.

То есть, пока мир наш будет еще жив, память о великом старце Паисии будет нас спасать и согревать.

Отец Клеопа и другие

Справедливо и уместно рассказать о старце Клеопе. Это еще один, и очень

основательный, мостик меж Афоном и Россией. Отец Клеопа может быть назван и учеником преподобного Паисия Величковского, и его соработником. Они вместе подвизались на Святой Горе. Уроженец Киева, отец Клеопа служил до Афона и в монастырях Молдавии, но Господь судил ему главным делом служения определить Центральную Россию, владимирские, покровские леса, остров на озере Вятском.

Екатерининские времена. Отношение к монастырям еще очень прохладное. Хотя в их пользу говорит то, что «прожекты» Петра I — превратить монастыри в мануфактуры — провалились, и пушки, отлитые из металла колоколов, составили весьма малое количество вооружения. Но при дворе бытует мнение, что монашество в России не прижилось, что оно «где-то». Светлейший князь Потемкин-Таврический, беседуя с влиятельным епископом Переяславским Сильвестром, высказывает мнение, что в России нет старцев, таких, как в Молдавии и Греции. Владыка Сильвестр горячо возражает, указывая на отца Клеопу. Светлейший, познакомясь со старцем, восхищается его умом и хочет немедленно представить императрице. Но старец смиренно уклоняется от такой чести.

В основанной старцем Клеопой Введенской пустыни учреждается богослужебный афонский Устав…

Введенский собор Введенской островной женской пустыни. Покров, Владимирская область.

В основанной старцем Клеопой Введенской пустыни учреждается богослужебный афонский Устав. И взято не только внешнее подражание афонцам, но и сама суть молитвы. Вот слова старца: «В голову камень класть, поститься, на голой земле спать — это пустое. “Научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем”, — сказал Господь, а не чудес каких-нибудь обещал».

Крестьяне украли монастырских коней. Были пойманы. Отец Клеопа заступился за похитителей, говоря, что они решились на грех от крайней нужды, и одного коня отдал просто так.

Макарий, ученик отца Клеопы, принес афонский устав в Пешношскую обитель…
Николо-Пешношский монастырь. Луговой, Московская область. Фото Shushara.

Через духовное окормление афонского старца прошло множество тогдашних российских монахов: архимандрит московского Симонова монастыря Игнатий, архимандрит Кирилло-Новоезерского монастыря Феофан — это его ученики. А ученик Макарий, впоследствии настоятель Пешношского монастыря, и сам стал родоначальником многих обителей. Как и его наставник, отец Клеопа, Макарий был неутомим в подвигах духовной жизни, любви отеческой.

В Пешношской обители был также устав Афонской Горы. И по этому уставу устроялись и прочие обители: Давидова, Берлюковская, Екатерининская, Медведева, Кривоезерская, монастыри Голутвинский, Сретенский и, наконец, Оптина пустынь. Московский митрополит Платон всегда приводил в пример монашествующим подвиги отцов Клеопы и Макария. А это как раз и был тот незримый, но прочный мост, по которому в Россию шла благодать со Святой Горы.

Девятнадцатый век

Времена Афона, несмотря на нестроения в братии и на нападения извне, продолжаются течением времени, переходом в девятнадцатый, грозовой век, предтечу еще более страшного, двадцатого.

Ярчайший представитель Афона этого времени — несомненно, Никодим Святогорец (1749—1809). Придя в двадцать пять лет на Афон и получив через два года постриг, Никодим, по данной ему от Господа книжной премудрости, подготовил к изданию «Добротолюбие», издал также «Собрание богопрореченных слов и поучений богоносных святых отцов», трактат «Апология веры». Несомненную пользу для души несет его книга «Невидимая брань». Она достигла России и ее пределов, когда, по Божией благодати, через преподобного Паисия Величковского, знание о Святой Горе стало не только монашеским, но и общим достоянием. Никодим Святогорец составлял и афонский патерик. Позднее к «Добротолюбию» добавилось издание «Древних иноческих Уставов».

В 1955 году по ходатайству афонских монахов Константинопольский патриархат причислил преподобного Никодима к лику святых. К пятидесятилетию со дня прославления преподобного и у нас, и в Греции вышло, к радости его почитателей, подробное описание жизни и творчества святого.

Святой Никодим Святогорец пришел на Афон в двадцать шесть лет
Внутренний двор монастыря Ватопед. Фото Aroche.

«Он трудился до самой смерти над просвещением народа, — пишет Мануил Гедеон и восклицает: — О, если бы в каждом веке являлось по Никодиму!» Современный нам афонский монах Феоклит Дионисатский, описавший жизненный путь святого Никодима, в завершение изумленно вопрошает его: «Святейший отче Никодиме, скажи нам, какими жалами было уязвлено чистое твое сердце, что ты был возведен на толикую высоту любви? Скажи нам, где пас ты овец твоих чистых помыслов?»

Есть выражение — Богодухновенные писания. Это о трудах святого преподобного Никодима Святогорца.

Великий старец с великой Волги

Игумен Парфений, писавший о Святой Горе, был еще и искусным художником. Он оставил после себя гравюры, на коих запечатлел афонских монахов. Одна из запоминающихся — изображение иеросхимонаха Арсения. Склонивши голову, прижимая правой рукой к сердцу монашеские четки, держа в другой свиток со словами: «Твой есмь аз, спаси мя», старец молитвенно устремил взгляд в ему одному видимое пространство.

Нижегородская губерния, город Балахна, волжские просторы дали миру сего дивного исповедника веры Христовой. От роду он был наречен Алексеем, затем, при пострижении, Авелем, и уже потом, на Святой Горе, Арсением. А туда он рвался всем сердцем, услышав рассказы о ней. И в Пешношской пустыни, и в молдавском Балашевском скиту он говорил о

желании пойти на Афон. Но уж очень время было неподходящее, Греция была под турками, кишели они и на Святой Горе. Не сумевши навязать монахам мусульманство, проливши при этом много неповинной крови, турки обложили монахов многими данями, поборами, да и просто грабили. А что взять у монаха? Нечего. Тогда избивали. Эти рассказы доходили до России. И все равно горячее желание уйти на Афон и разделить там с монахами их участь, не проходило.

В Молдавии Алексей принял постриг и обрел верного друга, монаха Никандра, с которым они и двинулись в спасительный, скорбный путь. Но перед этим долгое время, во имя отсечения своей воли, они повиновались духовному отцу и служили Господу в монашеском звании, не дерзая без благословения уходить в Грецию.

Турецкая разнузданность дошла до того, что в 1821 году в Константинополе был убит захватчиками Патриарх Григорий. Греческая кровь лилась по улицам столицы Византии. Греки говорили монахам Авелю и Никандру: «Зачем вы, отцы, приехали к нам теперь? У вас, в Молдавии, так не режут баранов, как здесь режут православных. По сто, по двести в день. И это на площадях, при всех, а сколько гибнет всего, неизвестно. И на Святой Горе полно грабителей. По морю корабли не ходят, а вся суша забита разбойниками».

Богоматерь Иверская. Афонская икона для надгробного иконостаса царевны Софьи. XVII в. Сейчас хранится в Новодевичьем монастыре

Но монахи решили разделить участь страдальцев. Зиму провели в Константинополе. Просили милостыню, делились ею с греками. «Сколько скорбей претерпели, про то только Тот знает, Кто их послал в дорогу», — пишет святогорец Антоний в книге о подвижниках благочестия на Афоне в девятнадцатом веке.

На Святой Горе что увидели они? «Монастыри стоят запертые, а монахи иные разбежались по разным странам, иные скрылись по непроходимым лесам и вертепам, и мало где кого видно было. Отцы наши пошли к Самой Игуменье Афонской в Иверский монастырь».

Там они узнали чудо, которое ободрило их и дало силы на начало жития в монастыре. Главная икона обители вся была убрана в золото, серебро и драгоценности. Но стояла в целости и сохранности. Как так? Монахи объяснили, что на такое богатство турки зарились непрестанно

долгое время, пока не убедились, что какая-то необъяснимая для них сила не подпускает их к иконе и даже не дает зайти в храм.

И в Пешношской пустыни, и в молдавском Балашевском скиту Арсений стремился к Афону…

Свято-Пантелеимонов монастырь. Афон. Фото Dickelbers.

Новопришедшим из России выделили келлию и благословили самим искать пропитание, ибо едоков у монастыря было с избытком, одних турок приходилось кормить несколько десятков. «Отче, — спрашивал я старца, — чем вы питались?» Он же отвечал мне: «А что Господь сказал? Ищите прежде царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам». (Мф. 6, 33). И не мы одни пропитались, но более тысячи оставалось на Святой Горе, и всех Господь пропитал».

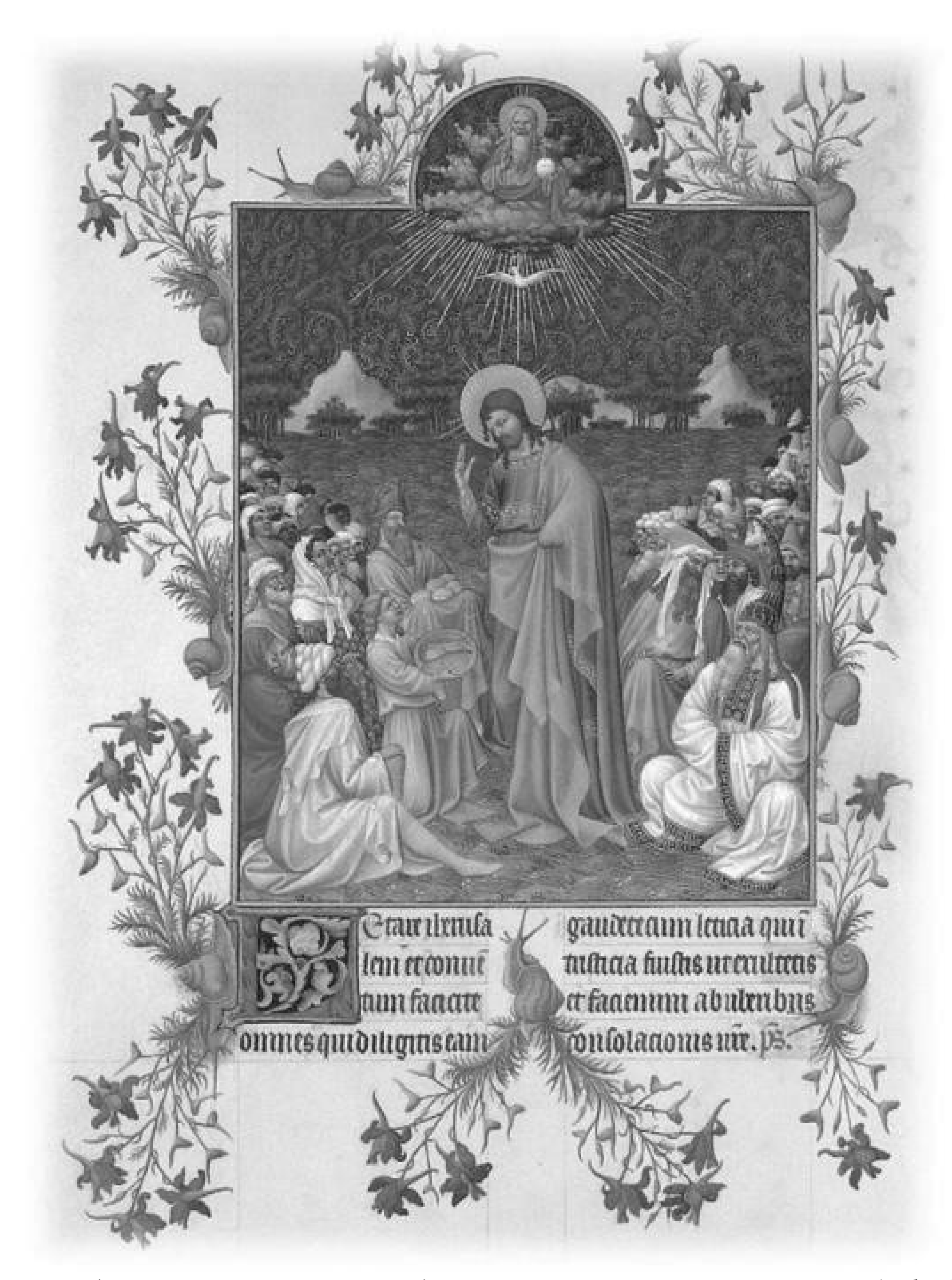
Отошла смута, и стало полегче. Хотя деньги, выручаемые за выделывание ложечек, старцы отдавали еще более нуждавшимся.

В великой схиме отец Авель был наречен Арсением, а Никандр Николаем. Поселились в одном часе ходьбы от Иверона в непроходимой пустыни, в келлии во имя святого Иоанна Златоустаго. Инок Парфений вспоминает:

«Многажды мне случалось у них ночевать… С той поры как они пришли на Святую гору, отец Николай прожил 19 лет, отец Арсений 24 года, и не вкусили они ни рыбы, ни сыру, ни вина, ни масла. Пища их — сухари, моченые в воде, и те носили на своих плечах из Иверского монастыря в гору. Еще любили красный стручковый перец. Вот повседневная их трапеза: сухари, перец и баклажаны, случался и лук, ежели кто принесет. Соленые маслины и смоквы (инжир) предлагали только гостям. И всегда кушали однажды в день, в третьем часу пополудни, а в среду и пяток оставались без трапезы. По келлиям занимались чтением духовных писаний. Вечерню правили по уставу, читали всегда со вниманием и со слезами, не борзясь, тихо и кротко, потом повечерие с каноном Богородице, и на сон грядущий молитвы. Ночь всю провождали в бдении, молитвах и поклонах. Если сон их преклонял, сидели не более часу во всю ночь. Часов у них не было, жили по времени, которое отбивал колокол Иверского монастыря, хорошо слышимый. В полночь соборно читали полунощницу, а потом утреню по уставу. После утрени читали всегда канон с Акафистом Пресвятой Богородице. Потом предавались безмолвию. Когда рассветало, занимались рукоделием. Разговоров меж собой не имели. Читали часы и молебен Божией Матери, а потом трапезовали. И так проводили дни и ночи».

Радостен для иноков Арсения и Николая 1836 год. Великий постник, иеромонах Аникита

(князь Ширинский-Шихматов), обошедший всю Афонскую Гору, посетил и наших отшельников. Полюбил их, просил отца Арсения стать его духовником и пригласил в поездку во Святой град Иерусалим. Проведя во Святой Земле зиму, встретивши Святую Пасху, они вернулись в свои келлии.

Ищите прежде царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам… (Мф. 6, 13)

Христос кормит страждущих пятью хлебами. Великолепный часослов герцога Беррийского. Миниатюра. XV в.

Старый город. Иерусалим

Первым из них отошел ко Господу старец Аникита. Через три года он явным образом явился старцу Николаю. «Исполнилась вся келлия света. Муж в облачении говорит мне: “Узнал ли, кто я?” Я ему ответил: «Воистину, ты — отец Аникита, наш друг и спутешественник во Иерусалим, и уже третий год как помер». Отец Аникита предсказал, что после четырех дней и отец Николай освободится от всех скорбей и болезней. «Меня Господь послал утешить тебя».

Так и случилось. Отец Арсений остался один, затворился в келлии и не выходил ни к кому целый год. Потом получил от Господа извещение, что остался пожить в сем мире ради братий.

Вышел из затвора и успел еще принять к себе в ученики достаточное число монахов. А под старость случилось ему предпринять длительное путешествие по делам монастыря в Константинополь. Пройдя тысячу километров, Арсений явился пред Патриаршими очами. Почему не на корабле, спросил тот старца. Арсений честно признался, что не имел, чем заплатить за проезд. Патриарх просил старца взять денег на обратную дорогу.

В начале 1846 года, когда стало тепло и уже можно было копать землю, старец Арсений все свободное время проводил в огороде. Когда ему сказали, чтобы он и учеников привлекал к работе, он ответил. «Они без меня еще накопаются». Из чего монахи поняли, что старец готовится к исходу. Он был очень болен, но каждую седмицу служил четыре литургии.

Марта, 23 числа призвал к себе учеников, просил подходить по одному, всем давал наставления, каждого прощал, у каждого просил прощения. Потом просил оставить его одного. Они не могли слышать, что он говорил, но понимали, что он молится. Издали увидели, что он трижды воздевал руки к небу, потом сам лег на свое ложе и затих. Вернувшись, поняли, что душа его отошла к Царю Небесному.

«Отец Арсений, — пишет святогорец Антоний, — лицом был чист и весел, очи наполнены слез, был весьма сух, но на лице всегда играл румянец, во время литургии лицо его было яко огненное. Речь его была кроткая, немногословная, весьма начитан был Священного и отеческого писания, свидетельства из них всегда говорил наизусть. Ученики, с ним жившие, никогда не видели его спящего, а больше на ногах, и мало сидящего… Через три года, по афонскому обычаю, откопали его кости, они оказались желтыми, как воск, и испускали благоухание».

Восстание греков и новые страдания Афона

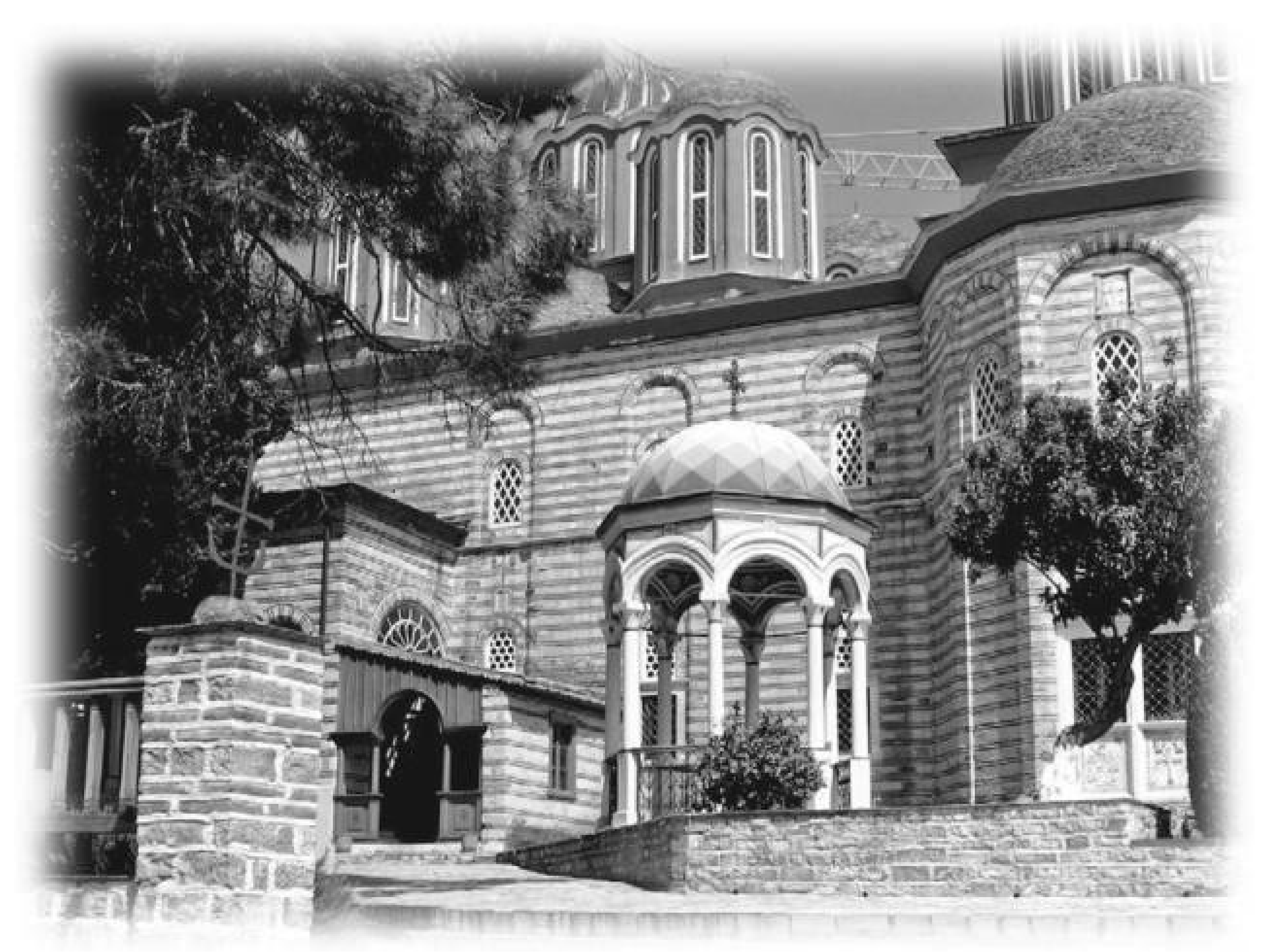
Число скитов при монастырях увеличивалось. Увеличивалось, соответственно, и число монахов. Все монастыри переживали период расцвета, особенно Великая Лавра, Ватопед и Иверский. Органом управления Святой Горой стал Священный Кинот. Должность прота была упразднена.

Афон вернулся к общежительному уставу. Это привело и к нравственному, и к духовному возрождению.

Война России против турок оживила и подбодрила греков к восстанию. Но греческое восстание против турецкого ига принесло Афону не только освобождение от мусульман, но и непредвиденные страдания. Монахи до этого времени дальновидно не вмешивались в политику, не желая накликать на себя гнев поработителей. С Афона бежал в Россию сосланный туда турками Патриарх Серафим II. Этого турки не простили Афону, и возникла угроза оккупации Святой Горы. Оккупации удалось избежать благодаря Патриарху Феодосию в обмен на увеличение и без того тяжких налогов.

Некоторые монахи, особенно молодые, примыкали к восставшим грекам. В отместку за это турки хватали и пытали афонских монахов.

На Святую Гору бежали отовсюду. Беженцев на ней в 20-е годы девятнадцатого века было свыше пяти тысяч. И всех надо было хоть как-то разместить и накормить. Предводитель повстанцев Эммануил Паппас тоже укрылся на Афоне. Некоторые монахи встали под его знамена. Это усилило злобу турок. Трехтысячная их армия во главе с пашой в декабре 1821 года оккупировала Афон. Турки убивали святогорцев, живущих даже за пределами Афона. Фессалоникийский паша Абдул Абут предложил монахам мир в обмен на Паппаса. Паппас, спасая монахов, бежал и в пути скончался.

На Святую Гору бежали отовсюду…
Церковь в монастыре Ксенофонт. Афон. Фото Adriatikus.

Турецкие отряды оставались на Афоне до 1830 года. Это было настоящим бедствием — захватчики убивали и пытали монахов, жгли библиотеки, грабили монастыри, храмы, скиты. Более того — они сожгли типографию Великой Лавры. Подобные дикарям, они пускали редчайшие рукописи и свитки на растопку. Кормить турецкие гарнизоны, которые были размещены по всем монастырям, было непосильно. Монастыри пустели. Оккупанты наложили на монахов огромную контрибуцию. Численность монахов на Афоне сократилась до двух с половиной тысяч.

Святой Савва и святой Симеон. Православная икона. На заднем плане — гора Афон и монастырь Хиландар

Кроме солдат-грабителей на Афоне расплодились и бесчинствовали разбойники. И морские, и береговые. А.Н. Муравьев описывает случай, происшедший во время его поездки в обитель Иверскую. Сюда, на престольный праздник, двигались из Солуни более ста человек. Разбойники, до того ограбив два судна, английское и французское, напали на паломников. Те, сойдя с корабля, двигались один за другим по горной тропе. Всех поодиночке связывали и грабили. Капитан пиратов собственноручно связал одного диакона, но, видно, в нем еще не до конца была погублена совесть, он, пишет Муравьев, «совестился снять с него золотой крест, и просил, чтобы он сам его благословил. Бедный диакон должен был надеть крест свой на шею разбойнику».

Поместим здесь рассказ, так сказать, и о благоразумном разбойнике. Это знаменитый Спирос Зервас, промышлявший со своей шайкой грабежами и даже убийствами. Он обратился к Богу под влиянием святого равноапостольного Космы Этолийского.

Косма — инок Филофеевской обители. Телом он был на Афоне, а сердце рвалось помогать порабощенной родине. Монах Косма добивается благословения духовных отцов и разрешения Патриарха на проповедь среди греческого населения. Города и села оккупированной Греции услышали пламенные слова святого. За ним ходили по пятам толпы людей. Молва о его всеведении, о его многомощных молитвах летела впереди святого. Например, все знали историю одного пастуха, который принес в дар монастырю большой кусок свежего сыра. Святой Косма крестообразно разрезал сыр. Внутри оказался червяк. Пастух растерялся. «У тебя в стаде чужая овца», — обличил его отец Косма. Так и было. Однажды

святой произносил проповедь недалеко от разбойничьего притона. Спирос Зервас и товарищи прятались в пещере, думая, что такое количество людей пришло их схватить. Отсиделись. А к вечеру разбойник вышел и спросил, зачем тут было столько людей. «Разве ты не знаешь отца Косму? Он всюду ходит и говорит о любви, о Христе, о покаянии». И — удивительно — разбойник был потрясен. О любви, о покаянии? А я что творю?

Святой равноапостольный Косма Этолийский. Афонская икона

Спирос Зервас встал на колени и на коленях пополз к монастырю, где, ему сказали, был в тот день святой. Так, на коленях, он просил у святого прощения. Во всеуслышание, с рыданиями, разбойник каялся в своих грехах. Святой увидел колени, изодранные в кровь, бороду и одежду мокрые от слез и сказал: «Да простит тебя Господь». — «Меня? Простит? За такие преступления?» — «Да», — твердо ответил святой. — «Что мне сделать для спасения души?» Святой Косма показал на гору: «Иди и построй там монастырь».

Ныне это монастырь Лекаца. Под слоем штукатурки была обнаружена надпись: «Построен на пожертвования капитана Спироса Зерваса».

Времена возрождения

Вновь вспомним отца Арсения. Именно он духовно окормлял своего ученика инока Иоанникия. Видя в иноке сосуд избранный, старец Арсений соделал его, говорит жизнеописание, «своим сотаинником».

Отец Иоанникий следовал правилу древних: «Бегай людей и спасешься, ибо это корень безгрешия». Он и не помышлял о священстве, но Божия Матерь судила иначе. Русские в первой трети века стали здесь почти бесправны. Их вытесняли из Руссика и из скита Святого пророка Ильи. Но Руссик, в наказание за это, приходил в запустение, и греческий старец, столетний отец Венедикт, и его ученик, игумен Руссика Герасим, осознали: единственное, что спасет монастырь, это — возвращение в него русских. И вот, в 1839 году русские иноки, возглавляемые игуменом Павлом, вернулись в Руссик. Отец Павел в данном случае вверился воле отца Арсения. «Иди, — говорил отец Арсений вдохновенно, — Бог благословит, и я

благословляю, ибо давно уже дожидается русских святой великомученик Пантелеимон!»

В навечерие праздника Входа во храм Пресвятой Богородицы русские монахи служили в своей церкви. Братство русское состояло на особых правах: оно подчинялось настоятельству игумена — грека отца Герасима и одновременно находилось под духовным руководством иеросхимонаха Павла. Братство служило на славянском наречии и пользовалось самостоятельностью.

Святой великомученик Пантелеймон Целитель. Икона. Византия. Афон, XIV в. Монастырь Хиландар

Отец Павел, свершив завещанное от Господа, отошел в вечность в 1840 году. Земная кончина его была благоговейной, он опочил на молитве, тихо склоня голову, как бы уснув. Осиротевшие русские монахи просили отца Арсения об игуменстве, но тот говорил, что Бог не оставит их, но даст такого мужа, который устроит и украсит сию обитель. Но вновь и вновь просили монахи старца Арсения о начальстве над ними. И вновь и вновь отец Арсений говорил о муже достойном. И повелел братии поститься и молиться Богу и Божией Матери. Конечно, молва о подвигах старца Иоанникия не могла удержаться в его келлии, и монахи говорили и о нем, но безо всякой надежды. Единственный, кого мог послушать отец Иоанникий, был старец Арсений.

Прошла неделя молитв и поста. Монахи паки и паки били челом старцу Арсению. Тот послал записку отцу Иоанникию, приглашая его с братией. Когда они, чтя старшинство, явились, старец Арсений облачился, надел на себя епитрахиль и в церкви объявил отцу Иоанникию, что Господь избрал его на духовничество в Руссике. Пал в ноги старцу Арсению отец Иоанникий и со слезами молил избавить его от такой тяжелейшей участи: «Я слаб, я стар, немощен, как я буду управлять многими, когда несколькими едва управляюсь?»

Старец Арсений был непреклонен. День вселения в Руссик отца Иоанникия был ознаменован обильным источением многоцелебного мира от мощей старца Никодима, именно от того, с кем святой Иоанникий пришел на Святую Гору. Это был Божий знак возложения на отца Иоанникия Креста по руководству русским монастырем.

В 1841 году, на первой неделе Великого поста, отец Иоанникий восприял святую схиму и был наречен Иеронимом. Благословенно время его пребывания у руля русского монастыря. О таких говорят: «Молитвы его доходчивы до Престола Небесного». Он как-то сумел привлечь к Афону русские капиталы. Глядя на благие примеры, устремились на Афон русские купцы и

промышленники. И не только вкладывали свои деньги в монастырь, его скиты и келлии, но и зачастую принимали подвиг послушничества, а затем монашества.

Молитвы их доходчивы до Престола Небесного…

Видение Иоанна Богослова на острове Патмос. Великолепный часослов герцога Беррийского. XV в.

Началось благое дело книгоиздательства на Святой Горе для мирян и желающих спастись. Отдадим поклон памяти святителя Феофана, затворника Вышенского. Он — один из первых благодетелей книгоиздательства афонского. К сожалению, сам святитель Феофан не был на Афоне. Здесь упоминания достойно, что первым русским святителем, приехавшим с поклоном от России на Афон, был преосвященный Александр, бывший епископ Полтавский.

Святогорец и его письма

Появился и свой, афонский, воспеватель иноческого жития на Афоне, монах Сергий

Святогорец. Он прожил очень мало, всего тридцать девять лет (1814—1853). Но успел многое. В миру он звался Веснин Семен Авдиевич, учился в вятской семинарии. Был наделен несомненным литературным даром. Тогда Россия зачитывалась сказкой Ершова «Конек-горбунок». Она и в наше время пришла как классика сказки для детей и взрослых. Подражая этой сказке, Семен Веснин сочинил и свою «Вани — вятчане». Описание смешных, веселых, неунывающих недотеп очень полюбилось читателям. И как эти Вани в Москву ездили, как их на ярмарке обокрали, как они вора поймали, как на войну ходили, как ружье заряжали, да как стреляли, да как сами же от выстрела полегли, как толокно в прорубь сыпали, да лаптем мешали, да как их жены не узнали, — все это, написанное народным языком, издавалось и служило добрую службу добрым людям. Ведь все приключения и подвиги Ваней — вятчан заканчивались славословиями Богу.

Рано принял Семен Авдиевич монашеский постриг, и уже в 1843 году принял святую схиму на Афоне. В 1850 году монах Сергий Святогорец был самым, может быть, читаемым автором в России. В Санкт-Петербурге вышли в свет его «Письма к друзьям своим о Святой Горе Афонской». Письма открывали читателям целый материк жизни, известной дотоле не очень большому кругу.

Сергий Святогорец окончил Вятскую духовную семинарию. Вид на Трифонов монастырь, где находилась семинария. Фото А. Соломина

Трогательное и поныне целебное чтение «Писем» Святогорца ведет нас по святым местам, возводит на вершину Афона, говорит о преданиях Горы, о монахах и послушниках, о долгих молитвенных бдениях, подает духовные советы спасения души в мирской жизни:

«…без скорби не приведи Бог жить. Того-ли, другого-ли рода несчастия, а они необходимы для души нашей: иначе горе нам в день вечери небесной. Туда всякий должен явиться в одежде, очищенной слезами, потом и кровавыми трудами собственных подвигов, а главное, в одежде, освященной кровию Христовою. Значит, наше существенное дело — страдать и плакать, плакать неутешно!.. Если мы не плачем, то плачут за нас наши добрые ангелы-хранители, видя, что наше дело плохо и что мы идем не крестным, а пространным путем… Вместо пасхального красного яичка прилагаю при сем пустынный цветок, которого не знаю ни названия, ни рода. Эти цветы у нас долго ведутся».

С восторгом отзывался о «Письмах» Святогорца Николай Васильевич Гоголь. Когда отец Сергий приехал в Петербург, они познакомились. Монах Сергий звал писателя посетить Афон. Писатель согласился с радостью, и только кончина его помешала сбыться намерению.

Печатались и духовные стихи Святогорца, его дневниковые записи про афонские будни,

названные «Келейные записки», его «Путеводитель по Афону», он создавал вслед за Никодимом «Афонский патерик». Но все это увидело свет уже после земной кончины автора. Начиная с 1854 года, за десять лет вышло не менее десяти изданий схимонаха Сергия Святогорца. Несомненно, благодаря ему на Святой Горе Афон к двадцатому веку только в Пантелеимоновом монастыре было около ста монахов — выходцев из вятской земли.

Одно заметим. В своей всепоглощающей любви к Афону отец Сергий говорил, что уже одно присутствие монаха на Святой Горе спасает его душу. Нет, конечно. Митрополит Филарет, одобряя публикацию трудов Святогорца, это место не одобрил.

После преселения духовника русских монахов на Афоне старца иеросхимонаха Арсения в небесные обители, на Святой Горе непререкаемым авторитетом стал его преемник старец Иероним. Не только русские, но и греки, и сербы, и болгары, и румыны видели в нем сердечность, искренность, молитвенную помощь. Он помнил предсмертные слова старца Арсения, бывшего тридцать лет общим духовником: «Страха и ужаса не имею, но радость наполняет мое сердце, ибо великую имею надежду на Господа Бога моего Иисуса Христа, что Он не оставит меня Своею милостью. Хотя я добрых дел и не сотворил, но и по своей воле ничего не сотворил, а что творил, то помощью Господа моего, по Его воле святой». То, что старец ничего не свершал по своей воле, а только по воле Божией, и было главным для отца Иеронима.

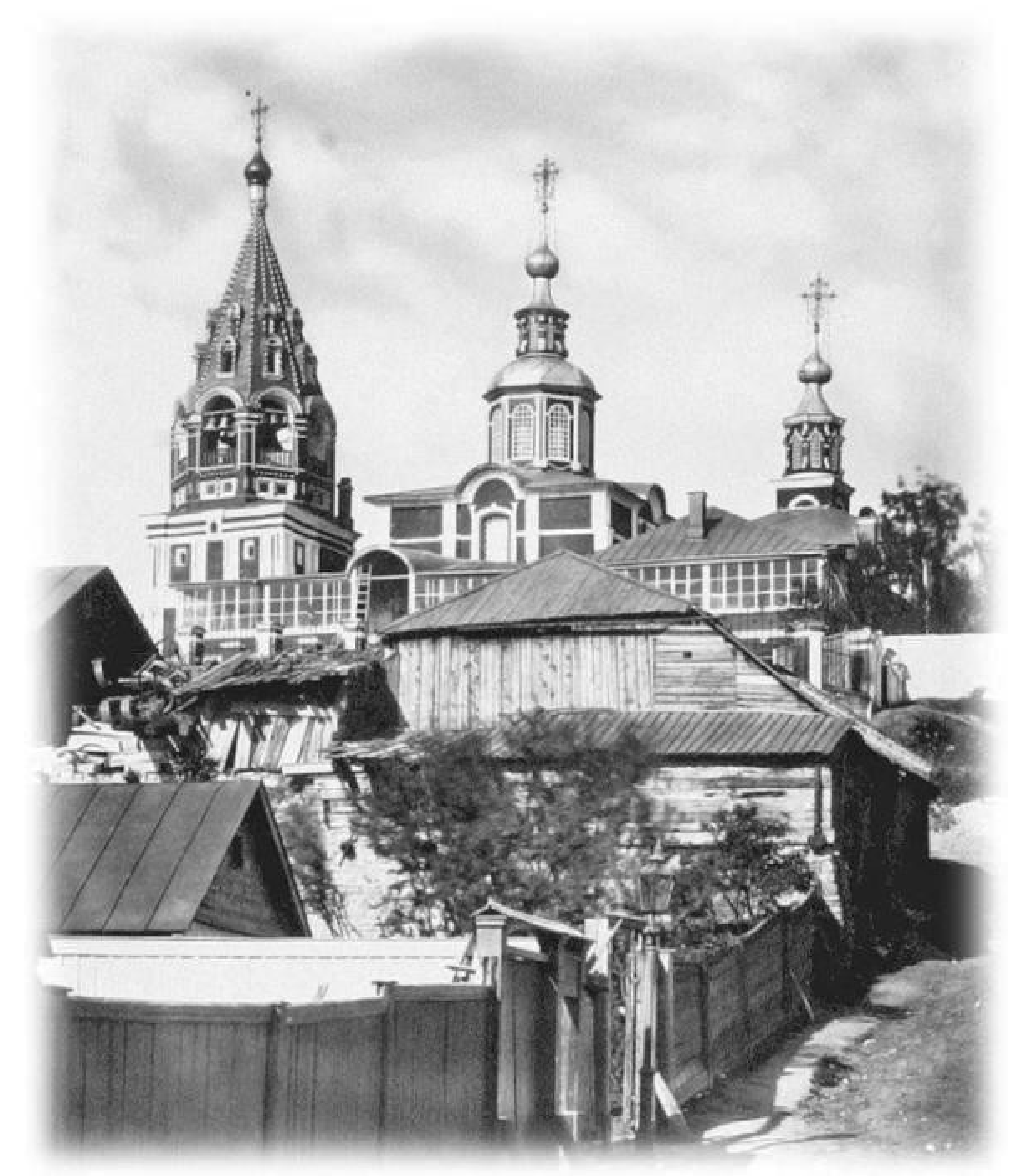
Великое свершилось: всего десять монахов оставалось в Руссике, когда туда пришел отец Иероним, а к концу его преселения в вечность их было восемьсот.

Первый русский настоятель монастыря

Отца Иеронима сменил отец Макарий, выходец из богатой купеческой семьи Сушкиных из города Тулы. Именно на нем остановил свой выбор отец Иероним. Греки ревновали. Грек Герасим, настоятель Пантелеимонова монастыря, был стар, уже давно и хозяйственными, и духовными делами управлял отец Иероним. Для него не было разницы, какой национальности монах, главное — его молитвенность.

Огорчаясь духом ревнования к власти, старец искренне хотел одного, чтобы бразды правления находились в надежных руках. Авторитетом для греков был настоятель Герасим, и именно он, столетний уже, назвал кандидатом в настоятели русского монаха Макария. И еще два обстоятельства послужили сему доброму делу: к этому времени большинство братии в монастыре были русскими, это первое, а второе то, что Константинопольский патриарх и его синод признали отца Макария в сане настоятеля.

Это было событие решающее — утверждение России на Афоне. И событие справедливое. И сама личность отца Макария была настолько значительная, его душевные качества: любовь ко всем, смирение, терпение, его всеобъемлющие знания как духовной, так и экономической жизни вскоре убедили и греков в правильности выбора. Своею кротостью и мудростью, благоразумием отец Макарий убедил всех, что нисколько не выделяет из среды монахов русских, ему важно исполнение монашеских обязанностей.

Храм Святого Никиты на Швивой Горке. С 1992 года — подворье Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря. Фото 1882 года из альбома Н.А. Найденова

Святые Иероним и Макарий первыми на Афоне ввели обычай раздачи подаяния и прокормления нищих монахов и просто нищих. Ведь в числе нищих (по-гречески, нищий — сиромаха) были великие избранники Божии, взявшие добровольно на себя Крест нищенства.

Их трудами и в их дни свершилось великое — основание Нового Афона в пределах российских, на месте подвигов и мученической кончины апостола Симона Кананита. Тут устроилась общежительная обитель под именем Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря по чину и уставу Пантелеимонова монастыря. Здесь возглавил братию благословленный отцом Иеронимом иеромонах Иерон.

В Первопрестольной, на Никольской улице, была устроена часовня в честь святого Пантелеимона. Она была столь велика, что воспринималась как огромный красивый собор. Это было место связующего звена России и Афона. Тут был склад изданий святоотеческой афонской литературы, шли непрестанные молитвы за русских иноков на Афоне. И здесь же издавались знаменитые афонские листки под названием «Душеполезные размышления» и

«Душеполезный собеседник».

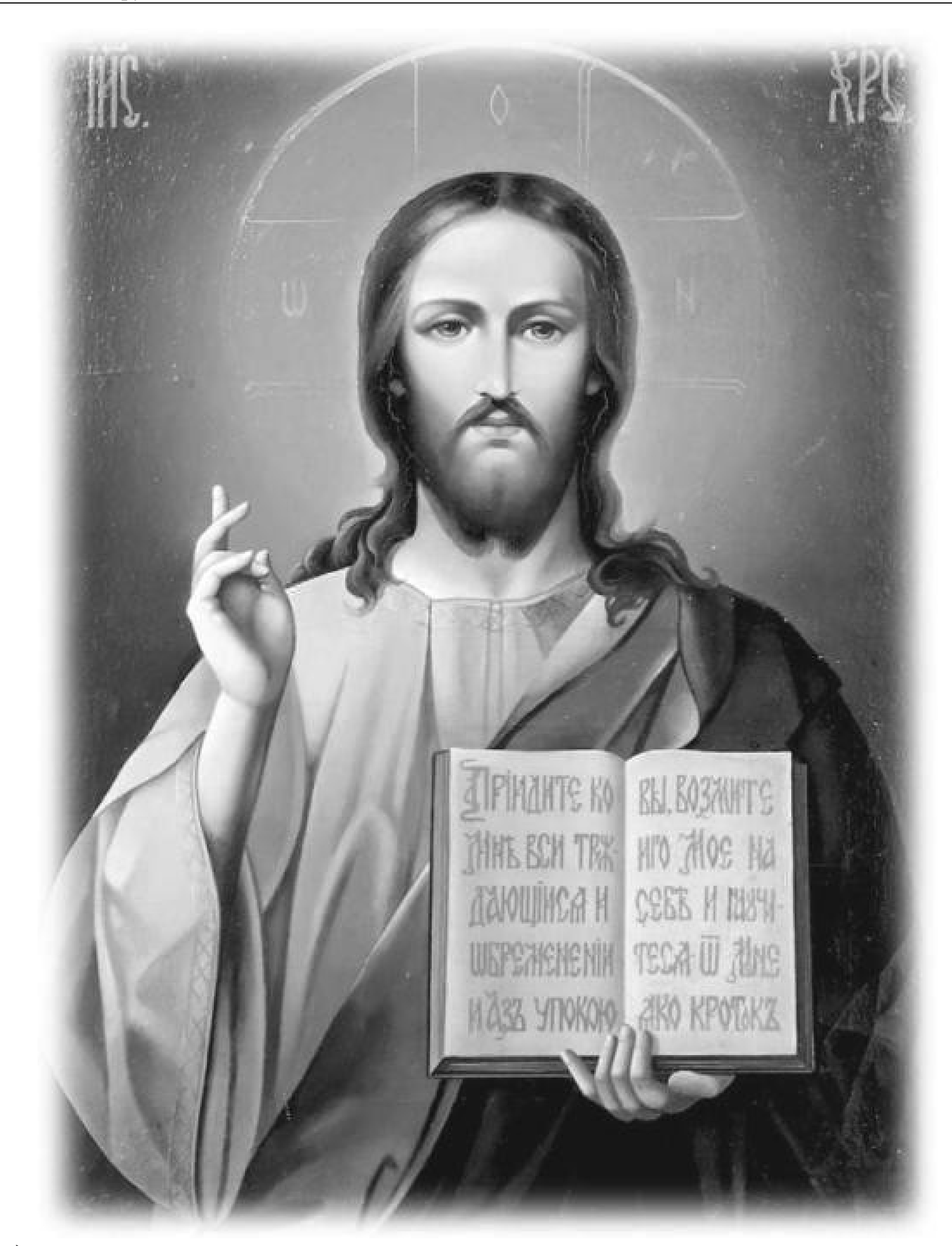
Возьмем ныне переизданные выпуски за 1889 год. Разделы «Уроки слова благодатного», «Афонская летопись», «О молитве», «Из дневника православного христианина», «Афонский патерик в поучениях» и т. д. — содержали просто написанные, доходчивые поучения, проповеди, советы о благочестивой жизни. Примеры из жития святых отцов, извлечения из святоотеческой литературы, примеры спасения души в мирской жизни, — все это было целительно и необходимо для людей и церковных и особенно для еще только воцерковляющихся. Вот несколько примеров из раздела «Золотые блестки»:

«Если бы кто сидел в темнице, и нашелся бы человек, который бы вывел его оттуда на свет, то вышедший из темницы, во всю свою жизнь был бы благодарен своему благодетелю. Как же нам не помнить благодеяние Спасителя нашего Иисуса Христа, освободившего нас от тьмы сатанинской и открывшего нам дорогу к царствию небесному»?

«Священное Писание и церковная история исполнены примерами, могущими утвердить душу нашу во внимании к собственному спасению, и уверить нас, что ни достоинство, ни звание, ни чин, ни состояние не могут воспрепятствовать нам на пути святости».

«Строгие обличения весьма часто приносят вред вместо ожидаемой пользы. Духовные врачи обличения свои должны растворять мягкими словами, умеряя тем их горькость, и таким образом открывая им благоприятный вход в ум и сердце обличаемого, во исцеление немощей душевных».

Афонские листки, при неимоверной тогда дешевизне — рубль за все годовые выпуски — расходились по всей России.

…ни достоинство, ни звание, ни чин, ни состояние не могут воспрепятствовать нам на пути святости

Много сделал для издания афонской литературы для России протоиерей Андрей Ковалевский и поэт и библиограф С.И. Пономарев. Первый был составителем посмертной биографии иеросхимонаха Иеронима, а затем биографии священноархимандрита Макария, а С.И. Пономарев написал стихи «Из афонских воспоминаний». Вот несколько строф из стихотворения, названного:

«Старцу Иерониму. В ответ на присланные от него розы».

Зимы отшельники не знают.
Зима для них в календаре,
А в кельях их благоухают
Живые розы в декабре…
Но много лучше роз прекрасных
Цветенье чувств твоих, речей,

Благоухающих и ясных
И в самой старости твоей.
Цветы увянут — запах нежный
От них безвестно улетит,
И жизнь заботой неизбежной
Его и в памяти затмит.
А святость чувств благих, сердечных
Неувядаемо живет
В воспоминаньях бесконечных
О том, кто внутренне цветет.
Ты — цвет Афона, ты — виновник
Других цветов в краю чужом:
Ты — первый опытный садовник
В цветущем Русике твоем!
О, пусть же Промыслом верховным
Господь хранит из года в год
Тебя в сем цветнике духовном,
Тебя, как лучший цвет и плод!

Эти сердечные стихи можно с полным правом отнести и к священноархимандриту Макарию. Как описать сутки его афонской жизни? День его начинался в глубокую полночь. Спал в подряснике часа полтора до утрени. Исповедь у него продолжалась часа три. Он не допрашивал о грехах по требнику, а так действовал на исповедующегося своим состраданием и желанием помочь исправить греховную жизнь, что люди сами открывали самые затаенные движения своего сердца. Далее старец служил раннюю литургию, служил так истово, что она оканчивалась иногда одновременно с поздней. Шел в келлию, но у нее теснилось множество просителей: келлиоты, отшельники, сиромахи, пустынножители, мирские. И русские, и греки, все, кто хотел увидеть старца. Не удавалось иногда выпить чашки чаю. У кого калива разваливается, у кого денег нет на обратную дорогу, у кого обувь износилась, одежда изорвалась… всех выслушивал старец, никому не отказывал. Давал деньги на дорогу, но, как правило, эти деньги возвращались благодарными паломниками с лихвой. Старец обходил все службы монастыря, шел на кухню, огород, скотный двор, на постройки. А сколько он писал писем жаждущим получить от него спасительный совет! И никогда не пропускал служб, отстаивал все ночи.

Отец Иероним умер в 1885 году, 14 ноября. Его главное завещание вместилось в две строчки, написанные собственноручно: «Не ищи здесь, на земли, ничего, кроме Бога и спасения души».

Через три года пришел черед и отца Макария. 18 июня было празднество в честь новомучеников, пострадавших от турок. Оно совпало с днем чудотворной Боголюбской иконы Божией Матери. Отец Макарий распорядился перенести празднование иконе на следующий день. Боголюбская икона была для него особенной. Ею благословили его родители, когда он уезжал на Афон. Именно в этот день, после литургии, которую он служил с особым умилением, он удалился в алтарь, склонился на подоконник. Силы оставили его.

Не ищи здесь, на земли, ничего, кроме Бога и спасения души…

Редкие, печальные удары колокола возвестили Афону о преселения в обители вечные первого русского настоятеля Русского монастыря. 21 июня, после литургии в Покровском, самом вместительном, соборе монастыря, началось прощание с настоятелем. Простой монашеский гроб вынесли из собора. На каждом этаже служились литии. Отпевание возглавил преосвященный Агафангел. Оно было на двух языках и продолжалось очень долго. По окончании отпевания, в сопровождении ста сорока священнослужителей, гроб обнесли с Крестным ходом вокруг Пантелеимонова собора. В ограде монастыря было негде протолкнуться.

На четвертый день огласили Завещание старца. Главное в нем — увещевание братии к любви друг ко другу, забота о порядке в обители. «Еще мое усердное завещание вам, отцы и братия: врата обители да не затворяются никогда для нищих и убогих». Завещание это исполняется монахами и доныне.

«Каких мощных сил, — восклицает автор жизнеописания святых Иеронима и Макария, — были исполнены эти два великих старца! Сколько борьбы, борьбы непосильной, почти

сверхъестественной, пришлось им испытать — одному при насаждении, а другому при воспитании и утверждении этого афонского вертограда Христова — Русского Пантелеимонова монастыря. Вообще, все, что мы видим во внешнем и внутреннем благоустройстве монастыря прекрасного, доброго, чистого и святого, — все это плоды ревностных трудов иеросхимонаха Иеронима и священноархимандрита Макария».

Русское присутствие и ревность к нему

Трудами этих великих отцов возросло русское присутствие не только на самой Святой Горе, но и в России возвысилось почитание афонских иноков. Самая сильная в мире православная держава Российская приняла Афон в свое сердце. Если доселе афонских старцев помнили и чтили, в основном, по монастырям российским, то с половины девятнадцатого века известность Святой Горы стала повсеместной. Да, она была далеко географически, но входила в каждое православное сердце и согревала его. Великая благодарность за афонскую, спасающую мир, молитву вызывала в благочестивых сердцах заботу о Святой Горе. На Афон шли пожертвования отовсюду. Благодаря им с невиданным размахом, доселе поражающим воображение, были сооружены новые здания существовавших ранее скитов святого Всехвального святого апостола Андрея Первозванного и Святого пророка Божия Илии. Они уже существовали, но русские вдохнули в них новую жизнь. В 1845 году в Ильинском скиту останавливался великий князь Константин Николаевич. С благодарностью упомянем, что монастырь Пантократор помогал Ильинскому скиту в знак уважения к его основателю старцу Паисию Величковскому и к его трудам.

Сейчас, когда состояние скитов оставляет желать лучшего, когда они в ведении греков, трудно представить, что когда-то в Пантелеимоновом монастыре служилось в день … 36 (тридцать шесть!) литургий. Это сколько же служащих и молящихся? В одном Ильинском скиту было когда-то четыреста русских иноков. Греки возревновали и постановили, чтобы число братии в Ильинском скиту не превышало ста двадцати и двадцати послушников. Как говорится, из песни слова не выкинешь. Были и более горькие примеры неблагодарности хозяев к русским.

Н.П. Ломтев. Апостол Андрей Первозванный водружает крест на горах Киевских. 1848

В вышедшей уже в наше время греческой книге «Святая гора Афон» (изд-во «Рекос», Салоники) черным по белому пишется: «В 19-м веке в результате экспансионистской политики России началась конкуренция по строительству монастырей между русскими, болгарскими, румынскими и сербскими… В 1839 г. русские захватили скит пророка Илии, а в 1849 г. келлию святого Андрея, превратив их в общежительные скиты».

Оставляя выписку без комментариев, не для упрека, а ради исторической правды, вспомним хотя бы некоторые примеры помощи от России Афону.

Помощь эта всегда была: и от царей, и от частных лиц. Так, в 1707 году монах Варлаам получил для Пантелеимонова монастыря лично от императора Петра I крупную сумму. Петр подписал Указ о материальной помощи Афону. Все просители пожертвований переводились в ведение Синода. Анна Иоанновна учредила так называемые Палестинские штаты — фонд, из которого регулярно уходили изрядные суммы восточным патриархам и монастырям, в том числе, в первую очередь, афонским. За пособиями приезжали раз в пять лет. Если же какие-то обстоятельства препятствовали приезду, то пособия выдавались за все время.

Николо-Греческий монастырь был одним из старейших в Москве. Фото 1883 года из альбома Н.А. Найденова

Московская синодальная контора выплачивала деньги Великой Лавре святого Афанасия, Ватопеду, Хиландару, Зографу, Григориату, Павловскому, Иверскому, Пантелеимоному монастырям, Эсфигмену, Дионисату и Филофею. Никто не был обойденным. И в самой Москве на правительственном содержании было подворье Иверского монастыря и московский греческий Никольский монастырь.

Но бросим камешек и в свой огород. Греков поддерживали, а на своих смотрели искоса. Вот цитата из книги А.А. Дмитриевского «Русские на Афоне»: «Русское правительство, духовное и светское, смотрело на выходцев из России, удалявшихся на Святую Гору ради подвигов благочестия, как на своевольников и дезертиров…». Слава Богу, дело прошлое. Ведь большевики вообще хотели погубить монашеское делание.

Однако вернемся к ходу повествования.

Почивший в бозе

Сподвижником, споборцем, как раньше выражались, духоносных отцов Макария и Иеронима был великий русский старец Арсений. В миру, до пострижения, он носил героическую для России фамилию: Минин. С юности подвизался на Афоне и не чаял для себя иной участи, но Господь судил ему прожить большую часть жизни в России. В 1862 году афонские старцы благословили его представлять Афон в России. К тому было много причин: число паломников все увеличивалось, нужно было их духовное окормление еще до их отправления на Святую Гору. Чтобы знали, куда стремятся, чем могут помочь устройству монашеской жизни, к чему надо готовиться. Учить греческий. Как молиться для спасения души. Отец Арсений замечательно справлялся с трудностями, к тому же он владел незаурядным даром писательства. Он и на Афоне, с благословения отцов Макария и Иеронима, занимался составлением сочинений для новоначальных, особенно остерегая от богопротивных учений тогдашних сектантов.

«Сам преподобнейший старец Иероним, — писал позднее отец Арсений, — настолько расположен к моему делу, что принимает участие в составлении моих бесед против иконоборцев своими указаниями и советами…Господь утешил меня в лице сих старцев. Дали мне хорошее помещение, снабдив необходимыми для меня разного рода древними печатными и рукописными книгами, хранящимися в богатой монастырской библиотеке…».

В одной из бесед он рассказывал о случае обращения в Православие трех старообрядческих священников из Симбирска, прибывших на Афон. Они неопустительно посещали все монастырские службы, и, наконец, решились побывать у старцев. Те приняли их с любовью, ибо видели искреннее стремление познать веру православную. «Видя все это, бедные искатели истины от полноты радости вместе сожалели о своих заблуждениях, изливали слезы, осеняли себя православным крестным знамением, с усердием лобызали священные книги и от всей души благодарили Господа, удостоившего их видеть самые ясные содержащиеся в них доказательства истинности Православия…»

Старообрядцы. Русский Север. Фото начала XX в.

Отец Арсений, рассказывая этот случай, говорил, что и сам извлек из него урок любви и

терпения, ибо он раньше был горяч и нетерпим к «немощным», как называет он уклонившихся от православной веры, заблудших по незнанию или гордыне. «Нет, — восклицает он, — не так надо поступать с немощными, как я прежде думал. Совесть сказала мне, что надо их исправлять, убеждать, увещевать, а не высылать из обители».

Афонские святыни, посланные в Москву с иеромонахом Арсением, прибыли в 1867 году. По прошению старцев на Высочайшее имя, при Богоявленском монастыре, в самом центре столицы, была устроена часовня Святого угодника Божия великомученика Пантелеимона. К иконе «Скоропослушница», написанной на Святой Горе и посланной старцем Иеронимом к открытию часовни, потекли страждущие и жаждущие исцеления, которые обильно подавались Божией Матерью.

Богоявленский монастырь в Китай-городе. 1882 год. Фото из личного архива Николая Аввакумова

Часовня не могла вмещать всех приходящих и приезжавших отовсюду, ибо уже не только «афонолюбивый град Москва», но и вся Россия возрадовалась приходу афонских святынь и

афонской молитвы в пределы нашего Отечества.

Опять же по ходатайству старцев Иеронима и Макария Святейший Синод дозволил строить более обширную часовню близ Владимирских ворот. Сохранившиеся фотографии доносят до нас красоту и величественность часовни.

Великим делом старца Арсения было начало афонского монастыря на русской земле. Это время с 1875 по 1879 год. Старец исполнил историческое послушание в качестве уполномоченного по делам Ново-Афонской Кавказской обители. Место для нее старец Арсений искал недолго, ибо северокавказские земли были освящены пребыванием здесь и мученической кончиной апостола от двенадцати Симона Кананита. Старец назначался настоятелем сей дивной, возрождаемой ныне, обители, но из-за начавшейся русско-турецкой войны работы были приостановлены.

Это горькое обстоятельство и непомерные труды (старец много писал, очень много издавал афонской литературы, у него было огромное количество духовных чад, он оставил после себя массу писем, которые отнимали у него часы и без того краткого отдыха) подорвали его здоровье. Осенью 1879 года он споткнулся, поранил ногу и вынужден был слечь. Выздоровела нога, началось воспаление легких. В болезни старец старался чаще исповедоваться и причащаться. 17 ноября того же года над отцом Арсением свершено было молитвенное последование «На исход души», и он мирно отошел ко Господу.

«Господь для того нас и сотворил, — писал он духовной дочери, — дабы мы были неразлучны с Ним в этой и будущей жизни».

«Страсти не исчезают вовсе, редкие даже из святых отцов были от них избавлены, но они от святого Причастия ослабевают».

Господь для того нас и сотворил, дабы мы были неразлучны с Ним в этой и будущей жизни…

Старинная церковь в монастыре Ксенофонт. Афон

А вот из письма духовному сыну:

«Коротка наша жизнь, как одна минута против вечности. Воспользуемся же ею, будем чаще и чаще размышлять о конце своем, о мытарствах, кои должны будем проходить, и затем об участи своей, какую кто себе готовит.

Непременно должны чаще ходить в храм Божий и дома поболее молиться Богу. Это большая помощь для спасения души. А кто отдаляется от Бога, тот погибает».

В бумагах старца остался листок с планами работ, которые он собирался писать:

«Составить беседы. О послушании отцам духовным. Как враг старается от духовных отцов (и меня, грешного) отвлечь. Зачем мы оставили мир и пришли в монастырь? Здесь строже Господь спросит с нас, нежели с мирских. Помыслы? Кто что читает, что понял? Кто как думает о себе? Не считает ли себя лучше других? Приучаться к Иисусовой и Божией Матери молитве. Кто как стоит в церкви? Что думает? Приходит ли к началу? Не уходит ли в келлию? О слезах, как они необходимы для очищения души. Келейное правило?

Все к Богу, ибо без Него не можем творить ничего».

По сути, это завещание старца Арсения. Как бы каждый из нас, грешных, ответил на вопросы старца, доносящиеся к нам уже из пределов райских.

Гора Афон, гора святая

К девятнадцатому веку относится создание замечательной, воцерковляющей, песни о Святой Горе. Ее знала и пела вся православная Россия. И вот, интересно, что никто почти не знал автора стихов, а слова этой песни знали. Это ли не счастье для сочинителя? Теперь мы знаем, что автор стихов — архиепископ Филарет Черниговский. Год публикации стихов — 1876. А кто автор музыки, сие неизвестно. Бог знает.

Гора Афон, Гора Святая, не видел я твоих красот,
И твоего земного рая, и под тобой шумящих вод.
Я не видал твоей вершины, как шпиль твой впился в облака,

Какие на тебе картины, каков твой вид издалека.
Я не видал, Гора Святая, твоих стремнин, отвесных скал,
И как прекрасна даль морская, когда луч солнца догорал.
Я рисовать тебя не смею. Об этих чудных красотах
Сложить я песни не умею: она замрет в моих устах.
Одно, одно лишь знаю верно я о тебе, гора чудес,
Что ты таинственна, безмерна и недалека от небес.
Я знаю, кто тобой владеет, кому в удел досталась ты,
Тебя хранит, тебя лелеет Царица горней высоты.
Царица, дивная Царица народов всех и всех племен,
Она, царя Христа денница, разрушила твой темный плен.
Сквозь сумрак древности глубокой я вижу, грешный, как теперь:
Корабль несется одинокий, на нем царя — пророка дщерь.
Несется он из Палестины, на остров Кипр его полет.
Вдруг ветр, волнуются пучины, корабль к Афону пристает.
На вопль кумиров Аполлона спешат Марию все встречать,
И узнают толпы Афона в ней Бога истинного Мать.
«Сия гора, — рекла Царица, — да будет жребием Моим,
Отсель прострет Моя десница всегдашний кров над местом сим.
Здесь благодать польется чудно, и милость Сына Моего,
Для жизни сей найдут нетрудно достаток нужного всего.
А там тебе, афонский житель, слуга Мой верный, раб Христов,
Готова райская обитель, награда веры и трудов.
Сего Я места не забуду, всегда Заступница ему,
О нем ходатайствовать буду во веки Сыну Моему».
Обет Царицы сладкозвучный сбылся и зрится в чудесах,
Она с Афоном неразлучна, Афон всегда в Ея очах.
И лик Свой там Она являет, беседует к рабам Своим,
Сама судьбы их управляет и бдит над бытом их земным.

Широкой известности в России этой песни помогло то, что не оставалось губернии, епархии, откуда бы не уходили мужчины на Святую Гору. Их провожали даже не как на войну, их хоронили заживо. И плакали, и страдали, и радовались одновременно. И это только представить ограду сельской церкви после воскресной службы. Люди не спешат домой, они слушают нищих, калик перехожих, странников, их молитвенные песнопения. Особенно трогательными были песни о Божией Матери, о Егории Храбром, об Алексии — Божием человеке, о Страшном Суде и, конечно, все ждали, когда раздадутся столь волнующие слова:

«Гора Афон, Гора Святая…» То-то было очистительных слез. «Как-то там наш Алешенька?»

Центром присутствия России на Афоне становится монастырь Святого великомученика и целителя Пантелеимона. Он и издревле носил имя русского. К середине девятнадцатого века в монастыре на двести греков было триста русских. Это позволило, напомним, впервые избрать игуменом монастыря русского насельника Макария.

Святой Меркурий и святой Артемий. Фреска Мануила Панселина. Афон, Прорат. XIV в.

Константинопольский патриархат заговорил о «русской экспансии» и начал проводить «политику сдерживания». Но как сдержать стремление людей, желавших спасения души? К 1912 году русских монахов на Афоне от общего числа была половина. Побывать на Афоне было счастьем для православных, а уж что говорить о мечте почти каждого монаха — уйти на Афон навсегда.

Здесь спасались не только монахи. Знаменитый Константин Леонтьев стремился сюда, «чтобы научиться верить в Бога». Духовника он обрел удивительного, отца Иеронима. Но тот же Иероним остановил порыв Леонтьева постричься в монахи и не благословил философа жить на Афоне. Вернул в мир.

Философ Константин Леонтьев, как позднее и прозаик Борис Зайцев, сами рассказали о своем пребывании на Афоне, но вот был здесь, мало кому известный, удивительнейший человек из русских, из Сибири. И по фамилии Сибиряков. История этого человека весьма поучительна.

Сибиряк Сибиряков

В Сибири одним из самых распространенных мужских имен было имя Иннокентий. Конечно, это оттого, что апостол Америки и Сибири святитель Московский Иннокентий оставил добрые следы своей пастырской деятельности. В честь его и называли мальчиков.

Иннокентий Михайлович Сибиряков родился в 1860 году. Отец его, золотопромышленник, построил часовню во имя митрополита Иннокентия. Золотые прииски Бодайбо были открыты лично Михаилом Сибиряковым. То есть Иннокентий — наследник золотопромышленника. И какого? Богатейшего.

В семь лет у мальчика умерла мама. В четырнадцать он — совсем сирота. Но с ним Господь. Любимейшее чтение отрока — Четьи-Минеи святителя Димитрия Ростовского. Иннокентия поражает отношение православных святых к богатству.

Золотое наследство, доставшееся ему, юноша ставит на службу людям. В двадцать лет он — студент Санкт-Петербургского университета. Он много помогает бедным студентам. Он

один из создателей женских Бестужевских курсов, Медицинских курсов. Полиция вела за ним самое пристальное наблюдение. Не помогает ли такой богач революционерам? Нет, не помогал. Тратил огромные деньги на закупку и распространение душевнополезных книг для населения. Финансировал строительство детского театра. Отчислял сотни тысяч рублей в Фонд помощи переселенцам. Для сведениия: корова тогда стоила пять рублей, хлеб — полкопейки (грош). Кроме Фонда для переселенцев содержал Фонд помощи престарелым. Ездил по России. В Барнауле построил Народный дом.

Полиция нашла случай придраться. Иннокентий прилюдно разбил бюст Мефистофеля работы Антокольского. Прецедент серьезный. А тут еще и заявили на него. И кто же? Монахиня, которой он пожертвовал для монастыря сто сорок три тысячи рублей, испугалась, решила, что ворованные. Иннокентия Михайловича взяли под стражу, долго обследовали — не сумасшедший ли? Нет, совершенно здоров.

Вместе со святым праведным Иоанном Кронштадским создавал приюты, Дома призрения, Воспитательные дома, богадельни, народные библиотеки. Конечно, постоянно возводил храмы. Устроил Коневский скит, помогал Валааму.

Афон и доходящая с Афона духовная литература были для Сибирякова частью жизни. На Андреевский собор в Кронштадте и на Андреевский скит на Афоне Сибиряков отдал два миллиона рублей.

В конце девятнадцатого века решимость уйти в монахи окончательно окрепла и привела Сибирякова на Афон. Он говорил: «Ни наука, ни искусство, ни деньги не могут сделать человека счастливым. Счастье единственно возможно только в Господе». В малую схиму его постригли с именем Иоанн, а при пострижении в 1899 году в большую схиму ему вернули имя Иннокентий.

Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богачу войти в царствие небесное… (Мф. 19, 24)

Он поселился в крохотном домике около Андреевского скита. Его просили принять священнический сан, он, считая себя недостойным, отказался. Непрестанно молился.

В 1901 году, после освящения вновь построенной монашеской больницы во имя святителя Иннокентия, монах Иннокентий (Сибиряков) исповедовался, причастился, соборовался и тихо угас. Через три года его мощи были подняты, они светились, были янтарного цвета и благоухали.

Коневецкий монастырь. Святая гора. Скит во имя Казанской иконы Божией Матери. Фото А. Аничковой

Афонский монах, московский чудотворец

24 августа (6 сентября) 2004 года в Успенском соборе Московского Кремля Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II зачитал «Определение о канонизации в лике местночтимых святых преподобного Аристоклия Афонского, старца Московского». 13 ноября того же года крестным ходом мощи преподобного Аристоклия из Свято-Даниловского монастыря были перенесены на Афонское подворье в Москве.

В миру иеромонах Аристоклий носил имя Алексея Алексеевича Амвросиева. Он из оренбургких мещан. Он, всегда бывший набожным, 1876 году уехал на Афон. Пробывши три года в послушании, принял монашеский постриг, а еще через четыре его рукополагают в сан иеродиакона, а вскоре он — иеромонах.12 февраля 1886 года он принимает схиму без смены имени. Пробывши свыше десяти лет в Афонской школе молитвы и труда, иеросхимонах Аристоклий принимает на себя великое послушание — служить Афону в России. Именно он был строителем афонского подворья в Москве, на Большой Полянке. Трехэтажное здание сохранилось доселе. В нем была домовая церковь в честь иконы Божией Матери «Скоропослушница». Здесь же была и скромная келлия старца. Через эту келлию прошло неисчетное количество людей, жаждущих помощи от святого. Не мог светильник светить тайно. Молва о его праведной жизни не могла укрыться в стенах подворья. Иногда в день он принимал по несколько сотен человек.

Он был настоятелем Афонской часовни на Никольской улице, близ Богоявленского собора (не сохранилась), но всегда тосковал о любимом Афоне. И выпросил себе целых четырнадцать лет нового проживания на Святой Горе, где был казначеем и одним из духовников. А уже с 1909 года до кончины в 1918-м он вновь, к радости москвичей, в Москве. Его здесь всегда помнили, всегда молились за него, обращаясь к нему и прося его святых

молитв. И прежние духовные чада, и новые текли к нему ежедневно. Евангельская жертвенная любовь, прозорливость, чудеса исцелений по его молитвам даже закоренелых грешников, как магнитом, притягивали к нему.

Он часто выезжал со святынями Афона к больным и страждущим. Приехал и к своей духовной дочери, которая уже не могла вставать, отказали ноги. Помолившись вместе с больной, причастив, помазав маслицем, он попрощался и сказал: «Пойду, пора мне. А ты, как я пойду по двору, то подойди к окошку и мне ручкой помаши, а я помашу тебе». — «Батюшка, да как же я подойду, я встать не могу». Батюшка перекрестил болящую, ласково улыбнулся и повторил: «А ты все равно помаши». Только старец закрыл за собой дверь, как болящая почувствовала в себе силы. И сама встала, и подошла, заливаясь слезами счастья к окну. И батюшка, проходя по двору, повернулся к ней и помахал рукой.

Икона Божией Матери «Скоропослушница»

И таких случаев было множество. Особенно много говорили об исцелении старцем слепорожденного мальчика. Но исцеление его не было быстрым. Его мама привезла в который раз в Москву к врачам. Проходила вместе с сыном около часовни Святого Пантелеимона и увидела множество народа, стоящего в очереди к священнику, который свершал елеопомазание. Встали и они в очередь. Старец помазал мальчику крестообразно глаза, помазал и женщину и спросил: «У тебя кто муж?» И сам же ответил: «Сатана». Женщина сказала старцу, что мальчику ничего не помогает, всего его измучили, и назначают новую операцию. Старец дал совет: операцию не делать, а приходить ежедневно в часовню на молебен. А через год вновь приехать к нему. «А уж потом приедешь и с мужем». Трудно было поверить женщине в слова старца, но она послушалась. Исправно ходили они на ежедневные молебны. Через год опять

предстали перед старцем. И вновь прошло несколько месяцев ежедневных молитв и елеопомазаний. Перед отъездом батюшка сказал им: «Господь знает, кому что нужно».

Успенский собор. Москва. Здесь был признан святым преподобный Аристоклий Афонский. Фото 1883 года из альбома Н.А. Найденова

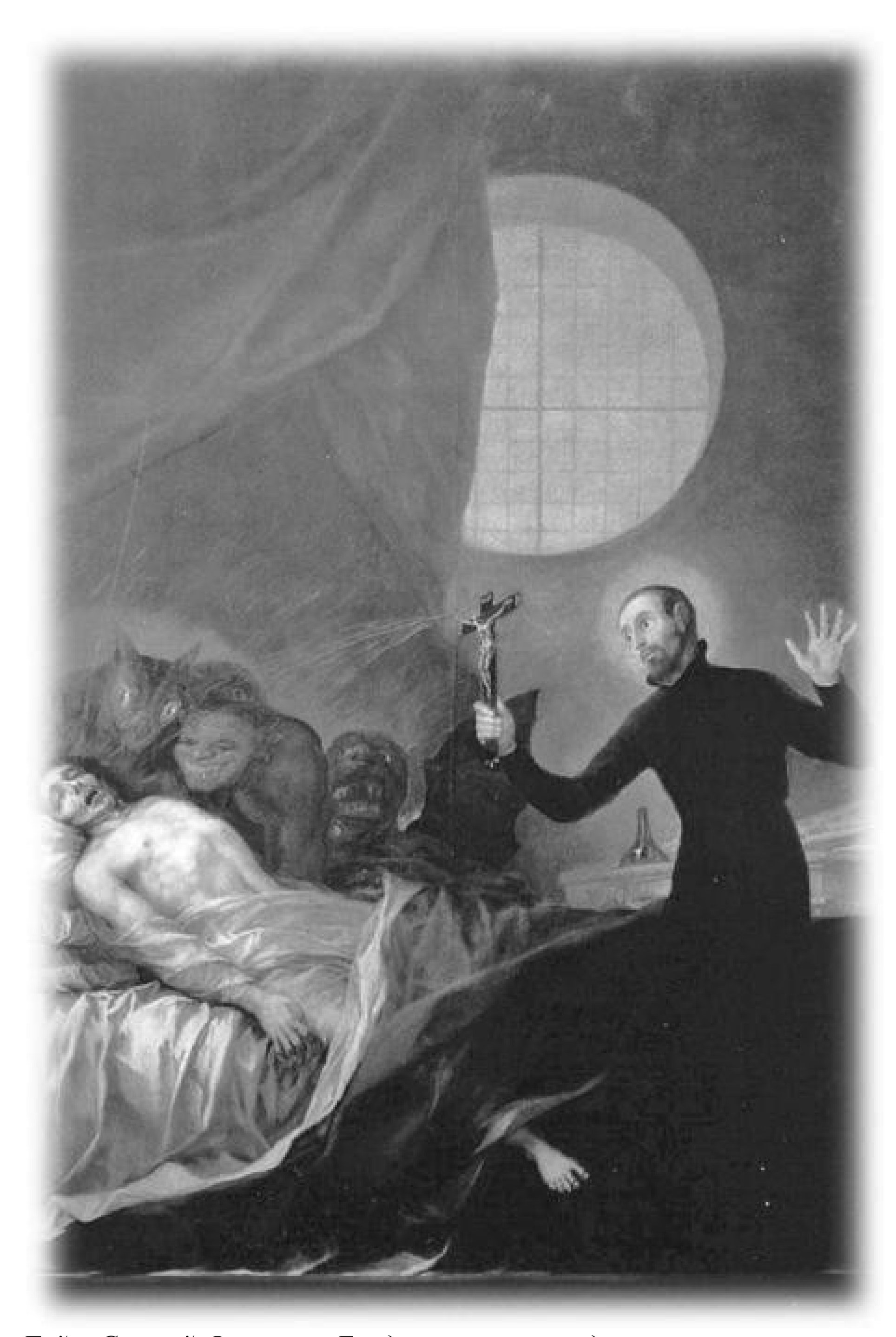
И вот эта женщина приехала к старцу с сыном и мужем. Сын уже видел мир своими ясными голубыми глазами, а отца никак не могла подвести к батюшке, он кричал и сопротивлялся. Тогда уже несколько мужчин справились с ним и подтащили ко кресту. Какая-то сила подбросила его, он упал, и так ударился, что был без чувств. И если бы не молитва батюшки, вряд ли бы выжил. Придя в себя, мужчина зарыдал и бросился в ноги к старцу.

Женщина рассказала про то, самое счастливое в ее жизни, утро. Она, как всегда, исполняя слова старца, читала Акафист Божией Матери «Скоропослушнице», а затем перешла к Акафисту святому великомученику Пантелеимону. «И вдруг слышу: “Мама, мама, подойди ко мне. Скорее, скорее!” Бегу к его кроватке, он сидит, мальчик мой, глазки открыты и говорит:

“Мама, я тебя вижу, мама, я тебя вижу!”»

Таких исцелений по молитвам преподобного Аристоклия было множество.

Но, конечно, пребывая в Москве, старец постоянно был душой на Афоне. Издание афонских книг, афонских листков, распространение их по всей необъятной России — дело его рук.

Франсиско Гойя. Святой Франциск Борджиа изгоняет демонов из умирающего. 1788

Дух Святый везде утешает верующих…

Христос Великий Архиерей с припадающими преподобными Сергием Радонежским и Евфимием Суздальским. Икона. 1681.

Отошел старец в вечность блаженно. В своей келлие, обративши взор к горячо им чтимой иконе «Скоропослушница», он трижды истово перекрестился и тихо предал душу Господу.

Незадолго до кончины, заканчивая одно из писем к духовным чадам, он писал: «Хотя аз и ничтожен есть пред Вами рещи сие слово, но Дух Святый заставляет рещи. Дух Святый везде утешает верующих».

Подлинно великим мостом между Афоном и Россией из века девятнадцатого в двадцатый явился сей духоносный старец Аристоклий.

«Процвел еси, яко финикс на святей горе Афонстей и яко кедр на земли русстей умножился еси», — говорится в тропаре святому. В кондаке продолжается: «Новою звездою на небе церковнем возсиял еси, прошед путь многотрудного монашеского жития, подвигами добродетелей венцы нетеленныя обрел еси, и поприще послушания во граде Москве мужественнее скончал. Тем же и Христос Бог даром чудес обогати тя, преподобне отче Аристоклие, Афонская похвало и земли росийския украшение, поминай нас, чтущих святую память твою». Поминай нас, грешных, отче Аристоклие! Нам, грешным, послано великое утешение: мощи святого Аристоклия обрели покой на Афонском подворье в Москве, на Гончарной улице. Выберем, как говорили раньше, радостотворное время, приидем к ним, припадем, испросим сил на труды во славу Божию!

Двадцатый век

В начале века многовековое турецкое владычество над Грецией закончилось. В храмах Афона служились молебны о победе греческого оружия. Второго ноября 1912 года звучание тысяч афонских колоколов слилось в единый торжественный гул — победа!

Лондонская мирная конференция утвердила статус Афона как автономного и независимого монашеского государства под протекторатом балканских православных держав. Однако, уже в 1920 году Севрский договор, а затем Лозаннский (1923) признают Афон частью Греции. Греческие власти формально гарантировали неприкосновенность монахам негреческого происхождения.

Хотя, скажем справедливости ради, греки всегда как-то не особенно приветливы были к монахам из России. Уточним, греческие власти, а не греческие монахи. Монахи как раз всегда учились у русских святости и молитвенности. Афонский старец нового времени Паисий не случайно называется греческим Серафимом Саровским. И не случайно у него русский наставник.

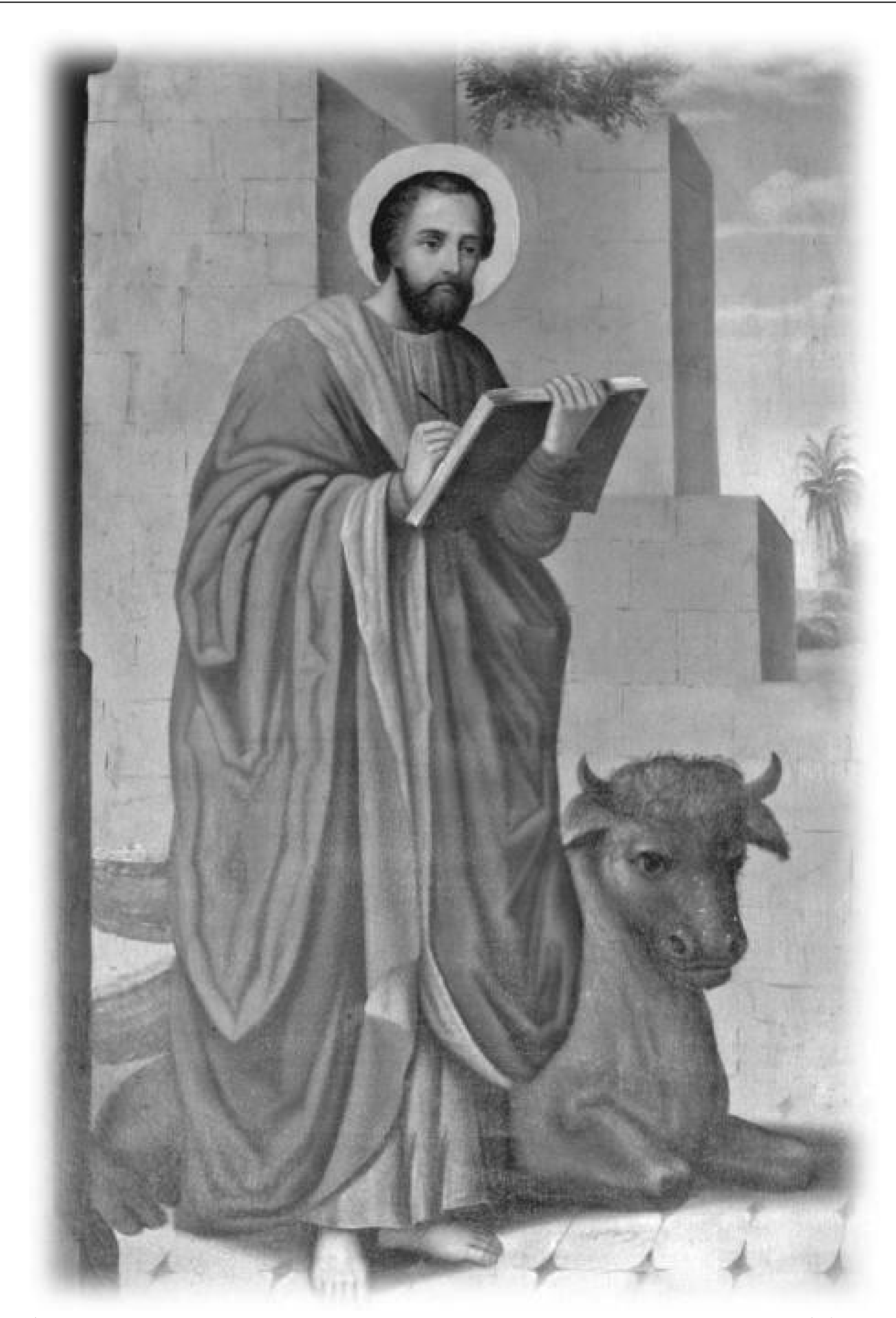
В октябре 2006 года в Москве прошла четырехдневная конференция «Россия — Афон: тысячелетие духовного единства». Она отметила величайший вклад Святой Горы в богословское, аскетическое, иконографическое, культурное, а во многом и церковно-политическое влияние Святой Горы на духовное становление народов, на укрепление монашеской традиции. Вместе с тем в приветствии Святейшего Патриарха Алексия наряду с выражением надежды, что «древняя традиция участия России и Русской Церкви в современной жизни и служении Святой Афонской Горы возродится в полноте», прозвучала и обеспокоенность: «Считаю своим долгом сказать: сегодня ситуация не столь идеальна и безоблачна. Доминирование лишь одной церковно-национальной традиции, своего рода «национализация» Афона может привести к утрате Святой Горой ее уникальной объединяющей роли во Вселенском православии. Это обстоятельство вызывает нашу особую озабоченность в связи с тем, что в настоящее время единство православия серьезно испытывается на прочность. И в этой ситуации Святая Гора должна оказывать всемерное содействие укреплению единства Церкви Христовой».

Лондонская мирная конференция утвердила статус Афона как автономного и независимого монашеского государства. Монастырь Ксенофонт. Афон

Конечно, нам трудно на Святой Горе. В настоящее время из двадцати монастырей семнадцать греческие. Один сербский, Хиландар, один болгарский, Зограф, и наш. Но скажем, что сами по себе греческие монахи относятся к нашим очень хорошо. Это отношение исторически заслуженно. Многие монахи русского монастыря знают греческий, часто и службы в храмах Пантелеимонова монастыря идут на греческом, или же молитвы чередуются. Наши паломники всегда находят приют в греческих монастырях. Более того, они, по молитвенному усердию, отличаются в лучшую сторону от других. Так что в отношении к нам играют роль какие-то не очень ясные пружины политики, но не монашеской.

Слава Богу, время работает на нас. Например, греки, говорил мне отец К., переводят «Странствования Василия Григоровича-Барского по Святым местам Востока», убеждаясь, что русский молитвенник, проходя Святую Гору, многое заметил из того, что и теперь представляет интерес, и именно из тогдашней жизни греческих монастырей. Мы взяли у греческой Византии веру православную, храним ее, и греки это понимают. Можно и такую древнюю мудрость, к слову, напомнить: «Учитель, вырасти ученика, чтобы потом учиться у него». Это отнюдь не противоречит библейскому выражению, что не бывает ученика выше учителя. Тут все взаимосвязано.

Ученик не бывает выше своего учителя; но, и усовершенствовавшись, будет всякий, как учитель его.. (Лк. 6, 40)

Святой Лука Евангелист. Фото З. Атлетича.

Трагические события

Но вернемся к началу двадцатого века. Настала пора рассказать о трагедии этого времени, об имяславцах, изменивших простоте и истинности веры православной. Как все-таки события на Афоне отражаются потом на событиях, происходящих в мире. Революция семнадцатого года стала будто продолжением, но уже кровавым, афонских событий. Греки использовали трагедию среди русских насельников своеобразно — количество русских на Афоне сильно сократилось. Почти катастрофически. Но Божия Матерь не оставила нас своею милостию и в этот тяжелый час испы таний.

Когда кто-то начинает толковать по-своему, не сообразуясь с Православной Церковью, святые догматы, или предлагать новые — это путь к гибели. В основе такой самости гордыня, самомнение, преслушание заветов Святых Отцов.

Кажется естественным, что мы почитаем святое имя Иисуса Христа. Но имя — не Бог. Есть в Священном Писании имена Иисуса — сына Сирахова, есть Иисус Навин, предводитель израильтян, мы же не считаем их богами. И когда читаем многие религиозные тексты и молитвы с упоминанием имени Иисуса, не думаем же кланяться имени. Но имяславцы стали усиленно доказывать свою правоту, а вернее сказать, заблуждение, текстами из Писания. Мы тоже знаем эти тексты. Вспомним пасхальную молитву «Воскресение Христово видевши», там есть слова: «Ты бо еси Бог наш, разве Тебе иного не знаем, имя Твое именуем». Открываем Псалтирь: «Принесите Господеви славу имени Его» (Пс. 28, 2). Или: «Ради имени Твоего, Господи, и очисти грех мой». (Пс. 24, 11). «Блажен муж, ему же есть имя Господне упование его». (Пс. 39, 5). «Воскресни, Господи, помози нам, и избави нас имени ради Твоего». (Пс. 43, 27). «Помяну имя Твое во всяком роде и роде…». (Пс. 44, 18). «… скорбь и болезнь обретох, и имя Господне призвах». (Пс.114, 3). И таких примеров можно набрать сколько угодно.

Специальное исследование «имябожества» содержится во втором томе труда «Священная тайна церкви». Здесь сразу оговаривается, что «окончательная оценка имяславия и окончательная формулировка учения об имени Божием и об имени Иисусовом может быть дана только после того, как свои выводы сделает высшая церковная власть на основе соответствующей экспертизы…». В труде анализируются разные подходы к природе имени вообще. «Один рассматривает имя как нечно неразрывно связанное с предметом, неотделимое от предмета, выражающее сущность предмета. Другой видит в имени лишь добавленный к предмету опознавательный знак, перемена которого никак не влияет на сущность предмета».

Далее: «Темы имени Божия, имен Божиих и имени Иисусова по-разному ракрывались отдельными восточно-христианскими авторами. Тем не менее определенный консенсус наблюдается у многих Отцов Восточной Церкви…».

Единодушно признается, что «Имя Божие не тождественно и не совечно Богу… Было, когда у Бога не было имени и будет, когда у Него не будет никакого имени. Имя Божие есть средство общения между Богом и человеком».

Еще выписки:

«Имена Божии существуют для человека и на человеческом языке. Даже когда Сам Бог называет Себя теми или иными именами, Он пользуется именами, которые существуют на языке человека».

«Бог присутствует во всяком Своем имени. Его присутствие ощущается человеком, когда он произносит имя Божие с верою и благоговением, и остается неощутимым, когда имя Божие произносится всуе»

«Достопоклоняемой является не внешняя оболочка имени, а его внутреннее содержание. Почитая имя Божие, человек воздает славу Богу, честь, воздаваемая образу, восходит к Первообразу».

«В молитве имя Божие неотделимо от самого Бога».

Ради имени Твоего, Господи, и очисти грех мой (Пс. 24, 11)
Генрих Гоффман. Христос в Гефсиманском саду. 1890.

Далее следует несколько выводов уже по отношению к имяславцам:

«Можно ли утверждать, что “имя Божие есть Сам Бог?” Нельзя…» «Можно ли утвеждать, что “имя Божие есть энергия Божия”? Нельзя…» Труд «Священная тайна церкви» представляет «наименее уязвимыми следующие формулировки: в имени Божием действует Бог, в имени Божием присутствует Божия энергия».

Главной проблемой имяславцев называется «отсутствие в их стане богословов, способных найти точное и богословски выверенное выражение их молитвенного опыта».

Все началось в 1907 году, когда кавказский схимонах Илларион выпустил книгу «На горах Кавказа» со своими суждениями о Иисусовой молитве и о имени Божием Иисус. Послал ее на Афон для отзыва. В следующие годы, вплоть до 1912-го, вокруг книги завихрились мнения. Одни поддерживали идею Божественности имени Иисуса, другие говорили о прежнем почитании Святой Троицы. Споры на Афоне стали известны в России. Архиепископ Никон (Рождественский) посылает пастырское увещание не читать книгу «На горах Кавказа», послужившую «причиной разномыслия в великом деле иноческом».

Иеросхимонах Антоний (Булатович) поддерживает имябожников и печатает книгу «Апология веры в Божественность имен Божиих и имени Иисус (против имяборствующих)». Архимандрит Андреевского скита приказывает сжечь эту книгу. Булатович вызывающе распространяет ее и уходит в отдельную келлию (Благовещенскую), куда к нему стекаются его сторонники. К великому сожалению, и Афон, и Россия запоздало узнали мнение о книге «Апология» авторитетного в церковных и светских кругах писателя Е.Н. Трубецкого: «Читаю

книгу Булатовича и все более чувствую, до какой степени там суть не в богословии, которое у них слабое и неумелое, а в жизни, которая глубока, возвышенна и совершенно не умещается в этом богословии. Подойди поближе к этой жизни, — вот где тепло и радостно».

Богословская школа Константинопольского патриархата признает учение имябожников еретическим. Патриарх Иоаким посылает на Афон грамоту, осуждающую новое учение. Архимандрит Иероним пишет личное увещевательное письмо Булатовичу, умоляя того вспомнить, зачем он пришел на Святую Гору. Булатович закусил удила. Не внемлет. Его поддерживают насельники скита Фиваида. Они сочиняют даже «Соборное рассуждение о имени Господа нашего Иисуса Христа», говорящее о том, что имя Божие Иисус есть Сам Господь Иисус Христос, и осуждают монахов, не принимающих новое учение. Совершенно забыты апостольские слова из Послания Коринфянам: «Боюсь, чтобы умы ваши не повредились, уклонившись от простоты во Христе». (2 Кор. 11, 3).

Боюсь, чтобы умы ваши не повредились, уклонившись от простоты во Христе… (2 Кор. 11, 3)

Феофан Критский. Святой апостол Павел. Монастырь Ставроникита, Афон.

Вооружась выражением: «Имя Божие есть Сам Бог», имябожники доходят до проклятия тех, кто отказывается признать их учение. В 1913 году они низлагают игумена Иеронима, называют его еретиком и избирают игуменом архимандрита Давида. Прибывшего на Афон для увещевания заблудших архиепископа Никона прилюдно оскорбляют, не хотят слушать. Когда владыка произнес: «Благословение Божие на тех, кто покоряется церкви», — многие закричали: «Тебе надо Божие благословение, а не нам».

События среди русской братии взволновали весь Афон. Монастырь Ватопед в грамоте братству Андреевского скита «отвергает означенное избрание» Давида и увещает «изгнать эту новую ересь и иеромонаха Антония (Булатовича)». Булатович скрывает от братии текст грамоты.

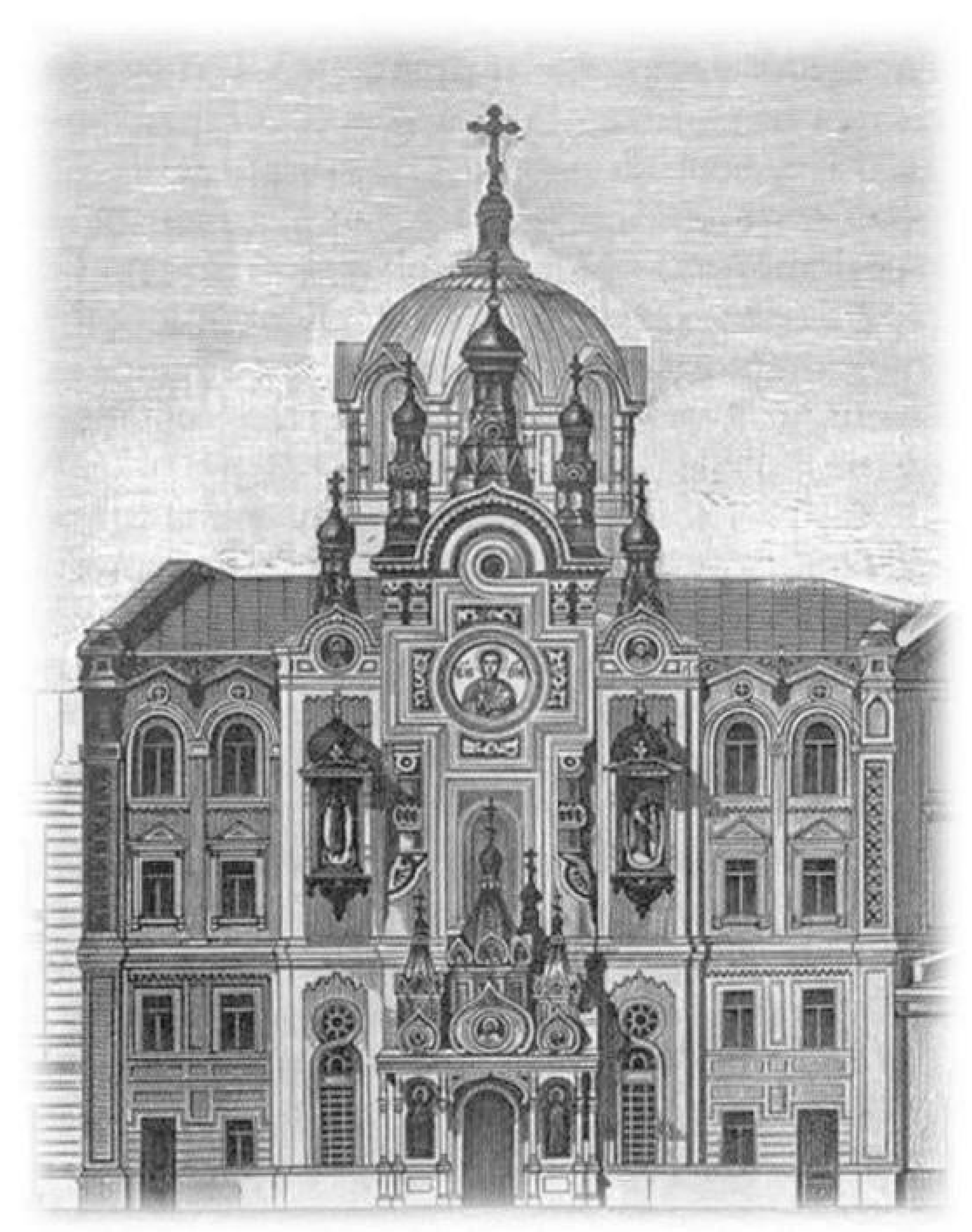
Вновь избранный Константинопольский патриарх Герман V потребовал, чтобы к нему явились и Булатович и Давид. Поехал только архимандрит Давид, который свалил всю вину беспорядков и бунта в скиту на Булатовича. На Афон идет очередная грамота, называющая учение имябожников «хульным злословием и ересью».

Но имябожники уже настолько уверены в себе, что считают правыми только себя и отвечают и архиепископу Никону и остальным, что богословами «доселе не замечена богословская догматическая истина».

Приходит из России и поддержка бунтарям. Игумен Арсений специально явился, чтобы возглавить Андреевских имябожников. Он до этого уже был на Афоне, создавал противосектантские труды, их издавали. Потом вернулся в Россию, был настоятелем Воскресенского монастыря Новгородской епархии. О нем архиепископ Никон сказал: «Он рано вступил на миссионерское поприще, возгордился и встал на опасный путь». Конец его жизни ужасен. В дни бунта Арсений объявил, что выступит перед братией и скажет нечто важное. Господь покарал его внезапным параличом языка. Но и это не вразумило имябожников. Вывезенный с Афона, Арсений через три месяца скончался. Перед кончиной дал понять, что не отрекается от своих убеждений и поэтому был похоронен без отпевания.

Святейший Синод в Москве проводит специальное заседание и вырабатывает Послание «Всечестным братиям, во иночестве подвизающимся». Но имябожники уже вовсю хозяйничают в Пантелеимоновом монастыре. Изгоняют из обители авторитетнейших старцев, избирают самочинный собор, возбуждают братию против монастырских властей, меняют начальство в скиту Фиваида. Это 1913 год. Наконец из Москвы, 5 июня, прибывает на специальном корабле комиссия, руководят которой архиепископ Никон, С.В. Троицкий, представитель Святейшего Синода, а также русский консул в Константинополе А.Ф. Шебунин. Было принято решение — вывезти имябожников в Россию.

Игумен Иероним с братией вернулся в Андреевский скит.

Часовня Пантелеимона Целителя у Владимирских ворот Китай-города. Проект Александра Каминского. 1881

Такова краткая канва событий. Несколько лет сотрясало Афон. Тут не библейское разномыслие, в котором открываются искуснейшие, тут проявилась великая гордыня с одной стороны и смирение и братская укоризна — с другой. И до чего доходило — ударяли во все колокола, собирали соборы, подписывали, кто добровольно, кто насильственно, новое исповедание веры. Выволакивали из келлий, избивали даже престарелых монахов.

В Москве, в Пантелеимоновой часовне, бес устами одной одержимой кричал: «Мы все там были, все туда слетались, мы столп поколебали!».

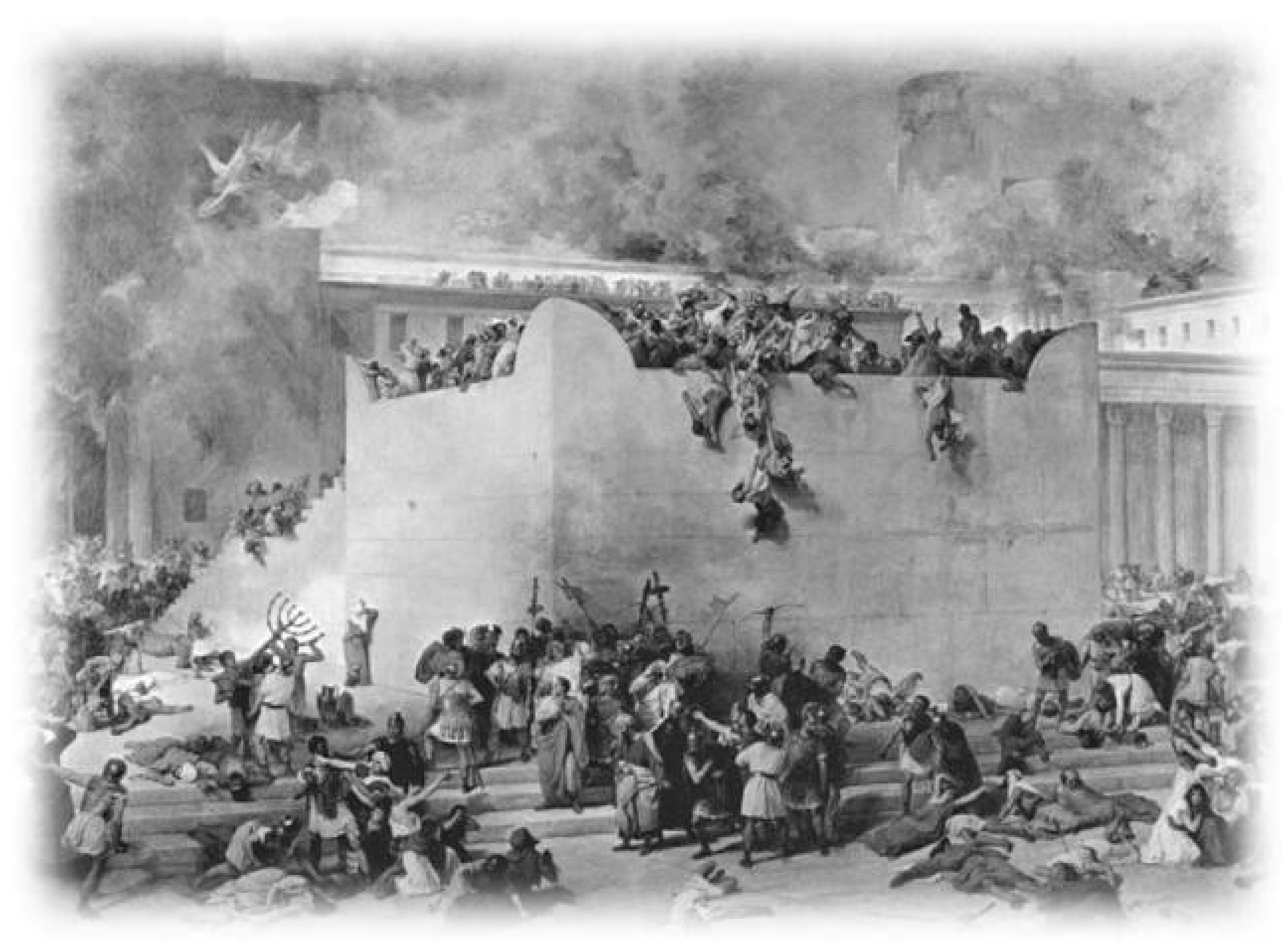
И до сих пор не утихли разные мнения о тогдашнем событии. Все непросто. Снова обратимся к исследованию «имябожества» во втором томе труда «Священная тайна Церкви». В ней содержатся выводы и богословские и церковно-исторические. Но, безусловно, осуждается решение насильственного вывоза монахов. «Если даже учение имяславцев и заключало в себе ересь, неужели надо было прибегать к полицейским мерам — обливать монахов ледяной водой из «пожарной кишки», избивать их, спускать с лестниц, силой загонять на пароход, а затем

расстригать, лишать монашеских одежд, заключать под стражу? Из всех возможных вариантов решения проблемы был избран наиболее жестокий, наиболее бесчеловечный, наименее церковный». В самом деле, кто воспользовался ошибкой церковных и светских властей? Ответ ясен — противники Православия. От тяжкого удара по русскому монашеству Свято-Пантелеимонов монастырь не оправился доселе.

Лишь тебя Я не уничтожу, но покараю тебя по заслугам, без наказанья тебя не оставлю! (Иер. 30, 11)

В.М. Васнецов. Страшный суд. 1885—1896 гг.

Франческо Айец. Разрушение Иерусалимского храма. 1867

Тогдашние демократы радостно поднимали мутную антиправославную волну. Угодливо предоставляли печатные станки брошюре «Афонский разгром». В России не сразу узнали подробности, и еще долго афонская смута была предметом споров. Дело дошло до Государственной Думы и до Государя. Это уже начало 1914 года. В том же году было распространено «Письмо» четырех с половиной тысяч русских насельников Афона. Оно спокойно и с достоинством разъясняло суть происшедшего. Но уже накатывалась Первая мировая война, Февральская буржуазная революция и Октябрьский переворот.

Протоиерей Георгий Флоровский в «Путях Русского Богословия» писал о смуте: «Всего болезненнее был этот разрыв между богословием и благочестием, между богословской ученостью и молитвенным богомыслием, между богословской школой и церковной жизнью… Разрыв этот был вреден и опасен…». Святой отец Алексий Мечев, по свидетельству очевидца, «…негодовал, ужасался и говорил, что не может быть истины в такой злобе и неистовстве».

Когда в 1917 году у Афонской горы затонул пароход, везущий хлеб для иноков, то иноки истолковали это как Божие наказание за церковную смуту.

К таким наказаниям можно отнести и бедственное положение Афона после революции. Перестала поступать ощутимая всегда на Афоне помощь из России.

В довершение и правительство Греции конфисковало афонские подворья в Греции в пользу греков, выселенных из Турции. С той же целью власти выкупили часть территории между Уранополисом и Ксерксовым каналом, то есть значительно сократили афонские владения. Православные русские люди, очутившиеся за границей, болезненно воспринимали происходящее на Афоне. Да, плохо в России, горько, еле выносимо, но это хоть как-то можно объяснить. А Афон? Писатель редкого дара, необычайно чуткий к жизни души, Иван Шмелев очень хотел уйти на Святую Гору. Он трагически воспринимает происходящее в Греции. Осенью 1929 года пишет другу своему философу Ивану Ильину: «…так мы прищучены, что даже греки-демократы измываются: гибнет Афон! Свободолюбивые демократы запрещают(!) монастырю (речь о Пантелеимоновом) принимать в монашество, а через пятнадцать-двадцать

лет “святогорцы” вымрут. Гляди, Россия!»

И снова, как крик души, через год: «Я часто духом падаю, хочу и хочу молитв. Я бы на Афон ушел! Устала душа, Бога и чистоты хочет».

Афонская власяница. «Закончилось время»

Мостиком от начала века к нашему времени стоит великая личность, воспитанная Афоном, преподобный Кукша. Именно здесь самое время рассказать именно о нем. Почему?

Афонской смутой весьма активно воспользовались греческие власти, требовавшие увезти в Россию как можно большее число монахов, особенно молодых. В их число попал инок Ксенофонт. На сборы ему и другим дали крохотное время. Дело было ночью. В отчаянии инок кинулся к своему старцу. «Отче, я хочу умереть на Афоне»! «Чадо, — отвечал старец, — так Богу угодно, чтобы ты жил в России, там надо спасать людей. Вспомни афонца преподобного Антония Киево-Печерского, начальника монашеской жизни в России. Он тоже с великой неохотой покидал Афон, но не вышел из послушания».

На прощание старец вывел ученика из келлии. «Хочешь увидеть, как стихии покоряются человеку?» — «Да, отче». — «Смотри». Старец перекрестил ночное небо, оно стало светлым. Перекрестил еще раз — оно свернулось как береста, и инок Ксенофонт увидел Господа в окружении сонма ангелов и святых. Что он видел еще и слышал, старец никому не открыл. Перед кончиной рассказал только это. «Я тогда упал на землю и закричал: “Отче, мне страшно”! Через некоторое время старец поднял инока с земли. Небо было обычным, на нем мерцали звезды.

Первая мировая война. Инок Ксенофонт служит в санитарном поезде. Уволенный в запас, едет в Киево-Печерскую лавру. Там, увидя его, престарелый митрополит Серафим восклицает: «О, старец, тебе давно уготовано место в этих пещерах». А старцу было еще только за тридцать.

Хвалите Господа с небес. Икона. Москва, XVI в.

Все прошел наш страдалец: гонения, нашествия безбожных властей, гонения от обновленцев. В 1931 голу он заболел так тяжко, что при смерти принял пострижение в великую схиму, получив имя Кукши. Но Господь судил ему новые испытания. В 1938 году начались его скитания по лагерям Урала. Работа на лесоповале по четырнадцать часов в сутки, в летнюю жару, когда пожирает гнус, в зимнюю стужу, когда не чувствуешь ни рук, ни ног. Всегда-всегда старец повторял в утешение себе и другим заключенным: «Многими скорбми подобает нам внити в Царствие Божие». (Деян. 14, 22).

Духовные чада со многими трудностями передавали батюшке посылки с высушенными частичками Святых Даров. Охрана принимала их за сухари. «Не мог я один причащаться, — вспоминал потом батюшка, — Мы брали полотенца, рисовали на них кресты, получалась епитрахиль. Исповедовались и причащались тайно. Радость была великая, великое утешение в нашей жизни. Однажды ворон принес мне большой кусок пирога».

Старец освобожден из заключения, но начинаются годы ссылки в деревне близ Кунгура. Лишь в 1948 году он вернулся в уже открытую Лавру. Немногие знают, что Лавру открыл не

кто иной, как немец, комендант Киева. Он, безбожник, решил посетить пещеры с мощами Божиих угодников. Остановился у мощей святого Спиридона-просфорника и спросил: «Из какого материала сделаны эти мумии?» Старик-насельник, случившийся тут, ответил, что это не мумии, а подлинные человеческие тела, сохранившие нетленность в награду за праведную жизнь. Комендант не поверил и рукояткой пистолета ударил преподобного Спиридона по руке. Из руки … хлынула кровь. В ужасе бежал немец из Лавры, а назавтра по киевскому радио был передан приказ коменданта об открытии пещер и свободном в них доступе.

С 1913 по 1932 год преподобный Кукша служил в Киево-Печерской Лавре. Киево-Печерская лавра. Цветная фотолитография. XIX в.

Кто хоть малое время был на Афоне, всегда будет его помнить…
Внутренний двор монастыря Зограф. Афон.

После сталинских послаблений накатились хрущевские гонения. Старца в прямом смысле вытолкали из Лавры, боялись коммунисты его высокого авторитета. Поселился старец в Свято-Иоанновском Богословском монастыре на берегу Днестра в Черновицкой епархии. Радостно говорил: «Я тут как на Афоне». Но надо сказать, что всю свою монашескую жизнь, а это, собственно, и была вся его жизнь, он носил на теле афонскую власяницу из белого конского волоса. Часто вспоминал Афон, всегда говорил: «Кто хоть малое время был на Афоне, всегда будет его помнить».

Причащался батюшка каждый день, наряду с благодарственными молитвами пел Пасхальный канон, говоря, что Причастие — это Пасхальная радость. Священникам запрещал служить Литургию, если в карманах облачения есть хотя бы немного денег. Никогда старец не принимал никаких лекарств, даже в тяжелых болезнях лечился только освященным маслом из святых мест и крещенской водой.

Как-то он предсказал: «Девяносто лет — Кукши нет. А закопают меня быстро-быстро».

В последние даже не секунды, а мгновения перед земной кончиной он явственно проговорил: «Перестало время», — и ушел в вечность.

Власти так боялись, что могила знаменитого монаха станет местом поклонения, что приказали срочно вывезти его тело из монастыря. «Куда?» — спросил наместник. «Везите на родину». Мудрый наместник ответил: «У монаха родина — его монастырь». Дали на похороны два часа.

Опасение безбожников исполнилось в точности — поклонение святому преподобному Кукше, афонскому монаху, растет год от года.

Новые беды

Во время Второй мировой войны случилось неслыханное — в составе партизанских отрядов на Афоне оказались женщины. В довершение правительства Польши, Болгарии, Румынии, Югославии конфисковали афонские имения на территории своих стран. После этого

беды и несчастья не прекращались.

Напасти военного времени принесли и еще одну проблему: число кабанов на Афоне размножилось до невероятного. Кабаньи стаи угрожали уже не только каштановым и дубовым лесам, но монастырским садам и огородам. В прямом смысле они объедали иноков. Сладу с ними не было никакого. И однажды на полуостров непонятно откуда нахлынули стаи волков. Доведя число кабанов до разумных пределов, волки исчезли. Откуда приходили, куда ушли?

Число насельников стремительно уменьшалось. Впервые за века стояния на земле монашеской республики население в ней в 1971 году было всего 1145 человек. И это на двадцать монастырей и на неисчислимое количество скитов и келлий.

Но, наконец, в 1972 году количество монахов впервые увеличилось, что было принято в православном мире как добрый знак Божия расположения к Афону. С тех пор численность иноков вырастала примерно на тридцать в год. На Афон стали приходить не только выходцы из славянских, традиционно православных стран, но и уроженцы Западной Европы, Америки, Австралии.

Международное внимание к Афону, его заново растущая всемирная известность, подвигнули греческое правительство учредить Центр по охране святогорского наследия, взявший под учет и охрану афонские ценности, а также новое строительство на Афоне. Европейское сообщество поспешило не остаться в стороне и стало осыпать милостями Афон, что, впрочем, вызывает у афонских старцев немалые опасения. И не без основания. Ибо капиталисты ничего даром не делают, и неизбежно в будущем требование компенсации. Например, посещения Святой Горы женщинами, проведение дорог, расширение светского паломничества, похожего на туризм. Хотя, к чести греческого правительства, надо сказать, что пока ему удается отстаивать статус своеобразия Афона в этом мире.

К этой борьбе за Афон и мы должны присоединить свои общецерковные и уединенные молитвы.

Кто хоть малое время был на Афоне, всегда будет его помнить…

Светильники нашего времени

После таких потрясений двадцатого века, как войны и революции, нестроения изнутри,

казалось почти невозможным продолжение древнего благочестивого старчества Афона. Возрождение Афонской святости можно сравнить с костром, который долго пылал — и вот в него перестали подбрасывать дрова. На первый взгляд он загас, но только на первый. Ведь он накопил за века молитвы столько огня и жара, что сохранил огонь под золой и пеплом. Стоило чуть расшевелить кострище, подбросить дров, как костер вновь запылал, с еще большей силой. Так же и Святая Гора.

«Гора Святой Афон, — воскликнул великий старец преподобный Силуан, — много мы видим в тебе чудес за молитвы Божией Матери. Описать их — ум короток».

Былинный монах. «Что воздам Тебе, Господи?»

Самого же старца Силуана, во имя которого освящен один из храмов Русского монастыря, можно сравнить с радугой, соединяющей края горизонта, взявшей свое огнецветие у небес и принесшей его на землю. А еще старец Силуан — несомненно, та самая радуга, по которой благочестие прежнего афонского времени перешло в двадцатый век и достигло нас.

Симеон Иоаннович Антонов — таково мирское имя монаха Силуана — уроженец той же Тамбовской губернии, в которой прославился подвигами батюшка, любимый народом, старец Серафим Саровский. Родился Семен в 1866 году, в двадцать четыре года отроду приехал на Святую Гору, уже в тридцать был пострижен в мантию. В 1911 году принимает схиму. Послушание проходил на мельнице, в экономии монастыря, в Старом Нагорном Руссике. Опочил 11 сентября 1938 года.

Когда мальчику Семену было четыре года, он стал свидетелем спора между своим набожным отцом и вроде бы просвещенным книгоношей. Тот доказывал, что Бога нет. «Где он, Бог-то?» И мальчик подумал: «Когда вырасту, пойду по всей земле искать Бога». И это детское, внушенное Ангелом-хранителем решение определило судьбу святого Силуана. Вся его жизнь стала дорогой к Богу, достижением жизни в Боге.

Молю Тебя, милостивый Господи, да познают Тебя Духом Святым все народы земли…

Икона преподобного Силуана Афонского при входе в Силуановский монастырь. Франция. Фото иерея Максима Массалитина.

Святой Афон, много мы видим в тебе чудес за молитвы Божией Матери. Описать их — ум короток…

Силуан Афонский. Икона.

В двенадцать лет он услышал от благочестивой женщины рассказ о жизни и чудесах затворника Иоанна (Сезеневского). И отрок понял, а потом записал: «Если он святой, то, значит, Бог с нами, и незачем мне ходить по всей земле, искать Его». От этого времени душа Семена обрела веру, а ум его прилепился к непрестанной памяти о Боге.

Великий молитвенник, богатырь духа и богатырь по плоти, старец Силуан был смиренен до голубиной кротости. Со слезами он восклицал: «О, немощной мой дух. Он тухнет, как свеча от слабого ветра, а дух святых горел жарко, как терновый куст, и не боялся ветра. Кто даст мне жар такой, чтобы не знал я покоя ни день, ни ночь от любви Божией? Горяча любовь Божия. Ради нее святые терпели все скорби и достигали силы чудотворения. Они исцеляли больных, воскрешали мертвых, они ходили по водам, подымались во время молитвы на воздух, молитвою низводили огонь с неба, а я хотел бы научиться только смирению и любви Христовой, чтобы никого не обидеть, но молиться за всех, как за самого себя».

В отрочестве и юности мысли о монашестве шли рядом с трудами и молодецким времяпровождением. Проходил воинскую службу раб божий Симеон в лейб-гвардии, в саперном батальоне. Его любили за исполнительность, за всегдашнюю готовность прийти на помощь. Однажды он с друзьями сидел в трактире. И все больше молчал, пригорюнясь. Его спросили, о чем думает. «Я думаю, — отвечал он, — сидим мы сейчас, пьем водку, слушаем музыку, веселимся, а на Афоне теперь творят бдение и всю ночь будут молиться, так вот — кто же из нас на Страшном суде даст лучший ответ, они или мы?»

Будучи на военной службе, солдат Семен Антонов не раз посылал на Афон денежные переводы. Однажды он шел с почты, и на него бросилась бешеная собака. Со страхом Семен закричал: «Господи, помилуй!» И какая-то сила отшвырнула от него собаку, будто ударилась о какую-то невидимую преграду.

Слава преподобного отца Иоанна Кронштадского была повсеместна в тогдашней России. Семен вспоминал впоследствии: «… не видел никогда, чтобы кто так служил, как он. Народ любил его и все стояли со страхом Божиим».

Иди с миром и радуйся, что Господь привел тебя в эту пристань спасения…
Иоанн Кронштадтский. Фото Альфреда Федецкого. 1890.

Мысль поехать ко Всероссийскому батюшке за благословением не оставляла юношу. И вот, получив увольнение в запас, Семен приезжает в Кронштадт. Но отца Иоанна он не застал и оставил ему записку: «Батюшка, хочу пойти в монахи, помолитесь, чтобы мир меня не задержал».

Уже на следующий день Семен почувствовал, как вокруг него «адское пламя загудело». И оно гудело не переставая до самого приезда на Афон. Там, побывши, по обычаю, несколько дней в безмолвии, он исповедал духовнику все свои греховные деяния.

— Брат Симеон, знай, что тебе грехи прощены. Отныне положим начало новой жизни. Иди с миром и радуйся, что Господь привел тебя в эту пристань спасения.

Вскоре послушник получил еще один урок. Он позволил своей душе всецело отдаться радости, не зная еще, как нужно быть воздержным. Диавол вовлек его в помыслы об уходе в мир и женитьбе. Он снова почувствовал себя в адском пламени. И по своим молитвам, и по молитвам духовника и братии он, через таинство покаяния и исповеди, получил освобождение от греховных мыслей. Но навсегда понял, что можно погибнуть и в монастыре.

Отступились блудные помыслы, приступили другие, горделивые: «Уходи в пустынь, спасайся в уединении и молитве». То нечестивый внушал послушнику, что он совсем уже святой, то страшил тем, что он великий грешник и никогда не спасется. Симеон вопросил: «Почему же вы, бесы, говорите по-разному? То говорите: я свят, то никогда не спасусь». Бесы насмешливо отвечали: «Мы никогда правды не говорим».

В.И. Суриков. Искушение Христа. 1872

Когда стоишь у огромнейшего, метров двенадцать в диаметре, мельничного колеса, когда представляешь оглушительный шум водопада, вращаюшего это колесо и гигантские, неподъемные жернова, и то количество зерна, которое ежедневно перемалывалось здесь, то, пусть слабо, но понимаешь, каким было послушание у святого Силуана. Мельничное послушание, так называли труд на мельнице. Былинный богатырь, он в день перетаскивал по нескольку сотен пятипудовых мешков муки и зерна. Ведь это же было время, когда паломничество на Афон стало общероссийским явлением, когда число иноков, послушников и трудников не поддавалось исчислению. И всех надо было кормить.

Именно во время пребывания старца свершилось то чудо, о котором мы рассказали в начале книги, — явление Божией Матери. Это запечатлено на главной фотографии Афона. На ней — Божия Матерь, держашая в руках монастырский хлеб, полученный Ею как самой скромной просительницей. Безропотно стояла очередь, которой объявили, что милостыню раздают в последний раз. Очередь эту, по благословению, сфотографировал монах монастыря. А когда проявил и напечатал снимки, ужаснулся и возликовал: среди ожидающих смиренно

стояла в очереди за подаянием Сама Божия Матерь. Стояла не на земле, а на огне. Пораженные иноки вглядывались в фотографию, которая доныне освящает именно то место, которое посетила Царица Небесная. И тогда настоятель монастыря распорядился, чтобы оделять милостыней всех приходящих, пусть совсем понемногу. И что же? Наутро причалили к берегу корабли, везущие пшеницу.

Устанавливали в монастыре немецкое механическое оборудование для мастерских. Командовал этим приехавший из Германии специалист-лютеранин. Установил. Сели за стол. Немец все похвалялся немецким умом и немецкой техникой. Старец Силуан с достоинством заметил: «Если бы русский ум был направлен на технику, он бы давно всех в мире обошел по достижениям науки и техники. Но русский ум прежде всего направлен на молитву, на спасение души».

Молиться за людей — это кровь проливать
Франсуа Миллет. Анжелюс, или вечерняя молитва. 1857—1859 гг.

Может быть, старец Силуан — один из немногих афонских монахов, кто испытывал необычайно сильные нападки на себя нечистого. И до такой степени, что однажды монах почти надорвался в борьбе с бесами. Он дошел до последнего отчаяния и думал: «Мне, такому грешнику, Бога умолить невозможно». Он почувствовал оставленность и погрузился в невыносимый мрак адского томления. Но — сила Божия в немощи совершается — в тот же день в церкви Святаго пророка Илии, что на мельнице, он ясно увидел живого Христа! Господь непостижимо явился молодому послушнику и исполнил его огнем благодатного Святаго Духа, тем огнем, который низвел на землю Своим пришествием.

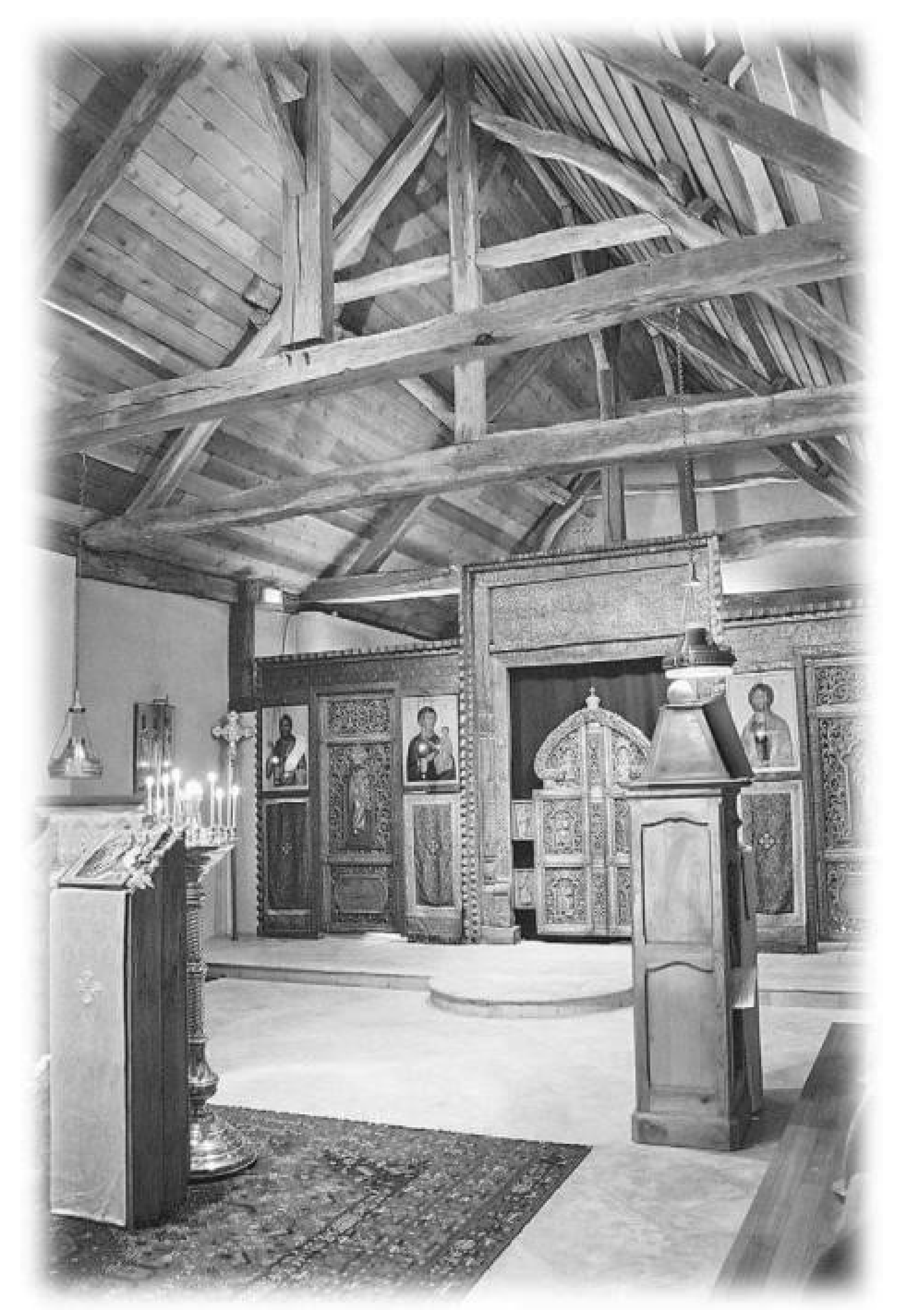
Исключительная чуткость к людям и поразительная интуиция отличают старца Силуана. Был даже спор, а что, если бы такой богатырь духа получил богословское и философское

образование, не стал ли бы он великим мыслителем двадцатого века?

Но он и стал. И не просто мыслителем, но величайшим молитвенником за мир, за всех нас. Именно он сказал: «Молиться за людей — это кровь проливать».

Преподобный Силуан на опыте жизни своей познал, что полем духовной битвы со злом является собственное сердце. Гигант духа, он все свои силы сосредоточил на подвиге за смирение Христово. Ему было дано знание о ведении пути к вечной божественной жизни, которое всегда было в Церкви и чем она всегда была жива.

Для нас несомненно проникновенное знание старцем не только книг Священного Писания, но и всей святоотеческой литературы. Особенно любил преподобный Псалтирь. Сами писания старца Силуана по духу и по силе выражения очень напоминают псалмы Давидовы. А еще гимны Симеона Нового Богослова.

Интерьер главной церкви Силуановского монастыря. Сен-Марс-де-Локене, Франция. Фото иерея Максима Массалитина

Вот примеры завещаний преподобного Силуана, коих множество:

«Что воздам Тебе, Господи?

Ты, Милостивый, воскресил душу мою от грехов, и дал мне познать милость Твою ко мне, и сердце мое пленилось Тобою, и влечется к Тебе, Свету моему, непрестанно.

Что воздам Тебе, Господи?

Ты воскресил душу мою любить Тебя, ближнего Своего, и даешь мне слезы молиться за весь мир.

Блаженна душа, познавшая Творца и возлюбившая Его, ибо она успокоилась в Нем совершенным покоем.

Господь безмерно милостив. Знает душа моя милость Его ко мне, и я пишу о ней с надеждой, что хоть одна душа возлюбит Господа и возгорится к Нему жаром покаяния.

Если бы Господь не дал мне Духом Святым познать милость Его, я бы отчаялся от множества грехов моих, но теперь он увлек душу мою, и она возлюбила Его и забывает все земное.

О, Господи, смири сердце мое, чтобы оно всегда было угодно Тебе».

Или: «Смотри умом, что делается в душе. Если небольшая благодать, то в душе мир, и чувствуется любовь ко всем. Если благодать больше, то в душе свет и радость великая, а если еще больше, то и тело ощущает благодать Святаго Духа».

Полное ощущение, что удивительный, возвышающий душу Акафист «Слава Богу за все» был вызван к жизни творениями преподобного Силуана Афонского.

Что воздам Тебе, Господи? Смири сердце мое, чтобы оно всегда было угодно Тебе…

Распятие в монастыре Святого Силуана. Сен-Марс-де-Локене, Франция. Фото иерея Максима Массалитина.

Джеймс Тиссо. Молитва Господня. 1886—1896 гг.

Вот пример:

«Сердце мое возлюбило Тебя, Господи, и потому скучаю по Тебе и слезно ищу Тебя.

Ты украсил небо звездами, воздух — облаками, землю же — морями, реками и зелеными садами, где поют птицы, но душа моя возлюбила Тебя и не хочет смотреть на этот мир, хотя он и прекрасен.

Только Тебя желает душа моя, Господи. Твой тихий и кроткий взор я не могу забыть и слезно молю Тебя: приди и вселись, и очисти мня от грехов моих. Ты видишь с высоты славы Твоей, как скучает душа моя по Тебе. Не оставь меня, раба Твоего, услышь меня, вопиющего, как пророк Давид: "Помилуй мя, Боже, по велицей Твоей Милости"».

«Молитва — дар Святаго Духа. Бесы всеми силами стараются отвести человека от памяти Божией и от молитвы. Но душа, любящая Бога, скучает о Боге, и прямо к Нему молится:

— Скучает душа моя по Тебе, и слезно ищу Тебя!»

Завещания старца Силуана, ныне широко издающиеся, содержат в себе краткие, выстраданные, от сердца идущие поучения о Боге, о монашеской жизни, о любви, о молитве, о

смирении, о покаянии, о благодати, о святых, о пастырях (духовниках), о послушании, о помыслах и прелести. Все это не только не утратило свежести мысли и душеполезности, но, напротив, с каждым годом крепнет и дает нам спасительные уроки.

Интересно, что во время Русско-японской войны 1904—1905 годов монах Силуан, как запасной гвардеец, вместе с другими русскими монахами Святой Горы был вызван по мобилизации в Россию и пробыл на родине почти весь 1905 год. Он устроил в поле за селом небольшую келлию, ради уединенной молитвы. И его беспокоили только дети, с которыми он говорил о Боге. Вот один из разговоров с детьми, сохраненный для нас в назидание:

— Мы никогда не видели Бога, — говорят старцу дети, — как нам любить Его?

— А вы думайте о Боге всегда, что Он вас любит, и дал вам жизнь для того, чтобы вы вечно с Ним жили и наслаждались Его любовью.

— А как мы узнаем, что Бог нас любит?

— По плодам, детки, познается любовь: когда мы в любви Божией, то боимся греха, и на душе покойно и весело, и хочется помнить Бога все время, и хочется молиться, и в душе хорошие мысли. Помышляйте, детки, что Бог вас видит, хотя вы Его не видите. Так вы будете ходить всегда пред лицем Господа. Хотя это малая любовь, но если вы сохраните слово мое, то оно приведет вас к большой любви, и тогда Духом Святым вы познаете все то, что я вам говорю, и чего вы сейчас не разумеете.

Старец вернулся на Святую Гору и телесно уже никогда не был в России. Но вернулся в нее духовно, и уже навсегда.

Духовное чадо преподобного Силуана, схиархимандрит Софроний (Сахаров) в интервью французскому журналу «Мир» в 1988 году в ответ на вопрос: «Что имел в виду преподобный Силуан, говоря: «Молиться за мир — это кровь проливать?», ответил: «Сердце страдает, но оно страдает без слов. Секрет таков: в глубине сердца — там и радость и свет. Когда ум соединяется с сердцем, то сердце полно страданий, как будто оно кровоточит. Вот как я понимаю это: когда кто-то молится таким образом за все человечество — это знак, что благодать была дана человеку, его ипостаси, чтобы было возможно жить так. Человек может носить в себе Бога и все человечество».

И он же, схиархимандрит Софроний, вспоминал случай, когда они, монахи, пришли к монастырской пристани. У нее стояло парусное судно. И вдруг внезапно налетела такая сильная буря, судно стало так бросать, что могло выкинуть на скалы. Матросы отчаянно пытались выскочить на причал, чтобы спасти хотя бы самих себя. Но буря усиливалась. Один из монахов, диакон Серафим, воскликнул: «О, как болит за них мое сердце». Стоявший тут же старец Силуан положил ему на плечо руку и сказал: «Если болит твое сердце за них, то они спасены». И действительно, чудом все матросы остались живы, сохранилось и судно. Спасенные побежали в церковь и отслужили благодарственный молебен.

Это и нам указание: если за болящего, страдающего болит наше сердце, он спасется.

Сошествие Святого Духа на апостолов. Икона. Конец XV — начало XVI вв.

Если болит твое сердце за них, то они спасены…
Джентиле да Фабриано. Спасение моряков. Около 1425 г. Пинакотека Ватикана.

Скончался блаженный старец после утрени, 11 сентября 1938 года. Он так тихо отошел ко Господу, что даже рядом стоящие не почувствовали момента излетания его души. Тело старца, по монашескому обычаю, было зашито в рясу, положено на специальные носилки, накрыто черным покровом с нашитым на нем темно-красным крестом, наподобие креста на схиме, и перенесено из больничной церкви, где над ним читали Псалтырь, в главный храм монастыря, где собором иеромонахов был совершен чин отпевания.

Как вразумляется душа, когда вновь и вновь приходишь к мельнице старца Силуана. Давно уже она без работы. Ржавеют даже и огромное колесо, и стальные лопасти, даже и кованые болты и заклепки съедает ржавчина. Ревнивое время стирает память о вещах, природа поглощает в себе дело рук человеческих, но то, что Богово — молитва, подвиг души — это навсегда. Утонуло во времени все то, что здесь шумело и грохотало. И то, как по этим вот лоткам лилась в карманы лопастей вода, вращался огромный, квадратный в сечении вал, вращал весь умный механизм жерновов мельницы. Сюда сыпали зерно, здесь падал белый пыльный водопад размолотой муки, ее нагребали в мешки. Все забылось, а молитва старца Силуана с нами, с нами его заветы.

Преподобный Силуан своей жизнью указал на главное назначение Афона — представлять миру такую силу молитвенности, в которой спасается мир. И пока существует Святая Гора и ее подвижники, мир жив. О, если бы наш сегодняшний гибнущий мир вразумился, кому он обязан жизнью!

Афонский Серафим Саровский

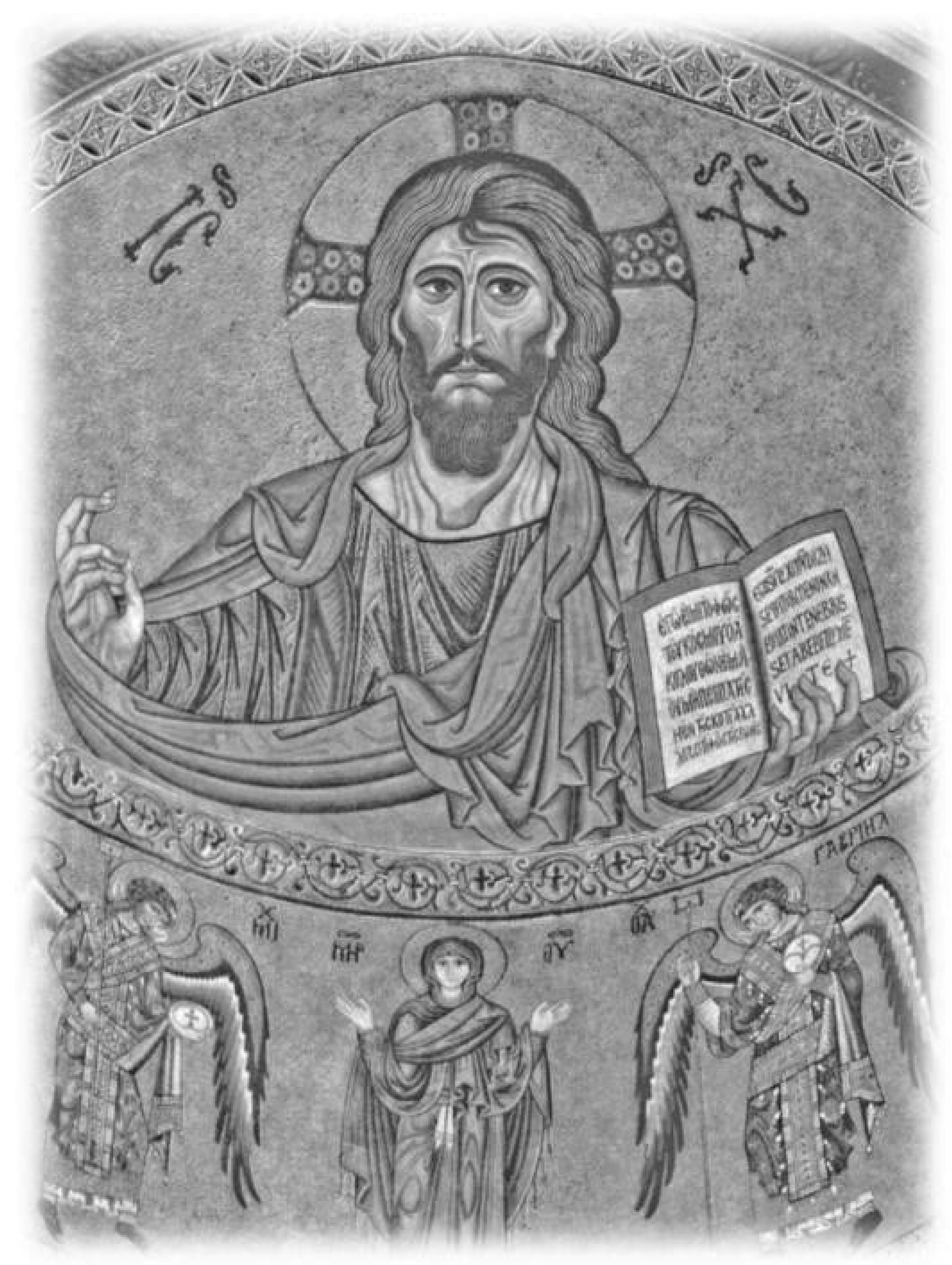
Так называют великого старца современности Паисия Святогорца. Четырнадцать лет было отроку Арсению, когда великий молитвенник за весь мир старец Силуан преселился в обители вечные. Именно к этому возрасту относится главное, может быть, искушение его жизни. С одиннадцати лет Арсений читал Жития святых. Брат его отнимал у него священные книги. Товарищ брата, Костас, сказал: «Я отучу Арсения, он оставит церковные книжки». Костас стал внушать Арсению учение Дарвина. Отрок заколебался. Но решил: «Даже если Христос был просто человеком, Его стоит полюбить, Его стоит слушаться и принести себя в жертву ради

Него». Позднее старец написал о том событии: «Христос явился мне в преизобилии Света. Я видел Его от пояса и выше. Он взглянул на меня со многою любовью и сказал: “Аз есмь воскрешение и живот. Веруяй в Мя, аще и умрет, оживет”. Те же самые слова были написаны в раскрытом Евангелии, которое Он держал в Своей левой руке».

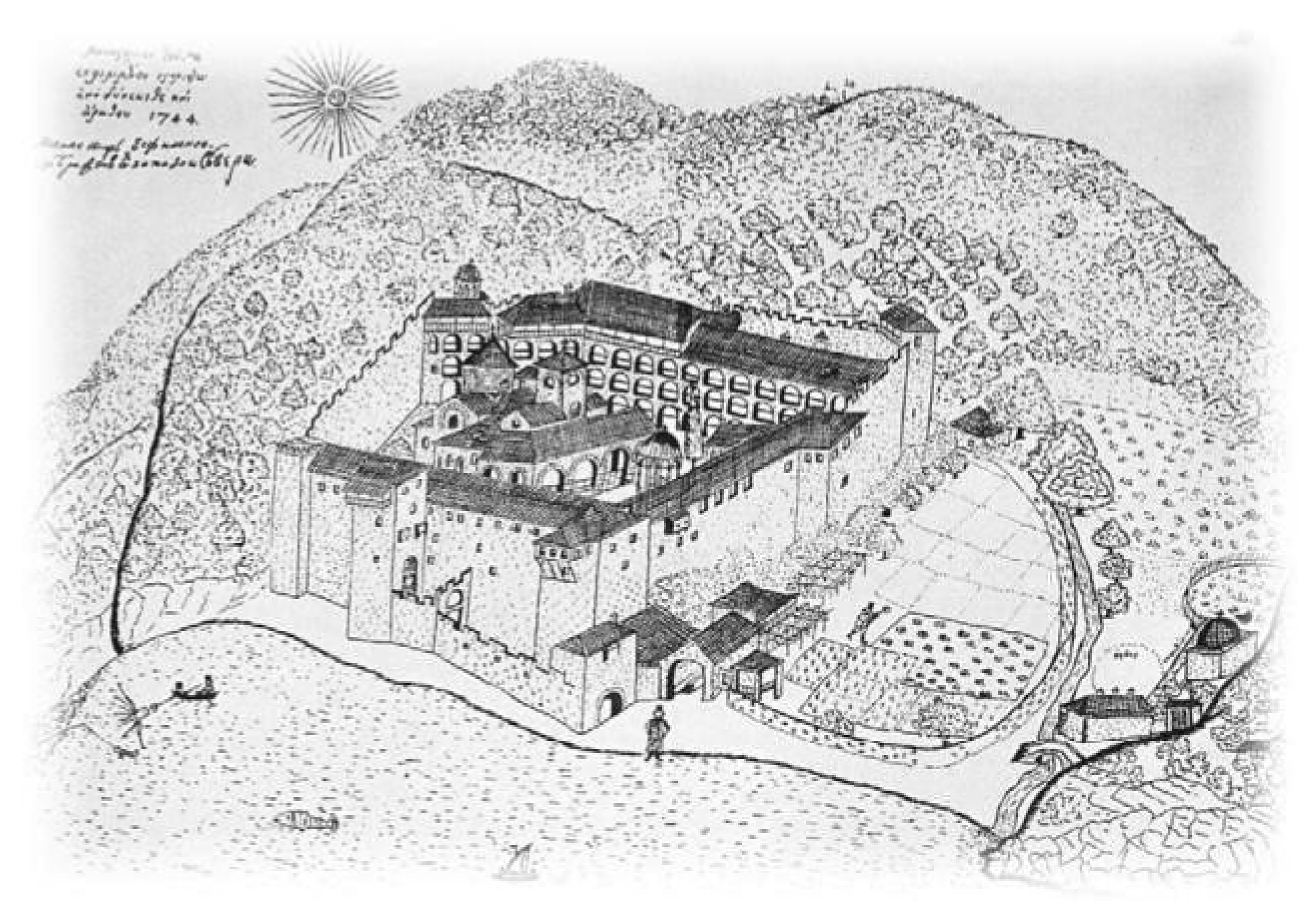
Это событие потрясло детскую бесхитростную душу отрока и развеяло все его сомнения. Он познал Христа как истинного Бога и Спасителя мира. В Богочеловечестве его убедили не книги, не люди, а Сам Господь, открывшийся ему в столь раннем возрасте.

Родина старца — акритское греческое селение Фарасы. Это оплот православной веры. Фарасиоты славились мужеством. Нога турецких завоевателей не ступила на землю их села. В Фарасах находили прибежище гонимые турками православные. Великими были и женщины фарасийские. Однажды за ними гнались турки, но они предпочли смерть в горной реке бесчестью. Бабушка старца Христина владела небольшим храмом Архангела Михаила. Однажды зимой, когда она молилась, церковь занесло снегом. Но каждый день на подоконнике бабушка находила горячий хлеб. Мог ли ее внук не верить в милость Божию?

Война, приход фашистов, страдания семьи (в ней было десять детей) закалили юношу Арсения. Внешне жизнь его сходна с жизнью старца Силуана. Как и тот, но уже в 1945 году, Арсений был призван на воинскую службу. Служил честно, приходил на помощь сослуживцам. Но однажды, услышав, как ротный хулит Бога, Арсений отказался выполнять его приказания. Арсению грозил трибунал. Его вызвали к высокому начальству. Арсений во всеуслышание произнес слова из Деяний апостолов: «Повиноватися подобает Богови паче, нежели человеком».

Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет (Ин. 11, 25)
Христос Вседержитель. Мозаика. Собор Чефалу. Сицилия.

Василий Григорович-Барский. Рисунок монастыря Эсфигмен. XVIII в.

В 1950 году, в солдатской форме, Арсений приехал на Святую Гору. Первый свой ночлег здесь он провел в лаврской келье, близ монастыря Кутлумуш.

Долго рассказывать о страданиях старца Паисия. Он уже был готов к пострижению, но пришло письмо с материка. Отец и братья просили его о помощи. Сердобольный и сострадательный, он пошел на зов просьбы. Стал зарабатывать деньги для семьи плотницким искусством. Но как только дела семьи поправились, он вновь устремился на Афон. Хотел поселиться в монастыре Кастамонит, ибо слышал, что это безмолвная, монашеская обитель, но разыгрался шторм на южной стороне острова, и Арсений воспринял это как знак Божий. Он вышел на берег у монастыря Эсфигмен. Здесь была суровая школа монашества. Позднее старец рассказывал: «Для того, чтобы прожить в тогдашнем Эсфигмене сорок дней Великого поста, надо было взойти на настоящую Голгофу. В сутки — только одна тарелка водянистой похлебки без масла. Это было самое строгое общежитие. Первую седмицу Великого поста все отцы почти целый день проводили в церкви».

27 марта 1954 года послушник Арсений был пострижен в монашество. Он принял имя Аверкия. Игумен, зная великие молитвенные подвиги Арсения, предлагал ему сразу пострижение в великую схиму. «Но я ответил, — рассказывал старец, — хватит рясофора».

Старец также вспоминал: «Я помогал в церкви, неся послушание пономаря во время Всеношних бдений. Однажды, на Проскомидии, при словах: “Жрется Агнец Божий”, — я увидел, что агнец на дискосе трепещет как живой ягненок. Из этого я увидел, что Таинство начинается еще с Проскомидии».

В монастыре Эсфигмен отец Аверкий нес послушание столяра и плотника. Он был под началом грубого и несправедливого отца И. Никто с ним не мог работать более нескольких дней. «Благодатью Божией, — вспоминал он впоследствии, — я проработал с ним два с половиной года». Работал даже и тогда, когда сильно болел, когда харкал кровью. Но никому не жаловался. И в конце концов даже и отец И. раскаялся в своем поведении, смирился перед всеми и спасся.

Всю жизнь вспоминал старец своего наставника отца Кирилла из Кутлумушского скита Святого Пантелеимона. Даже когда молодой монах Аверкий перешел в особножительный

монастырь Филофей, он выбирал время, чтобы прийти к отцу Кириллу за советом. Тот был настолько прозорлив, что заранее знал, в каком совете нуждается отец Аверкий. Ничего не говоря, протягивал ему книгу и показывал отчеркнутое место.

Иду тернистою тропой, путем Христовым крестным, молясь, чтоб встретиться с тобой во Царствии Небесном…

Монастырь Филофей на рассвете. Фото Cosmosolomon.

В Филофее отец Аверкий начал готовить себя для жизни в пустыне. Изнурял себя не просто постами, а непрерывным постом. Ел овощи. Не просто овощи, а как он вспоминал: «…старался много дней подряд есть какой-то один вид овощей, например, одни помидоры, один латук, одну капусту, до тех пор, пока эта пища не надоедала, так что я ел ее без желания. Каждую ночь я совершал бдение. Спал немного. В храме не садился в стасидию, чтобы меня не поборол сон».

12 марта 1956 года отец Аверкий был пострижен в мантию и наречен Паисием в честь ревностного митрополита Кесарийского Паисия II, который — неслучайное совпадение — был родом из Карас.

После пострига отец Паисий написал матери стихотворение:

Родная матушка, поклон тебе от сына.
В монахи ныне уходя от суетного мира,
Лицом к обманщику — врагу, один в глухой пустыне,
Всем из любви к Царю Христу он жертвует отныне.
Мирская сладость, красота мне чужда и несладка,
В любви Спасителя Христа все сердце без остатка.
Иду тернистою тропой, путем Христовым крестным,
Молясь, чтоб встретиться с тобой во Царствии Небесном.

Твоей любви живая связь, но, к жизни вечной Слову
Умом и сердцем устремясь, я режу по живому —
По плоти наших кровных уз — и размыкаю звенья,
И сбрасываю ветхий груз земного тяготенья.
Моя отныне будет Мать — Мария, Матерь Бога,
Своим Покровом охранять от вражьего прилога.
В глухой пустыне буду жить, Царя Христа желая,
О мире мира умолить и о тебе, родная.

И подписал: «Посвящается моей уважаемой матери».

А вскоре, несмотря на свое желание уединенной жизни, старец был направлен в монастырь Стомион Коницкой епархии на его восстановление (монастырь сгорел). «Впоследствии оказалось, что я перешел в Стомион главным образом для того, чтобы помочь восьмидесяти совратившимся в протестанство семьям вернуться в Православие…».

Церковь Богородицы Мандракина. Остров Корфу, Греция

До сих пор в Коницах рассказывают о том, как возрождался монастырь, как по молитвам святого Паисия появлялся на строительстве и цемент, и белый мрамор, и продовольствие для рабочих. Сам же старец, замечательный плотник, делал стасидии и помещения для братии. Себе же сделал такую каморку в углу монастыря, что в ней можно было только сидеть, а лежать не получалось. Да он и не лежал никогда.

Вспоминают и строгость старца. Он прекратил веселые застолья рядом с монастырем,

лично разбивал бутылки с узо (греческая водка), запрещал даже подходить к монастырю в неподобающей одежде. Прикрепил две таблички со стрелками на подступах к монастырю. На одной: «К священной обители Стомион — благоприлично одетые», на другой: «К реке Аос — неприлично одетые».

Ко времени возрождения Стомиона относится поездка старца на остров Керкира (Корфу) за мощами преподобного Арсения Каппадокийского. Когда он вместе с мощами ночевал у благочестивых людей, они видели вспышки света и думали, что надвигается гроза, что это молнии, но грома не слышали. Старец объяснил, что это сияние исходит от мощей святого. Госпожа Екатерина Патера рассказывала, что он устанавливал в городе копилки для нищих и больных, много заботился о детях. «Он очень легко одевался. Я связала ему свитер, а он в тот же день отдал его сумасшедшей женщине, чтобы несчастная не мерзла. Я дарила ему и другие вещи, но он отдавал их первому встречному». По свидетельствам жителей Тассиоса и Стергиу, преподобный Паисий тайно навещал бедных больных стариков, приносил им продукты.

Коницкая община протестантов — евангелистов прекратила существование не сразу, но прекратила. Старец ходил по домам протестантов, убеждал и их руководителя не приезжать в Коницу.

Уже после кончины старца две женщины, Пенелопа Мурелати и Пенелопа Барбути, рассказали о таком случае. Они ночевали в монастырской гостинице и услышали, как кто-то ударяет в монастырское било. Они вышли во двор и увидели, что из своей келлии появился старец и строго сказал: «Разве я разрешал кому-то трогать било?» Они стали уверять старца, что не дотрагивались до молотка. И вдруг они увидели, как внутрь закрытого храма входит и становится невидимой Женщина. Это была Пресвятая Богородица, ночное посещение Которой отметило било, начавши стучать само собой. Они сразу же отслужили молебен. Старец настрого запретил женщинам рассказывать об этом чуде.

Богоматерь Нерукотворная. Икона. Монастырь Продром. Афон. 1863

С трудом сумел старец вернуться на Афон. Его очень полюбили жители Кониц. Но он

жаждал уединения. С этой целью отпросился на пустынножительство в Синай. Там, в монастыре Святой великомученицы Екатерины, он помогал реставраторам. Ковчег знаменитой Синайской иконы Христа Пантократора выполнен старцем Паисием. Реставратор Ставрос вспоминал, насколько преподобный был худ, молчалив, почти ничего не ел. «Он работал с большой отдачей, распространяя вокруг себя атмосферу благородства и святости. Его постоянные уклонения от обеда, его страшная худоба и сильный, непрекращающийся кашель заставляли нас переживать о его здоровье. “Ставрос, — сказал он в ответ на мои слова, — ты эти вопросы оставь нам, монахам”».

Старец переселился ближе к келлии святых Галактиона и Епистимии, это час пешего хода от монастыря. Келлия эта хорошо видна тем, кто поднимается к тому месту на горе, на котором пророк Моисей получил Скрижали Завета, так называемый Синайский Закон. Но не в келлии жил старец, а в своем, устроенном на скале гнезде. Как жил, чем питался?

Поль Гюстав Доре. Моисей спускается с горы Синай. Гравюра. 1866

«Моей пищей был чай с сухариками. Я раскатывал тонкий лист теста и высушивал его на

солнце. Эти сухари были такие жесткие, что разбивались как стекло. Иногда варил толченый рис в консервной банке. Эта банка была и кофейником, и кастрюлей, и тарелкой, и кружкой. Все мое хозяйство было — это кружечка и ложечка. Кроме этого майка, которую я надевал ночью, чтоб было теплее».

Старец ходил босиком, носил ботинки в сумке и надевал их, когда кого-то встречал. В монастыре был раз в неделю или раз в пятнадцать дней.

Однажды, в Пятидесятницу, его позвали пойти в келлию святых Сорока Мучеников. Старец, не считая, положил в корзину несколько десятков раскрашенных яиц. И что же? Яиц оказалось ровно сорок и ровно сорок бедуинов пришли на пасхальный молебен.

Но здоровье становилось настолько слабым, что пришлось покинуть полюбившую его и любимую им Синайскую пустыню. Здесь оставались его друзья — звери и птицы, приходившие к нему. Он вспоминал потом двух куропаток, которые отказывались есть, если он не ел с ними.

1964 год. Старец вновь на Афоне, в Иверском скиту. У него уединенная маленькая каливка (хижина), он вполне рад своему положению. Но к нему идут и просятся поселиться вблизи монахи. Это огорчает старца. Он советуется со своим духовником, а это, радостно сказать, русский монах Тихон, и вот отец Тихон дает благословение — принимать тех, кто тянется к Паисию.

Иверская часовня у Воскресенских ворот. Москва. Фото начала XX в.

Именно во время проживания в Иверском скиту старец Паисий воспринял постриг в великую схиму. Сам он не придавал значения этому. «Меня занимало только то, чтобы по-монашески жить. Если душа не будет возделана, не будет внутренне вооружена, то схима — несмотря на то, что она есть оружие — такой душе не поможет». Однако побуждаемый своим наставником, отцом Тихоном, преподобный Паисий согласился стать великосхимником. 11 января 1966 года в Ставроникитской каливе Честнаго Креста от честных рук батюшки Тихона старец принял великий и ангельский образ.

Настолько ангельский, что даже малое общение с ним изменяло людей. Однажды старец почувствовал, а он обладал прозорливостью необычайной, что его хотят обокрасть. Старец вышел из хижины и оставил ее открытой. Вор залез в нее, и что он там увидел: голые доски, консервная банка, книги. Так вот, этот вор вскоре вернулся к старцу и принес ему еды, раскаялся в своем намерении, просил прощения, и от всего сердца был прощен.

В пустынных Катунаках, в бедной каливе, куда старец перебрался из-за слабых легких (там было меньше сырости) он испытал Божественное посещение. «Творя Иисусову молитву,

исполнился я вдруг великой радости. Келья озарилась Светом, белым, с чуть голубоватым оттенком. Мое сердце сладостно билось. Я продолжил молиться по четкам, пока не взошло солнце. Ах, какой это был Свет! Ярче, чем свет солнца. Рядом с ним солнце становилось тусклым, бледным, подобным лунному свету. Я видел этот Свет долго, а когда он исчез и Благодать уменьшилась, ни в чем не находил радости и утешения».

Благочестивый помысел есть абсолютный властелин над страстями…

Семь мучеников Маккавеев, их мать святая Соломония и учитель святой Елеазарий. Фрагмент пелены Явление Богоматери Сергию и праздники. 1525.

Иеромонах Христодул Агиорит общался со старцем Паисием и оставил множество свидетельств святости и любви старца.

«Старец всегда настаивал, говоря нам: “Когда брат имеет испорченный помысел, нам нужно с добротой и смирением постараться его исправить. И это наша обязанность”».

И снова и снова возвращался к теме помыслов: «Главное — иметь правильно поставленный помысел. Если наш помысел утвержден в вере, никто не может его переменить».

Из Ветхого Завета старец особенно выделял четвертую книгу Маккавеев. Читал и объяснял: «Благочестивый помысел есть абсолютный властелин над страстями. Привожу в качестве примера мужество тех, кто умирал ради добродетели. Я разумею Елеазара и семь братьев и матерь их. Ибо все они, поскольку пренебрегли болью даже до смерти, показали очень ясно, что помысел обуздывает страсти».

Феофан Критский. Распятие Христа. Монастырь Ставроникита, Афон. XVI в.

Иеромонах Христодул вспоминает, как был свидетелем того, как геронта срубал стволы каштанов для мостика через реку и пронзил острой щепой левую ладонь. Обильно потекла кровь. «Однако я видел, что Старец был рад, смотрел и разглядывал свою руку. Потом поворачивается назад и, показывая свою ладонь, окровавленную, и говорит: “Видел? Моя ладонь похожа на ту, которая была распростерта на Голгофе”».

Дни русского подвижника отца Тихона подошли к итогу. Он призвал к себе старца Паисия и высказал пожелание, чтобы тот занял его келлию. Так и сбылось. Может быть, в этой келлие старец Паисий начал писать свою книгу «Отцы-святогорцы и святогорские истории». Она начинается так:

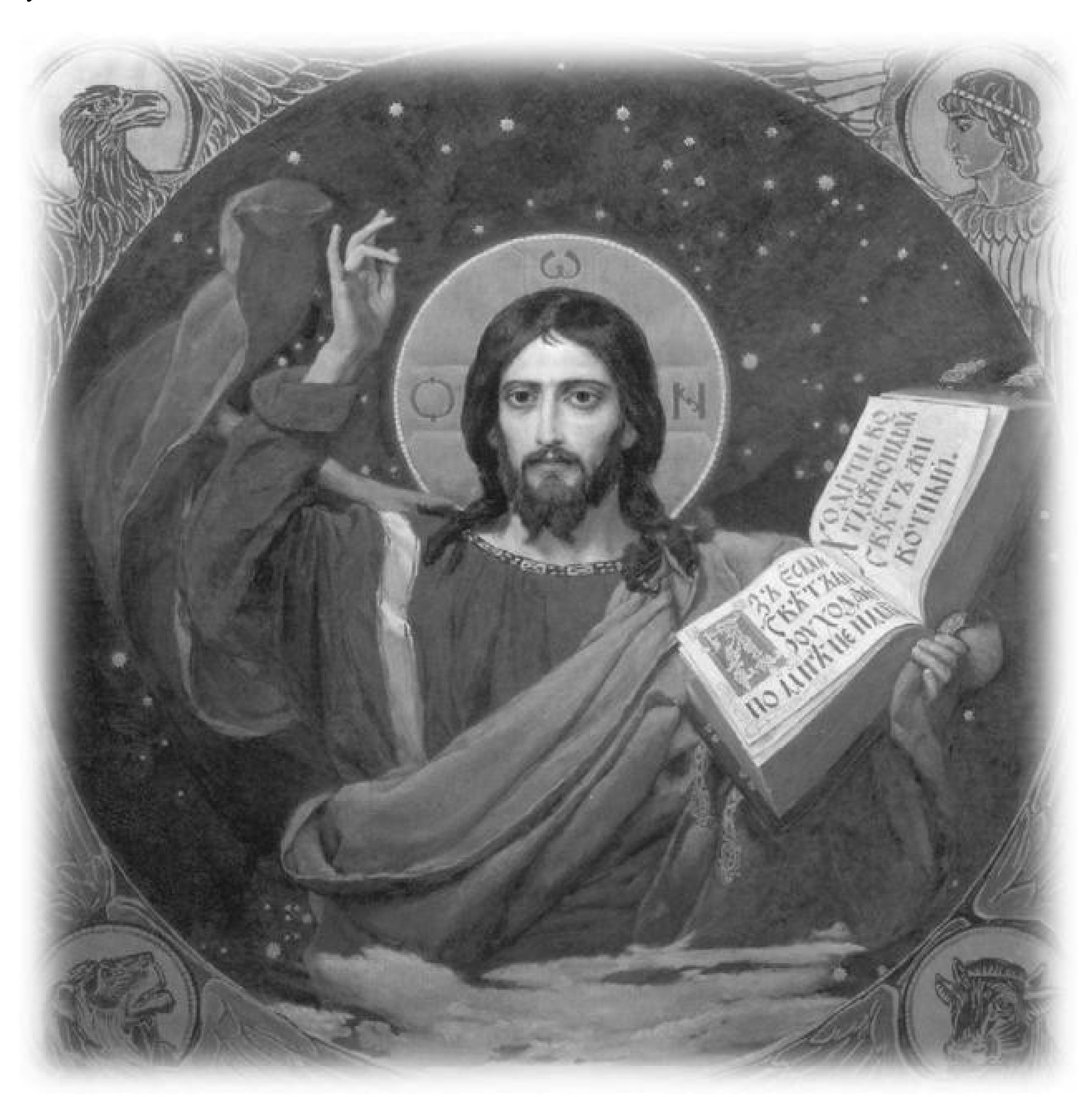
«Я мучаюсь угрызениями совести из-за того, что не делал никаких записей с подробностями рассказов об отцах, прославившихся своими добродетелями…»

Первым святогорцем, о ком рассказал преподобный Паисий, был отец Тихон, его духовник.

«Отец Тихон родился в России, в деревне Новая Михайловка (нынешняя Волгоградская область. По другим источникам отец Тихон из Сибири) в 1884 году.

Родители его, Павел и Елена, были людьми благочестивыми, а потому, естественно, и сын их, которого в миру звали Тимофеем, унаследовал их благоговение и любовь к Богу и с самого детства восхотел посвятить себя Ему». Так начинается первая глава книги старца Паисия «Отцы— святогорцы и святогорские истории». Рассказ о старце читается неотрывно. И юность, когда Тимофей в возрасте от семнадцати до двадцати лет, прошел двести монастырей, и явление ему Божией Матери, подавшей ему во время голода булку белого хлеба, и паломничество в Святую Землю и на Синай, и приход на Святую Гору, на которой он прожил шестьдесят лет.

Только Бог знает духовную веру святых. Даже сами святые не знали ее, так как измеряли только свои грехи, а не свою духовную меру. Имея в виду это правило святых, которые не любили человеческих похвал, я пострался ограничиться в описании лишь необходимым. Верю, что рад будет и отец Тихон и не станет жаловаться, как жаловался ему его друг старец Силуан, когда отец Софроний в первый раз опубликовал его жизнеописание. Тогда старец Силуан явился отцу Тихону и сказал: «Этот благословенный отец Софроний написал множество похвал в мой адрес. Я бы этого не хотел». Здесь преподобный Силуан упомянул так же значительного для нашей памяти архимандрита Софрония (Сахарова), своего ученика, автора первого жизнеописания святого Силуана. А старец Паисий завершает рассказ об отце Тихоне, уподобляя его святому Силуану, так: «Поэтому они и являются святыми. Бог прославил их, потому что они избегали человеческой славы».

В.М. Васнецов. Христос-Вседержитель. 1885—1896

В этой же книге напечатана молитва отца Тихона «Слава Христовой Голгофе».

«…О, Христе Царю, Своей неизреченной любовью и благодатью Ты наполнил кающимися грешниками все небесные дворцы. Ты и здесь, долу, всех милуешь и спасаешь. И кто может достойно возблагодарить Тебя, даже если бы имел ангельский ум! Грешники, поспешите. Святая Голгофа открыта, и Христос благоутробен. Припадите к Нему и

облобызайте Его святые ноги. Только Он, будучи благоутробным, может исцелить наши язвы…»

И само жизнеописание составлено так, будто отец Паисий постоянно себя упрекает в несовершенстве, в грехах. Старец Тихон очень мало вкушал пищи, «а я, грешный, ем очень много». Старец все время на молитве, «а я, грешнейший, молюсь мало». И так постоянно.

То же и в рассказах о других афонских подвижниках, об отцах Евлогии, Пахомии, Серафиме, отшельнике Георгии, игумене Филарете, иеромонахе Анфиме, Христа ради юродивом.

Книга, слава Богу, сейчас доступна, издается часто, как часто издаются и книги о старце и переводы его трудов и писем с греческого. Читать их душеполезно и утешительно. Но и самоукорительно: очень уж многое разделяет нас, обмирщенных, застрявших в проблемах быта и земных трудов, со старцем. Сравнение явно не в нашу пользу.

Вдумаемся хотя бы в несколько мыслей старца Паисия:

«После поста хлеб сладок. После бдения сон сладок. А при усталости можно и на твердом камне отдохнуть лучше, чем в кресле».

«Насколько человек избегает человеческого утешения, настолько к нему приближается Божественное».

«Кто держится за свою волю, изгоняет волю Божию и препятствует действию Божественной благодати».

«Всякая благая мысль, которая приходит человеку в голову свыше, — от Бога. Наше только то, что идет у нас из носу при насморке».

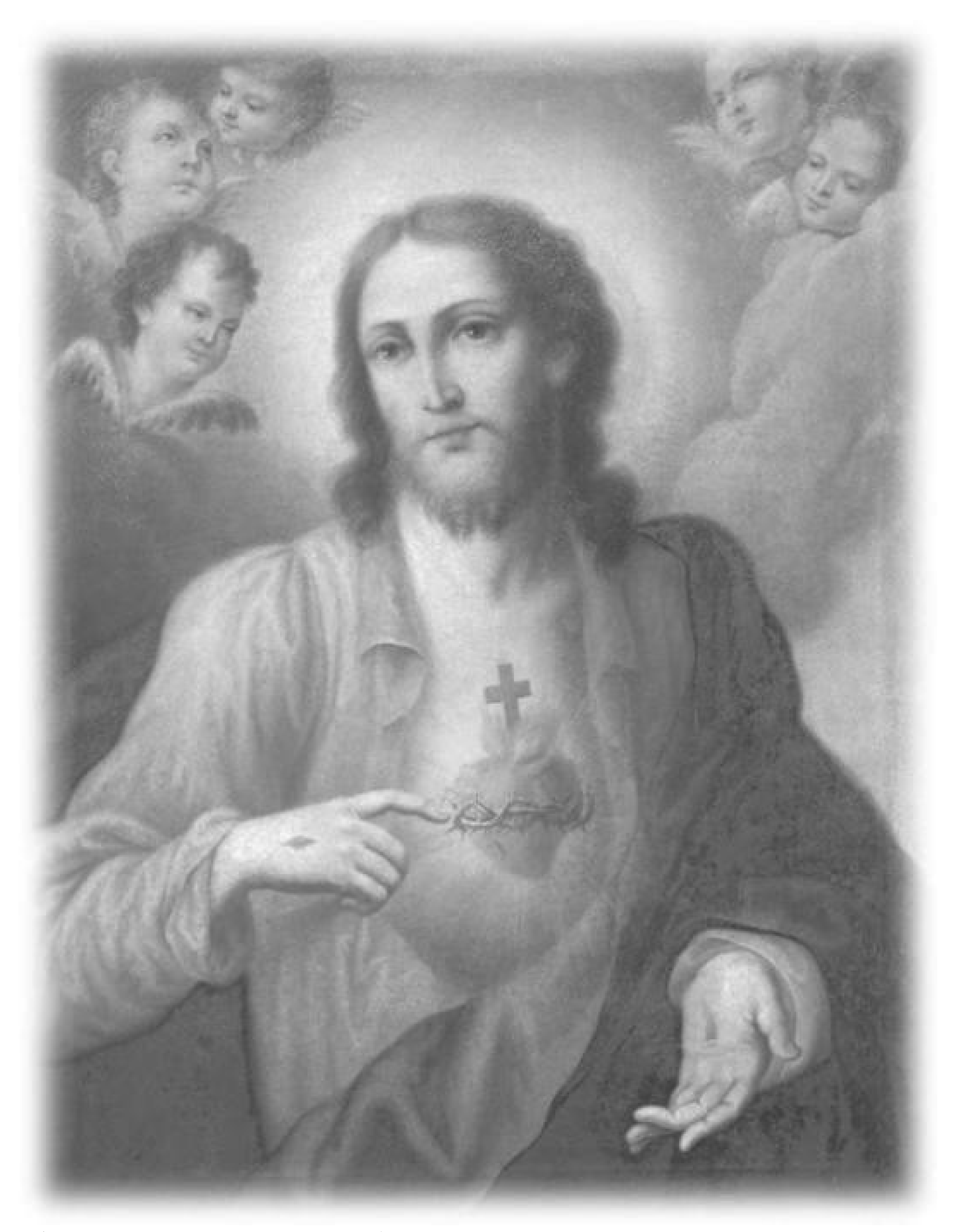
«Хорошо читать духовные книги, но еще лучше применять прочитанное на практике — жить духовно».

«Не смущайтесь, если вам в наследство от родителей достались какие-либо недостатки, но также и не гордитесь наследственными добродетелями, потому что Бог спросит с нас за труд, который совершил каждый над своим “ветхим” человеком».

«Афон был дикой горой, как и другие горы. Но поскольку наши отцы с ревностью подвизались, то сами стали святыми и Гору освятили».

Еще при жизни старцу являлась святая великомученица Евфимия. И именно в день ее памяти, 11 июля, старец причастился последний раз в земной жизни.

Страдания его были (по свидетельству врачей) почти невыносимыми, но он запретил давать себе обезболивающие средства. Он не роптал, переносил болезнь со смирением. «Геронта (так уважительно обращались к старцу), вам больно?» — спросили его. «Я привык к боли», — отвечал он.

Всякая благая мысль, которая приходит человеку в голову свыше от Бога…
Сердце Иисуса Христа. Картина в церкви Сан-Лоренцо. Верона. Фото Р. Седмаковой.

И место погребения геронта выбрал сам. Монастырь Суроти, рядом с мощами святого Арсения Каппадокийского, которые сам же и привез сюда. Также старец распорядился, чтобы о его кончине и месте погребения не говорили. Июльским утром, по новому календарю, на день памяти святых Первоверховных апостолов Петра и Павла, 1994 года старец отошел к престолу Небесному. Погребли его за алтарем храма, облачив в великую схиму и куколь. Так, как он и завещал — тихо и незаметно.

Но что началось через три дня, когда весть стремительно пролетела по Греции и по православному миру. Невообразимое! Келлия «Панагуда» на Святой Горе, откуда старца увезли в больницу, подверглась «благочестивому разграблению». Паломники считали за счастье унести с собой хоть что-то, связанное со старцем. Хотя и выносить было почти нечего: веревочки, ложки, консервные банки, ножик, изношенные коврики. Утащили даже пеньки, на которые присаживался старец и его гости.

На мраморной плите над скромной могилой выбиты стихи, которые старец написал сам:

Здесь жизни прервалось земной последнее дыханье.
И Бога молит Ангел мой души во оправданье.
А рядом мой Святой одет в небесные одежды,
Душе вымаливает Свет спасительной надежды,
Где Светлая Мария,
Святая Панагия.

Описывать посмертные чудеса не хватит никаких книг.

Мальчик упал в шахту и остался цел. Невероятно! Его подвели к иконам, надеясь, что он укажет того Святого, который спас его. Малыш показал на Фотографию старца Паисия, которого особо чтили в этой семье. «Вот этот дедушка».

У начала нового возрождения

Революцию святые отцы объясняют как наказание Господне за вероотступничество. Особенно больно ударило новое время по нашему монастырю. Высох поток приношений от России на Святую Гору, прекратился приезд новообращенных. Вторая мировая война, казалось, окончательно добивала монашескую молитву. Но были и в те времена молитвенники, которые верили в новое возрождение святогорской жизни. Иначе как объяснить чудо спасения, сохранения полу острова?

Голод на Святой Горе, возникший в результате фашистского блокирования, унес много жизней иночествующих в Пантелеимоновом монастыре. Оставшиеся и решили обратиться к Советскому правительству. Это был 1945 год. Знамя над рейхстагом, победа над фашизмом, выход на свободу и возвращение к трудам многих священнослужителей. Но пока все еще не победа над мракобесием атеизма.

И до 1963 года монастырь жил, что называется, еле-еле душа в теле. Но что-то уже начинало меняться в мироощущении даже и коммунистов. Моральный кодекс строителя коммунизма был списан с Заповедей Христовых. В октябре того года Патриарху Константинополя был передан список из восемнадцати фамилий монахов, стремящихся на возстановление твердынь Православия на Святой Горе.

Разрешили въезд только пятерым. Да и это разрешение в русских эмигрантских кругах было воспринято как чудо Божие.

Монахи Авель, Стефан, Досифей, Виссарион, позднее Ипполит, Илий, Власий прибыли на Святую Гору.

Внутренний двор Великой Лавры. Афон

Архимандрит Авель вспоминал потом:

«На яхте встретили графа Шереметева. Он отнесся к нам, монахам из Союза, более чем высокомерно, я бы даже сказал, поначалу даже с презрением: понаехали, мол, коммунисты в русский монастырь. Приняли мы его, не смотря ни на что, радушно. Библиотеку показали. Библиотека большая, даже ветхозаветные редкости имеются. В трапезную пригласили. Там читали за обедом жития святых по-русски. Когда его провожали, на монастырской пристани граф неожиданно встал на колени и… руки мне стал целовать. Да как целовал-то и как плакал! Чуть не навзрыд: “Я здесь на родине своих предков”. Вот тут я почувствовал, как велика Россия! Дух русский велик».

Хрущев тогда грозился «показать по телевизору последнего попа». А на далекой, молящейся за Россию Святой Горе не прекращались молитвы, не прекращались слезы за вразумление заблудших.

Сейчас, слава Богу, все более уничтожаются следы страшного пожара в Пантелеимоновом монастыре, который был как дьявольская злоба за возрождение монастыря 23 октября 1969 года. Еще и в конце девяностых годов прошедшего века сжималось сердце при подходе к пристани монастыря: черные глазницы гостиничных и братских корпусов встречали приезжавших потрудиться и помолиться.

А что будет с прежними нашими владениями — Ильинским и, особенно, Андреевским скитами, — Бог весть. Старец Ипполит очень хотел возрождать скит Всехвального святого апостола Андрея Первозванного, но не пришлось. Он очень скорбел. Все монахи, призванные Господом после трудновыносимой разлуки русских монахов с Афоном прекратить ее, после трудов праведных вернулись в Россию, ибо они понесли сохраненный свет Христов с Афона в Россию.

Отец Илий в Оптиной пустыни, отец Власий в Боровско-Пафнутьевском, отец Ипполит в Иоанно-Рыльском монастырях свято несли благолепие и благодать афонской службы.

Дар слез

Чем же еще можно омыть и смыть с души наши грехи? Только слезами. Это святые слезы, проливаемые внезапно. Они — награда за молитву. Их не надо ждать, на них не надо надеяться, они придут сами.

Повечерие. Вначале в храме не горят даже свечи, только лампады, как золотые звездочки, светятся у нижнего края икон. Зажглась свеча около певчих. И у чтеца. Незаметно, как дыхание, начинается служба. Тихо в храме, будто никого, и будто поют не певчие, а бестелесные ангелы.

Колокольня Свято-Пантелеимонова монастыря. Афон

Служба идет. И лучше не думать, когда она кончится, лучше радостно говорить себе: «Я на Афоне, я в Божием храме, я молюсь за Россию, за родных и близких, за себя, грешного».

Ночь летит к рассвету, зажигаются свечи, мерцают и переливаются в серебряном и золотом свечении оклады икон. В темных окнах тоже возникают огоньки, это прокололи черноту неба небесные звездочки. Колокола на часовне, как надежные стражи византийского времени, отсчитывают каждую четверть пройденного стрелкой циферблата.

Спина немеет, ноги наливаются тяжестью, голова тяжелеет, но глядишь, ведь стоит же всю ночь вот этот монах, старик, ведь еле живой, но он сильнее тебя, он простоял тысячи таких ночей, тысячи раз слышал возглашение великих слов: «Слава Тебе, Показавшему нам Свет!», он непрестанно молится о России, подражай ему, выстой службу до конца, до приложения ко кресту, и непременно приди на следующую, когда Господь вновь сокроет ночным затмением пределы земли и моря.

Настенная роспись в монастыре Ватопед. Афон. Фото Х. Шнайдера

Джордж Ричмонд. Гефсиманское моление. 1858

О, Святая Гора Афон! Был ты на ней или не был, но все равно при названии ее ты слышишь небесные звуки чистой молитвы. Возведу очи мои в горы, откуда приидет помощь мне, говорит Псалтирь. Так и кажется, что это сказано об Афоне. Даже и после одного посещения всегда помнишь Святую Гору. Особенно ночью, когда обращаешься к иконам, освещенным слабым огоньком лампады, и понимаешь — ты спишь, а монахи стоят на молитве. А когда побываешь на Афоне несколько раз, то уже невольно постоянно помнишь о ней и всегда молитвенно обращаешься к Святой Горе, и невольно поглядываешь в ее сторону, как бы спрашивая у нее совета. И легче становится жить, ибо мелкими становятся твои мысли о заботах дня.

Все легко в этом мире: копать землю, ловить рыбу, пилить лес, читать книги, продавать и покупать, говорить и молчать, тяжело одно — молитва. Вспомним Гору искушений. Вспомним кровавый пот моления о Чаше в Гефсиманском саду.

Вспомним святых отцов, отрывавшихся в молитве от земли, вспомним ангелов, сходящих с небес прислуживать во время Литургии, вспомним камень, на котором тысячу дней и ночей молился отшельник. Уходя от мира, он молился за весь мир.

Так и монахи Афона. Молятся о нас и, главное, за нас. Они верят в великое предназначение России — спасти созданного Господом по образу и подобию человека и пока использующего данную ему свободу не для спасения души. А нам надо молиться за монахов Святой Горы, ибо именно их молитвами мы живы.

Молитвы поочередно звучат во всех храмах монастыря. Но непременно во всех

повторяется моление о тех, кто просил молиться за них. У входа большие стопы крупных тетрадей, где напечатан главный текст нашего спасения — наши имена. Мы спим — за нас молятся. Мы грешим — за нас проливают слезы, мы каемся — радуются за нас. Много раз видел я, грешный, как, дочитав тетради, монахи извлекают из карманов рясы еще и дополнительные списки и читают, читают. И уж где-где, а здесь молитвы восходят ко престолу Божию. Века и века афонской молитвы — тому порука.

В 2016 году исполняется тысячелетие русского пребывания на Афоне. Помолимся, чтобы и его встретить достойно и достойно вступить в новое тысячелетие афонской молитвы.

Часовня Святого Димитрия. Монастырь Ставроникита. Афон

Весь мир сюда везет многопудовые грехи, здесь от них освобождается. А каково монахам? Берут на себя грехи мира, отдают свою духовную энергию, накопленную в молитве, и снова на молитву. Афон — аккумулятор духовной энергии. А что такое духовность? Духовности без Духа Святаго не может быть. А где Дух Святой? Только в Церкви. Заметно, как усиливается число праздных посетителей Афона. Не молитвенников, не паломников, именно посетителей. Обойдут храмы, накупят икон, четок, отметятся, говоря светски. Но ведь с Афона можно увезти единственное его богатство — духовное. Особенно рады монахи, когда приезжают священники и искренне верующие. Припадают к Афону, оживляются, заряжаются — и снова в мир, опять на борьбу за души человеческие. Духовник монастыря иногда в день принимает по сто, по сто пятьдесят человек. Только Господь дает силы на такое. Сколько же невзгод, бед, несчастий несут сюда. Духовная брань в мире идет непрерывно.

И будет, как предсказано, до скончания века. Лишь всегда стоял Афон, чтобы и наши дети, и внуки, и все-все потомки, любящие Господа и Божию Матерь и Россию, всегда приходили под его молитвенный покров.

Время и вечность

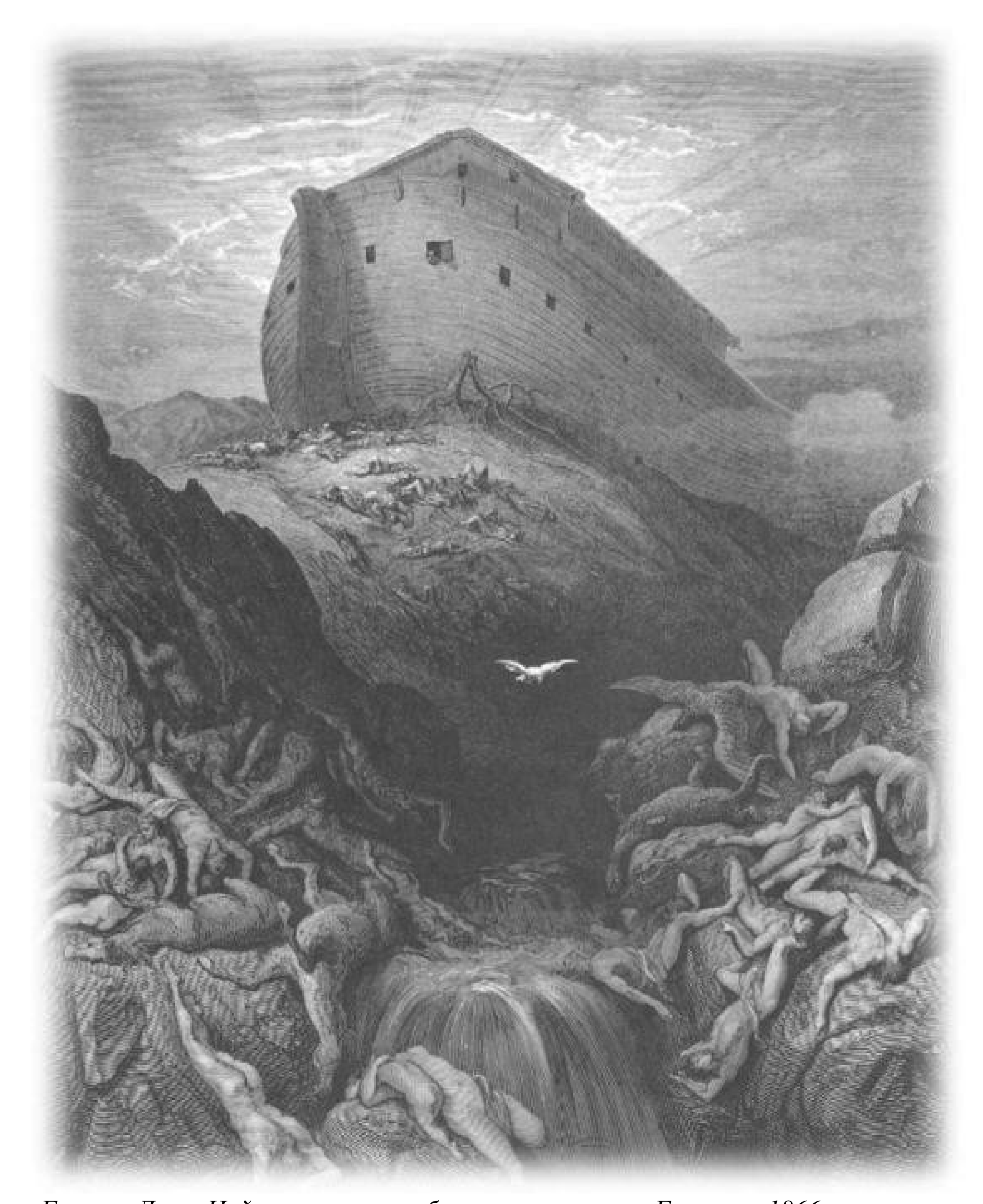
Трудно выучить и запомнить афонские службы. Но надо усвоить главное — их молитвенность. Готовишься к исповеди, стараешься прочитать в промежутках меж службами Правило ко Причастию, потом слушаешь его же из уст монаха и уже воспринимаешь совершенно иначе и стоишь в очереди к духовнику, соблюдая очередность: иеросхимонахи, иеромонахи, схимонахи, монахи, послушники, трудники, наконец, мы, грешные паломники, и вспоминаешь всю свою жизнь и в тревоге думаешь — это же невозможно все вывалить на духовника. Вот это надо сказать обязательно, с этим сам справлюсь, это стыдно сказать, но надо. Стоишь, течет в уши покаянное моление приготовления ко Причастию, как-то отрешаешься от всего мирского, поднимаешь иногда взгляд на горящие свечи и лампады, на мерцающее золото и серебро окладов и умиляешься: ты на Афоне!

А на Афоне ты над собой не властен. В трапезной не сядешь на облюбованное тобой место, а сядешь на то, которое укажут. Но отовсюду слышен голос чтеца, повествующего Жития святых на сей день, ибо каждый день освящен подвигами святых, омыт их кровью. И в храме не встанешь, где захочешь, а там, куда поставят. И без благословения никуда не пойдешь. И вернешься тогда, когда тебя благословили вернуться.

И что считать, сколько идет служба, если она все равно закончится, когда закончится, а не раньше. Пять, шесть, девять часов… Молись и стой. Стой во славу Божию, во имя Господне, во свое же спасение. И дни недели бесполезно считать и наблюдать. Раздают коливо после службы, значит, суббота, поминовение усопших. Поют «Воскресение Христово видевше…», значит, воскресение. А остальное и знать не надо. Раздаются удары молота в деревянное било, вспоминай Ковчег праотца Ноя, вспоминай корабль нашего спасения — церковь Христову и радуйся.

Идешь с молитвой по тропе. И так тихо, так благолепно, так отрадно. Вспоминается строчка из Акафиста Божией Матери: «Начальника тишины, Христа, родила еси». А из Акафиста Иисусу Сладчайшему: «Иисусе Претихий, монахов Сладосте».

Покой в душе, радость в сердце чувствуешь на Афоне. Сказано нам: свет монахов — ангелы, а свет человеков — монашеское житие. Какая древняя и какая верная пословица. Медленно вращается малое суточное колесо монашеской молитвы. Внутри недельного колеса, внутри годового. То озаренное солнцем, то освещенное лампадами и свечами, это колесо движется в вечность. Оно знает туда дорогу. Оно прошло такие времена, такие эпохи, видело такие события, и оно неостановимо, это молитвенное колесо. Оно не из дерева, не из железа, оно из Духа Святаго. А это крепче всего.

Поль Гюстав Доре. Ной посылает голубя на поиски земли. Гравюра. 1866

Франсиско де Сурбаран. Святой апостол Андрей. Ок. 1630

Афон, Афон, Гора Святая… Как стыдно пред тобою за нашу грешную жизнь. За что нас отмаливать, таких неблагодарных, ленивых, преданных заботам о нуждах плоти? Но этот стыд лечит и спасает. Целебно, в нужное время, приходит память о тебе и отвращает от падения. Все вспоминается: и карта Афона в гостиничной комнате, и сцены прохождения мытарств на стене монастырской трапезной, и вразумляющая картина монаха, распятого на Кресте. Вспоминаются стены Старого Руссика, с которых вниз, в прошлую жизнь, полетели царские одежды, и остриженные волосы святого Саввы, означающие его уход от царского престола к престолу Небесному. Тут же, во дворе, три дерева — Три брата, как их называют, — выросшие сами по себе над колодцем, в который или турки, или паписты бросили трех иноков. Всегда в памяти зрения и слуха чистые ручьи и родники предгорий, и цветы в конце ноября, и цветение миндаля в феврале, и вообще постоянный ладанный запах воздуха Афона. Вспоминаются колокола во дворе скита Всехвального святого апостола Андрея Первозванного. Огромные, когда-то самые большие в монашеской республике. «Дар Святой Горе от купцов Бакулевых. Город Слободской Вятской губернии».

И, конечно, всегда будет помниться скит «Богородица», Ксилургу, откуда пошло русское присутствие на Афоне. Самая старая по времени церковь, покрытая будто бы седым от времени деревянным лемехом, но это плоские камни. Необычайно молитвенное здесь место — костница. Когда долго стоишь, молясь, глядя на черепа, понимаешь, что монахи видят тебя, вопрошают, жалеют, братски упрекают, благословляют. Говоришь с ними, как с живыми, им даже не стыдно пожаловаться на свою слабость, повиниться в своих малых трудах противостояния нападкам сатаны на Святую Русь. «Милые, родные, потщитеся помочь нам, погибаем»!

И, постоянно согревая сердце, живет в уголочке его незабываемое место у берега Иверского монастыря — там часовня, отмечающая место выхода Божией Матери на Святую Гору. Внутри источник. Как свежеет голова, как легко дышится, когда пьешь из него и умываешься его целебной влагой. А монастырские огороды! Трудно представить, что это не женские руки созидали такие ровные грядки, сажали, как по линеечке, всевозможные огородные культуры. Сады, оливковые рощи, каштановые леса. Кипарисы. И те и другие — очень ценные породы. Но и у тех и у других большой враг — плющ. Обвивает стволы, питается соками, вытягивая их сквозь кору. Деревья — это мы, а плющ, убивающий нас, — наши грехи.

Тихо, тихо. Память слуха хранит афонскую тишину. Только море шумит ночью, и вторящий ему колыбельный шум ветра в ветвях кипарисов, дубов, кленов, лавров. Здесь ветер носит над землей не сигаретный дым, не бранные слова, а все те же молитвы. Сам воздух здесь стал молитвой.

Корабли Афона, паром «Достойно есть». Все-все вспоминается. Афон трогательно мал размерами, но велик значением для мира. Он в сердце всех любящих Господа и Божию Матерь.

Дни человека — как трава; как цвет полевой, так он цветет… (Пс. 102, 15)
Монастырь Каракал. Афон. Фото SKoikopoulos.

«Дух Твой Благий наставит мя землю праву» — здесь это читается уже как на «правой» земле. «Человек яко трава, дние его яко злак сельный» — это тоже чувствуется иначе. Серьезнее.

И всегда вспоминается сама гора Афон, гора Преображения. Она царствует над пространством. И всегда разная. При заходе солнца пятнами снега отражает закатные лучи и становится пестро-розовой, в бессолнечный вечер она серо-серебристая, в солнечный день летом кажется горячей, зимой резко очерченная. И всегда молитвенная.

Еще с улыбкой вспоминаются афонские коты. О, это личности. Помнится огромный кот

Шер-хан, по-тигриному полосатый, и его сподвижник, огромный, недоверчивый Боксер. Отец Иннокентий любил животных. Они чувствовали. Он и осам на окно приносил меду, у него они даже в машине гнездо свили. А машина у него была первая советская машина на Афоне, ГАЗ-51. Так осы с ним и ездили. И змея в машине жила. И ее кормил. А машина у него не только ездила, но и летала и плавала. Летала в ущелье, и плавала, когда сорвалась в море с крутого берега. Так вот, Боксер сам его выбрал. Недоверчивый, злой. А привязался к отцу Иннокентию, и даже морда стала другая, добрая. А когда отца Иннокентия не стало, он опять ни к кому не подходит.

Брайтон Ривьер. Даниил во рву львином. 1890

Стихи монаха

Перед входом в кладбищенскую церковь Святых Петра и Павла помещены стихи, которые обязательно читают все, посещающие Афон. Прочтем их и мы, изумляясь тому, что все это будто в наше время написано, хотя создано сто лет назад монахом Виталием.

Люблю бывать по временам, где скрыта тайна жизни нашей,
Где, может быть, сокроюсь сам вслед за испитой смертной чашей.
Смолкает тут житейский шум и, вместо мыслей горделивых,
Приходит ряд суровых дум, судей нелестных, справедливых.
Передо мной убогий храм наполнен мертвыми костями,
Они свидетельствуют нам, что мы такими будем сами.
Немного лет тому назад, как жили те земные гости,
И вот, ушли они в «свой град», оставив нам лишь эти кости.
Не в силах были и они владеть собой в иную пору,
И между ними, как людьми, бывали ссоры из-за сору.
Теперь, довольные судьбой, лежат, друг другу не мешая,
Они не спорят меж собой: своя ли полка, иль чужая.
Мы тоже гости на земле, и нам лежит туда дорога.

Идем по ней в какой-то мгле, не видя вечности порога.
И святость любим — и грешим, гонясь за счастием — страдаем,
Куда-то всякий день спешим, а то, что важно, забываем.
Боимся смерти и суда, желаем здесь пожить подольше,
Стараясь избегать труда, и чтоб скопить всего побольше.
Не можем слова перенесть, иль чуть неласкового взгляда,
А скорбных испытаний крест для нас мучительнее ада.
Других виним почти всегда, хоть сами Бога прогневляем,
Себя ж винить мы никогда и в самом малом не дерзаем.
Для личной прихоти своей готовы потом обливаться,
Не спать подряд и пять ночей, во все опасности пускаться.
Кривить душой на всякий час, безбожно совесть попирая,
И все, что только тешит нас, к себе усердно загребая.
Таков есть страстный человек, хвастливый бог земного рая,
Он суетится весь свой век, покоя день и ночь не зная.
И всем безумно дорожит, пока здоровьем обладает,
Когда ж болезнь его сразит, совсем другой тогда бывает.
Ударит смертный грозный час, душа греховная смутится.
И все, что дорого для нас, со всем навек должны проститься.
Бессильны нежности друзей, ничтожны ценности имений:
Они не могут жизни сей продлить хоть несколько мгновений.
Напрасно с помощью спешат, и врач искусство предлагает:
Больному все трудней дышать, и он, конечно, умирает.
Хладеет грудь и тухнет взор, все чувства рабски умолкают,
И нас, как будто некий сор, поспешно в землю зарывают.
Затем немного надо знать, что с нами здесь потом бывает:
Вот эти кости говорят… им наша совесть доверяет.
Один момент и жизнь — мечта! Зачем же столько треволнений?
Зачем вся эта суета и масса горьких наслаждений?
Мы забываем тот урок, который смерть нам повторяет,
Что жизнь дана на краткий срок, и детства дважды не бывает.
О, смерть, кому ты не страшна? Или кому ты вожделенна?
Блажен, кто ждет тебя, как сна, кто помнит, что душа бессмертна.
И нет несчастнее того, кто помнить о тебе страшится:
Вся жизнь — мученье для него, и сей, однако, он лишится.
А там — для праведных покой, и радость вечно со святыми.
Для грешных — ад с кромешной тьмой и участь их с бесами злыми.
Теперь, быть может, что иной одежды всякий день меняет,
Умрет — положат лишь в одной, и той, случайно, не бывает.
И тот, кто даром мудреца владеет, Бога же не знает,
Умрет — не более глупца, напрасно только жизнь теряет.
Недалеко уж этот срок, и эта вечности дорога…
Припомни мудрый тот урок: познай себя — познаешь Бога.
Познай, откуда ты и кто, зачем пришел, куда идешь?
Что ты велик, и ты — ничто, что ты — бессмертен, и умрешь.

Свет, светом написанный

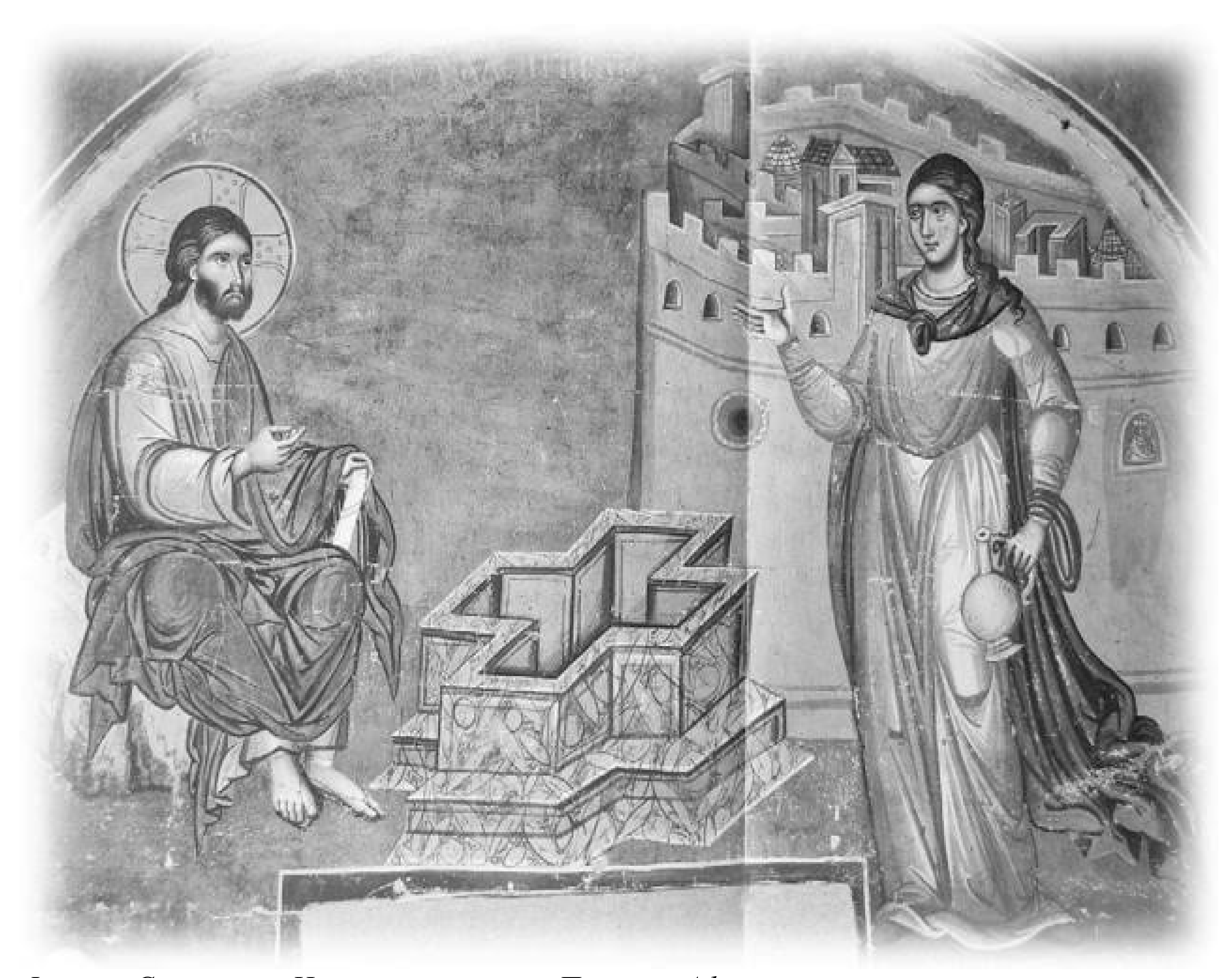
От первых дней своего существования обитель Пантелеимонова была известна милосердием. Заповедь «Блаженны милостивые, яко тии помилованы будут», была в монастыре правилом жизни. Это знал весь полуостров. И нищие сиромахи, и бедные пришельцы, и убогие

паломники знали: уж что-что, а кусок хлеба, укрух, как его здесь называли, они в монастыре получат всегда. И в годы благоденствия, и во времена трудностей русские монахи делились последним с приходящими за милостыней.

Но вот, в конце лета 1903 года, оскудение в запасах пищи дошло до предела. Уже и самим монахам было урезано довольствие. А у ворот обители, у Большой Порты, число просящих и ждущих хлеба все прибывало.

Здесь надо заметить следующее. Нельзя смотреть на Афон, как на место, где одни только ангелоподобные монахи, бессребреники, отказавшиеся от всего мирского. Афон всегда был еще и местом, где могли скрываться, и скрывались, от правосудия убежавшие из-под стражи преступники, просто лодыри, не желавшие работать, молодые люди, убегавшие от обязанности службы в армии, — словом, дармоедов, а как их еще назвать, хватало. Но — все Божии создания, ко всем был милосерд монастырь. От старцев Протата пришло в монастырь увещевательное послание прекратить обычай раздавания хлеба. Объяснялось это так: «Милостыня, даваемая тем, кии не желая труждатися, приимают образ просителей и на сие посещение токмо надеются, бывает уже не токмо причиною вреда, но и бесславит имя самой добродетели, еще же и обитель лишает духовной пользы, понеже (так как) совершаема бывает яве и напоказ, чесого не подобает творити мужам духовным, по слову Божию и святым отцам».

Духовный собор старцев обители решил повиноваться Протату, но рассудил в последний раз обычай раздачи милости сотворить, «дабы не опечалить ничтоже ведающих сиромонахов». «О, — восклицает автор Слова в день Праздника Светописанного Образа, — воистинну велика есть сия добродетель рассуждения!» Ведь именно в этот день и произошло чудо, давшее основание для Праздника Светописанного Образа Божьей Матери. Вновь обратимся к Слову: «Егда же раздаяшеся последний раз милостыня по сему обычаю, нецыи от пришедших начаша скорбети, инии же зело печалитися. Схимонах же Гавриил сотвори памятования ради фотографию, еже с греческого светописание глаголется. И, о чудесе! Проявлена егда бысть оная, узреша вси смиренный Образ Матери Божией, подходящей кротко со всеми братиями и приемлющей укрух хлеба…

Фотина Самарянка. Настенная роспись. Протат, Афон

О, велие чудо! Неба и земли Владычица, немощь человеческую зря, яко милостивая Мати посреди братий незримо является, и во едино мгновение скорбь упраздняет и смущение исправляет, дарует братолюбное рассуждение и водворяет боголюбезное единодушие, всех возводящи к Божественному славословию и хвалению.

По сему веруем, яко Мати Божия велию милость и благодать подаде обители русской чудесем сим. Обаче не токмо сие место им просветися, но и вся церковь Христова обогатися, обретшее зде чудный сей Образ, иже Светописанный глаголется. Вся чудеса, ихже Богомати во священном жребии Своем содея, не ему единому то сотвори, но всей церкви на пользу. Тако чудо пред иконою.

Достойно есть: аще оный гимн перве зде воспется, обаче послежде во всю вселенную истече, яко даже и самые малые дети со услаждением с радостию велиею оный изо уст воспевают. Тако убо и икона Богоматере Скоропослушница: аще и прославися во обители Дохиарской, обаче всему миру даровася… Такожде и зде: аще и явися чудный сей и доселе невижанный Образ во Священной Русской обители, обаче все исполнение церковное украси…

Восхвалим убо, братие, преблагословенную нашу Владычицу, горы сея Игумению за таковыя дивныя чудеса Ея промысла, купно же ублажим преподобныя и рассудительнейшия отцы наши, им же и мы подражающее, угодники Божией Матери быти да сподобимся».

Что можно добавить к сим дивным, высокоторжественным и одновременно очень простым словам о Светописанном Образе Божией Матери? Только то, что празднование Его происходит вскоре после Успенского поста, в день 21 августа, 3 сентября нового стиля.

Да будет место сие удел твой и сад твой и рай…
В.Г. Перов. Христос и Богоматерь у житейского моря. 1867.

«Надеющиеся на тебя, да не погибнем!»

«Паки и паки миром Господу помолимся». Паки и паки вспомним молитву афонскую. Не передать ее слабыми словами. Но в памяти души и сердца она. Ночь в мире, а здесь по желтым каменным плитам монастырского двора идут в храм монахи, послушники, паломники. За сотни лет миллионы и миллионы подошв полировали эти плиты. И сапоги, и ботинки, и калоши, и тапочки, и лапоточки, и кеды, и кроссовки, и просто босые, закаленные афонскими тропами, ступни.

В храме почти нет света, только около певчих, у тетрадей с текстами и нотами зажжены свечи, да у икон мерцают слабые точечки желтых лампадных огоньков. Начинается служба, начинает, как говорят монахи, разогреваться сердце. Прибавляется света, уже возгораются свечи, уже благоухает в пределах храма ладанный запах, и молитвы наши восходят, по выражению библейскому, «яко дым кадильный» к Престолу Царя Небесного. Перед молитвами

мы все проходим тихой поступью около святых мощей и чудотворных икон и прикладываемся к ним. И молимся, молимся, и надеемся быть услышанными. За Отечество наше многострадальное, за родных и близких, за живых и ушедших, ожидающих нас, за все пределы Божьего мира, молишься за себя, так много нагрешившего и страшащегося Божия гнева, подставляешь под елеопомазание свой вроде бы умный, но совершенно глупый пред Господом лоб, отходишь на свое место и замечаешь, что пред иконами прибавилось свечей, и добавляешь свои, и вслушиваешься в возгласы диакона и слова священника, и пение хора, и только одно говоришь себе: слаба моя молитва, грешен я, и за что мне такое счастье, что стою вместе с монахами на афонской молитве?

Вход в монастырь Святого Павла. Афон. Фото Х. Шнайдера

«Те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли» (Евр. 11, 37—38)

Павел Фивейский — первый известный христианский отшельник. Мастер из Месскирха. 1535—1540 гг.

Ночь ли, день ли, утро ли или вечер на белом свете, что с того? Иконы, фрески оживают, они здесь, эти святые, страдальцы и мученики, они, отринувшие житейское время и, по примеру Господа, кровью своей соединившие грешную землю с безгрешным Христом. «Надеющиеся на Тебя, да не погибнем!» Здесь иначе слышатся знакомые слова из Апостольского послания: «Были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления. Те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли» (Евр. 11, 37—38). Добавим: и сжигаемы заживо, и потоплямы.

На молитве вместе с нами и все ранее жившие здесь насельники. Помню, как рассказывали о недавно опочившем монахе: «Мы днем его похоронили, а вечером он на службе с нами стоял».

Только опыт, только присутствие на службе, только моление, моление до боли в ступнях, в пояснице, до какого-то желанного отрешения от всего, забвение себя, переваливание части своей тяжести на подлокотники стасидии, растворение еще недавно разбросанных мыслей в единой со всеми молитве, только такое, может быть, собирание себя хотя бы на малое время приезда на Святую Гору дает представление о монашеской молитве. Здесь мы — в центре вселенской молитвы ко Господу.

Здесь постигаешь афонскую истину, что Гора Афон — это не место жительства, а путь.

Путь к Господу. Путь, пролегающий через всю земную жизнь. Здесь не только исчисление часов другое, но и само время — оно как пространство.

Идешь после службы на кратенький отдых, идешь совершенно счастливым, что выстоял, что помог общей молитве, приходишь в келью, зажигаешь трогательную, заправленную оливковым маслом лампаду, ложишься на жесткую постель, блаженно вытягивашься и… слышишь молитвенный шум набегающих на берег волн. Шум этот настолько одушевленный, что не хочется спать, а хочется озвучивать человеческими словами взывания морской стихии к Богу.

Скоро, совсем скоро зазвенит колокольчик и ударит колокол.

Афонские старцы о молитве

Старец ПАИСИЙ: «Когда человек духовно здоров и удаляется от людей, чтобы больше помочь людям своею молитвою, тогда всех людей он видит святыми и только самого себя — грешным».

«Молитва — это кислород, совершенно необходимый для души. Она не должна считаться обузой. Чтобы молитва была услышана Богом, она должна исходить из сердца со смирением… Молитва не от сердца не приносит никакой пользы».

«Хочешь, чтобы твоя молитва стала сердечной и приятной Богу? Сделай боль ближнего своей собственной болью».

Старец АНФИМ: «Молитва — это не утомительный труд. Это внутренняя деятельность. Это теплое умиление души. Однако молитва нуждается в посте и бдении. Пост иссушает страсти, а бдение их умерщвляет».

Старец ИОСИФ ИСИХАСТ: «Когда ум получит молитву, и человек почувствует радость, тогда молитва будет совершаться внутри него непрерывно, без его собственного усилия. Будет ли он есть или идти, спать или просыпаться, внутри него будет твориться молитва, будет мир и радость… По долгом времени действия молитвы внутри человека рождается рай. Человек освобождается от страстей и становится другим человеком… Неописуемы блага молитвы».

«Молитва без внимания и трезвения — это потеря времени и напрасный труд… Никто не может подняться горе, если не презрит дольнее. Часто мы молимся, а ум наш слоняется и здесь и там, где ему нравится, и в том, что по привычке его привлекает. Поэтому нужно усилие, чтобы собраться и внимать словам молитвы».

Архимандрит ЭМИЛИАН: «… монах жив только в молитве. По дивному слову святого Григория Синаита, молитва — это пламень радости, благоухающий свет, апостольское вещание, благовестие Господа, полнота сердца, познание Бога, радование и веселие души, милость Божия, луч умного Солнца Христа. Молитва — это Бог, творящий все во всем.

Веками Церковь, с одной стороны, в молитве беседует с Богом, с другой — молитвою одушевляет своих чад».

Старец АМФИЛОХИЙ: «Когда я сижу на высокой скале молитвы, тогда никакие волны не могут меня достать. Но они меня окатывают, когда я нахожусь низко. Умная молитва овладевает человеком, пленяет его и освящает… В начале молитвы чувствуешь радость, потом сладость, и в конце, как плод, приходят слезы, ибо чувствуешь присутствие Иисуса. Молитва делает человека ребенком. Она возвращает его к той простоте и невинности, которую имел Адам в раю прежде падения. Молитвою человек приобретает благословенное и святое бесстрастие. Молитвою освящается то место, на котором сидишь, и то дело, которое делаешь… Молитвою исправляются намерения людей, даются храбрость, вера и терпение в жизни».

«Когда вы возделаете молитву, тогда вам не будут страшны ветры искушений. Они потеряют силу и не смогут ничем повредить».

Старец ПОРФИРИЙ: «Не молись, чтобы Бог взял от тебя различные болезни, но умиротворяйся умной молитвой, храня терпение. Так ты получишь много пользы».

«Знаешь ли ты, сколь великим даром является то, что Бог дал нам право говорить с Ним во всякое время, в любую секунду и на всяком месте, где бы мы ни находились? Он нас слышит всегда. Это самая великая для нас честь. Поэтому мы должны всегда любить Бога».

«Молитва — это источник силы. Мученики испытывали сильную боль во время мучений.

Так бы страдал и обычный человек, с той разницей, что мученики постоянной молитвою были соединены со Христом и получали силу, превосходившую их боль, и таким образом достигали победы».

Старец СИЛУАН: «Мир стоит молитвою, а когда ослабнет молитва, тогда мир погибнет».

«Кушать столько, чтобы после принятия пищи хотелось молиться».

Старец ИОИЛЬ: «Когда идешь на молитву, вспомни свои страсти, слабости, ту легкость, с которой ты убегаешь от Бога и падаешь, вспомни, что Христос может удержать тебя от падения… Преклоняй колена и говори: “Держи меня Христе мой, чтобы я не удалился от Тебя”».

Прочтем пред иконами и помолимся за монахов:

Иже в телеси безплотнии и Божии во истину человецы, Афон весь освятивши столпы Горы огненнии, стоящии с любовию и радостию пред Богоматерию Пречистою, яко созерцатели в Божественном видении, честнии отцы наши, да восхвалятся» (Стихира на Великой вечерни).

«Придите вси сонмы монашествующих, тмочисленное воинство Давида, предводимое тысящами добродетелей, — сущих на Афоне отцов восхвалим, преподобных и иерархов, преподобномучеников и священномучеников, и всех вкупе, ихже имена ведомы и неведомы. Они бо во истину делы и словесы и мнообразным и равноангельским житием и благодатными дарами Божиими, показашеся святи, и Горе нарицание Святое даша, их же и гробы Бог чудесами и благоуханием и миром прослави. И ныне они, предстояше пред лицем прославившего их Христа, молятся непрестанно о нас, с любовию совершающих светлое их празднество» (На малой вечерни).

...любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас. Да будете сынами Отца вашего Небесного… (Мф. 5, 33-45)

Мир стоит молитвою, а когда ослабнет молитва, тогда мир погибнет

Кондак:

Отцов, соделавших Святую Гору небом, и показавшим в ней житие ангельское проходити, и множество монахов в ней собравших, восхвалим вси, взывающее к ним: от всякия нужды и навета избавите нас, множество преподобных, Афонская похвало!

Икос:

Коль добро есть совокупление ваше, отцы богомудрии! Коль красен и сладок общий сей ваш праздник, в нем же вси в Горе сей просиявши святи именуемые вкупе и неименуемии, общее благохваление, яко по духу братия, приемлете яко миро. Подобаше бо всяко во едином месте Господеви угодившим и во един день спраздноватися. Сего ради и мы, сущии во Афоне пустынножители и общежители, во едино сошедшееся, по долгу вас ублажаем: новии древних, сыны отцов, грешнии святых, согласно взывающих: место сие, еже во обитание себе избрасте, сохраняйте от всякаго зла, множество преподобных, Афонская похвало!

И закончим, по примеру древних писателей, обращением к «чтущим сию книгу»:

«Молю вас, что будет погрешено, духом кротости исправляйте, и нас, в сем трудившихся, благословите, а не кляните., понеже не ангел писал, но рука грешна и бренна».

Дорогами православной Греции

Это не послесловие, а новая глава о Святой Горе. Тогда, после пятого ее посещения, уже с фотографом Анатолием Заболоцким, книга была написана, в рукописи прочитана и на Святой Горе, и в Отделе внешних церковных связей и благословлена к изданию. Были и замечания, как без них, но к моей чести не по стилю, не по фактам. Они касались взаимоотношений с греческой стороной, также и случая «семейной» стычки с малороссами в начале XIX века. То и другое, надеюсь, без ущерба для книги, пришлось снять. Книга вышла, известие о ее выходе было в нескольких изданиях, но она… стала недоступна. Интерес к Афону огромен, книгу спрашивали, но автор нынче бесправен, и не я командовал ее судьбой. Тираж наши благодетели-заказчики увезли на Афон. В общем-то, это и правильно, но хорошо было б издать ее и для России. Что мы и делаем сейчас, благодаря новым благочестивым благотворителям.

По благословению священноначалия благочестивые благотворители, рабы Божий Александр Борисович, Димитрий Гаврильевич, Николай Николаевич, Валерий Михайлович, заказали большую по размеру икону «Всех святых, в Земле Российской просиявших».

Затем в почетном и молитвенном сопровождении священников: отцов Геннадия, Георгия, Евгения, Петра, Сергия — привезли ее в дар Афонской Святой горе. Икона была доставлена в скит Ксилургу, посвященный Пресвятой Богородице.

Почему в Ксилургу? Именно здесь было первое поселение русских монахов на Афоне. А скоро исполняется 1000-летие со времени начала этого пребывания. Название Ксилургу в переводе с греческого означает «древоделы». Это объяснимо: русские, приходящие из лесов матушки-Руси, были искусными древоделами, плотниками, столярами. Много иконостасов в храмах Святой горы сработаны русскими умельцами.

Здесь самый древний из сохранившихся православных храмов. Здесь кажется — рядом с тобою стоят все те, чьи останки сохранились в скитской костнице.

Но надо рассказать все по порядку.

В 4.00 утра собрались в Домодедово. Были уже там и иконы — в огромных, из толстой фанеры, футлярах. Одна, «Всех святых», — в дар; вторую — образ святителя Николая Зарайского-Корсунского — везли, чтобы приложить к святыням Афона и повезти дальше, в Корфу, и даже в Бари, в Италию, к мощам самого святого.

Познакомились, пошли оформляться. Аэропорт — такое огромное, растянутое пространство, что мы очень долго преодолевали его, будто шли пешком в Грецию. Потом процедуры досмотра, то есть просвечивание, обыскивание, проверка паспортов. Дело привычное, но с нами такой груз и такое количество священников, что внимание к себе мы, конечно, привлекали. Наконец, попали в помещение перед выходом на поле, названное жутким летным словом «накопитель». Накопились, погрузились в огромный автобус. Автобус так долго ехал, будто уже в нем, а не пешком, мы двинулись на Балканы.

Акведук в монастыре Ставроникита. Афон

Рядом с самолетом наш автобус показался крошечным. Да, теперь уже все в этом мiре подчеркивает малость человека. Но человек же сам сделал такую махину, которая заглатывает три сотни человек, еще многие тонны груза, и легко взлетает и несется выше облаков. В самолете мы огляделись и ахнули: а где Валерий Михайлович, а где Миша? Кинулись к старшей стюардессе. Успокоила — сейчас будут. И точно — входят.

Оказалось, у них все очень непросто. И искушение было на грани срыва всего нашего путешествия. Дело в том, что Миша участвовал в работе поисковых отрядов на Кольском полуострове, на месте боев. Они свершали великое и скорбное дело — предавали земле останки

бойцов. Но там же находили не только стреляные гильзы, но и целые патроны, гранаты, снаряды. Минеры обеззараживают снаряды, мины и гранаты, а на россыпи патронов и внимания не обращают. А Миша — обыкновенный мальчишка, взял на память пулеметный патрон. Все мы были мальчишками и этот поступок Миши очень понимаем. И патрон этот Миша как память о боях всегда носил с собой. Тоже понятно. А на контроле аппараты запищали — что это, ручка, сувенир, патрон? Тут прапорщик-таможенник обрадовался случаю проявить бдительность. Да это же хранение и провоз огнестрельного оружия, да это же до восьми лет лишения свободы! Несовершеннолетний сын? Родитель сядет.

— Стою, — рассказывал Валерий Михайлович, — молюсь Святителю Николаю. Появляется офицер. Ему прапорщик: так и так. Он смотрит на Мишу, спрашивает, сколько лет…

— Кругом марш! На посадку!

Это были такие минуты, такие! Вот когда чувствуешь силу молитвы.

Слава Богу, полетели. Рассвет в небе наступает быстрее, чем на земле. Бессонная московская ночь и усталость сморили, и очнулись мы уже в Греции. Но сразу никуда не могли уехать и были в аэропорту, на таможне, еще пять часов. Там придирались к необычному грузу, к печатям и бумагам. И ходили по пространству таможни очень неспеша, им-то было некуда спешить. Нам же на удушающей жаре, без воды и еды было прискорбно. Но мы — люди православные, любое препятствие воспринимаем как заслуженное искушение, и оттого нам всех легче переносить страдания.

В конце тягостных процедур был еще момент. Уже продели в края футляра проволочки, уже запломбировали, уже понесли. И одна проволочка оторвалась. Но хорошо, что при таможенниках оторвалась. Сменили, понесли к автобусу. Водитель говорил по-русски: «Меня в Москве считали грузином, в Грузии я — грек, а в Греции — русский» — «А сам ты кем себя ощущаешь?»

Святой Николай Чудотворец Мирликийский. Двусторонняя выносная икона. Россия. Тверь. XV в.

Он, бросив руль, развел руками. Наверное, цыган — настолько он беззаботен был в управлении, приучив автобус, как верного коня, к самостоятельности. Мы лихо неслись сквозь золотое и зеленое пространство. Девушка-гид щебетала о Греции. Конечно, у них, гидов, уклон всегда в античность. Олимп, Зевс, Гефест, Афродиты всякие, Ариадны да Пенелопы, Прометей. Направо, через залив, горы Олимпа. Вспомнил юношескую строчку: «Мои кастальские ключи текут из-под сосны». Начитанный был, мечтал напиться из Кастальских ключей, которые где-то здесь. Да, чуть подальше и налево — родина Аристотеля. Вспомнил я, как ночевал в отеле «Аристотель» в Уранополисе и на ночь глядя вздумал пойти искупаться. Море сверху казалось так близко, но на деле оказалось далеко, да еще для сокращения пути продирался напрямик. Стемнело быстро, как темнеет на юге. Упал и исцарапался, но до воды добрался. И влез. И добавочно поранил ногу… Все эти царапины и ушибы свидетельствовали об одном — пошел к морю без благословения.

Надеялся я и сейчас свершить омовение у причала. Батюшки благословляли и сами собирались сделать заплыв. В Уранополисе около причала, у древней сторожевой башни, есть крохотный пляжик. Мы уже все равно опоздали на паром, и время для купания было. Но наши благодетели, измученные таможней, более не захотели ждать и наняли два быстроходных катера. Мы внесли на них иконы.

Катера понеслись. Так рвануло ветром, так резко упал дождь, что мы забились в крохотные каютки. Катера перегнали величественный паром «Достойно есть» и тряслись по волнам, как будто на телеге по булыжной мостовой. Снизу поддавало, по крыше колотило, и вдруг даже и забарабанило. Что такое? Оказалось — град. Море вокруг кипело. А я-то хотел новым братьям показать причалы Констамонита и Зографа, монастыри Дохиар и Ксенофонт. Где там! Только в водяном тумане, в брызгах от волн пронесся слева родной каждому православному сердцу русский Пантелеймонов монастырь. И совсем вскоре — главный причал Афона, Дафни. Тут и солнце засияло, и наступила благословенная тишь. И жара смягчилась последождевой прохладой. И таможня причала не стала придираться, а просто шлепнула свои добавочные печати на наши заштемпелеванные бумаги.

— Здесь таможня украинская, — шутит отец Геннадий из Херсонеса. — Таможня — «та можно».

Тут и монах знакомый, тут и машины, встречающие нас, тут и недальняя дорога к месту жительства — в келию святого мученика Модеста Иерусалимского. Внесли иконы, открыли, поставили в приемной (она же библиотека) напротив входа в храм. Подходят монахи, крестятся, любуются, спрашивают, освящены ли иконы.

— Да, — Валерий Михайлович рассказывает об освящении икон в храме на Бутовском полигоне. — Это специально, по благословению афонских монахов. Икона Всех святых, в Земле Российской просиявших, и храм на полигоне — тоже Всех святых. Там захоронения более 300 святых новомучеников. А на нашей иконе 519 ликов святых. В том числе много святых нового времени, XX века.

— Вот участь женщины-иконописца, — говорит Валерий Михайлович, — написала икону для Афона и больше никогда ее не увидит.

Икону рассматривают, прикладываются к ней и единодушно одобряют.

— Кому вы ее подарите?

— Святой горе.

— А именно?

— Как настоятель благословит.

Настоятель, отец Авраамий, будет завтра. А у нас начинается монастырская жизнь.

Для начала необходимо сказать о святом Модесте, чьей памяти посвящена келлия. Он жил в тяжелое время нашествия персов на Палестину. Начало VII века. В Палестину вторгается персидский царь Хозрой, топчет земли христиан. Иудеи вступают с ним в союз, выкупают у персов пленных христиан, но не для освобождения, а для того, чтобы убивать. Именно тогда были уничтожены почти все монахи Лавры Саввы Освященного. Патриарх Иерусалимский Захария был уведен в плен. А святой Модест был тогда настоятелем монастыря святого Феодосия. Это недалеко от Лавры. Модест безбоязненно вошел в Лавру, в которой еще дымилась кровь жертв. Он собирал тела убиенных и предавал их земле. Доныне паломники

поклоняются усыпальницам Модеста.

Византийская башня в Уранополисе. Халкидики, Афон

Не опасаясь злобы иудеев, святой Модест восстанавливал Голгофский и Вифлеемский храмы. Был фактически местоблюстителем патриаршего престола. Патриарх Захария посылал ему из персидского плена письма. Через 14 лет византийский император Ираклий победил царя Хозроя, и Захария вернулся из плена и был еще какое-то время на патриаршем престоле. А по его кончине Иерусалимским Патриархом стал святой Модест. Он прожил почти 100 лет и оставил по себе благодарную память своим богоугодным жительством.

Мы размещаемся по кельям, идем в храм на молебен с акафистом. Потом ужин, повечерие. Все такое знакомое и такое радостное. Только и боишься, что не хватит сил выстоять. Но, слава Богу, ноги пока держат. Устают, конечно, но есть для облегчения их участи стасидии — кресла с высокими подлокотниками, в них и стоять можно, и сидеть, и полусидеть.

Монашеские молитвы незабываемы. Они понятнее и четче. Основательнее. Может, так кажется, но то, что они неспешны, вдумчивы — несомненно. Наверное, и скорее всего так, от того, что для нас, светских, храм — место временное, где мы молимся, причащаемся, и бежим в свою жизнь. А для монаха храм — его дом, молитва — его жизнь.

На службе впервые ощутил, как сошлись удары сердца и повторение 40 раз молитвы «Господи, помилуй». Так благодатно. А ведь у монахов Иисусова молитва неусыпаема. И другие молитвы просто добавляют ее. И как мне, грешному, приучить себя к непрерывности взывания к Господу? Конечно, трудно. А вот здесь — легко. Здесь «время благоприятное», здесь «время спасения». Счастье молитвы — душевное взросление, отрешение. Хорошо бы, если бы такое было «иже на всякое время, на всякий час», как читается во всех часах на службе.

Ночь в маленьком храме. Весь его объем заполнен звуками молитв, чтением и пением. Чтение доходчивое, пение согласное. Лампады, свечи. Окно чернеет. Вдруг, очнувшись, вижу, что окно светлеет и в нем тихо колышутся ветви кипарисов. «Всю настоящего жития нощь прейти…»

Всю ночь слышен колыбельный шум моря. Не утерпел, хоть и грешно, на минутку вышел под звезды. Они всегда здесь яркие и крупные. Смотрел в сторону России. Так был рад, что вновь на Святой горе, и старался не думать, что это ненадолго.

Но как сказать об этой жизни тем, кто ее не понимает, не поймет? Тогда, может быть, вот так сказать: «Понимаешь ли ты, что твоя жизнь полностью зависит от молитв монахов? Полностью!» Да, так. Мы сразу пропадем, если монахи перестанут молить Бога за грешный мир.

Святые отцы постоянно напоминали, особенно мірянам, светским, то есть нам, о необходимости возгревать святость в душе, а где, как не в монастыре, она возгревается? Для того и надо ездить, ходить в монастыри хотя бы ненадолго. Здесь мы облекаемся «во оружие света» и отсюда, вооруженные, опять уходим во враждебную тьму современности.

Тяжелеет голова, затекают ноги, дремлется. Надо встряхнуться, надо взять себя за шиворот. Прогоняют дремоту поклоны, особенно земные. «Не спи, душа, конец приближается!» Сколько тебе осталось? Год, два? Десять? Все равно все это мгновение. Успей спастись! Молись, но не воображай, что спасешься. Но и не унывай: Бог милостив. Помни преподобного Силуана, он ходил этими дорогами. «Держи ум во аде», бойся Бога. Молись! Это же лучшие часы твоей жизни — такие молитвенные ночи Афона.

Свежее утро. «Богородицу и Матерь Света в песнях возвеличим!» И согласное незабываемое славословие, к которому присоединились и наши батюшки: «Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим…»

Рассвет. Изумрудная чистота моря.

Лавра Саввы Освященного. Иудейская пустыня, долина Кедрон. Западный берег реки Иордан

Во дворе монастыря много кошек, не сосчитать, далеко за двадцать. Они охраняют от змей. Кошки «пасутся» около кухни. Некоторые сильно раскормлены, и явно не змеиным мясом, а добротой поваров. Тут же доброжелательный к нам, но суровый к кошачьему стаду пес Мухтар. Он прыгает на парапет, у которого мы любуемся на море, и нас приветствует. Ходит по парапету на уровне голов и усердно машет хвостом, как веером. Тут кругом война в

животном міре. Шакалы не прочь покушать кошек, как и лисы. Мыши давно съедены. Ястребы тоже убавляют кошачье потомство. Но, сказали монахи, когда пес с кошками, ястребы не пикируют. Интересно, что взрослые кошки боятся Мухтара, а котята вовсю на него шипят и машут лапкой.

Завтрак. Чтение житий на сей день. Два отрока завтракают с нами: Вася из Ярославля и Олег из Питера. Ученики школы Афониады. Трудно, но держатся. Греческий, латынь, английский… «Английский-то зачем?» Мы уже вышли из трапезной, стоим под утренним солнышком афонского сентября. Только замечаем, что отроки как-то переминаются и явно куда-то стремятся. Оказывается, получили благословение на рыбную ловлю. «И ловите?» — «О, большущих!» Убегают.

В группе четыре человека собираются пойти на вершину Афона. Отец Геннадий, не отговаривая их, рассказывает, как в прошлом году он поднимался, и уже поднялись на полторы тысячи метров, как гора «завыла», вой стал нарастать все сильнее и вдруг лопнул, как струна, и стало тихо.

— Что это было?

— Не знаю, — отвечает отец Геннадий. Но отец Петр и отец Сергий настроены решительно.

— Пойдем, послушаем.

Нам поданы два микроавтобуса. Один из кельи святого Модеста, другой за деньги. Начинаются наши поездки-посещения афонских монастырей. Водитель нам попался опять интернационального склада. Знает языков пять-шесть. Ну, как знает — постольку, поскольку требует работа. «Здесь такой-то монастырь, до него ехать столько-то, это стоит такую-то сумму в евро, а в долларах столько». Но русских паломников больше всего на Святой горе, поэтому и знание русского у водителя (его зовут Николай) лучше. Видимо, он молдаванин… То ли из Липецка? Его не поймешь.

— Бежали в 2000 году из Молдавии. Сорок три человека. Шли три недели, скрывались в лесах. Шли ночами, шли горными тропами гуськом. Никого не потеряли. Ели копченое сало, я его с тех пор ненавижу. Проводникам отдали по две тысячи.

— Рублей?

— Если бы. Был я и в Португалии, везде. Колено пухло, лекарства очень дорогие, не помогли, думал, что ногу отнимать. Приехал сюда, молился, воду пил, за полтора месяца прошло.

Богородицу и Матерь Света в песнях возвеличим!

Богородица Троеручица. Чудотворная икона из монастыря Хиландар. Афон.

Дороги Афона, конечно, сильно улучшаются. Хорошо это или плохо, тут два мнения. Конечно, непрерывно везутся по ним строительные материалы, туда-сюда ездят рабочие, послушники. Но нарушается молитвенная тишина. Рев «Камаза» — это не тихое цоканье копыт ослика по камням. Только опять же — строиться-то надо. Ведь века и века проходят, строения ветшают, жизнь продолжается, надо думать о будущих насельниках. Не оставлять же им разрушенные обители. Так что и дороги нужны.

Но так хочется молитвенной тишины. Ее ищут, к ней уходят. Два знакомых моих монаха, о которых спросил, оказывается, ушли по благословению в уединенные каливки. Конечно, их не найти. И зачем? И что им ответишь, когда они скажут: «Оставайся!»?

Водитель очень досадует на привычку русских что-то обязательно приобрести на память.

— Эти лавки все время забирают. И что в них? Приехал, зашел, приложился, и дальше. И больше объедем.

Но у нас главное не лавки. Мы еще не только сами прикладываемся к святыням монастырей, но и вносим в них икону святителя Николая. Монахи-греки и те, кто в это время находятся в монастыре, благоговейно прикладываются, произнося новое для некоторых слово: Зарайский-Корсунский.

Дорога к монастырю Ватопед. Афон

Когда потом вспоминаешь Афонские монастыри, тем более те, в которых был всего раз или два, то впечатления накладываются друг на друга, и путаешься: это в каком монастыре весь двор не мощеный, а весь зеленый от ковра густой крепкой травы? А в каком дорожки красно-коричневые, как коврики, и по краям пунктирами цветные камешки? А где монах вынес складной столик, и на него поставил длинный ящик с частицами мощей, вначале сам их облобызав? Где? Да, по большому счету, это и неважно. Важно, что были, что молились, что прикладывались, что в это время тем, за кого молились, становилось легче. А крепче всего наши молитвы за любимое Отечество. Главное — мы на Афоне, в центре вселенской молитвы ко Господу и Божией Матери.

Конечно, особо помнятся Ильинский и Андреевский, бывшие, а даст Бог и будущие, русские скиты. В них же все совершенно русское — архитектура, колокола, иконы. В Ильинском скиту, во весь простенок, икона батюшки нашего любимого Серафима Саровского, вся в драгоценном окладе. «Дар надворного советника Константина Андреевича Патина. 27 октября 1913 года». Иконостас из Одессы. Монах: «Иконы писаны в Киеве. Все ваше. Мы храним». Хранить помогают и мощные кованые двери. Недалеко от них источник животворной воды. И ковшик из белого металла. Из таких, только уменьшенных, запивают Причастие.

Источники везде. И везде пьем и умываемся. И никак не напьемся. Даже дивно.

И здесь самое время присесть у источника на лавочку, в узорной тени от желтеющих

листьев, и вспомнить иеромонаха Аникиту, в миру князя Сергея Александровича Ширинского-Шихматова. Он упокоился в Ильинском скиту. О нем слишком мало того короткого упоминания, которое было в первом издании, когда писалось о приходе бывшего князя к отшельникам. Конечно, и целой книги не хватит описать такую личность, но хотя бы коротко:

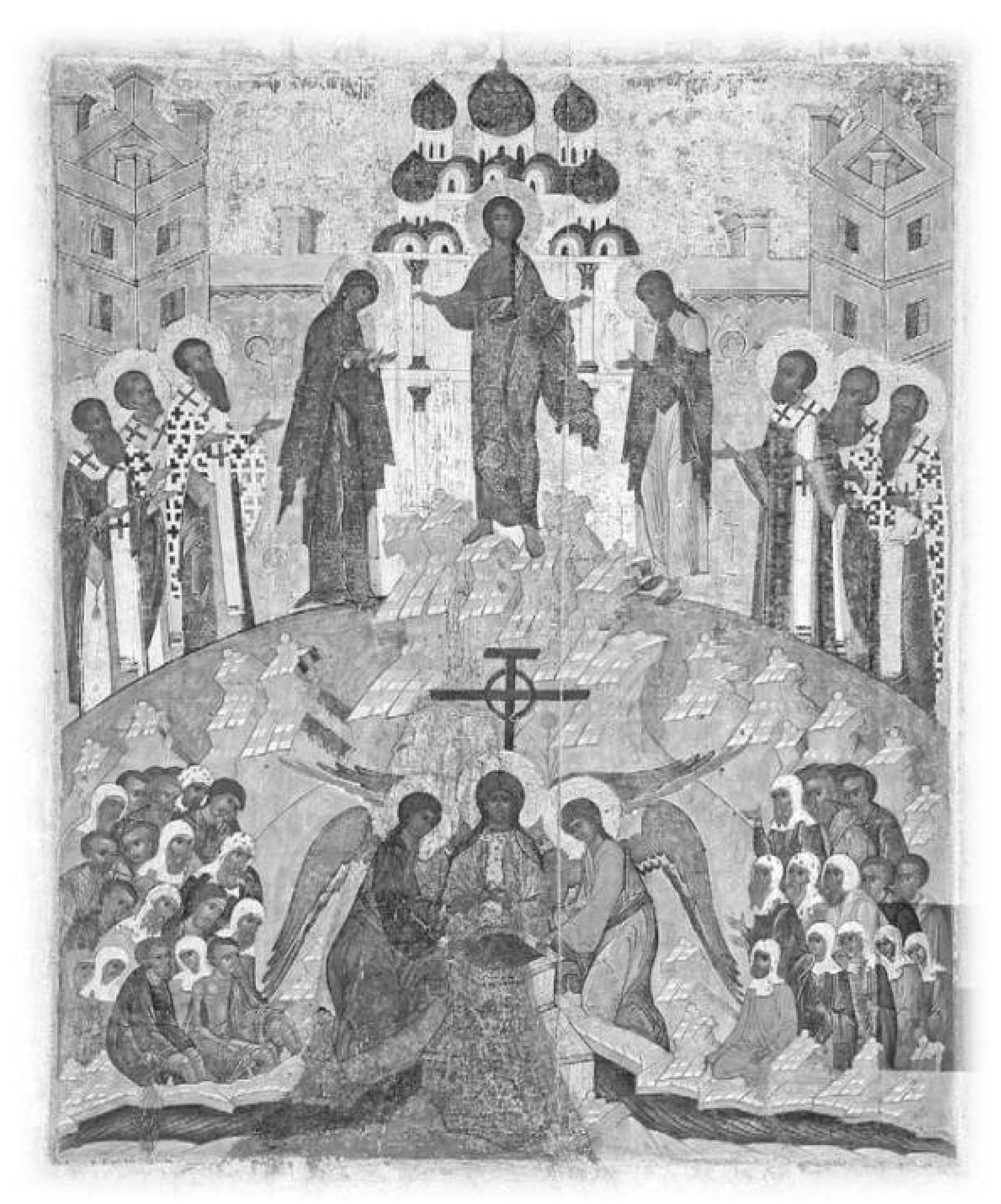
Набожный, рано ставший блестящим морским офицером, участник боев, одареннейший поэт, ратоборец за Россию, за русский язык. Какой любовью к Отечеству звучат вот, хотя бы эти, строки:

Под хладной северной звездою
Рожденные на белый свет,
Зимою строгою, седою,
Лелеяны от юных лет.
Мы презрим роскошь иностранну,
И даже более себя
Свое Отечество любя,
Зрим в нем страну обетованну,
Млеко точащую и мед.
На все природы южной неги
Не променяем наши снеги
И наш отечественный лед.

Князь Ширинский-Шихматов, подобно вслед идущим за ним офицерам (будущим святителю Игнатию (Брянчанинову) и оптинскому старцу Варсонофию), принимает постриг. Это Юрьевский Новгородский монастырь. Шесть лет трудов. Просит разрешения свершить паломничество на Афон и в Святую Землю. По дороге принимает участие в прославлении святителя Митрофания Воронежского, пишет его Житие.

После долгих трудных странствий достигает берегов монашеской страны. Выходит на берег примерно на месте теперешней пристани Дафни, поднимается в монастырь Ксиропотам, где сокровище — часть Животворящего Креста Господня. Переезжает верхом на муле в русский Ильинский скит. Объезжает постепенно все афонские пределы. Положение русских монахов тогда плачевно. Греки даже пытаются склонить Вселенского патриарха, чтобы упразднить русский Пантелеимонов монастырь, а земли его разделить. Хотя прекрасно знают о незыблемости постановлений святых отцов афонских о количестве монастырей Палестины.

Здесь вот еще надо что обязательно сказать: ведь за спинами монахов различных национальностей, населявших Афон, стояли их церкви с их патриархами, а у русских что? У русских патриарха не было. Был Синод. Это давало постоянный повод относиться к русским, как к недостаточно православным или не так, как надо, построившим церковную жизнь. Как же так, церковь и без патриарха. Отсюда дополнительные трудности и всегдашний повод над нами издеваться.

Происхождение честных древ Животворящего Креста Господня. Икона. 1510

Святой Николай Чудотворец. Картина неизвестного художника греческой школы. XIX в.

Начинается недолгая, но благодатная по результатам борьба иеромонаха Аникиты за русское присутствие на Святой Горе. На деньги князя возводится храм во имя новопрославленного святителя Митрофания, оживляется Ильинский скит.

Аникита едет в Святую Землю. Приходит в храм Гроба Господня. «Повергаюсь во прах пред великим моим Благодетелем, и славу, и благодарение принося Ему сердцем и устами, уничтожаюсь пред Его неизреченной явившейся на мне благостью. Чудным отеческим Божиим промыслом, я, недостойный, сподобился восхищен быть на небо и дышать святыней небесной, очистительной, оживительной, освятительной. Гроб Господень не небо ли есть воистину?» Поклонившись святыням Палестины, возвращается на Афон и… находит, что начатое дело расстроено. И вновь занимается устройством русских монахов. Затем служит в церкви Российского посольства в Афинах, где и умирает. Последними словами его были: «В Иерусалим, в Иерусалим!» При жизни он многократно завещал упокоить себя в Ильинском скиту, настолько он его любил. Что и было исполнено. Мощи его, открытые по прошествии времени, благоухали.

На прощание обходим храм с иконой Святителя Николая Зарайского. Таким маленьким пасхальным Крестным ходом. И наш путь лежит тоже в бывший, и тоже, даст Бог, в будущий русский скит, в Андреевский.

Перед входом стук мяча и бодрые крики отроков в спортивной форме. В Андреевском скиту размещена школа Афониада. Баскетбольные и волейбольные площадки. Где-то тут, среди них, и наши знакомцы — рыбаки. Во дворе стало гораздо чище, прибранней. Ухожена и могилка первого строителя архимандрита Виссариона (Толмачева). На небольших иконочках начала века овальное тиснение: «Благословение Русского Свято-Андреевского скита на Святой Горе Афон». Сколько же таких образочков, напечатанных здесь, увозилось, уносилось отсюда, расходилось по России, по всему миру.

Вдоль внешней стены навалены осколки витражей, в основном густо-синие, будто отражение голубых небес. А они здесь близко-близко.

Идем пешком в Карею. Оттуда пешком в монастырь Кутлумуш. И везде-везде из сердца рвется благодарная молитва за Божию милость к нам, грешным, сподобившимся ходить святыми тропами и дорогами.

День проходит. Русскоговорящий шофер оказался весьма коварным. Утром просил по двадцать евро с человека, а привез, говорит: платите по тридцать. Но он не виноват: это не сам он такой жадный, это у него хозяин такой.

— Говорите с ним. Я что, я человек маленький, у меня одно — баранка круглая. Расчеты с ним. Он только по-русски не понимает, по-английски говорит.

Но и у нас такие знатоки есть. Димитрий Гаврильевич поговорил. Потом, улыбаясь, перевел:

— У него присказка: друг мой, друг мой. Я говорю: если я друг, что ж ты друга грабишь?

Вновь стоим на молитве. Меня и Валерия Михайловича ставят читать Часы. Моя торопливость во всем меня подводит. Так волновался и торопился при чтении, что больше не доверяли. Думаю, это неизлечимо. Я уже анализировал свою торопливость при выступлениях. Скорее протараторить, скорее замолчать. Лучше других слушать. Но молитва не выступление.

Стоять уже легче. Помню, в один из первых приездов стоял на Повечерии, и, казалось, так долго стоял, так измучился, сил не было, решил — Бог простит — уйти. Вспомнил это сейчас с улыбкой: «Бог простит», как же, какой смелый, за Бога решил, простит. И потихоньку пошел. В храме как раз гасили свечи, получилось, что я уходил под покровом темноты, украдкой. И вдруг из этой самой темноты раздался голос: «Да вы что? Да вы куда? Сейчас же шестопсалмие!» И вернулся устыженный, и дальше стоял и молился. Господь дал сил. Так и не знаю, чей это вразумляющий голос прозвучал тогда.

Причастился. Как и собратья. Теплоту здесь наливают сами. Может, и нехорошо, но запил раз и не удержался, еще наполнил крохотную чашечку.

Церковь в монастыре Кутлумуш

Благословен Грядущий во имя Господне! (Мф. 21, 9)
Скит Продром. Афон. Фото Adriatikus.

И второй день наступил. Вновь выехали. Главное событие — Ксилургу. Старые знакомые — отец Симон, отец Павлин, отец Евлогий. Костница приведена в порядок. Чисто меж храмами, в храмах тоже выметено. Чудотворная икона «Гликофилуса» («Сладкое лобзание»). И вот, такое ощущение, что будто бы и не уезжал, но, с другой стороны, возрождение скита идет без моего участия.

Ксилургу, повторю, первый русский монастырь на Афоне. Впервые упоминается в акте 1030 года, то есть скоро великая дата — тысячелетие пребывания русских монахов на Афоне. Позднее, в описи имущества монастыря, перечисляются сорок девять русских книг («Библиа русика»), также названы «русская золотая епитрахиль… русский плат (энхирий) … русский сосуд… русская шапка…». В акте 1169 года Ксилургу прямо называется «обителью русских». Этот акт очень важно упомянуть от того, что именно этим актом «русской монашеской общине Ксилургу по просьбе ее настоятеля Лаврентия был передан на все последующие времена пришедший в упадок монастырь Солунянина, возникший в конце десятого века и освященный во имя великомученика Пантелеимона» и получивший наименование «обитель руссов», то есть нынешний русский монастырь на берегу моря. Выписки я сделал из четвертого тома Православной энциклопедии из раздела «Русские иноки на Афоне в 11—12 веках». Здесь же сведение о том, что славяне, в том числе и русские, были насельниками также и многих греческих обителей: преподобного Григориата, Кастамонита, Кутлумуша, Филофея, преподобного Ксенофонта, Ксиропотама и других.

Богоматерь Гликофилуса. Крит, мастерская Ангелоса. Середина XV в.

Да и есть ли нужда доказывать всегдашнее русское присутствие на Святой Горе, когда само название «Ксилургу» говорит о том, что тут подвизались «древоделы», то есть искусные мастера плотницкого и столярного ремесел. Деревянное узорочье Царских врат, иконостасов, окладов икон в храмах Святой Горы свидетельствует о присутствии здесь русских мастеровых лучше летописей.

Вы будете такими, как я, я уже был таким, как вы. Костница скита Продром

День этот был прямо-таки подарен нам. И вершина Святой Горы была к нам любезна, не скрывалась за облаками, а светилась золотой вершиной на голубом небе. А еще этот день был днем благословения — передать икону «Всех святых, в Земле Российской просиявших» в дар не просто Святой Горе, а именно в Ксилургу. Это символично — русские святые приходят к русским монахам.

Видел я, как собратья возрадовались такому благословению, настолько всем по душе пришелся скит. Какое же здесь Богоданное место, монахи какие!

С пением тропарей вносим икону в храм. Место для нее будто было предусмотрено специально — справа от входа. Рядом иконы «Спаситель», «Успение» точно такого размера, будто ждали радостного соседства с посланницей из России.

Игумен отец Симон облачается, выносит мощевики. Зажигаются высокие свечи. Разжигается кадило.

— Зовите братию!

А братии всего ничего. Собрались.

— Молимся, отцы!

До слез трогательно свершается молебен. Наши батюшки один другого лучше: голоса чистые, чтение вразумительное. И как спасительно и обнадеживающе звучит повтор: «Бог Господь и явися нам, благословен Грядый во имя Господне!» От ладанного дыма, от бликов света свечей, от молитв и пения ожило пространство храма, он на глазах раздвинулся, полегчал, посветлел. В конце молебна мощное, единоустное, единодушное возглашение многолетия и благоденствия и во всем благого поспешения земле Российской, народу православному.

Как же хорошо, что отныне в этом месте, где были первые русские монахи на Афоне, будет икона русских святых. Она вся светящаяся, глаз не оторвешь. Пятьсот девятнадцать ликов изображено на ней, и все узнаваемы.

Не хочется уезжать. Выходим на солнышко, идем в костницу, поем в ней «Вечную память», читаем вразумляющую умы надпись: «Мы были такими, как вы, вы будете такими, как

все мы». Потом посещаем храм, освященный во славу святого Иоанна Рыльского, и поднимаемся в верхний — Первоучителей словенских Кирилла и Мефодия. Конечно, здания ждут рабочих рук. Дай Бог, чтобы появление иконы ускорило их возрождение.

Составляем надпись, которую благодетели обещают вырезать на медной пластинке:

СИЯ ИКОНА ПРИНЕСЕНА В ДАР СКИТУ КСИЛУРГУ В ОЗНАМЕНОВАНИЕ 1000-ЛЕТИЯ РУССКОГО МОНАШЕСТВА НА СВЯТОЙ ГОРЕ АФОН ОТ БЛАГОДАРНЫХ ПАЛОМНИКОВ ЗЕМЛИ РОССИЙСКОЙ.

Рождество Пресвятой Богородицы. 2009 год от Боговоплощения.

К морю! Древним путем, который тысячекратно проделывали русские монахи — от Ксилургу к теперешнему Пантелеимонову монастырю. Только мы-то не пешком идем, а сидим-посиживаем в машине да валимся друг на друга на крутых поворотах. Шофер новый, языков не знает.

Грустно заехать на час туда, где жил и был счастлив неделю. Все то же, тот же датчанин Георгий в архондарике (приемном помещении), так же приветлив, так же медленно и с акцентом говорит. Димитрий Гаврильевич общается с ним на английском, помогает готовить чай и кофе. Пересказывает нам:

— Я спросил, можно ли спросить, почему он здесь? Он говорит: конечно. Он и там, на родине, был верующим. Но говорит: католики и протестанты, они тут, показал на голову, а православие здесь, показал на сердце.

Тихо в монастыре. Часы отдыха. Накануне всю ночь служба. Но встретил и знакомых. Отец Кирион и, конечно, неутомимый отец Исидор, открывающий просторы монастырской лавки, и тот же отец Алимпий, предлагающий подать записки с поминовением родных и близких, и в награду открывающий святая святых монастыря — комнату с мощами ветхозаветных и новозаветных святых. Их имена легко прочесть в описаниях монастыря, достаточно заметить, что эта комната вверху, она большая, светлая, и в ней, по периметру, застекленные ящики, в которых — мощи. Пророки, апостолы, великомученики, священномученики… Медленно, благоговейно проходим, прикладываемся. Ощущение, что пришли к высшему начальству Вселенной, к полководцам воинства Христова, и что для них души наши как на стеклышке. И будто отчитываемся пред ними и получаем новые задания и наполняемся новых сил для их свершения.

В.М. Васнецов. Бог Саваоф. 1885—1896 гг.

Монастырь Ксенофонт. Афон

Во дворе скиталец из Тобольска Валера. Он наследник тех, кто в прежнее время назывался сиромонахами. То есть это и не монахи, но и попрошайками не назовешь. Кто в монастыре не ужился, а домой стыдно возвращаться, кого в монастырь не приняли, а сердце уже прикипело к Святой Горе, все по-разному. Им известны все тропы Афона, все монастыри, скиты, келлии. Где ночуют? Тоже по-всякому. Много в горах и лесах брошенных строений, в них устраиваются. Полиция периодически отлавливает их и вывозит за пределы Афона, но чаще всего это бесполезно — все равно вернутся. Расспрашивать Валеру о его злоключениях неудобно. Денег он не просит, пришел за хлебом. Отец Георгий дает ему заранее приготовленный пакет с едой.

Вообще, на Святой Горе, куда бы ни заехал, так отрадно и молитвенно, что не хочется уезжать. Из любого монастыря, скита, келлии. Да даже любое место Горы магнитно. Вот, например, просто вышли на минутку из машины, на наше счастье что-то застучало в моторе, и шоферу надо заглянуть под капот, вышли и замерли. И что объяснять — это Афон, это Святая Гора. А это вид на Ильинский скит. Вид настолько хрестоматийный, вошедший во все книги и издания об Афоне, что без него Афон непредставим. Да, кстати, и без любого места. И без этой природы, подаренной Господом, и без этих рукосотворенных строений, увенчанных православными крестами.

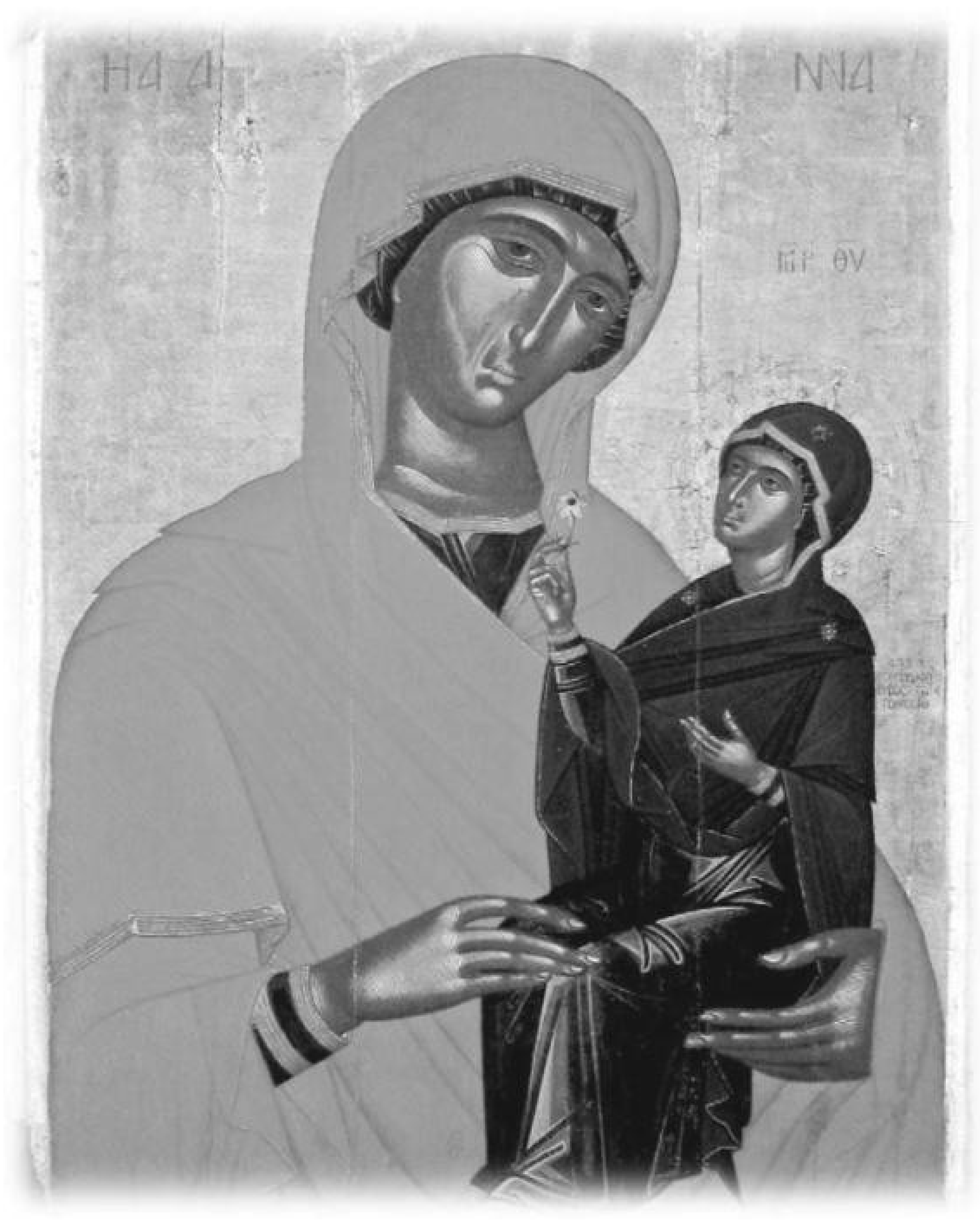
Машины ждут нас у причала (арсаны) монастыря. Там, за стрелами агавы, источник. Это был первый мой афонский источник, потом были десятки. В монастыре, напротив архондарика, был и есть родник. Только он тогда просто вытекал, а сейчас облагорожен мрамором и освящен крестом.

До Ксенофонта дотряслись на машине. А в нем все закрыто. Ждать? Нет, решаем пока посетить монастырь Дохиар. Он не так далеко, тоже на берегу. Если ехать, это очень кругом, дольше будет, решаем пешком. Решили и уговариваем Николая Николаевича остаться. Он сильно хромает, попадал в аварию. «Ждите в Ксенофонте». Нет, Николай Николаевич решительно отвергает уговоры, и наши отцы его благословляют на пешее странствие.

А оно и не для хромых весьма нелегкое. Тропа будто испытывает нас на прочность: то кинется в гору, то заставляет продираться сквозь заросли, то резко падает под обрыв. Под ногами то крупные камни, то острые осколки, то мелкий галешник. О змеях уже и не думаешь, хотя невольно вспоминаются рассказы о них. Недавно, например, отец Кенсорин спускался по лестнице, а параллельно, по перилам сползала шестиметровая гадина. Хорошо, отец Кенсорин легок на ногу.

Когда тропа, сама уставшая от своих выкрутасов, отдыхает и нам дает отдохнуть, то сердце открывается для музыки прибрежных близких волн, для золота и изумруда горных склонов, для взгляда на морские дали, когда невольно расправляются плечи и легкие требуют глубокого вдоха.

В Дохиаре привратник — пес размером с нашего Мухтара, но с характером явно не мухтарским. Надо его к нам на выучку. Внутри отрадно, прохладно. Стены монастыря в зелени, а еще в клетках певчих птиц. Канарейки поют, приветствуют, будто извиняются за облаявшего нас пса.

Ангелос Акотантос. Святая Анна с Девой Марией. Икона. XV в.

Святыня монастыря — икона «Скоропослушница», вся в золоте. «Русская икона», — объясняет монах. Показывает образ святой и праведной Анны: «Бабушка Христа». Валерий Михайлович дарит ему, как и везде по нашему пути, образочек преподобного Серафима Саровского. Монах благоговейно целует его. Ведет к знаменитому дохиарскому камню. Коротко: дела этой древнейшей обители были плохи, и Царица Небесная указала юному послушнику место, где находился закопанный клад. Мальчик сказал об этом двум монахам, а они оказались корыстными и именно с помощью этого камня захотели утопить мальчика. А он был чудесно извлечен из воды и вместе с камнем принесен в алтарь монастырского храма. Спустя годы этот мальчик стал игуменом обители Варнавой.

Обратный путь. Николай Николаевич задает темп. В грудах листьев груды грецких орехов.

Понимаем, что после такого долгого дня вернемся очень поздно, и так как целый день без еды, то заезжаем в Карею, берем что-то на ужин. Оказывается, нас не забыли и зовут перед службой на ужин. Монашеская трапеза, чай, заваренный травами Афона, и монашеский горький мед восстанавливают силы.

Снова молитвенное стояние в стасидиях. После краткий сон, утренние молитвы и отъезд в Великую Лавру. А до этого прощание с братьями, которые идут на вершину Афона. Отец Авраамий благословил и как следует снарядил экспедицию. Спальные мешки, термоса, сухие пайки. Вначале отец Петр не собирался, но отец Сергий решительно заявил, что пойдет, и отец Петр весело сказал: «Как же так, я же благочинный, как же я не пойду». Идет и Андрей Васильевич, глава администрации Зарайска. Мне немного стыдно, что я не с ними. Но успокаиваю себя, что, даст Бог, в следующий раз. Да и обуви нет, а обувь — главное в восхождении. Да и впереди поездки по северо-восточному берегу Афона, а там я не бывал.

Тем более, прямо с утра едем в Великую Лавру Святого Афанасия. В ней мне не приходилось бывать. Дорога радостная, звучат в машине песнопения, даже и не заметили как быстро доехали. Размеры Лавры меня поразили. Я считал наш Пантелеимонов монастырь самым крупным, но с Лаврой не сравнишь. Действительно, великая. И владения обширны. Вся южная оконечность Святой Горы — это лаврские земли. В Лавре помнят и о щедрых вкладах русского царя-страстотерпца Николая II.

Со двора Лавры особенно хорошо видно вершину Афона. Она укрупнилась, придвинулась, все время невольно взглядываем на нее. Вот куда будут взбираться два дня наши товарищи.

Огромная чаша во дворе под кипарисом святого Афанасия. Чашу эту облюбовал турецкий султан и велел привезти ее в Константинополь, то есть уже в Стамбул. Султан возмечтал принимать в ней ванны. Один монах, желая предотвратить такое кощунство, решил лучше разбить чашу кувалдой. Не разбил, но трещина получилась. Султан повесил монаха на кипарисе, но чаша была спасена. Ее охраняет трогательный мраморный львеночек.

Храм десятого века. Много святынь. Икона «Экономисса» в память о спасении монахов от голода Божией Матерью. Редчайшие иконы. «Иконописец — святая Феодора, — объясняет монах. — Феодора — это как ваш Андрей Рублев».

Сень над мраморной чашей для освящения воды. Великая Лавра. Афон

Мощи святого Афанасия хотели раскопать, как и положено на Афоне, через три года, но из могилы вышел огонь. Значит, нельзя трогать. Надгробие над ними в прямом смысле завалено золотом: кольцами, часами. Еще и в 1700 году патриарх Сильвестр хотел взять частицу мощей, но вновь вышел огонь.

Святой Афанасий — хранитель Афона, основатели Ватопеда, Ивера — его ученики.

На обратном пути заехали к источнику святого Афанасия. Он там, где уходящего из монастыря святого Афанасия встретила Царица Небесная. А уходил он просто от отчаяния: нечем стало жить. Голодно. Вначале братия роптали, потом просто разошлись, кто куда. И сам святой Афанасий решил искать лучшей доли. Но недалеко он ушел от места спасения. Встретилась ему женщина под покрывалом и спросила его: «Куда идешь, старец?» Изумился святой — откуда на Афоне женщина? И ответил: «К чему тебе знать, куда я иду? Я здешний инок». — «Я знаю твое горе и помогу тебе. Как же ты не вынес страданий ради куска хлеба и бросаешь обитель? В духе ли это иночества?» — «Но кто же ты?» — «Я Матерь Господа Твоего». — «Боюсь поверить, — отвечал Афанасий, — ведь и бесы принимают светлые образы». Божия Матерь повелела ударить в скалу посохом. Хлынула мощная струя воды и льется доныне уже тысячу лет. А тогда на этом месте Божия Матерь повелела Афанасию вернуться.

— Знай же, что с этого времени я навсегда остаюсь Домостроительницей (Экономиссой) твоей Лавры.

Вернувшись, святой Афанасий увидел, что все кладовые наполнены доверху всем необходимым. Именно в память об этом в монастыре и была написана икона Божией Матери «Экономисса».

Икона Божией Матери «Домохранительница» («Экономисса»). Великая Лавра, Афон. X в.

Северо-восточный берег — более обдуваемый ветрами, море здесь беспокойное, но красота все та же, афонская, то есть неописуемая. За день побывали мы еще в четырех монастырях. Вечером вспоминали и даже самим не верилось: в четырех. Будто время растянулось. Вроде и не спешили. Все вспоминалось: и то, как в Каракале угощали крупными сладкими сливами, как в Филофее все, у кого были фотопринадлежности, схватились за них: дивная, прямо-таки тропическая цветущая зелень возвышалась над изумрудным ковром, застелившим весь монастырский двор. Пышные кусты роз по метру и более украшали двор. И каждый куст был на одном стебле. А запахи! Только, думаю, высоким специалистам парфюмерии было бы под силу различить их благоухающие ноты. Лаванду, магнолию, медуницу и чабрец я различил. Стояли мы совершенно замершие. Интересно, что если и была у кого усталость, то она прошла от этой красоты и этого благоухания. Вдобавок негромко и мелодично заговорили колокола. Прошел монах со сверкающими и гремящими кадилами и золотым блюдом и скрылся в розово-красном храме. Повеяло ладаном.

При выходе — смоковницы, но плоды высоко, не достать. Стада бабочек.

И вот — место, где на берег Афона вышла Божия Матерь. Иверский монастырь. Надкладезная часовня на берегу, уровень воды в ней на полтора метра ниже уровня моря, и диво — вода пресная, даже сладкая.

Мы везде возили с собой, вносили в храмы икону Святителя Николая Зарайского. Трепетно, тихо прикоснулись мы им к иконе Иверской Божией Матери — Вратарнице. Список с нее, исполненный на Святой Горе, можно видеть в Иверской часовне при входе на Красную площадь. И представить, что часовни не было семьдесят лет, невозможно. Она была всегда. И всегда был Афон. И его благословляющие знаки внимания к России.

В монастырской лавке монах говорит: «Псков, Печоры — браво, прима!» Он был там. Ловко торгует, ведет счет. Вдруг звуки колотушки в деревянное било. Монах решительно говорит: «Аут, аут! Баста! Финиш!» И прекращает торговлю. Идет на молебен. Хотя и ненадолго, идем и мы.

Путь в Ставроникиту, монастырь Святого Креста. Вдоль дороги к главным воротам длинные каменные колоды с водой, в которой золотые рыбки. Их тут на сотни сказок о рыбаке и рыбке. Хорошо, что у моря не сидят старухи у разбитых корыт, не гоняют туда-сюда стариков.

У источника умылся, напился, сел под иконой «Живоносный источник» и показалось, что гудит в голове. И немудрено, решил я, такой нескончаемый день, под солнцем, в тесной машине. Гудит в голове и гудит. А потом гляжу, да это же пчелы! Не одни мы пить хотим. И так их много. Вот вы где — авторши знаменитого монашеского каштанового горького меда. Да, этот мед незабываем. Он стоит у нас в келлии, так сказать, на открытом доступе, но много его не съешь. И не могу объяснить, отчего. Пчелы и по мне ползали, но какой с меня взяток?

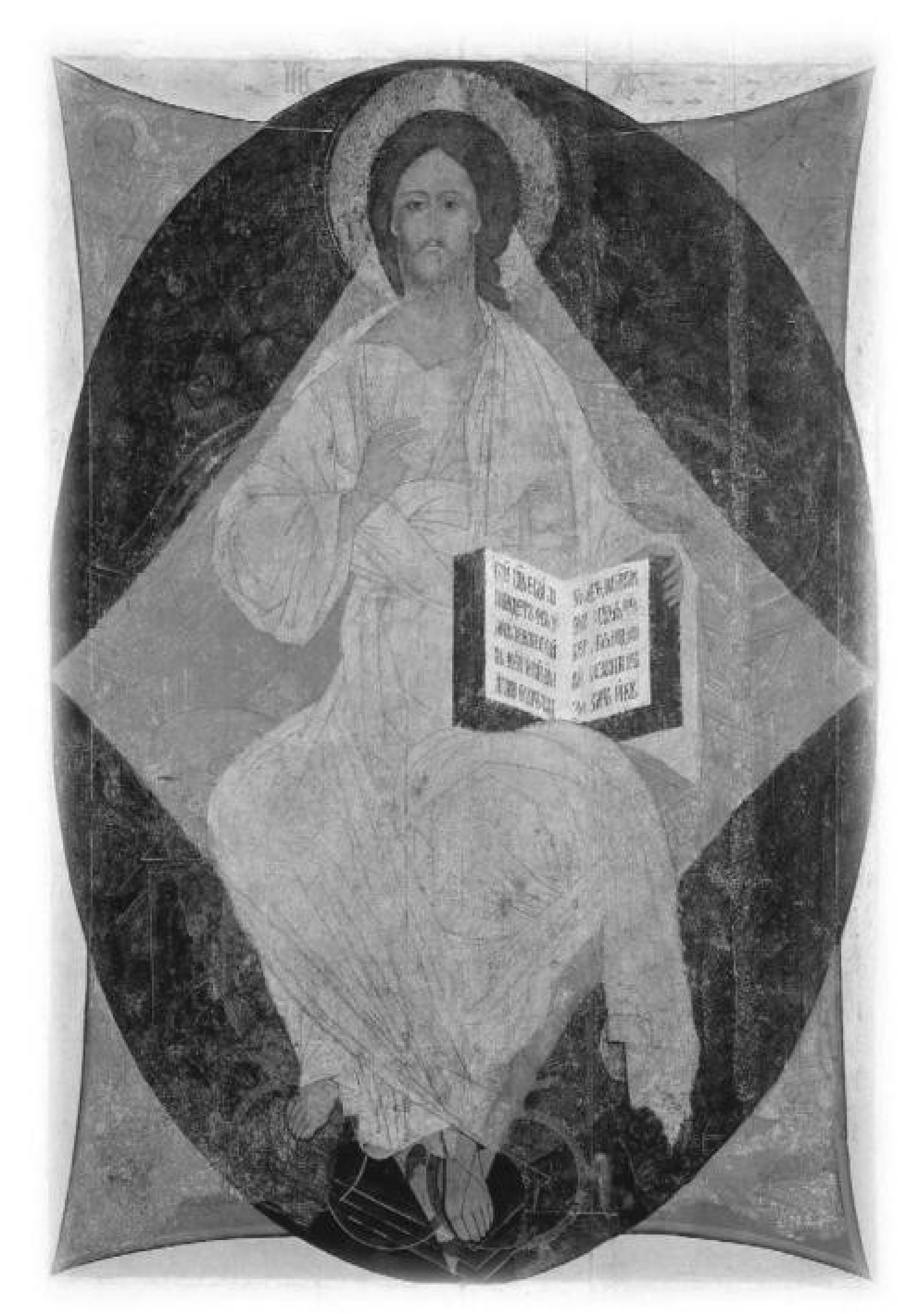
Иверский Собор. Валдайский Иверский монастырь. Новгородская область, Валдай

Знаменитая икона монастыря — «Никола с ракушкой». Икона пролежала на дне моря пятьсот лет. Достали рыбаки, принесли в монастырь. Стали отдирать от иконы раковину и полилась из-под нее кровь. Из раковины Византийский патриарх сделал Панагию и подарил ее русскому Патриарху Иову, тому, кого в Смутное время сменил священномученик Ермоген.

«Наступил уже час пробудиться нам от сна». Это из Писания. Сказал к тому, что тексты из Писания, из Богослужебных книг, благодаря молитвам, поселились в нас, в душе, в памяти, но молчат, задавленные хлопотами дня. А здесь, когда молишься, прикладываешься к святыням, спасительные тексты возникают из памяти слуха и зрения. «В скорби будьте терпеливы, в молитве постоянны, в усердии не ослабевайте». Это и есть то самое «возгревание» молитвенного состояния души. «Духа не угашайте». То есть слова, «сложенные в сердца», должны в нас не просто жить, но и влиять на мысли и поступки. А пока «бедный я человек…не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю». И все равно — «ночь прошла, а день приблизился: итак, отвергнем дела тьмы и облечемся в оружие света». Афонского света.

О, как трудно «не угашать» духа. Жизнь там, в России, продолжается. Дела наши без нас не делаются, родным там без нас трудно. В непрерывной связи с Москвой отрок Михаил, сын Валерия Михайловича. И у взрослых сотовые телефоны звенят и пищат постоянно. Сотоварищи мои — люди деловые, они продолжают кем-то и чем-то руководить. Впервые вижу не просто

новых русских, а православных русских деловых людей. Искренность их в молитве изумительна, тяга к святыням сердечная, вера просто детская, то есть самая крепкая.

В усердии не ослабевайте…в скорби будьте терпеливы, в молитве постоянны (Рим. 12, 11—12).

Спас в силах. Икона работы Андрея Рублева. 1408.

Ибо никто из нас не живет для себя, и никто не умирает для себя… и потому, живем ли или умираем, — всегда Господни (Рим. 14, 8)

Франсуа Жозеф Навез. Успение Пресвятой Девы Марии. Собор Святых Михаила и Гудулы в Брюсселе. 1847. Фото Р. Седмаковой.

И уже вот-вот все полетит в прошлое: и это солнечное сияние, и эти тихие теплые, благостные дни. Они были счастьем, которое потом надо будет оправдать.

Когда едешь, летишь, идешь по морю на Афон, то не надо говорить: поехал на неделю, на пять дней, нет, ты едешь не на дни, а на дни и ночи Афона. Здесь другое время.

Вернулись наши паломники. Измучились, с трудом шагают, загорелые, радостные. «Ну, выла гора?» — «Выла. Но не гора, а шакалы». Служили на вершине Литургию. Рассвет встречали. Весь Афон виден. Шутят: «Вас сверху видели. Ползаете как муравьи». Отец Сергий одаривает драгоценным подарком — камешками мрамора с самой вершины от самого древнего креста у храма Преображения.

Читаем Правило ко Причастию. Завтра уезжать, надо увезти главное благословение Афона — причастие Крови и Тела Христовых в афонском храме.

Но вначале вечерняя, переходящая в ночь, молитва. С пяти утра ранняя.

Причащаемся. Братство во Христе выше любого другого. Роднее людей не бывает.

Провожает братия монастыря. Послушник Валерий отдает насовсем оттиск из редкой книги позапрошлого века о змеях на Афоне. Тайком выношу кусочки сыра и кормлю вначале Мухтара, потом кошек. Есть нахальные, есть и забитые. Не лезут, наоборот, отходят, надеясь, что и до них долетит лакомый продукт.

Все мгновенно проносится — дорога до Дафни, каждый поворот которой знаком, обилечивание, суета встречи прибывшего парома «Пантократор», вот и нам пора. Крестимся, дай Бог, не последний раз, на земле Афона, и входим на палубу. Вот и поплыли назад берега, вот там, вверху, монастырь Ксиропотам, а вот и наш родной Пантелеимонов, мелькнула знакомая дорога к Старому Руссику, к мельнице преподобного Силуана, пошла дальше к Ксенофонту, к Дохиару. Да, тут мы отважно продирались через кручи, как-то там канарейки, подобрел ли пес-охранник?

И вот, вроде сюда мы принеслись моментально на быстроходном катере, а кажется, что паром утаскивает нас к Уранополису еще быстрее катера. Дельфины дают концерты, усиливая будущую тоску по святым берегам, чайки внаглую пикируют, осматривая пассажиров: что ж они не обратят внимания? А нам не до них, мы до слез в глазах, таясь друг от друга, вглядываемся в вершину Святой Горы, прощаемся со счастьем Богом данной недели. И звучит в душе и сердце: «Ибо никто из нас не живет для себя, и никто не умирает для себя; а живем ли — для Господа живем; умираем ли — для Господа умираем: и потому, живем ли или умираем, — всегда Господни» (Рим.14, 8).

Как-то там, в Ксилургу, наша икона?

Гора Фавор — гора святая

Колокольня и ворота православного монастыря на вершине Фавора. Фото Ori~.

Метанойя

Гора Фавор. Гравюра. 1837.

И вот пятый раз я на святой Фаворской горе. За что мне, такому грешному, такая Божия милость? А нынче и вовсе полное счастье — быть на Фаворе в ночь Преображения Господня. Господи, Боже мой, помоги мне взойти на Святую гору своими ногами. Не жалко мне ни шекелей, ни долларов на такси, но только дай, Господи, почувствовать усталость и счастье восхождения на Фавор.

Ведь все-все в мире свершается преображением. Преображается яйцо в птенца, семечко в травинку, облако — в дождь, тропинка — в дорогу, надежда — в свершение, мальчик — в мужчину, жизнь земная — в жизнь вечную… — все преображается и приближается ко престолу Божию. И как было бы славно, думал я, чтобы тысячи обветшавших ступеней Фавора, его серпантинное шоссе, помогли мне постигнуть это великое слово — «Преображение» по-гречески — метанойя!

Церковь Преображения на горе Фавор. «Врата ветра»

Увы, увы, увы! У нас было время, чтобы пойти на гору Фавор пешим ходом, было. И наш водитель, молчаливый палестинец, забыл его имя, обещал остановиться внизу, чтобы нас выгрузить. Но вот гляжу, мы едем и едем, уже внизу огни Иерихона, а далеко огни Заиорданья.

— Матушка! — взмолился я. — Тех, кому трудно, пусть везут, но кто в силах, оставьте. На вершине встретимся.

Везущая нас матушка Ирина адресовалась к водителю, тот воздел к небесам руки, оторвав их от руля — автобус в эти секунды сам управлялся с поворотами, — и что-то сказал. Матушка перевела:

— Он сказал: зачем же мучить ноги, когда еще полиция не перекрыла въезд?

Так что и пятый раз, возносясь на Фавор, я не мучил ноги. Но мучил сознание. Вот, думал я, вспоминая предыдущие посещения Фавора, сейчас умотают на серпантинах, вывалят у ворот в монастырь, скажут: на все двадцать минут. И обратно. И вдруг ликующая мысль охватила меня: сегодня же служба Преображения Господня, август, шестое число. По-современному девятнадцатое. Я не говорю: по новому и по старому стилю, благодарный одной старухе-паломнице. Когда я сказал именно эти слова: «По старому стилю сегодня шестое августа», — она сурово поправила: «Не по старому, а по Божескому».

Итак, палестинец завез нас почти на вершину Фавора. Остановленные полицейскими, мы вышли из автобуса. Матушка предупредила, что далее будет такая давка, что мы непременно «растеряемся», но чтобы мы помнили, что в пять утра собираемся у автобуса, запомните номер и облик, а если кто желает спуститься с горы сам, то в полшестого внизу.

Я остался один. Но странно сказать — один, когда вокруг было столпотворение. Я продирался сквозь разноязыкое нашествие, вспоминал предыдущие приезды. Они всегда были малолюдными. Успевал отойти ото всех, побыть в одиночестве, подышать запахами сухой травы и перегретой земли. Сейчас главным запахом был запах жареного мяса. Пылали, особенно справа от дороги, костры, гремели гитары, звякало стекло винных и пивных емкостей. Сзади и спереди наезжали машины, пикали и бибикали. Как они тут продирались? Здесь и

всегда-то узко, а тут еще по две стороны были припаркованы всякие иномарки. И еще ползли и ползли большие и маленькие транспорты на резиновых колесах.

Я пробился к площадке перед входом в монастырь. Где то место, где мы выпили за Святую Русь вина из Каны Галилейской? Под этой сосной? У этого ограждения? Но тогда мы были одни, а сейчас здесь целый город торговли и удовольствий. Крики, запах костров и еды. Но над всем этим из репродукторов лилось: «Кирие, елейсон!» То есть служба праздника Преображения началась. Я заторопился, шел к храму и подпевал: «Агиос офеос, агиос исхирос, агиос афонатос!», то есть: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный».

Сей есть Сын Мой возлюбленный

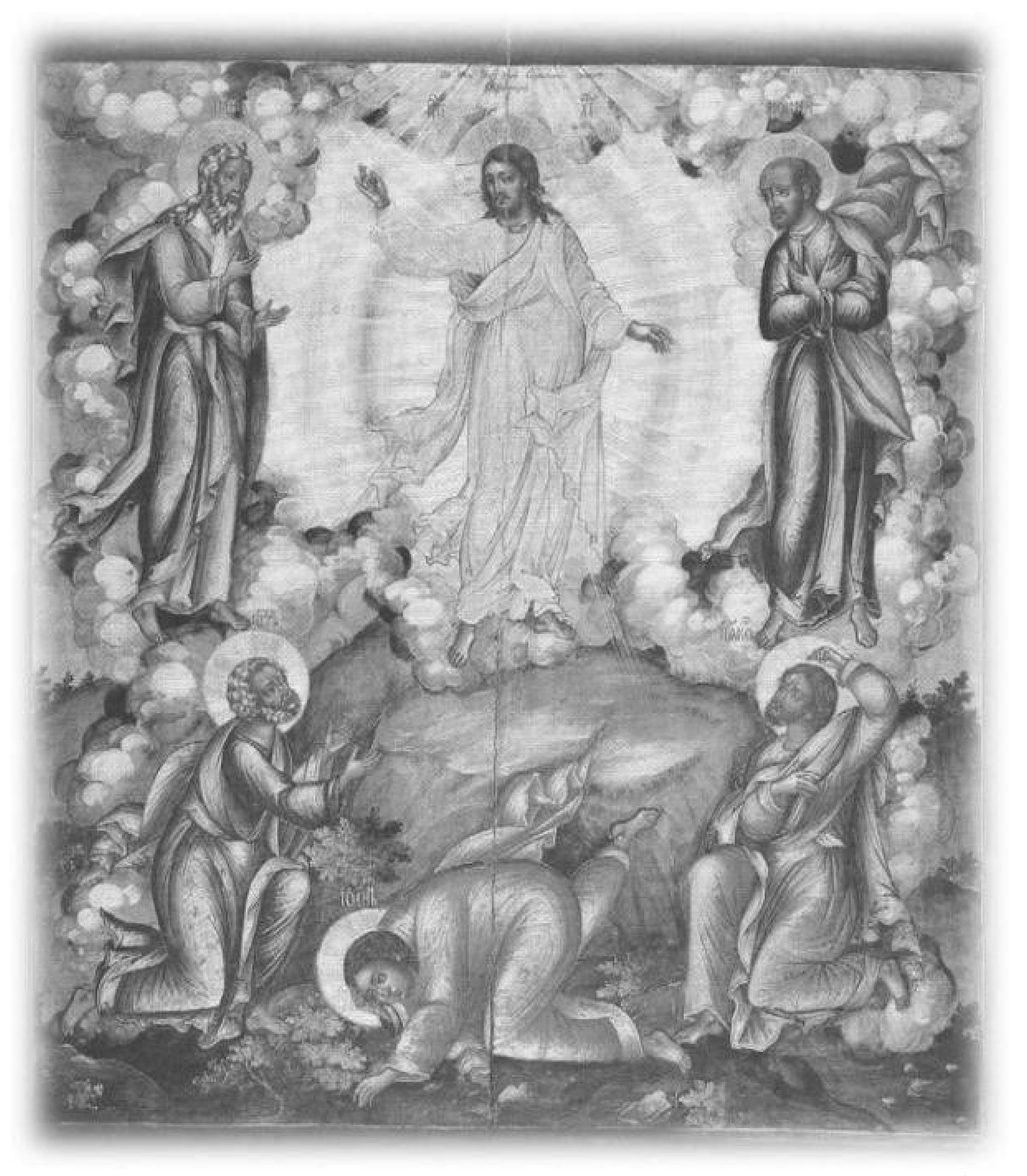

Вид с горы Фавор. Фото Greenslash.

Служба передавалась через репродукторы, но даже и усиленный техникой звук молитвы не мог заглушить криков толпы. Радоваться пришли, оправдывал я их. Надо найти место поближе к храму и стоять. Вот и все. И ждать схождения облака, из которого, из такого же, когда-то проглаголал Господь: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Нем же Мое благоволение, Его слушайте». И, услышав это, пали на лица свои святые апостолы Петр, Иаков, Иоанн. А Спаситель запретил им говорить о виденном, «доколе Сын человеческий не воскреснет из мертвых». Рядом с Учителем видели ученики ветхозаветных пророков Моисея и Илию, которые пришли из невидимого бесплотного мира, но были зримы, как люди во плоти. Это были самые авторитетные праведники библейских сказаний. Фаворский свет, облиставший Христа, в котором и сам Христос был Светом, так поразил учеников, что они возопили к Своему Учителю: «Хорошо нам здесь быти, и сотворим кровы три: Тебе одну, Моисею одну, и одну Илии». Евангелие от Марка приписывает эти слова апостолу Петру, но «он не знал, что сказал, ибо они были в страхе».

И это напоминание того места, которое в тропаре обозначено словами: «Преобразился еси на горе, Христе Боже, показавый ученикам Твоим славу Твою, якоже можаху». То есть показал славу, насколько они могли ее вместить и выдержать. После этого они уже не сомневались, что Иисус Христос — Сын Божий. Далее тропарь гласит: «Да возсияет и нам, грешным, свет Твой присносущный, молитвами Богородицы, Светодавче, слава Тебе!»

Да, помоги, Господи, чтобы и нам, грешным, сиял свет Твой. Податель света, спаси нас!

Да возсияет и нам, грешным, свет Твой присносущный, молитвами Богородицы, Светодавче, слава Тебе!

Преображение Господне. Икона. Россия. Москва. XVII в.

Да, к храму было не пробиться. И уже никого из нашей группы не было рядом. Отошел подальше в темноту, вспоминая, где же то место, на которое я упал, вдыхая сухие запахи сгоревших на солнце трав и родной запах земли, напоминавший запах прибрежного летнего песка из моего вятского детства.

Открылись звезды. И по привычке я стал отыскивать созвездие Большой Медведицы, которое всегда ищу, уезжая из России в дальние страны. С ней сразу как-то становится спокойнее, она с детства своя. Указывает на Полярную звезду, на север, на родину. Да, вот нашел! Вот ее ковш, накренившийся и выливающий прохладу севера на здешнюю жару. И ведь уже вечер был, а было все еще душно.

Далеко на юге мерцали огни иорданского побережья, Иерихон, Заиорданье. Уже побывавший там, я легко представил монастырь святого Герасима Иорданского, Сорокадневную гору искушений, дерево, на котором был Закхей, воззвавший ко Господу. Так и

нам надо подниматься над суетой жизни, чтобы Господь заметил нас. То есть, Он всегда нас видит, но чтобы видел наше усердие в молитве.

Все-таки я решил пробиваться к храму. Слава Богу, мы накануне прошли исповедь и были допущены к причащению. Но это море людей, бьющееся своими волнами к паперти, ведь все они тоже хотят причаститься. Служили на паперти, вот что обрадовало. Видимо, священники поняли, что такое количество людей не сможет поместиться в храм, и вышли к народу. В толпе, над головами, проносили стулья, сдавали в аренду.

Греко-православный монастырь Искушения Господня неподалёку от Иерихона. Фото Д. Родионова

Шла долгая монастырская служба. Времени палестинского одиннадцать, в Москве полночь.

Ловкие смуглые юноши протягивали над толпой гирлянды треугольных флажков, изображавших флаги разных христианских стран и религий. К радости своей, я различил среди священников и наших, отца Елисея и отца Феофана. Красивая, долгая служба. «Петро, Иоанне, Иакове… метаморфозе», — слышалось среди греческого языка. И уже не чувствовалось того, что было рядом — еды и торговли, музыки и криков. Правда, очень мешали непрерывные вспышки фотоаппаратов, свет кинокамер. Казалось, что их, этих запечатлевающих миги истории приспособлений, было больше, чем людей.

Выносится Евангелие. Священник зычно, протяжно читает, как поет: «Фавор и Ермон о имени Господа возрадуются». То есть исполнилось пророчество псалмопевца Давида. Уже, к прискорбию, заметил, что и на паперти, ново-созданном алтаре, ходят операторы и Фотографы, снимая. Что же делать, где-то же будут смотреть их работу и завидовать нам, участникам ночной службы Преображения Господня.

В Москве три часа ночи, здесь два. Крепкие помощники священников прокладывают дорогу для выноса двух чаш. Возглашение и поминание Иерусалимского патриарха и нашего святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия. «Символ веры». Взлетание и опускание белого покрывала — воздуха над чашами, призывание Святого Духа на нас, грешных.

Небо совсем потемнело, звезды исчезли. Молящиеся все чаще поднимают головы, глядят

вверх, ждут схождения облака.

— Мир всем, — раздается по-русски.

— И духови Твоему, — отвечает хор монахинь из Горненского монастыря.

И вот уже: «Благодарим Господа», и вот уже: «Святая Святым». Но нет никакой возможности упасть в земном поклоне. Но надо. Да, вот они, запахи земли, травы и особенно полыни.

Началось на виду у всех причащение священников. Их более тридцати. Пробиваются через людей матери и отцы со спящими на руках младенцами. Продираются интернациональные простоволосые женщины и женщины в шляпах. Конечно же, и я пробиваюсь. На меня так сильно давят сзади, что я невольно напираю на впереди идущих. Женщина в брюках поворачивает ко мне гневное лицо и кричит: «Пиано, пиано!» Видимо, итальянки, видимо, требуют, чтобы я сдерживал напор толпы. Но где же наши белые платочки, наши паломницы? Стараюсь попасть к своему батюшке.

Богородица с младенцем Христом. Роспись в монастыре Искушения, Иерихон

Выносятся чаши, не менее десяти. К микрофону выходит женщина-гречанка в черном платье и сильным, красивым голосом поет молитву: «Мария, Матерь Божия». К ней присоединяется мужчина. Люди, многие, подпевают. Все то и дело смотрят в небо, вздымают к нему руки. В руках иконы, кресты. Это ожидание облака. Зажигаются свечи.

Слава Богу, причащаюсь. Отдаюсь на волю толпы. Меня выносит к хоругвям и большим иконам, у которых жестяные ящики для горящих свечей. Зажигаю и я свою, белую, от Гроба Господня. Другую держу в руках. Пламя бьется на ветру, но не гаснет. Замечаю, что напряжение ожидания усилилось. Тут много тех, кто не первый раз на ночной службе Преображения на Фаворе. Смотрят не совсем на восток, а примерно на северо-восток. Небо совсем черное, ни одной звездочки. Показалось, что разглядел одну, но она исчезла, потом снова появилась. Потом появилась над храмом. Я подумал — самолет мигает, но, скорее, это были звездочки, закрываемые высоко бегущими облаками. Еще увидел блестки света, но решил, что это вспышки аотографов.

Люди закричали вдруг, вздымая руки, полетели в воздух платки и шляпы. Я почувствовал свежесть и прохладу. Но тут вот что надо объяснить. Ведь я сельский уроженец, много раз мальчишкой встречал рассвет на реке, на лугах, в ночном. И, конечно, под утро всегда становилось свежее и холоднее. Так и тут я подумал, что это утренняя прохлада. Но здесь же был не север, это же Палестина, тут жарко даже ночью, тем более в августе, когда Преображение. А это и было облако, сошедшее на Фавор.

Запахи ладана и жасмина

Гора Искушения. Иерихон, Палестина. Фото Tango7174.

Начался Крестный ход вокруг храма. Обошли трижды, поспевая за хоругвями и иконами. Я шел с нашими паломниками с общей молитвой: «Величит душа Моя Господа и возрадовался дух Мой о Бозе, Спасе Моем». Также пели: «Честнейшую Херувим». И, конечно: «Царице моя Преблагая, надеждо моя Богородице…» Девочка, закутанная матерью в одеяло, семенила рядом и спрашивала: «А Боженька придет?»

Открыли храм. Люди кинулись к чудотворной иконе. Около нее разливали освященное масло. В большой чаше по поверхности масла плавала коробочка, в которой горел тоненький фитилек. Запахи ладана и жасмина.

Я немного расстроился от того, что прозевал схождение облака, но вскоре общее состояние радости и молитвенности воскресило мой дух, да еще тем более монахиня, наливавшая масло и заметившая, что у меня нет никакой посудины, дала мне целую бутылочку, спросив: «Русский?»

Могу сказать, что я несомненно видел благотворные перемены в людях. Пусть малое, но преображение свершилось. Я видел, как люди, самые разные, улыбались друг другу, старались сказать что-то приятное. Не случайно же я встретил вдруг итальянку, которая в толпе поворачивала ко мне гневное лицо и кричала: «Пиано, пиано!» Мы разулыбались друг другу

как самые родные.

— Но пиано, форте, синьора, форте! — сказал я, израсходовав треть своих запасов итальянского языка.

Она отлично поняла, засмеялась:

— Уи, уи, форте, грацие, синьор! Форте! Аллегро!

Уже слышно было, как взревывали моторы машин и автобусов, как высоко и нервно раздавались писки сигналов заднего хода. Стремительно пустело. Я еще обошел вокруг храма. У алтарной его части не было прожекторов, и открылись звезды. Вот ты где, Большая Медведица! Что ж ты проспала всю ночь, а тут у нас такой был праздник. Вот и Полярная звезда. Глядел на нее и от нее чуть вправо по направлению к Москве, к России. Конечно, в Сибири уже идет служба, уже горят свечи в алтарях, уже батюшки на Проскомидии читают записочки о здравии и упокоении и вынимают частицы из просфор, готовясь к литургии. Солнце, идущее с востока, помогает освещать землю, но ведь главный свет — это свет Божий в душе. Он всем дается при Крещении, и мы сами его затмеваем в себе. Но вот видел же я сегодня, как много его таится во всех нас и как его открывает молитва. Только бы постоянно помнить о Господе. Вот как постоянна в небе очень русская Полярная звезда. Все прочие крутятся, а она недвижима. И во времена апостолов так же прочно держала она небесный свод.

А.А. Иванов. Преображение. 1824

И тут, будто подтверждая мои мысли, воссияла во все небо молния и прогремел гром. И, что важно сказать, такое грозное явление никого не испугало, а вызвало общую радость.

— Холидей, холидей! — кричала женщина, вскидывая к небу руки. Широкие черные рукава падали к плечам. — Холидей!

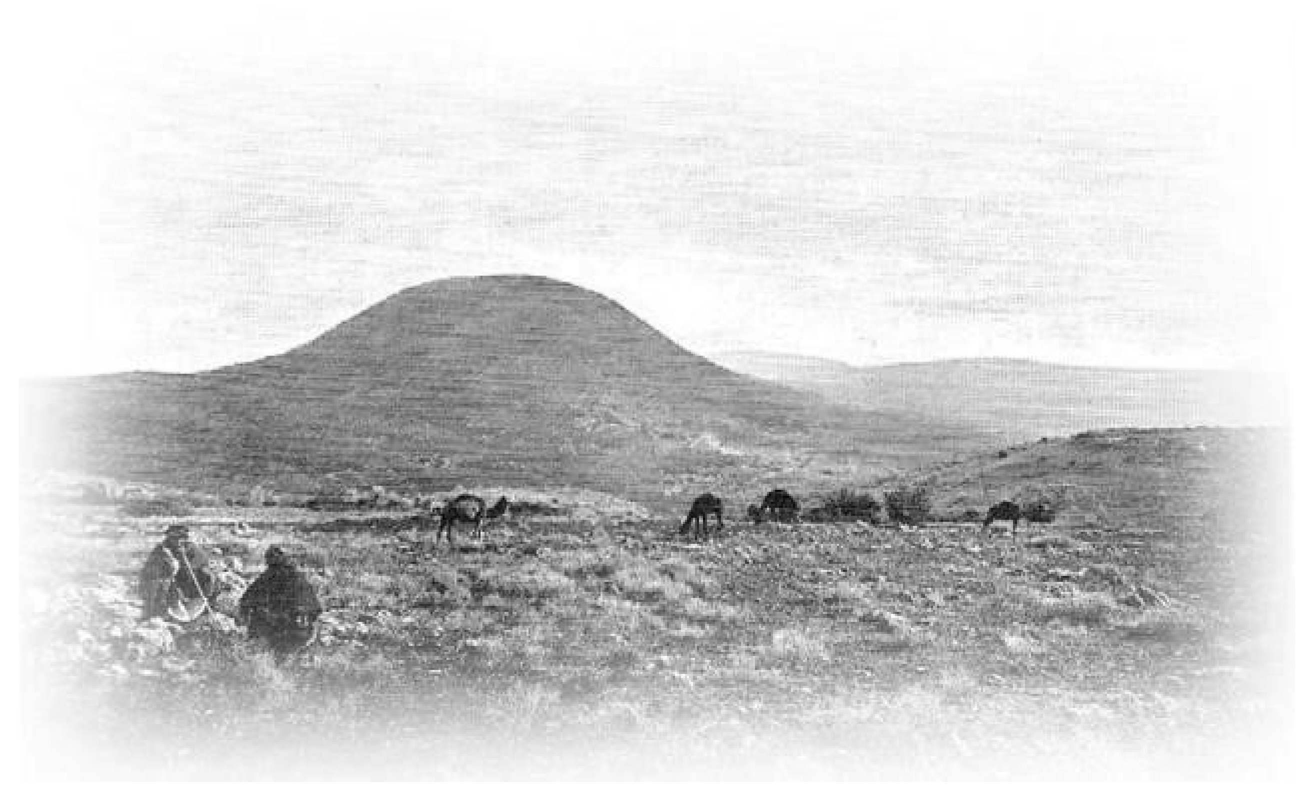
И еще увидел, как беззвучно, уже без грома, вдоль кипариса метнулось широкое оранжевое пламя. Группа украинских паломников дружно запела: «Спаси, Христе Боже».

Посмотрев на часы, я понял, что еще могу успеть спуститься с Фавора пешком. Дойду же за два часа. Вниз все-таки. Как раз встретил знакомую паломницу из группы. Поздравили друг друга с причастием, с Преображением.

— Матушка сказала, что можно быть внизу даже к шести. Едем в Назарет, а там церковь

Благовещения откроют в семь. Это же рядом.

Во всей своей утренней красе

Гора Фавор. Иллюстрация. 1899.

Да, впереди у нас была радостная, счастливая поездка: в Назарет, на Иордан, в Тивериаду, на ее русский участок, монастырь святой Марии Магдалины-мироносицы. И вот, казалось бы, прошла ночь без сна и накануне был тяжелый день, а усталости как не бывало. Я сказал паломнице, что пойду сам, чтоб не тревожились.

А еще многие паломники оставались на утреннюю службу, их было много, спящих на теплой земле. Выбрался за ограду. И где эти сотни машин, которые гигантским железным стадом паслись на трассе? Где они сейчас несутся по рассветным дорогам, везя радостную весть о схождении на Фавор светлого облака и Божественного огня?

Я все продолжал размышлять про то, как же велика Божия милость к нам, если каждое утро над нашими полями и лугами, в наших лесах, на просторных полянах появляется утренний туман. Есть неизъяснимое волнение, когда его белизна укрывает землю, и есть ликование, когда первые лучи солнца румянят это покрывало и потихоньку снимают его. И этот восторг, когда босыми ногами бежишь по светлой росе, по этой влаге, пришедшей с небес. Падали звезды. В детстве у нас было поверье, что если успеть загадать желание, пока падает звезда, то оно исполнится. Я никогда не успевал проговорить желание, только успевал сказать одно слово: «Люблю». Но и его хватило на всю жизнь.

Руины древней крепости на горе Фавор

Долго-долго шагал я, стараясь идти не по асфальту, а по земле. Далеко, к Иордану и за него, светились огни деревень и городов. Они были как драгоценности на черном бархате. И их все прибавлялось. Наступало утро, люди просыпались. Запели петухи. Так громко, будто пели рядом. Закричал муэдзин. Петухи потрясенно замолчали. Потом, переждав крики муэдзина, снова заголосили.

Шел, дышал горным воздухом Фавора и вспоминал прочитанное о нем в дореволюционном издании. О равноапостольной царице Елене, построившей здесь три церкви: во славу Спасителя и пророков Моисея и Илии. Вспоминал о том, что нашествие крестоносцев отдало Фавор католикам, а нашествие сарацин превратило церкви в развалины. Вспоминал о великом подвиге старца Иринарха, до пострижения монаха Леонида. Ведь это он фактически один воздвиг православный храм Преображения. А сколько было препятствий! Даже, Бог ему простит, от иерусалимского патриарха. Но так велик был старец, так дивны его чудотворения, что он все преодолел. Иринарх был учеником знаменитого старца Паисия Величковского и, в свою очередь, воспитал из своего ученика Нестора также высочайшего подвижника. Вспоминал и начальника Русской миссии архимандрита Антонина Капустина, много свершившего для Фавора. Вспоминал пожертвования русских великих князей и царей. Также надо сохранить для истории имя русской женщины Ольги Кокиной, на средства которой была создана колокольня.

Православный монастырь на вершине горы Фавор

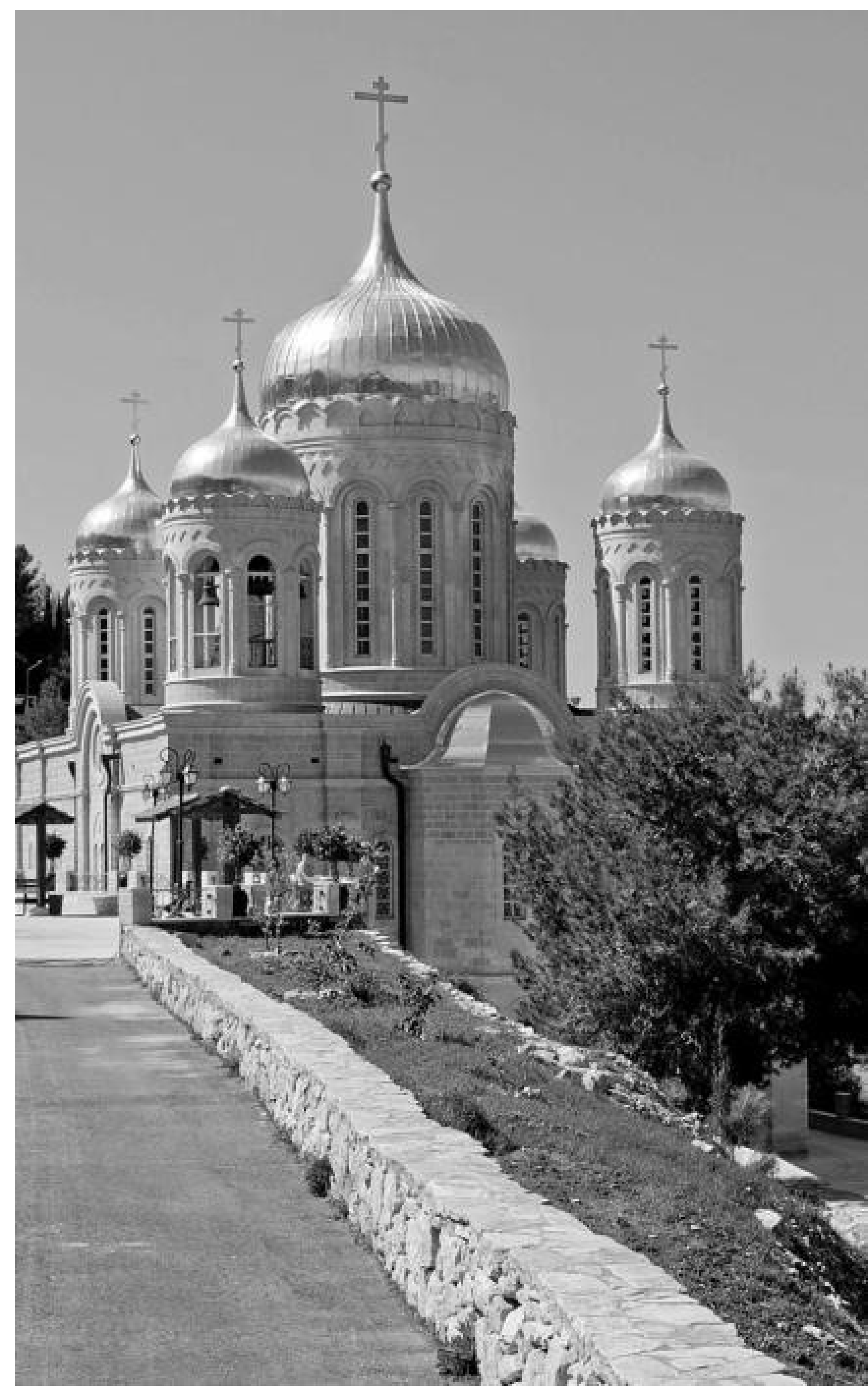
Также читал и о том, что раньше буйство веселья было поэнергичней. Разогретые ликерами и водкой ракией, приехавшие устраивали стрельбу, танцы, пляски, пение и как следствие — драки. Так что сегодняшняя ночь была очень спокойной.

Уже совсем засиял день. Я поднял голову, оглянувшись на Фавор. Гора стояла во всей своей утренней красе. Русские паломники сравнивали Фавор со стогом, только не из сена сметанным, а созданным Господом на мраморе и граните, укрытым зеленью и цветами, осененным дубами и кипарисами. И многими плодовыми кустами и деревьями. Ведь праздник Преображения — это еще и освящение плодов земных. Приносится виноград, который, преобразованный в вино, затем преобразуется в таинстве Евхаристии в Кровь Христову. Священник возглашает: «Благослови, Господи, этот новый плод лозы, который Ты благоволил благорастворением воздуха, каплями дождя и тишиною времени достигнуть зрелости. Да послужит вкушение этих плодов в веселие нам. И удостой нас приносить их Тебе, как дар очищения грехов, вместе с священным Телом Христа Твоего».

На Фаворе Господь явил нам свою Божию сущность в силе и славе. Явил свет просвещающий и спасающий. И это «якоже можаху», то есть сколько могли, вместили ученики. И им так уже не хотелось в дольний мир горя и слез. Но Спаситель пошагал к людям.

До входа в Иерусалим, до Распятия оставалось сорок дней.

Очи — горе, сердце — Горней

Горненский женский монастырь. Эйн-Карем. Фото Nitzan Zahavi

Монастырские колокола

Храмовая Гора. Фото А. Иванова.

Будильник в монастыре не нужен: разбудит колокол. А колокола как люди — разные. Колокола Оптиной и Троице-Сергиевой Лавры строгие, суровые, а колокол здешней, Горненской обители материнский, добрый, ласковый. Он будит к утренней службе, как мать будит своих любимых деточек: в церковь пора.

В первое утро в Горней я ощутил ее воздух именно благодаря колокольному звону. Казалось, прохладный воздух, натекший за ночь в обитель с горного склона, отвердел, чтобы четче и явственней передать чистоту звучания. Звон такой, что воздух дрожит и отдается во всех уголках кельи. У пола, у потолка, пронизывает всего тебя, входит в сердце и настраивает на молитву. Я накануне был на колокольне и представляю, как на нее восходить. Вначале идут спиральным веером каменные ступени, потом, после первой площадки, ступени более мелкие и более закрученные, железные, как на корабле. Они часто и быстро обвиваются вокруг центрального столба, и когда вращаешься вместе с ними и перебираешь железные перильца, то кажется, что держишься за штурвал и ощущаешь себя на мостике корабля.

Колокола в церкви Святого Александра Невского. Иерусалим

Византийское время монастыря

В Иерусалиме разница во времени с Москвой на час, но и у Гроба Господня, и в Горней время свое. Оно исторически византийское, оно идет из тех времен, когда во времена раннего христианства все храмы городов империи начинали одновременно свою литургическую службу.

В монастыре пять утра. Колокол умолк. Вновь он заговорит в начале службы. А сейчас читается утреннее правило. В храме, около камня, с которого святой Иоанн Предтеча произнес свою первую проповедь, зажигаются свечи. Светлые облака на востоке уже тревожатся подсветкой пока не видного солнца. На крест храма села голубка, горлинка и, радуясь рассвету, громко воркует.

Окончилось правило. Начинаются Часы и акафист. В алтаре батюшка, священноархимандрит Феофан служит Проскомидию.

Вновь звучит колокол. Звон его внутри храма другой, более объемный, он усиливается согласным звучанием иконостаса, окладами икон, люстрами паникадил. Солнце впереди и слева. Отец Феофан свершает каждение. Кадильный дым, который святые Отцы сравнивают с нашими молитвами, восходящими к небесному Престолу, освещается солнцем и растворяется в воздухе, оставляя после себя дивное благоухание, которым никогда не надышаться.

Приближение к Литургии — главной службе Православной Церкви. Вот чтица произносит: «Иже на всякое время и на всякий час на небеси и на земли…», а вскоре отец Феофан возглашает:

— Благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа всегда, ныне и присно и во веки веков!

— Аминь! — подтверждает хор певчих, которые давно стоят на клиросе. И мать игумения Георгия поет вместе с ними.

Молитва. Приближение к Причастию. Сегодня причащаются схимонахини. Лица их я видел только во время елеопомазания накануне, на вечерней службе. Они всегда на службе. Сидят справа, недалеко от чудотворной Казанской иконы Божией Матери. Все время вычитывают бесконечные списки имен, листая свои ветхие тетради. Встают при выносе Евангелия, при чтении его, при каждении, при пении Херувимской, «Достойно», и, как все, падают ниц при появлении чаши со Святыми Дарами.

Горненский женский монастырь. Храм всех Святых, в земле Российской просиявших. Эйн-Карем

Радуйся, в нерукотворенный храм природы сошедшая!
Богоматерь Казанская. Икона работы Симона Ушакова. 1658.

Солнце расписывает храм в золотые и серебряные краски. Идет свет по иконам, по белым стенам, храм на глазах становится легче и уже совсем не дивны предсказания, что в последние времена храмы с молящимися будут возноситься к Царю Небесному. Сияние солнца провеивает храм, замирает в нем, благоговея перед молитвами, а лучи солнца все движутся по стенам и, кажется, что это не солнце идет в небе, не планета кружится, а сама церковь разворачивается и плывет в мироздании и следует небесным, одному Богу ведомым, курсом. Открываются Царские врата, солнце одушевляет зеленые окна алтаря и голубые ступени лампад семисвечия над Престолом. И такое согласие Небес с землею, что вспоминается из акафиста Пресвятой Богородице: «Радуйся, в нерукотворенный храм природы сошедшая».

Школа молитвы

Храм Божий — место нашего спасения, а монастырь — школа молитвы. Мы стоим на службе в Горненском женском монастыре. Великое, судьбоносное место, место встречи двух Матерей: Иоанна Предтечи и Спасителя нашего Иисуса Христа.

Богородице Дево, радуйся, благодатная Марие, Господь с Тобою! (Лк. 1, 28, 41—42)
Херонимо Антонио Эскерра. Посещение девой Марией Елизаветы. XVIII в.

В Горней молитва сильная… Горненский женский монастырь. Эйн-Карем

Горненский женский монастырь. Храм всех Святых, в земле Российской просиявших. Эйн-Карем. Фото DiggerDina.

«Когда Елисавета услышала приветствие Марии, взыграл младенец во чреве Ея; и Елисавета исполнилась Святаго Духа, и воскликнула громким голосом и сказала: благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего!» Как раз эти слова праведной Елисаветы составляют вторую часть Богородичной молитвы. Первую принес от Престола Господня архангел Гавриил: «Богородице Дево, радуйся, благодатная Марие, Господь с Тобою!» (Лк. 1, 28, 41—42).

Для любой православной женщины великое счастье побывать в Горней, потрудиться здесь, а, даст Бог, и остаться. Разные пути в монастырь: от горя, от одиночества или, наоборот, от счастливой благочестивой семьи, кто как, но движимы эти пути одним — спасти душу в молитве и труде. А что такое высший труд, самый трудный? Молитва. И когда говорят о послушании, у кого какое: в саду, на кухне, на уборке территории или паломнических гостиниц, то это видимая часть жизни монахинь. Невидимая и главная — это молитва. Утренняя служба

— четыре часа, вечерняя тоже близко к этому, плюс келейное монашеское правило. У каждой свое, по силам. Поклоны, бдения, чтение кафизм Псалтири. Поочередно, по два часа. За два часа читается по пять-шесть кафизм. Всего их двадцать. Каждая делится на три, так называемые «Славы». После каждой «Славы» чтение записок о здравии и о упокоении. Записки эти все прибавляются, потому что их добавляют паломники и письма со всего света с просьбами о молитвах.

Много я видел монастырских служб и все они благодатны и целебны, но в Горней особенно чувствуется молитвенное прошение перед Господом о судьбах родных и близких и вовсе незнакомых людей, об упокоении душ усопших. «В Горней молитва сильная», — так давно я слышал от старых паломниц.

Школа молитвы в Горней не имеет каникул. Научение молитве как средству спасения здесь практическое, ежедневное. Молитва не может прийти сразу, вдруг. Молитвенности неистово сопротивляется враг нашего спасения: молитва — огонь, отгоняющий нечистого от души. Поэтому враг старается потушить пламя, уводит мысли от молитвы. И нужно усилие, чтобы вернуться от лукавствия мира в мир спасения. Святые Отцы называют три вида искушений: от мира, от плоти, от диавола. Послушницы, инокини, монашенки, ушедшие от прелестей мира, победившие страсти плоти, тем более начинают испытывать нападения от диавола. Молитва их остерегает, просвещает, возвышает ум, укрепляет сердце, закаляет волю. Молитва воздвигает вокруг человека «стены Иерусалимские», ибо она является броней, непробиваемой для диавольских стрел.

Ожидать милости от Бога и нужно и можно, но ожидать не бездеятельно. За что помогать лентяю, бездельнику, пьянице, за что давать здоровье тем, кто его прокуривает, прогуливает. Но, по милости Божией, человеку, начавшему путь спасения с осознания своих грехов, с покаяния, подается помощь свыше.

Здесь, в Горней, особенно ощущаешь восхождение к молитве: от принуждения себя к ней, далее к необходимости ее, и, как награда, невозможность жить без молитвы, радость от нее, награждающая молитвенные труды, и, как венец, — растворение в молитве, непрестанное пребывание в Господе.

Конечно, нам, грешным, далеко до таких вершин, но монастырь дает нам образцы, пример для подражания.

Инокини, монахини — такие же люди, как все мы. Так же болеют, так же расстраиваются, огорчаются. На первый взгляд. Но они знают, что все болезни посылаются за грехи, и поэтому воспринимают болезни как лекарство от грехов, с терпением! В огорчениях они всегда винят не кого-то, а себя. Они живут Святым Духом, в этом все дело. Жить стоит только ради Духа Святаго, иначе жизнь становится бессмысленной.

Молитва — огонь, отгоняющий нечистого от души…
Георгий Победоносец. Икона.

Много деточек причащается в Горней. Кто уже здешний, хотя и русский. Привела бабушка. Говорит: «О то ж я с Украйны, а дочка сюда замуж, а мене выписала в няньки». Многие дети — дети работников по найму и трудников. Когда устают, садятся на маленькие скамеечки. Вихрастый мальчишка у ящика с надписью: «На ремонт храма». Достал пригоршню монеток и по одной опускает. Маленькие — сразу, а большие вначале рассматривает на прощание. Вот ладошка чистая. Лезет ею снова в карман и его выскребает. Очень доволен. Оглядывается на маму, та улыбается и крестится. Около храма после службы девочка Даша показывает другим девочкам птичку из теста. Другая девочка, глядя на птичку, говорит: «Зато у меня книжка про Георгия Победоносца есть».

— Откуда ты?

Девочка глядит на взрослого, бородатого дядю. Он удивляет, как это дядя может не знать, откуда она.

— Я из России приехала.

Трудники

Кто такие трудники? Это переходная ступень от паломника к иночеству. Конечно, не у всех. Да и не все могут принять на себя звание ушедших из мира, слишком многое держит их в этом мире. Но уже и простого паломничества им мало, им хочется как можно долее быть в обители, более помолиться, укрепить силы душевные и духовные и хоть чем-то помочь монастырю своими трудами.

В.Д. Поленов. Христос на Тивериадском (Генисаретском) озере. 1888—1889 гг.

И в самом деле, паломник все равно не успеет многого увидеть — программа паломничества плотная, расписанная по часам, иногда по минутам. Паломники не успевают подробно ознакомиться с обителью, часто не успевают, по времени, спуститься к источнику Божией Матери, откуда Она приносила воду вместе с праведной Елисаветой, живя здесь три месяца. Тем более, паломники не могут, по труднодоступности, пойти пешком в пустыньку святого Иоанна Предтечи, к его источнику и гробнице праведной Елисаветы. А трудники и у источника побывают, и в пустыньке. И с паломниками навестят святые места Тивериады, Вифлеема, Иерусалима, Иерихона, Сорокадневной горы, горы Преображения. Может быть, даже не раз, а два и три побывают на ночной службе у Гроба Господня.

Священники-копты. Иерусалим. 1906

Трудники — это не работники по найму, это бескорыстные труженики во славу Божию. Быть трудником нелегко: попробуй поработай целый день, неделю, две, три на такой жаре. А дисциплина в монастыре строжайшая, и трудники ей подчинены, как и монахини. Ничего нельзя без благословения. Ничего. Это трудно понять мирским людям. Как, и за ограду нельзя выйти? Нельзя. Без благословения нельзя. Плод со смоковницы нельзя сорвать без благословения. На тебя и прикрикнуть могут, и епитимью (наказание) наложить. Все так. Но лица трудников светятся счастьем.

Трудница Лариса уже несла послушание. В Иерихоне. Готовила пищу рабочим, возрождающим обитель. Она — реставратор и иконописец.

— Я давно любила образ преподобного Герасима Иорданского. Не знаю, отчего. И писала его образ. С большим добрым львом. Дарила знакомым. И вот — в Святой земле первый монастырь, куда нас повезли, был монастырь святого Герасима.

После завтрака мать Елена распределяет трудников по рабочим местам.

— На подметаловку! — командует она Ларисе и ее подругам Ольге и Ирине.

Подметаловки в монастыре очень много. Раскаленные солнцем асфальтовые дороги, каменные и мраморные лестницы, вымощенные булыжником тропинки — все это тщательно соблюдается в идеальной чистоте. А вчера эти три женщины корчевали деревья в саду, освобождали маслины от зарослей паразитов. А назавтра они на кухне. Внезапно приезжают паломники из Украины, надо встретить, накормить. И обязательно все они стремятся на церковные службы. Поездка по святым местам им как награда.

Поездки

Кто бы ни сопровождал паломническую группу — матушка Магдалина, или Елена, или Ирина, да, в общем, любая из монахинь, — это не гид, и это не экскурсовод. Это — сестра во Христе, молитвенница. Монахини обладают огромными познаниями по истории святых мест Израиля и Палестины. Свободно, что изумляет, говорят на греческом, иврите, арабском, английском, французском. Потрясенный член группы, бывший полковник, спрашивает:

— Матушка, как же это так, вы по-ихнему рубите?

— Но как же иначе, — улыбается монахиня, — с греками мы служим, арабы и евреи здесь живут, много туристов англичан и французов, приезжают к нам и немцы, и испанцы. Надо же общаться. Так что приходится, как вы говорите, «рубить».

Сопровождение групп, которые живут в Горней, а жить там стремятся все паломники во Святую землю, одно из главных в монастырском служении. Жаль, последние события, столкновения израильтян и палестинцев, между которыми оказались христиане, резко сократили число приезжающих. Хотя надо сказать, что бизнес на туризме приносит доход и

евреям и арабам, и те и другие делают все, чтобы с туристами и паломниками ничего не случилось. По крайней мере, до сих пор посещение Святой земли было безопасным. Да и кто мы такие, грешные, чтоб окончить свою земную жизнь в таком святом пространстве?

Благоухание Горней

Вторым благовещением называют в Горней празднование пришествия Богоотроковицы в Эйн-Карем, в место, где жили святые праведные Захария и Елисавета, родители святого Иоанна Крестителя. Это празднование через неделю после Благовещения. Установлено Святейшим Синодом в 1883 году по ходатайству архимандрита Антонина (Капустина) 12 апреля нового стиля. В далекой России снег, здесь — сияние и благоухание весны. Это надо только представить ту, евангельскую весну, когда Пресвятая Дева услышала у источника в Назарете благую весть, принесенную вместе с белой лилией архангелом Гавриилом. Он возвестил о рождении Сына Божия Девой Марией. Он сказал, что и родственница Ея Елисавета, несмотря на преклонные годы, ожидает ребенка. Святая Дева решила пойти к Елисавете. Она никому не сказала о том, что возвестил Ей архангел. Нужна была причина пойти в Эйн-Карем, и она была. Дева Мария трудилась для Иерусалимского храма, вышивала покровцы, вязала четки. Обычно Она просто передавала свою работу с кем-то, а тут попросилась пойти Сама. Тем более, приближалась Пасха. Святой Иосиф Обручник, убедясь, что в Иерусалим Она идет не одна, отпустил Ее.

«Вставши же Мария во дни сии, с поспешностью пошла в нагорную страну, в город Иудин, и вошла в дом Захарии и приветствовала Елисавету. Когда Елисавета услышала приветствие Марии, взыграл младенец во чреве ея, и Елисавета исполнилась Святаго Духа, и воскликнула громким голосом и сказала: благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего! И откуда это мне, что пришла Матерь Господа ко мне?.. Пробыла же Мария с нею около трех месяцев, и возвратилась в дом Свой».

Архимандрит Антонин. Портрет. XIX в.

Мы не знаем, дождалась ли Святая Дева рождения Иоанна, подержала ли его на Своих святых руках, но по времени получается: Рождество святого Иоанна — 7 июля нового стиля. Когда думаешь о его жизни, поражаешься его мужеству, молитвенности, вообще образ его так велик, что вмещается только в сердце, и недоступен разуму. Ведь он остался совсем сироткой в самые малые годы. Убили отца, и они с матерью бежали от Ирода, скрывались в пещере. Вскоре умерла и святая Елисавета. Горная косуля вскармливала младенца, Ангелы убаюкивали его, учили грамоте, Священному Писанию.

— Как же такой крошка жил один? — спрашивает неведомо кого паломница, стоя с другими у пещерки святого. — Без мамы, без отца. — И сама же отвечает: — Но это лучше, чем без Ангелов.

Пресвятая Дева ходила за водой к источнику, который так и называется — источник Девы Марии. Сейчас источник под кровлей, рядом стоянка машин, и очень трудно представить, как приходила сюда за водою Пресвятая Дева, хранившая в сердце Своем, вырвавшиеся из него слова: «Величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасе Моем, что призрел Он на смирение рабы Своей…» (Лк. 1, 47—48).

Икона Благовещения привозится из Троицкого собора Русской миссии к источнику. Здесь служится первый молебен. Начинают звонить колокола. Икону несут на руках, вначале игумения с кем-то из сестер, затем, поочередно, сестры. Идут по ковру из цветов. Колокола не смолкают.

Икона вносится в храм, ставится в центре на специальном постаменте. Над иконой бело-голубой небесный покров. Около иконы игуменский жезл. С этого дня, входя в храм, сестры вначале берут благословение у Божией Матери, потом у игумении. Так три месяца. Это символ тех трех месяцев, которые жила здесь Пресвятая Дева.

Величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасе Моем, что призрел Он на смирение рабы Своей… (Лк. 1, 47—48)

Пресвятая Дева Мария с младенцем и ангелами. Фото Zvonimir Atletic.

Будет ли достроен собор Святой Троицы?

При архимандрите Леониде (Сенцове), в начале XX века, был заложен собор Живоначальной Троицы. Когда смотришь на пространство, занятое собором, на мощь стен и перекрытий, то испытываешь огромное желание, чтобы созидание этого величественного здания во славу Божию было завершено. Вот уже сто лет, как он был начат, а все не окончен. Понятно, что окружающие нас другие конфессии ревнивы к нам, и понятно, что такой собор станет и архитектурным и духовным центром Эйн-Карема. Иначе как объяснить, что свершаются всяческие юридические оттяжки и не дается разрешение на окончание строительства.

Будем верить, что собор будет завершен. Он в верхней части монастыря, перед дорогой. И еще недавно территория и за дорогой была наша. На ней возвышалась башня, которая, как маяк, указывала путь в Горнюю. Теперь это Израиль. А госпиталь «Хадасса», выстроенный женской сионистской организацией, — это тоже владения монастыря.

Снизу нас плотно подпирает католический монастырь «Целование». На границе с ним православный пещерный храм святого первомученика, первомонаха, первоапостола, последнего пророка Ветхого Завета, первого пророка Нового Завета, славного Предтечи пришествия Иисуса Христа — Иоанна Крестителя. Здесь был дом святых праведных Захарии и Елисаветы. Очень трогательны и молитвенны службы в этом храме 7 июля в день Рождества

святого и 11 сентября в день Усекновения его главы, по новому стилю.

Будем молиться за монахинь

Жизнь в Горней очень нелегкая. Ночами воют шакалы, и бесстрастная ночная хозяйка монастыря Найда гоняет их. Заползают змеи. Случаются тарантулы. По сеткам, закрывающим окна, бегают ящерки. Часто дует хамсин, горный ветер, приносящий тончайшую пыль, вредную для легких. Зима — это влажность, вызывающая простудные заболевания. И постоянная работа, несмотря ни на что.

Будем поминать матушку Георгию с сестрами. Дай Бог, чтобы от наших молитв им становилось бы немножко легче. Но когда начинаешь сочувствовать сестрам, они дружно возражают:

— Что вы! Здесь так хорошо. Здесь всегда что-то цветет.

— А что?

— Почти всегда бугенвиллия, бордовая, белая и розовая. А в феврале цветет бело-розовыми цветками миндаль… Это незабываемый аромат! Оливы цветут скромно и запах скромный, а приглядишься — такая красота. В апреле-мае цветут кактусы — цветы у них огромные, листья колючие и толстые, как лопухи. А уж когда зацветают олеандры!.. Ой, анемоны забыла, это же почти зимой, в церкви на Прощеное воскресенье обязательно анемоны. А в марте — маки. Крупные, сантиметров двадцать в диаметре. Летом жарко, цветения меньше, но травы, когда сохнут, так дивно пахнут… солнцем, горами, небом.

Смоковница Закхея. Иерихон

— А смоковница как цветет?

— Очень незаметно. А поглядишь — уже и плоды. Наши смоковницы не обманывают, плодоносят.

— А вы давно здесь? — спрашиваю одну из монахинь.

— Ой, — говорит одна из них. — По земному-то, может, и давно, а у Бога хоть бы один денек.

Кирие, элейсон!

Наши совместные службы с православными греками постоянны на Святой земле. Монахини Горней знают многие греческие песнопения и, конечно, всю литургию. Но уже и греки, взятые в плен красотой церковно-русского языка, понимают наши службы. Молитвенный припев: «Кирие, элейсон» — «Господи, помилуй» — на литургии оглашенных и литургии верных, сменяется благословением греческого епископа, которое он возглашает

по-русски: «Мир всем!» И монахини отвечают также по-русски: «И духови твоему!»

Горненское пение — оно не какое-то особенное, оно — молитвенное, растворенное в молитве. Безыскусно, без каких-либо ухищрений, модуляций прямо из сердца льется ручеек молитвы. Очень нежно, трогательно, ангельски. Часто кажется, что с монахинями поют дети. Нет, это подпевают Ангелы.

Последний раз паломники слышат монашеское пение после последней трапезы, в трапезной. По традиции монахини поют для паломников давний стих «Прощание с Иерусалимом»:

«Сердцу милый, вожделенный
Иерусалим — святейший град,
Ты прощай, мой незабвенный,
Мой поклон тебе у врат…
Правдой землю ты наполнил,
Возвестил Христов закон,
Нам же живо ты напомнил,
Что в тебе страдал Сам Он.
Этим сердцу ты дороже,
Выше всех мирских красот.
Как я счастлив, дивный Боже,
Видеть верх Твоих щедрот».
И Иерусалим отвечает:
«Прощай и ты, любимец мой,
Счастливый тебе путь.
Когда приедешь ты домой,
Меня не позабудь».

Надо ли говорить, что слезы льются из глаз и паломников, и монахинь. Невелик срок — десять или двенадцать дней, но как все сроднились, стали навсегда близкими душевно и сердечно.

Н.А. Кошелев. Не плачьте, дщери Иерусалимские! 1899. Картина в церкви Святого Александра Невского на Александровском подворье в Иерусалиме

Место спасения души

Диавол властвует в мире. Деньги, похоть, гордыня. Чрево вытесняет душу. Музыку Небес глушит грохот преисподней. Но Господь не оставил любящих Его. Такие места, как Горняя, — это места нашего спасения. Надо помогать Горней. Как? Как получится. Но главное — молиться за нее.

Небесный Ангел-Хранитель монастыря, конечно, святой Иоанн Креститель. Он являлся уже не одной игумении монастыря, благословляя на труды и дни. А еще монастырь незримо хранят усопшие здесь и преданные здешней сухой земле монахини. Особенно почитается могилка двух монахинь, матери и дочери, Вероники и Варвары. На могилке их всегда горит золотистая лампадочка. Это мученицы уже нашего времени. Совсем недавно они были зверски убиты. Кем? Слугами сатаны. Которые не пойманы доселе. Да и вряд ли кто их и ловит.

В храме идет вечерняя служба. Подъезжает опоздавший мужчина. Он русский, женился

несколько лет назад на еврейке. Уже дети.

— Конечно, тоскую по Родине, — говорит он. — А куда денешься, по любви женился. Езжу раз в два года. А сегодня опоздал, потому что жену на шабат отвозил. Я ж водила. Что в Союзе был, что тут. Но тут на дорогах больше хамства.

Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу (Рим. 8, 28)

Горненский женский монастырь. Храм всех Святых, в земле Российской просиявших. Эйн-Карем. Фото Simply rose.

Да. Сегодня пятница, канун иудейской субботы. Это значит, что из еврейского селения, что за источником Пресвятой Девы, будет всю ночь доноситься гром и грохот децибелов музыки шабата.

— Так и живут, — весело говорит мужчина. — Тут один поэт еще из Союза приехал, сочинил фразу, теперь все повторяют: «От шабата до шабата брат обманывает брата». Я же здесь, если бы не монастырь, волком бы завыл.

Перед сном игумения благословляет одну из монахинь обойти монастырь по всему периметру. Монахиня идет с иконой Божией Матери. Встречные благоговейно прикладываются к святому образу.

В храме читается Псалтирь. Монахини расходятся по кельям. Легкий ветерок летит сквозь колокольню, ему еле слышно откликаются колокола. И только, может быть, голубочки слышат эти тихие звуки. Да Ангелы.

Щит на вратах Царьграда

Собор Святой Софии. Стамбул. Фото Simm.

Собор Святой Софии. Стамбул. Фото Truиmаn.

Царьград, Византия, город императора Константина, Константинополь, Стамбул… Как ни назови тебя, а все стоит в тебе храм святой Софии, в котором крестилась святая равноапостольная княгиня Ольга, в котором слушали литургию русские послы и не знали, где они: все еще на земле или уже на небе. Здесь причастилась на дорогу в неведомую, но уже родную Русь сестра императоров Византии Анна, уезжавшая в жены Владимира, великого князя северной, загадочной страны.

София! Обступили тебя как штыки исламские минареты, превратили тебя в музей, но как же рвется к тебе сердце, как хочется молиться на твои алтари и представлять, где же то место стены, куда ушел православный батюшка, вышедший с причастной чашей к молящимся, а в это время в храм святой Софии ворвалась турецкая конница. Ушел священник в камни, они сомкнулись за ним, спасая тело и кровь Христовы, и мы верим — выйдет батюшка и дослужит православную литургию.

С первого раза я не смог попасть в храм святой Софии. Три года назад я трое суток глядел с корабля на храм. Но на берег турки не пустили. Причем держали в Босфоре и брали за это деньги. За что? За то, что занимаем место на рейде. А не пускали почему? Не были согласны с нашей политикой в Чечне. Нынче они с ней согласились и пустили. А тех, кстати, кто ехал к ним за товарами, они пускали всегда. Но это к слову.

Махмуд

Нам дали причал. Понятно наше волнение. Вот он, Царьград. Где-то здесь шли к нему поставленные на колеса суда киевского князя Олега, где-то тут залив, в который опустили покров Божией Матери. И Живоносный источник. И церковь святой Ирины, в которой был Второй Вселенский собор. Все надо увидеть, успеть посмотреть за два дня. Огорчения начались сразу. В Стамбуле нет православных экскурсий. Нас встречал и стал сопровождать Махмуд, энергичный и бесцеремонный. Интерес его был один: русский женщин! «О, — говорил он, закатывая глаза, — русский женщин — это конец света».

Но был у Махмуда и другой конек — это главенство и первенство Турции во всем. Конечно, в Турции все было лучшим: вино, рыба, масло, архитектура. Турция вообще была, по Махмуду, колыбелью цивилизации. То, что и Ева турчанка, это уже было понятно. Но когда Махмуд договорился до того, что и Великая китайская стена построена турками, мы начали смеяться. Махмуд, считая, что мы смеемся от счастья приобщения к Турции, продолжал:

— Да, великая стена построена нами, чтобы спасти мир от кочевых племен Азии.

Мы, как спасенные турками от китайцев, должны были это прочувствовать. Завтрак был, как объявил Махмуд, в старинной турецкой таверне. Если учесть, что и таверна — слово далеко не турецкое, и принять во внимание то, что в таверне по периметру были расставлены тульские самовары и рязанские прялки, то из турецкой старины нам досталось немного.

Герберт Коул. «Ангел являет Юстиниану образ собора Святой Софии». Иллюстрация. 1912

Амадео Прециози. Улицы Константинополя. 1868

В отношении религии Махмуд был прост. Он сразу изложил три тезиса: был пророк Муса (Моисей), он получил от Бога закон. Но люди, что с них возьмешь! Плохие были люди, не послушали Мусу, поклонились золоту. Значит, тогда что? Значит, Бог послал пророка Ису (Иисуса), Иса принес заповеди. И опять люди не вразумились. Вот уже тогда, вот уж тогда-то и пришел он, пророк Мохаммад, и принес великий закон. И все в мире будет о’кей, когда люди послушают Мохаммада.

Мы пробовали возразить:

— Моисей и Магомет — пророки, но Иисус Христос — сын Божий.

Но разница эта была недосягаема для понимания Ахмедом.

Мы стояли на главной площади перед гигантской мечетью, в которую, оказывается, вход был обязателен. Но начиналось время дневного намаза, уже кричал муэдзин на минарете, вернее, не муэдзин кричал живьем, а передавалась запись его голоса, усиленная стократно.

— Алла, бисмалла и т. д. Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет — пророк его.

В святой Софии

Нехорошо, неудобно заходить в чужой храм во время службы, объяснили мы и стали проситься в храм святой Софии, превращенный в музей. Ахмед вынужден был согласиться. Надо сказать, что наша паломническая группа не выходила на берег без иконы святого Всехвального Первозванного апостола Андрея. И в этот раз она была с нами. Нести ее выпала честь мне, грешному. Ахмед ничего не говорил, но все как-то на икону косился.

Его косые взгляды я понял, когда охрана у храма святой Софии встала на дороге и запретила нести икону. Почему?

— С портретом нельзя, — перевел Ахмед.

— Какой же это портрет, это икона.

— Тем более нельзя. Это музей.

— Но мы все с крестами, — возмутилась одна из паломниц. — А у меня еще и образок Божией Матери. Вот. Это что, портрет?

Мы не захотели оставить икону в комнате охраны и согласились на то, что прикрыли ее шелковым платком одной из паломниц. Что-то в этом все-таки было унизительное. Мы вступали под своды величайшей святыни Православия, и нам запрещали войти с иконой. Нам тут же еще внушали, что турки очень благородно сохранили Аль-Софию, а ведь могли бы разрушить.

Крещение княгини Ольги в Царьграде. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Ахмед передал нас с рук на руки Мустафе, гиду по внутреннему интерьеру, как тот представился. Мустафа тоже очень нажимал на благородство турок. Вопрос же — показать место, где турки убили последнего византийского императора, а убили они его именно в этом храме, вопрос этот Мустафа не расслышал.

— Ничего не тронут, — восклицал Мустафа, — все цел, полный реконструц, исторический подлинник, абсолют!

Но, конечно, какое там не тронули. Огромные щиты с именами калифов утяжеляли стены. Обкрадывали пространство. В храме было многолюдно и шумно. Да, не хочу говорить: в музее. Мы подошли к месту Крещения святой равноапостольной Ольги, во Святом Крещении Елены, сняли покрывало с иконы святого апостола Андрея. Именно андреевский крест, воздвигнутый над водами Днепра, на месте Киева, привел нашу святую княгиню, уроженку псковских земель, в Константинополь.

Батюшки, поддержанные нами, пропели величание: «Величаем тя, святая благоверная княгиня российская Ольга, и чтим святую память свою, ты бо молиши о нас Христа, Бога нашего». Пропели трижды. И раз от разу пели все согласнее, все молитвеннее. Турок, офицер охраны, приставленный к нам, не только ничего не сказал, но, тронутый — не словами, которых он не понял, а чувством, которое было высоким и искренним, — показал жестом, что можно более не прикрывать икону. И поклонился ей.

Незабываемы фрески второго яруса храма святой Софии. Деисусный чин такой чистоты и первозданности, такой проницательности, что ничего и говорить не надо. Так смотрят на тебя Спаситель и Божия Матерь, и святой первомученик, первоапостол, первый пророк Нового Завета, Предтеча второго пришествия Христова Иоанн Креститель, настолько им все про тебя известно, что остается только расплакаться от лицезрения вечности этой чистоты и святости и от своей греховности.

Да. Но кто в храме плачет, а кто и промышляет. У одной из женщины нашей группы украли из сумочки кошелек, у другой просто срезали всю сумочку. Оставив на память

черезплечный ремешок.

Махмуд и Мустафа и внезапно появившийся их третий друг Зия очень переживали.

— С чем же вы пойдете на базар?

— На какой базар?

— Как какой? — воздевали они руки. — Главный базар для Азии и Европы.

Центральный вид северного нефа собора Святой Софии в Константинополе. 1852

По их мнению, это была основная достопримечательность Стамбула и венец желаний всех туристов. Они никак не могли отличить паломника от туриста и понять разницу. Они по-прежнему, уже втроем, старались смешить группу.

— А ведь не только у мусульман несколько жен, в Европе тоже. Только там вторую жену зовут секретарша. — Ну и тому подобные шутки. Они, оказывается, и не знали, а может, просто не хотели знать, где же православные святыни Стамбула.

Но, слава тебе, Господи, к группе подошел сотрудник нашего посольства, осведомленный о нашем приезде, выслушал наши просьбы и обещал все уладить.

— Вообще я бы посоветовал посетить рынок, это интересно. Тем более это включено в маршрут. А слово «маршрут» для гидов это то же, что для немцев «орднунг». Завтра повезем вас к Живоносному источнику. Повезет отец Корнилий, попросим. Батюшка редчайший.

«Мамом клянусь! Папом клянусь!»

Если на объектах культуры Махмуд скучал, торопливо и неразборчиво говорил о мавританском и византийском стилях, стрелял очередями дат и фамилий, то к главному, по его мнению, объекту — восточному базару, рынку, караван-сараю — вел очень энергично. Кстати, сарай по-турецки — дворец. Наши, явно не лишенные чувства юмора предки, сараем назвали сооружение для хранения сена или какого-либо хлама.

Этот караван-сарай в Стамбуле так огромен, так необходим (в том смысле, что его

невозможно обойти), так оглушительно криклив, что на первый раз теряешься в его улицах и переулках, в его пестроте и запахах.

— Держи карман! — весело напутствовали Махмуд, прощаясь с нами на три часа, а вернее, просто бросая нас на опустошение тощих паломнических кошельков.

Нас встречали изображения и скульптуры и языческого бога торговли Меркурия с куриными крылышками на бронзовых сандалиях (вот, мол, мы какие древние), встречала и Фемида с завязанными глазами и аптекарски точными весами в руках (вот, мол, какие мы честные, не обманем), встречали и надписи на многих языках, и крупнее всего на русском, о том, что Бог благословляет торгующих. Но нигде не было гарантии, что торгующие не будут тебя обманывать. А они обманывали, причем все. Конечно, может, и грешно называть продавцов Востока жуликами, но что делать, если это правда. Жулики. Причем веселые жулики. А кого и обманывать этим жуликам, как не русских. Мы люди доверчивые, вот и едем кормить Средиземноморье.

Но вообще я бы посоветовал избрать такую форму общения с этими веселыми жуликами. Тут ни турецкий, ни арабский, ни еврейский знать не обязательно. В формуле: деньги — товар — деньги язык отсутствует. Ты показываешь вещь, тебе показывают на пальцах стоимость. Ты делаешь жест недоумения (удивления, возмущения, брезгливости, наконец) и идешь дальше. Тебя хватают за руку и начинается торговля. Если не хватают, еще лучше: такой же товар попадется за ближайшим поворотом.

Лучше, когда цену напишут на бумаге. Писать цифры они умеют. Например, 100: Ты ее зачеркиваешь и пишешь: 20. Он возмущенно вздевает руки. Ты пожимаешь плечами, уходишь. Тебя хватают за руку. Если не хватают, то хорошо: ты узнал, что за вещь, нужную тебе, просят сто. Ты эту вещь видишь снова, и снова тебе пишут, сколько хотят с тебя содрать. Ты снова уменьшаешь их требования в пять раз и стоишь, не тратя нервы. Все равно, в любом случае, вы эту вещь купите. И все равно — увы! — эти жулики вас обманут. Просили сто, вы, понемногу уступая, купили за сорок. Стоит она десять.

Собор Святой Софии. Стамбул

Самое интересное в восточном базаре, что на продавцов не сердишься, зла не держишь. Тебе показали спектакль. За твои, конечно, деньги. Но показали. И сыграли только для тебя. О,

как клялся он папом и мамом, как швырял на камни базара свою тюбетейку и топтал ее и потом, показывая, что вы его считаете ниже пыли и праха, надевал на голову. Как показывал рукой своих маленьких детей: «Малай, минога малай!» И уж, конечно, только вы будете виноваты, что эти малай умрут с голода. И почему: «Ви такой жесток, да?» Но надо быть спокойным. Тем более если вы уже держите деньги в руке и он уже увидел их краешек. Не вы, а он на крючке. Вообще, конечно, диковинна для нас восточная любовь к деньгам. Видывал я не раз, как, получив крупную купюру, торговец в экстазе целовал ее, прижимая к сердцу, и делал плясовые движения.

После того как покупка свершилась, вы — друг торговца на вечные времена. Вы, ваши дети, внуки, соседи, все, кто будет в Стамбуле, пусть приходят к Ахмеду, всем будет скидка. «Аллах свидетель!»

И самое интересное, что вспоминаешь потом этого Ахмеда с улыбкой. Аллах свидетель.

Живоносный источник

Наутро мы встретились с отцом Корнилием. Автобус двинулся вдоль Босфора. Пролив сверкал на солнце и пестрел полчищами ползущих судов, суденышек и похожих на мотоциклы катеров. Все время мы застревали в уличных заторах. Чтобы не допустить праздных разговоров, отец Корнилий прочел трогательное, поучительное повествование из путеводителя по Константинополю XIX века, повествование о битве змеи с орлом. Они бились, орел пытался взлететь, но змея обвилась вокруг орла, и они взлетели вместе. Потом вновь оказались на земле. Сбежались люди, убили змею, освободили орла.

— Это иносказательно об испытаниях веры православной и о защите ее христианами, — сказал отец Корнилий. — Проезжаем как раз место Золотых ворот, именно тут и был щит на вратах Царьграда. Именно недалеко от этого места была платановая и кипарисовая роща, посвященная Пресвятой Богородице. По этой роще проходил воин Лев Маркел и увидел слепого человека, совершенно беспомощного. Человек ощупывал перед собой воздух и громко взывал о помощи, просил пить. Но где взять воду? И вдруг раздался голос: «Царь Лев, вода пред тобою. Войди в рощу, там источник. Напои жаждущего и возложи на его глаза тины от источника. Потом ты здесь воздвигнешь храм». Потрясенный воин так и сделал. И только потом он вспомнил, что голос назвал его не воином, а царем. Но именно так и было потом. Событие обретения Живоносного источника было в 450 году четвертого апреля старого стиля в царствование императора Маркиана. Он правил Византией, может быть, больше всех — 66 лет, а его сменил ставший императором, царем Византии Лев Маркел. Да, и он построил над Живоносным источником величественный храм. Через сто лет водой источника был исцелен благочестивый император Юстиниан Великий, страдавший водяной болезнью. — Отец Корнилий вздохнул. Мы снова стояли, окруженные стадами машин. Но вздохнул батюшка не от этого. — В XV веке Царьград попал в руки магометан. Знаменитый храм «Живоносный источник» был разрушен, камни его пошли на стройку мечети султана Баязета. Окрестности храма были превращены в мусульманское кладбище. Даже и к развалинам запрещали подходить — стояли турецкие посты. Мало-помалу строгости смягчились, турки разрешили христианам построить тут маленькую церковь, но и ее разрушили в 1821 году. А источник снова завалили щебнем и песком. Но даже и на обломках церкви Божия Матерь являла чудеса исцелений. При султане Махмуде вновь был выстроен храм, который с великим торжеством освятил вселенский патриарх Константин в 1835 году. Храм этот стоит и доныне. Теперь уже и магометане относятся с огромным уважением к храму, берут из источника святую воду. Не исчесть чудес, проистекших от иконы Божией Матери «Живоносный источник». В России наиболее чтимые ее списки в Москве, Астрахани, Липецке, во многих местах. Общеправославное почитание иконы происходит в пятницу Светлой пасхальной седмицы. Вот и приехали! — воскликнул отец Корнилий.

«Богоматерь Живоносный Источник». Копия иконы Панагия Аргокилиотисса, найденной на греческом острове Наксос

Тихвинская икона Божией Матери. XV—XVI вв.

Необыкновенно отрадна вода источника. В нем плавают золотые и красные рыбки. Говорят, это те, которые, будучи уже пойманными и положенными на раскаленную сковородку, вдруг ожили, чтобы посрамить маловеров, усомнившихся в целебности воды. Рыбок взяли со

сковородки и пустили в воду. Они ожили. Храм иконы Божией Матери «Живоносный источник» утопает в цветущей зелени. Прямо до того тут хорошо, что не хочется уезжать.

Но ведь надо, непременно надо побывать во Влахерне, этом великом месте, в этой, второй, если можно так выразиться, родине Тихвинской иконы Божией Матери. Это она в России стала Тихвинской, явившись в русских пределах в княжение Димитрия Донского, а сюда, во Влахерну, была принесена из Иерусалима в V веке царицей Евдокией. Ее наименование «Одигитрия» — путеводительница. Не счесть чудес, Ею изливаемых, не счесть ее чудотворных списков. Именно для нее был построен Влахернский храм.

Вместе обсуждаем и радуемся радостной вести о том, что икона Тихвинской Божией Матери скоро вернется в Россию. Увезенная в Великую Отечественную войну вначале в Германию, потом в Америку, она отыскалась в семье благочестивого священника. Он уже приезжал, смотрел на возрождение Тихвинской обители и заявил: как только возрождение свершится, великая православная святыня будет возвращена на свое место. Об этом недавно написано в «Парламентской газете».

Влахерна — некрополь константинопольских патриархов, здесь мощи жен-мироносиц Евфимии, Стефании, Саломии. В храме после духоты летнего дня, после шума машин, толкотни на улицах, особенно после вчерашнего рынка тихо, прохладно, отрадно очень. Православные знают эти счастливые для сердца и души минуты, когда тихонько затепливаются свечи перед иконами, когда местные священники и наши батюшки договариваются о порядке молебна, и вот — выходят певчие, к ним присоединяются наши, и мы своими молитвами продолжаем идущее из сияния первых веков христианства прославление Божией Матери.

Родина праздника Покрова Божией Матери

А еще Влахерна дорога для православных тем, что именно здесь Царица Небесная явила свое заступничество православным. Это было в первой половине X века. Царьград осадили сарацины. Греки молились. Во Влахернском храме служили всенощную. На нее всегда ходил блаженный Андрей, родом славянин. Его сопровождал Епифаний, юноша, которому было открыто Христа ради юродство святого Андрея.

В четвертом часу утра блаженный Андрей увидел идущую от царских врат Царицу Небесную в сопровождении святых Иоанна Крестителя и апостола Иоанна Богослова. Окружало Пресвятую Богородицу множество святых в сияющих одеждах.

— Видишь ли Госпожу и Царицу мира? — спросил святой Андрей.

— Вижу и ужасаюсь, — ответил Епифаний.

Пречистая преклонила колена пред алтарем и молилась. И слезы текли по ее ланитам. Затем она удалилась в алтарь и долго молилась там. Затем вышла оттуда в сиянии славы и распростерла над молящимися свое головное покрывало — омофор. Вскоре сарацины отступили.

По другим преданиям, Покров Пресвятой Девы вынесли и погрузили в воды пролива. Ветер разметал корабли неприятеля.

Праздником Покрова мы обязаны во многом святому благоверному князю Андрею Боголюбскому. Он выстроил первый на Руси храм в честь праздника Покрова на реке Нерль, недалеко от Владимира. И обязательно в этот день бывает легкий снежок. Или слабый ласковый дождик. Или светлый туман опустится на многострадальную землю, напоминая о покрове Божией Матери.

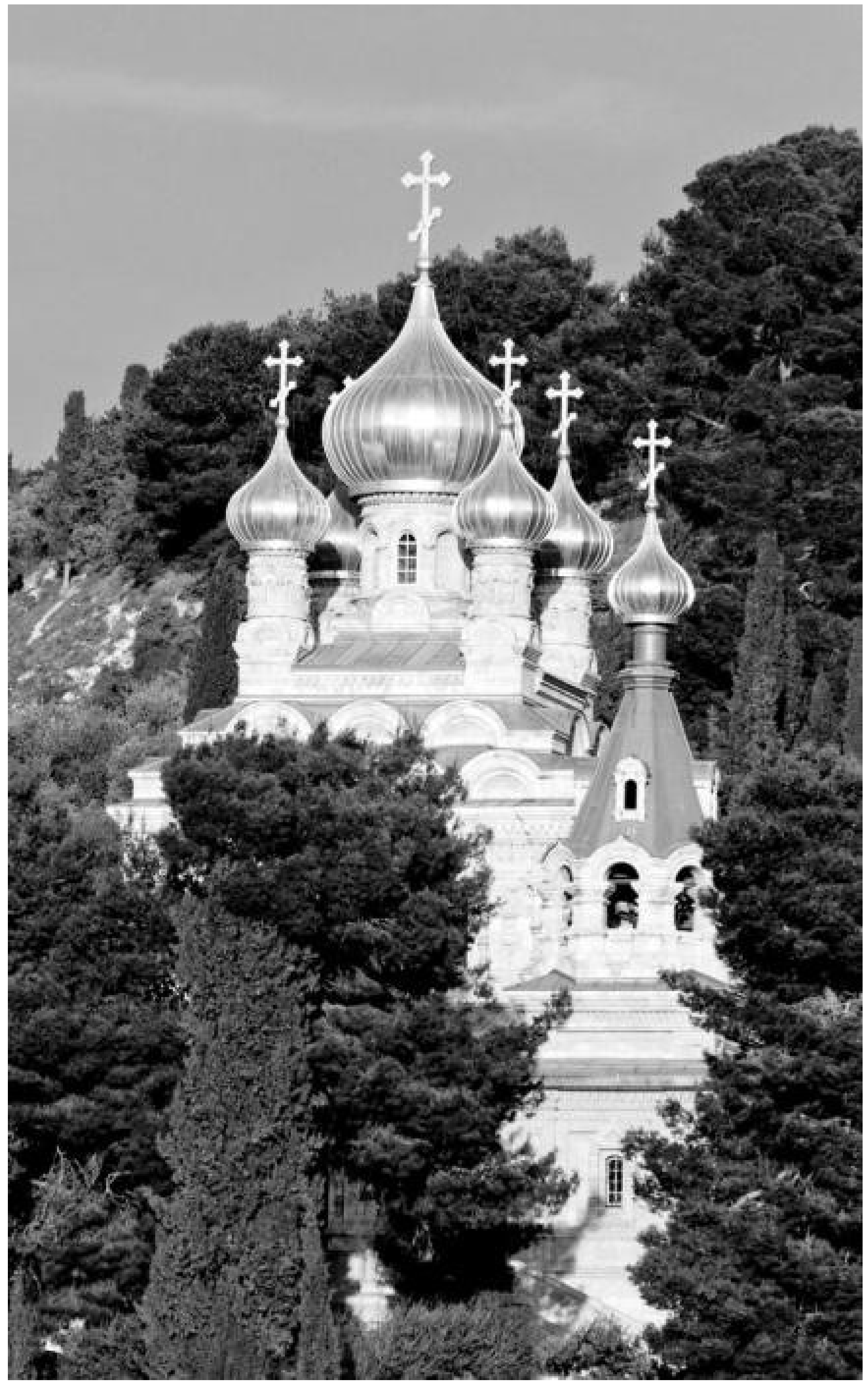
Покров Пресвятой Богородицы. Новгородская икона. 1401—1425 гг.

Прощай, Стамбул! И да живет в наши душах Царьград, столица Византии, город, успевший передать нам чистоту Православия, нетварный свет Фавора, неповрежденность Христова учения, апостольских преданий. Город храма святой Софии, Влахернской иконы Божией Матери, иконы «Живоносный источник», город подворья Свято-Пантелеимонова монастыря, чудотворной иконы Владимирской Божией Матери. Какое счастье, что уже не тлеет, а светится в тебе огонь Православия.

И как иначе? Православие пришло в мир, чтобы дать смысл его существованию. Конечно, несколько православных храмов — это не шестьдесят. Столько их было в начале XX века, но и жаловаться грех. Уже одно то хорошо, что Царьград доступен для посещения, и то, что здесь мы приобщаемся к истории Православия — это радость. Именно здесь были знаменитые константинопольские соборы, осудившие ереси Ария и Евтихия, именно здесь было решение о патриаршестве на Руси, именно эти берега, эти тесные улицы топтали тьмы и тьмы паломников из России. Мы идем по их следам. Слава Богу!

Пора на корабль.

Да не усну в смерть!

Церковь Святой Марии Магдалины в Иерусалиме. Фото Idobi.

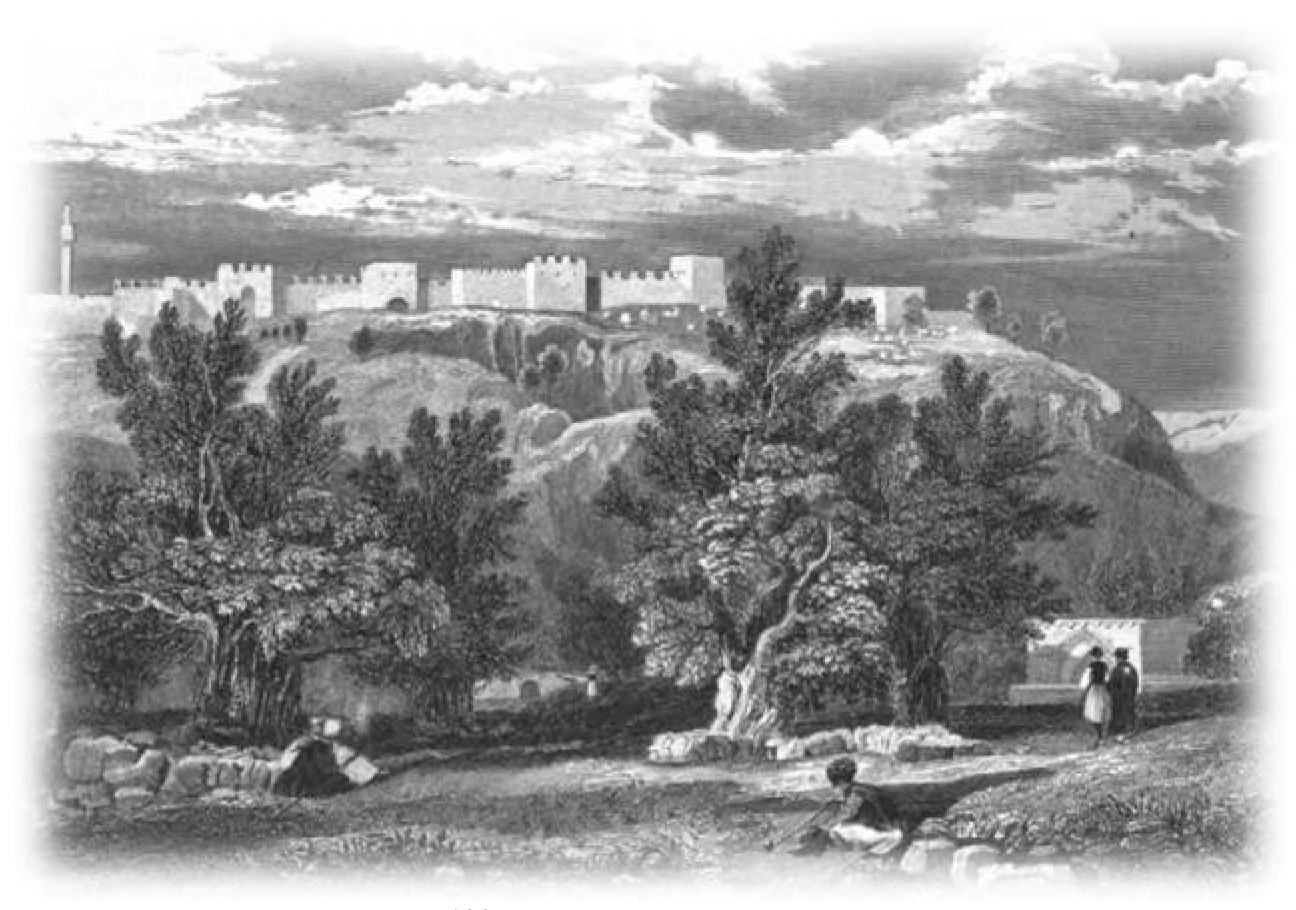
На Святой Земле

Монастырь Святого Креста. Иерусалим.

Подарок монаха — темно-красные четки из крепких суровых ниток были со мною на Святой земле. Как они дивно благоухали, впитав в себя запахи Камня Помазания, мироточивых икон, освященного масла Фавора, они хранили прикосновение к камню Распятия на Голгофе, к граниту Сорокадневной горы, к прибрежному песку Иордана, к следу от стопы Спасителя на горе Вознесения, они уже сами стали малой частичкой Святой земли.

Но сколько ни живи в Иерусалиме, все будет как мгновением. И вот уже самолет, как перелетная птица, летящая на север, возносит меня над Яффой и устремляется к синей воде Средиземного моря. Снежные облака остаются стеречь святые пределы, вот и вода, в ней отражаются редкие тучки, стоящие над своей тенью. Какая грусть! Какая печаль ради Бога. Достаю из нагрудного кармана четки, вдыхаю их утешительный запах. Так отрадно, так спасительно перебирать узелочки. И читать открытую Псалтырь:

Елеонская гора. Иллюстрация. 1837

«Пойдут от силы в силу; явится Бог богов в Сионе. Господи, Боже сил, услыши молитву мою… яко лучше день един во дворех Твоих паче тысящ… Яви нам, Господи, милость Твою, и спасение Твое даждь нам»… И вот это место, будто специально написанное для чтения в пространстве меж небесами и землей: «Истина от земли возсия и правда с небесе приниче, ибо Господь даст благость, и земля наша даст плод свой». (Пс. 83, 84)

Да, так. Побывавший в Святой земле уже больше ничего не хочет, как только снова вернуться сюда. Здесь наше спасение, здесь Святая Русь. Знающий Священное писание, любящий Евангелие, Деяния и Послания святых апостолов, даже приехавший сюда впервые, ощущает небывалое счастье того, что он не открывает Святую землю, а вспоминает ее. Да, он был здесь, был сердечными очами, когда слушал в церкви Евангелие, читал его сам, когда вникал в творения святых отцов. Он вспоминает эти места, взирая на них очами телесными. Душа его была здесь и еще будет, когда, прощаясь с землей, навестит те места, где была безгрешна.

Молитвенный запах четок потихоньку истончается, улетучивается и, хотя я понимаю, что это неизбежно, что его не убережешь, но все равно как-то вздыхается. Утешаю себя тем, что много у меня и других знаков пребывания на Святой земле. Вот камешек со дна Иордана, вот веточка маслины с Елеонской горы, вот камешки с Фавора, вот листочек от дерева в Иерихоне, на которое вскарабкался маленький ростом Закхей, чтоб видеть Спасителя, вот пузырьки с маслом, освященным на Гробе Господнем, у погребальной пещеры Божией Матери, вот флакончик с хвойным маслицем из монастыря Святого Креста. И многое-многое другое. Рубашка, в которой уже несколько раз погружался в целебные воды Иордана, свечи, обожженные Благодатным огнем, бутылочки с водой источников Божией Матери в Назарете и в Горней, от источников святых Онуфрия и Георгия Хозевита, и Герасима Иорданского. Ветки, листья, шишки. Что-то уже раздарил, что-то уже убыло или даже куда-то исчезло…

И легко было бы сказать: вот так и проходит все, так исчезает память, заносится, как песком, новыми впечатлениями, суетой жизни, делами, вроде бы важными, но так говорить нельзя. Почему?

Георг Макко. Храм Гроба Господня. Иерусалим. 1933

В моей жизни и вообще в жизни того, кто побывал на Святой земле, свершилось главное событие. Может быть, ради этого я и жил: был на Голгофе, причащался у Гроба Господня. И это — в сердце. Это не понять головой. Она не может вместить всех впечатлений от пребывания на земле Спасителя. Никому не запомнить такое обили имен, фактов, дат, событий, о которых узнаешь, и об этом даже и печалиться не надо. Вся надежда на сердце — оно вместит, оно сохранит, оно спасет. Только лишь бы самому не затемнить сердечную чистоту. Как?

— Молитвой чистить душу и сердце, молитвой, — говорит монахиня. — Чистые сердцем Бога узрят. И при жизни многие сподобились видеть то, что здесь всегда на Святой земле.

— Что всегда?

— Ну, вот, например, Благодатный огонь, свет Фаворский. Мы его видим в ночь на Преображение, а он всегда над Фавором, всегда. И молитвенники видят, и им не удивительно… Так и благодатный огонь, он всегда у Гроба Господня. Я еще помню старца Игнатия, и он всегда служил Литургию в Хевроне. Служил и видел Святую Троицу под Мамврийским дубом. Правда, еще дуб был зеленый. А в Горней матушка игумения Софрония видела старца с посохом, так изображают Иоанна Крестителя. Спрашивает его: «Кто вы?» Говорит: «Я здесь хозяин». Благословил, исчез. Она смотрит на икону — Он!

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят (Мф. 5, 8)
Иоанн Креститель. Фреска. Протат, Афон. 1290—1310 гг.

— Да, — осмеливаюсь сказать монахине. — Вот я очень грешный человек, первый раз на Святой земле жил в Вифлееме. Ночью выбегал из гостиницы, смотрел. И однажды гляжу — звезда идет от Поля пастушков, от Бет-Сахура к храму Рождества. Ну, может, спутник какой или самолет далеко вверху, но показалось — звезда.

— А в последние времена, — говорит матушка, — все звезды сойдут с мест. Все. И все покажут один путь.

На Святой земле всего за один срок пребывания паломники встречают все Двунадесятые праздники: от Рождества Христова до Его Вознесения и Сошествия на апостолов Духа Святаго, все Богородичные праздники, от Рождества Пречистой Девы до ее успения. И все время с паломниками Воскресение Христово, Пасха. Господня пасха сияет все дни. Ибо, какие бы маршруты не были по расписанию, но чаще всего они проходят в Иерусалиме и всегда приводят ко Гробу Господню. Здесь истинная благодать, здесь не иссякает благословенный свет, сошествие его с небес видел я, грешный, в последнюю субботу Великого православного поста. Как отблагодарить Господа за такую несказанную милость?

Церковь Святого Петра. Яффа

Когда это было, в каком году, уже неважно. Здесь, на Святой земле, свершилось центральное событие мировой истории — приход Сына Божия к людям для их спасения, Вознесение Сына к Отцу небесному, Вседержителю, и здесь, во всем и везде, ожидание второго пришествия Христова. Здесь даже обычное время идет иначе. Иногда день летит как минута: только поехали, только запели “Царю Небесный”, только матушка взяла микрофон, вот уже и вечер, вот уже в монастыре читаем молитву перед трапезой. Но вспомнишь этот день, и он, пролетевший за краткий миг жизни, становится вдруг огромным как целая жизнь. В глазах просторы Тивериады, тропинки на воде, по которым ходил “аки посуху” Иисус Христос, гора Блаженств, гора насыщения пятью хлебами пяти тысяч, Кана Галилейская, нескончаемые дороги, “Фавор и Ермон радуются о имени Господнем” (Пс. 89), вот здесь срывали колосья ученики в день субботний, здесь набросились на них иудеи, в глазах нежное, розово-белое здание церкви Двенадцати апостолов и источник святой Марии Магдалины-мироносицы… А какой был огромный день вчера: Вифлеем, Вифания. А завтра — Яффа, апостольские деяния Петра, праведная Тавифа, поедем через ветхозаветные места, над которыми остановилось солнце по молитве Иисуса Навина. Нет, не запомнить всего, надо записывать. И не записать, не успеть. Еще же и Иудейская пустыня, монастыри преподобных Герасима Иорданского и Георгия Хозевита, гора Соблазна, может быть, доберемся до монастырей преподобных Саввы Освященного и Феодосия Великого.

Боже ж Ты мой, мы в Святой земле, мы дышим горним молитвенным воздухом, видим такие же деревья, что росли и в евангельские времена, поднимаем взгляд и пытаемся запомнить очертания гор и холмов, ведь они все те же, именно их видел Спаситель и Его Пречистая Матерь. Сколько раз они ходили от Назарета в Иерусалим на праздник Пасхи. Это мы несемся на автобусе с кондиционером, а они? Правда, и нам достается иногда пройти пешком по Святой земле. Идешь и надеешься, чтоб хотя бы однажды попасть подошвой на то место, которого коснулись Его пречистые стопы.

В программе пребывания паломников предусмотрен свободный день. Каждый волен

заполонять его своими делами. Но все, как сговорясь, идут в храм воскресения Господня. Да, были тут с матушкой, да, обходили святые места, все закоулки храма, спускались в храм обретения Креста, слушали глухие удары у места бичевания Христа, кланялись гробнице Никодима и Иосифа, стояли в приделе Ангела, вползали на коленях в Гроб Господень, торопливо молились, потому что торопят, шли к приделу Лонгина Сотника, припадали к тому месту, на котором стояла Божия Матерь, поднимались по крутой лестнице к Голгофе… Все прошли. Но хочется все повторить и усилить своими молитвами, так, чтобы никто не торопил, помолиться за родных и близких, за Россию, подать записочки греческим монахам…

И все надежды сбываются. А что-то купить памятное для подарков на родине? О, это успеется, и это никуда не денется. Тут пройти невозможно, чтоб что-то не купить, тут со всех сторон хватают тебя и просят обратить внимание на пестрый восточный товар. На кого ж и надеяться торговцам, как не на русских.

И, конечно, пройти самому, в одиночестве, Скорбный путь, последний земной путь Спасителя, узкую и незабываемую Виа Долороза. Лучше сделать это или рано утром, до открытия лавочек по обеим сторонам, или после их закрытия, но когда ты в молитвенном состоянии, когда настроен сердцем идти за Христом, тогда ни крики торговцев, ни толкотня туристов не помешают тебе.

В этот свободный день я решил исполнить давнюю свою надежду — обойти Иерусалим, старый город. По схемам и картам я уже мысленно примерялся и думал, что часа за два обойду.

Свято-Троицкий Собор. Иерусалим

Так и сбылось. Перекрестясь на Троицкий собор Русской Духовной миссии, подошел к

яффским воротам, к тем, в которые входили во все времена паломники из России, приплывшие в Яффу, и, под грохот машин и отбойных молотков, под громкие крики муэдзина из уличного репродуктора, пошел справа налево, навстречу солнцу, так, как ходят у нас крестные ходы вокруг Божиих храмов на Пасху и в престольные праздники.

Бегущие навстречу дети, солдаты женского и мужского пола с автоматами, велосипеды и тележки с зеленью, рев машин, синие облака выхлопных газов, — вот сегодняшний Иерусалим. Но слева возвышались стены Старого города. За ними, я знал, были здания армянского квартала. Вот и армяне, два юноши, выдирающие из щелей стены колючую, еще зеленую траву. Вот увиделась и Русская свеча на Елеоне, от взгляда на которую стало спокойно. Тут пошли бесчисленные надгробные камни — мечта о помиловании на Страшном суде. Есть древнее поверье, что если кто будет похоронен у стен Старого города, у Иосафатовой долины, то при Страшном суде будет спасен. Вряд ли это православное поверье. Как же тогда верующей старухе, не бывавшей в Иерусалиме и упокоившейся на деревенском погосте?

Справа, на склоне Елеонской горы место, на котором Иисус оплакал вечный город. Там католическая часовня в виде слезы.

Очень хотелось коснуться остатков лестницы, по которым совсем девочкой поднималась в Иерусалимский храм Пресвятая Дева, но к ним было не подойти из-за ограды.

Запустение, мусор на могилах. Некоторые могилы покрыты высохшими пальмовыми ветвями. Ветви и в проходах, трещат под ногами. Крестился на Гефсиманский сад, хорошо видный от стен, на церковь святой Марии Магдалины.

Вот и Золотые ворота. Тоже решетка, но подойти можно. Через эти ворота, входил спаситель в Иерусалим, здесь кричали «Осанна» те, кто всего через пять дней будут кричать: «Распни Его!»

Церковь Успения Пресвятой Богородицы в Гефсимании. Иерусалим

Мальчишки издали кидают камешки, кто дальше. Встал на колени, молился о втором пришествии, о милости к России, о себе, грешном, о родных.

Жара стояла египетская. У Львиных ворот нашел немного тени, отдышался. Да-а, грязища кругом была такая, что очень хотелось перенести весь Старый Иерусалим в Россию, в любое ее место, уж православные все бы прибрали, устелили бы коврами цветов. Поднялся ветер, но не облегчающий, жаркий, понесло пылью. Поднял голову — летает надо мной огромная стая птиц, больших, темных и белых. Пригляделся — да это же мусор, целлофановые пакеты подняло ветром и носит в воздухе.

И снова шел среди могил, и мусора, и торговцев, сидящих на могильных плитах и разложивших сувенирную мелочевку. Повернул налево, по-прежнему стараясь идти ближе к стене. На траве у стены много людей. Спят, пьют, едят, играют, опять же торгуют. Но видно, что сегодня было жарко не только мне, бледному северянину, но и этим смуглым южанам.

Перед Дамасскими воротами и за ними было все же как-то облагорожено, больше зелени, значит, и прохлады.

Но вот, пройдя около Новых ворот, вернулся к грохоту отбойных молотков. Посмотрел на небо — белесое, не растворяющее, а отражающее жар. Да что же это я черствый такой — одну жару чувствую. Но как вообразить, как представить все бывшее, если все другое? Читаю справочник, ориентируясь по нему: «В результате раскопок под воротами были найдены остатки ворот второго века». Но ведь значит, те после Христа. То есть все земные свидетельства поглощены землей? И незачем держаться за них. Спаситель ушел к Отцу Небесному, оставив обетование вернуться. И паки грядет со славою судити живым и мертвым, Его же Царствию не будет конца. Кто спасется? Претерпевший до конца. Ведь все другое, даже небо, забитое дымом и копотью.

Долго шел по улицам Иерусалима, уже не старого. Бесконечные торговые ряды, обжорки, нищие: «шекель, шекель!» Молодые понаглее: «Ван доллар! Руськи, как дила?» — мотоциклы, люди, на ходу говорящие по мобильным телефонам с кем-то далеким, но непременно что-то устраивающие. Измучившись, сел на каменную скамью, и показалось, что сижу среди непрерывно двигающихся по заданным программам роботов. Жива Россия, думал я, жива: она идет за Христом. Конечно, и здесь, среди синтетики и электроники, есть живые люди, редко, но есть.

Фрески и картины в церкви Святого Александра Невского. Иерусалим

Там, где Господь, там бессмертие… Вход в Церковь Христову. Иерусалим

И пошел на прощание к погребальной пещере Божией Матери, поднялся к Гефсиманскому саду, католический сторож не пустил. Заторопился вновь в старый город, почти бежал по Скорбному пути и успел ко Гробу до закрытия. Уже знакомые греческие монахи пропустили поклониться трехдневному ложу. Слава Тебе, Господи!

Медленно шел по старому городу. Из открытых окон малой Гефсимании слышалась молитва, мальчики играли на деньги под окнами, гремели засовы лавок, скрежетали раздвижные железные двери магазинов, заводились и уезжали узкие грузовые тележки. Но вот и тихо стало. Поднял голову — неба нет, вся улица перекрыта изогнутой пластмассой. Ну и что? Это Иерусалим, птенцов которого так хотел собрать Спаситель, «но вы не захотели. Се, оставляется дом ваш пуст». А для нас Иерусалим — Святая Русь. Мы ее вымолили, зная, что Господь там, где молитва. А там, где Господь, там бессмертие.

Шел, и как-то невольно вдруг вспомнились, не знаю чьи, стихи, одна строфа: «Духовный меч острее бритвы и закаленнее клинка. И тихий стих простой молитвы — надежный щит на все века».

И утешал себя тем, что никакими словами не выразить силу впечатления от Святой земли. Да и один ли такой. Какая высокая молитва и поэзия в наших Акафистах! Но ведь во всех почти акафистах говорится о том, что никаким витиям многовещающим, никому не возмочь выразить сердечный жар, сердечную боль любви ко Христу, Пресвятой Божией Матери и к святым. Яко рыбы безгласные, яко камни немотствуют уста витий.

Одна надежда на память сердца, на память душевного зрения. А слова, что наши слова! Язык будущего века — молчание. И земной Иерусалим — только ожидание Иерусалима небесного, града взыскуемого, строитель которого Сам Господь.

А еще и в земной жизни дано счастье — возможность приехать к месту воскресения Сына Божия. Дай Бог, чтобы это счастье испытало как можно большее число тех, кто понимает: без Христа не спастись.

Главный итог паломничества в Святую землю — становится легче жить. То, что мы знаем из пасхального тропаря: «Христос Воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав», — это знание подкрепляется виденным. Мы уверились, как апостол Фома, в Воскресении Христа и восклицаем вслед за апостолом: «Господь мой и Бог мой!»

И еще верю, что вернется к моим четкам спасительный, молитвенней запах Камня помазания. Дай Бог!

Франсуа-Жозеф Навез. Неверие Святого Фомы. 1823

Там, где прошли стопы Его

Святая Земля и Святая Русь — непостижимая, неразрушимая, вековечная связь у них. Россия выстояла в веках, в неимоверных страданиях только потому, что более всех приняла в свое сердце Христа. В вере Православной наше спасение.

Свят Божий мир, созданный Господом, сотворенный для счастья. Святы моря, горы и долины, и «вся, яже в них». Но святее всего та Земля, которой касались пречистые стопы Господа нашего Иисуса Христа и Его Пресвятой Матери, Девы Марии. И когда наш ум устремляется к Святой Земле, то трепетнее становятся мысли, очищаются чувства и возвышаются молитвы.

Сияние Святой Земли насильственно пригашалось, общение с ней искусственно прерывалось, но любовь к ней от этого только крепла. Все падало и рушилось: деньги, оружие, идеологии, кумиры, все бесследно распылялось в пространстве и времени, а наши бессмертные души улетали к центру спасения мира — в Иерусалим, ко Гробу Господню, туда, где живет

вечность.

В Святой Земле ощущаешь, что никаких двух тысячелетий со дня Боговоплощения не прошло. Все было и происходит сейчас, при нас. Сегодня засияла Вифлеемская звезда, на свет которой шли простые пастухи и ученые волхвы, сегодня Симеон Богоприимец и пророчица Анна встретили Его у врат храма, сегодня Он погружался в струи иорданские и «Дух Святый в виде голубине» сходил на Него. Сегодня и всегда Он идет по дорогам Палестины, учит, исцеляет, насыщает хлебом земным и небесным, утишает бурю, сегодня восходит из-за нас, из-за наших грехов на Крест, «спасения нашего ради», сегодня «воскресе из мертвых и смертию смерть поправ», сегодня, оставив нам упование на Свое возвращение, возносится к Отцу Небесному…

Как же нам не стремиться в Святую Землю!

Чудо чудное, диво дивное

Главное чудо России в том, что она сохранила и приумножает веру в Бога. И за это Господь спасает ее. Годы и годы воинствующего, именно воинствующего безбожия, страшные гонения на верующих, разрушение церквей, уничтожение духовной литературы, было ли такое на Западе? Нет. Так что ж они такие безбожные, что ж такие оплетенные сетями бесовщины, разврата? Кто им запрещал уповать на милость Божию? Да никто. Сами захотели жить хорошо и комфортно, и стали жить. И дожили до того — что стали биороботами, которым нужен сытый желудок, острые ощущения и безопасность. Но даже эти люди, что-то смутно чувствуя, посещают Израиль. Правда, когда обостряются отношения евреев и арабов, то туристов с Запада здесь почти не бывает. Боятся. А так как отношения обостряются непрерывно, то Святая Земля заполнена в основном православными.

…и Дух Святый нисшел на Него в телесном виде, как голубь, и был глас с небес,

глаголющий: Ты Сын Мой Возлюбленный; в Тебе Мое благоволение! (Лк. 3: 22)

Святой Дух. Фото Д. Карилле.

В чудо надо просто верить. И это только кажется, что наукой все можно объяснить. Но как объяснить, что отроки Вавилонские не сгорели в огне? Или что отроки Эфесские спали в пещере двести с лишним лет? Но ведь было же. А Чермное (Красное) море, которое расступилось перед израильтянами? А река Иордан, которая потекла вспять, когда в нее вошел Иисус Христос? И любое евангельское чудо засвидетельствовано множеством людей. А насыщение пятью хлебами пяти тысяч — «кроме женщин и детей»? Неужели все сговорились соврать, что их насытили? А чудо пророка Ионы, проглоченного китом и пробывшего в нем три дня? Тут свидетельств не называется, тут просто надо верить. И верить, как святитель, которого атеисты вопрошали: да как же это может быть? Святитель отвечал: «Если бы в Писании было сказано, что не кит проглотил Иону, а Иона кита, я бы поверил». Вот так и надо верить.

Как же не верить очевидному? Ведь все так и было. И не только Иисус Христос ходил по воде, «аки посуху», но и апостол Петр мог бы ходить, если бы не испугался. Ведь шел уже и стал утопать. «Почто усумнился?» — упрекнул Учитель.

И солнце останавливалось по молитве святого, и женщина превращалась в соляной столп, и вода становилась вином, и мертвые воскресали. Все было. Велик Бог Христианский! Он может все.

И.К. Айвазовский. Хождение по водам. 1890-е гг.

Да мы и живем среди чудес. Просыпаемся: какое чудо — день наступил. А ведь мог и не наступить. Солнышко светит или дождик идет — чудо какое. Водичка льется с небес. Цветок расцвел среди зимы на подоконнике. Зовите деточек полюбоваться. Птицы поют, бабочка села на тропинку, ветерок принес запахи леса, улыбнулся тебе незнакомый человек — все чудо, во всем Господь.

«Какая чудотворная икона всех чудотворней?» — спрашивают старца. — «А вот тот бумажный образок, который ты носишь с собой».

Прикосновение к вечности

Слава Тебе, Господи, опять я в Святой Земле! Дай Бог паки и паки ходить по улицам Иерусалима и улочкам Вифлеема, стоять на Фаворе, погружаться в Иордан, восходить на Сорокадневную гору… Дай Бог вновь посетить все навсегда любимые места Палестины. И оживает во мне радостное и благодарное чувство — я в Святой Земле! Сердце счастливо, грудь

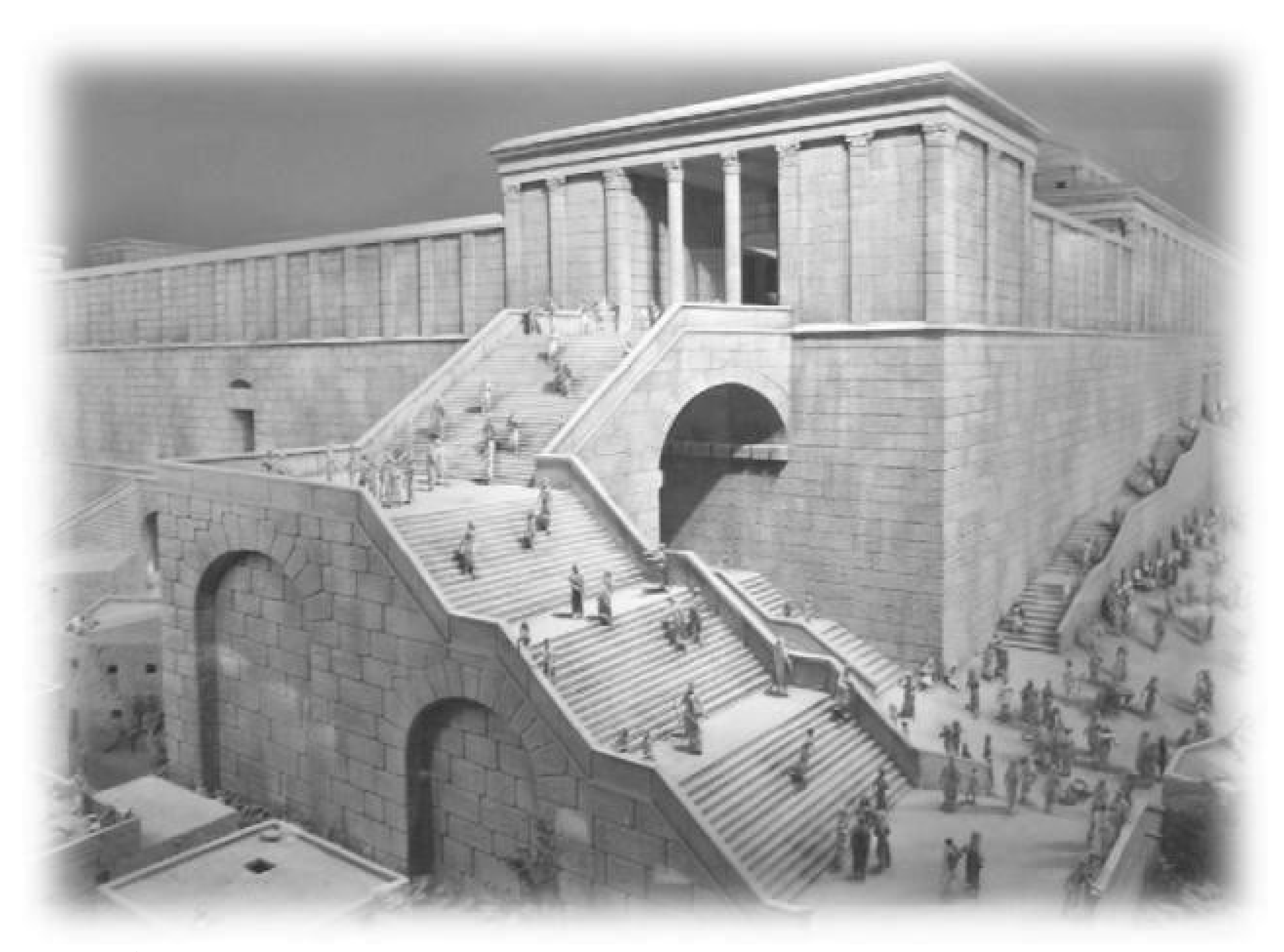
вдыхает животворный воздух спасения.

Жизнь моя пошла на закат, и никуда мне уже больше не хочется, только на родину, в Вятку, и сюда, в Святые пределы, где прошли стопы Его.

Сижу в прохладном дворике монастыря св. Герасима Иорданского, слышу, как попугай вперемешку с арабскими и греческими словами кричит по-русски: «Слава Богу! Слава Богу!». Это, сказала монахиня, его русские паломники обучили. Сижу и думаю: жил я только в детстве и старости, остальное — суета сует. Солнечное счастье открытия Божиего мира вскоре, по мере взросления, затенялось заботами дня. И вот — как и не жил, а были только детство да этот приход на Святую Землю.

Да, так. Разве что-то значат наши дела, какие-то свершения по сравнению с безмерной величиной прихода в мир Христа? И что такое любые страдания по сравнению с Его Крестным подвигом?

Попугай кричит: «Бай-бай, бай-бай, — и, после паузы, — Слава Богу! Слава Богу!».

Восхождение на Храмовую Гору. Древний Иерусалим. Реконструкция

Давно в детском блокноте записал я от деда слышанный им в его детстве духовный стих: «Наша жизнь словно вскрик, словно птицы полет и быстрее стрелы улетает вперед. И не думает ни о чем человек, что он скоро умрет и что мал его век». Была в стихе такая строка: «Наша жизнь словно сон, но не вечно же спать!» — тогда не понятная. А все просто — главное: у Бога нет смерти. День кончины — это день рождения в жизнь вечную, так что смысл земной жизни — однажды проснуться в жизни вечной со спокойной душой.

И это осознание — главный подарок Святой Земли. А она — уже навсегда — основа моей жизни. Она для меня — синоним Святой Руси. И это я записываю во взрослом блокноте, во время краткого пребывания на том месте, где ночевало Святое семейство, уходящее от царя Ирода в Египет.

О, сколько же я перечитал о Святой Земле! Читал прежде всего как простой смертный, а иногда и как человек, который дерзает добавить что-то свое. И в этом случае по-хорошему

завидовал всем: игумену Даниилу, Трифону Коробейникову, Григоровичу-Барскому, Муравьеву, Норову, Хитрово, Смышляеву, Скалону, Лисовому, Житеневу, в общем, всем. Ибо изумлялся и их памяти, и их системному подходу. Как они привлекали в труды такое количество дат, событий, фамилий? После них я и не посмел бы писать научный труд, у меня задача скромнее — передать те ощущения, которые испытывал, пребывая в Святых пределах. Если Господь и раз, и два, и три привел тебя в Палестину, нельзя же быть скрягой, обладающим богатством и не хотящим делиться им с теми, кто по бедности, или по здоровью, по возрасту не смог сам посетить святыни Востока.

Вифлеем

В.Д. Поленов. Вифлеем. Вид на Базилику Рождества. Акварель. 1882.

Вифлеем! Первая любовь моя на Святой Земле. Жил в этом городе больше десяти дней, а привезли туда палестинцы, минуя Иерусалим, куда въезда им не было. Огибали по грунтовым дорогам, через горы. Место, с которого я впервые увидел Вечный город, потом навещал. Это около монастыря Святого Феодосия Великого. К удивлению сопровождающего переводчика, я упал на колени в красную пыль грунтовой дороги. Такое чувство не испытать, видимо, более. Может быть, даст Бог бывать и бывать в Святой Земле, а однажды понять, что приехал сюда в последний раз.

Да, Вифлеем! Въехали в Вифлеем. О, магазин сувениров какой стал огромный! Тут рядышком гробница Рахили. И по сей час палестинские Рахили плачут, и по сей час избиение невинных младенцев продолжается.

Сердце радуется и печалится, не повторится время той пасхальной весны, когда все тут избегал босыми ногами, в каждую свободную минуту бежал в храм Рождества. Палестинцы дивились на меня, приветствовали: «Моисей, — хлопали по плечу, — Давид!». Мальчишки забегали вперед, показывали на мои ноги, смеялись. Изображали, что разуваются, что готовы продать свою обувь. Греки в храме встречали как родного. Я долгими минутами был один-одинешенек у Вифлеемской звезды, такую милость получил от Бога…

Не утерпел, сбежал от делегации, кинулся вверх по узенькой улице к «Гранд-отелю» в котором жил тогда. Уж какой он «гранд», — самый скромный. «Их вонэ хир», — сказал привратнику на диком немецком. Он улыбался и открывал дверь — «Русски?». Не стал и входить, расстраиваться, побежал дальше, выше по улице. Вот то дивное место, видно далеко: и

поле пастушков, и гора Ирода, и дорога к Хеврону. На развилке улиц усиление, против прежнего, торговли. Гуси, утки, кролики. Голуби, тревожно воркуя, ходят внутри тесных клеток. Да, улицы, переулки, лестницы, лавочки… Людей больше, машин больше, товаров больше. А чего меньше? Меньше радости. Смех, шутки звенели на всем пути. Они и меж собой весело общались. Сейчас убавилось веселья. И то сказать — было тут недавно нашествие, и танки стояли на улицах, и храм как осажденная крепость. Тогда в Вифлеем не пустили, а после, помню, пришел в храм — Боже мой! — стены закоптили, все разорено, зачернено даже, особенно тяжело было в самой пещере…

Молочный грот. Вифлеем. 1880

Помню, в Самарской епархии, недалеко от Тольятти, завалили землей (бульдозеры работали), место явления иконы Божией Матери, источник, тут явившийся. Он, что важно сказать, появился как утешение, в год революции. Над ним свинарник построили, зловонная жижа из него стекала в низину. А источник пробивался. И одна верующая женщина набрала этой жижи в трехлитровую банку, говоря себе, что все-таки хоть, сколько-нибудь да будет тут воды из источника. И банка у нее стояла на крыльце. Утром смотрит — вся навозная масса вышла наверх, на стекло, а внутри осталась чистейшая родниковая вода.

По грехам моим образ Спасителя на колонне перед пещерой храма в Вифлееме не открыл на меня глаза. Монах бесцеремонно меня выталкивает, — начинается служба.

Закрытые глаза Спасителя тяготили. Зная, как нескоро собирается народ к автобусу, как хватают паломников за руки у разных прилавков, помчался в Храм. И слава Богу! Упал на колени перед колонной, молился, а когда осмелился взглянуть на икону, Спаситель смотрел на меня. Строго, но, слава Богу, не гневно.

Светлая седмица

Башня Давида. Иерусалим. Фото pokku.

Христос Воскресе! Христос Анести! Аль Масих Кам! — эти пасхальные возгласы на русском, греческом и арабском сопровождают любую группу паломников в дни пребывания ее в Святых местах Палестины, Израиля, Иордании. И вовсе необязательно, когда пребывает здесь группа. В любое время это пасхальная седмица, в любое время здесь Воскресший Христос, и здесь за неделю проходят все праздники — от Благовещения до Вознесения.

Великое счастье — мы там, где прошла земная жизнь нашего Спасителя, там, «идеже стоясте стопы Его».

Усталость пройдет — радость останется, это правило срабатывает тогда, когда цель поездки высокая, а что может быть выше поклонения святыням Православия, молитвы о мире Иерусалима, о нашей милой России, о ее православном народе и христолюбивом воинстве?

Первый день

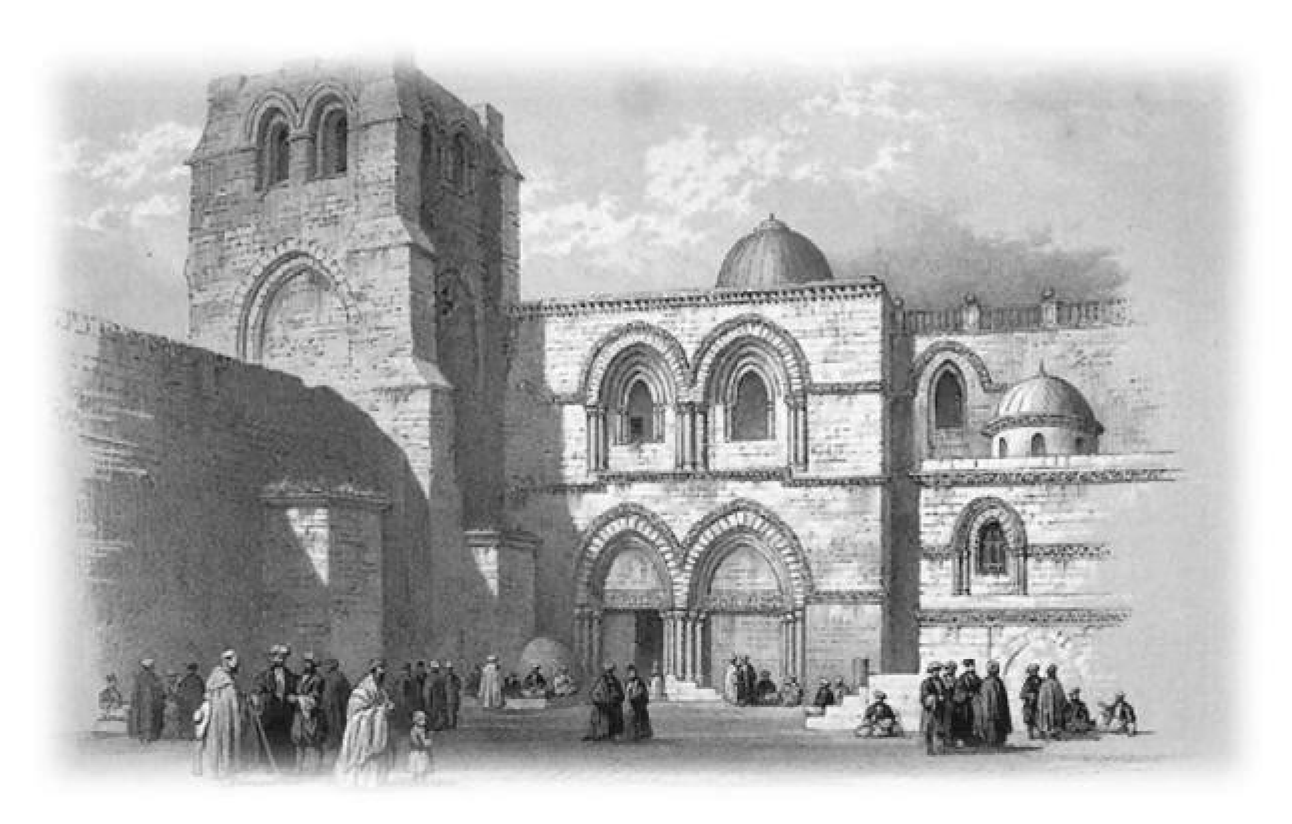
Уже и первый день, как и все последующие, необычен по огромности охвата событий, происшедших на местах, которые посещает и просто проезжает группа. Аэропорт Бен-Гурион стоит между Яффой и Иерусалимом. Отсюда начал плыть по вселенскому океану, затопившему допотопный мир, ковчег праведного Ноя. Здесь свершали подвиги ветхозаветные герои и пророки, Здесь Иисус Навин остановил солнце, чтобы окончить битву, недалеко святые мироточивые мощи великомученика Георгия Победоносца и место исцеления праведной Тавифы, здесь прокатывались полчища то крестоносцев, то язычников, то наполеоновских войск. Здесь архимандрит Антонин Капустин приобрел участок земли для приема православных из России, которые причаливали именно к здешним берегам. И шли паломники до Иерусалима двое-трое суток именно по этим вот холмам и долинам. Некоторые ползли на коленях. Все это уже описано многими православными писателями.

Конечно, центральное событие первого дня — поклонение последнему земному ложу Спасителя, Гробу Господня, восхождение на Голгофу, прикосновение к Камню Помазания, молитва у места, на котором стояла Божия Матерь и смотрела (как только выдержало ее сердце!) на казнь Своего Сына.

Далее радостный, просторный и оглашенный молитвами миллионов паломников со всего

Православного мира Свято-Троицкий храм Русской духовной миссии. Грузины размещаются на проживание и в Вифлееме, и в Елеоне, и, чаще всего, в Горненском монастыре — месте встречи Пресвятой Девы Марии и святой праведной Елисаветы. В монастыре чудотворная икона Казанской Божией Матери, камень, с которого святой Иоанн Святитель, покровитель монастыря, произнес первую проповедь. «Покайтесь, ибо приблизилось Царство небесное!» — Иоанн Предтеча возвещал о приходе в мир Сына Божия. В монастыре пещерный храм Рождества Иоанна Крестителя, могилки монахинь, в том числе новомучениц, матери и дочери, Вероники и Варвары, убитых совсем недавно. Здесь же, наконец-то достроенный, главный храм обители, начатый еще до первой мировой войны.

Ужин в уютной, очень молитвенной, трапезной монастыря.

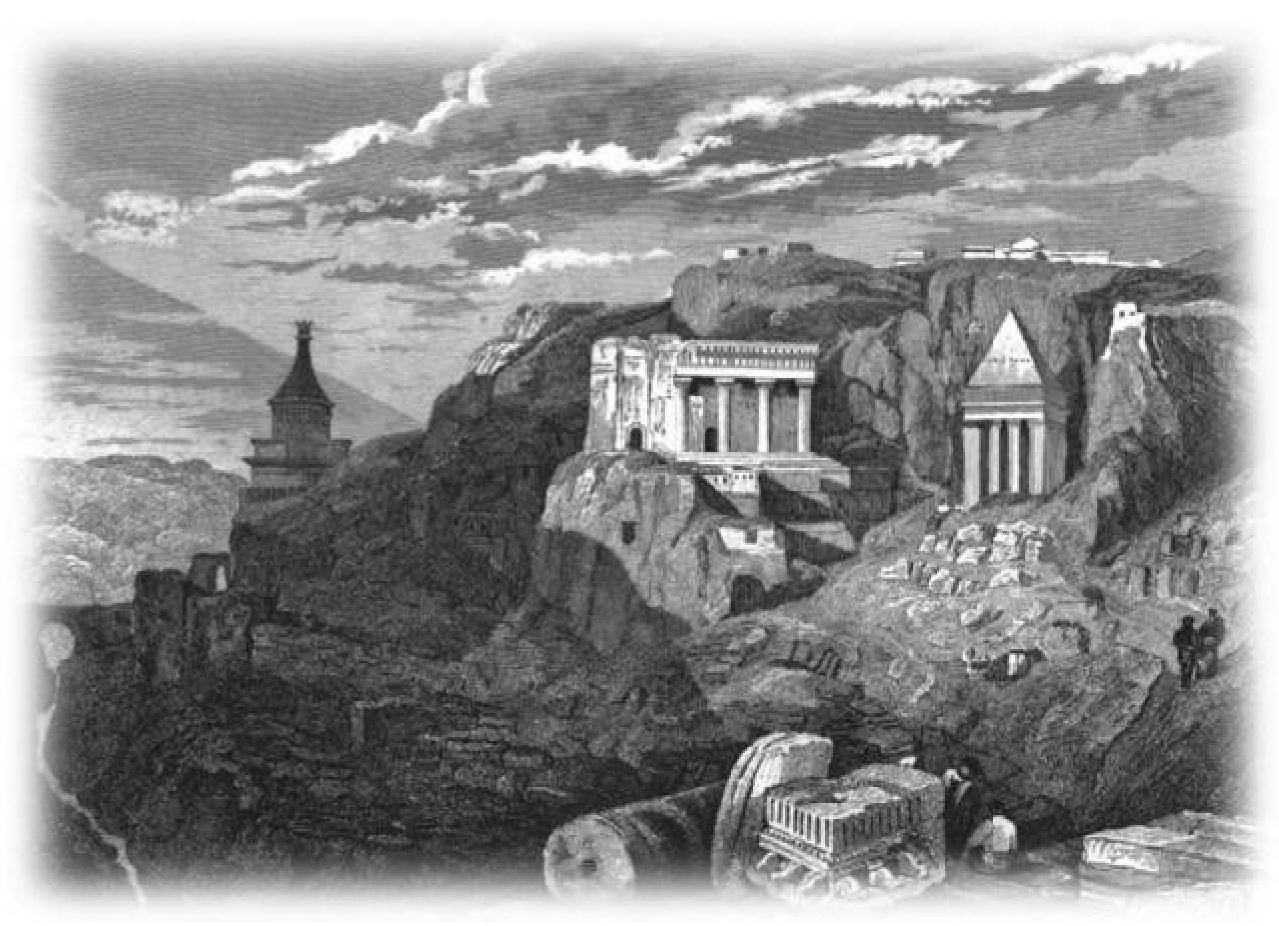
Храм Гроба Господня. Иерусалим. 1849

Второй день

Мы в Иерусалиме! Чье сердце не забьется в волнении от счастья: мы в центре мира. Мы идем в Старый город, то есть в самое библейское, самое евангельское место. И то, что вчера мы видели на ходу, почти бегом, сегодня можно и нужно увидеть подробнее и внимательнее. Скорбный путь, путь горя и печали, Виа Долороза. Здесь Спаситель сказал: «Не плачьте, дщери Иерусалимские обо мне», здесь он прикоснулся к стене, здесь упал под тяжестью креста… незабываемо! Ведь это Он наши грехи, наши страдания возносил на Голгофу, это за нас Он отдавал себя на распятие!..

Арка «Се Человек». Виа Долороза, Иерусалим. Фото 1882 г.

Долина Кедрон. Иллюстрация. 1837

Осматриваем армянский и Еврейский кварталы, посещаем Александровское подворье, Порог Судных врат. В православных храмах подаем записочки о здравии и упокоении родных и близких. Писать лучше латинскими буквами.

Смотровая площадка. С такой высоты Спаситель смотрел на вечный город и пролил о нем свои слезы, предвидя его близкую и страшную участь. Напоминает об этом католическая часовня «Слеза Господа», Елеон, Свято-Вознесенский монастырь, дорогие для нас могилы тех, кто созидал Русскую Палестину, тех, кто доставил сюда прах святых Елизаветы и Варвары.

Какой обзор, какой вид на поток Кедрона, Иосафатову долину, уходящую к Мертвому морю, место будущего Страшного суда.

Гробница Божией матери с ее широкими, желтого мрамора, будто медовыми ступенями. По праздникам эти ступени уставлены как живыми цветами, горящими свечами, зрелище трогательное и высекающее слезы, особенно, когда видишь, как между огоньков проходят дети, ища местечка и для своей свечечки. Здесь же гробницы родителей Божией Матери Иоакима и Анны, праведного обручника Иосифа.

Фра Беато Анджелико. Арест Христа. Фреска. XV в.

В Гефсиманском саду надо потрясенно молчать — эти маслины помнят молитву Христа, когда вместе с каплями пота кровь падала на землю, когда вел сюда воинов предающий Учителя Иуда.

И вот он, такой родной, такой русский по архитектуре храм святой равноапостольной Марии Магдалины. Здесь мощи святых праведных Елизаветы и Варвары и много иных святынь.

В монастыре отдыхаем, молимся, благодарим за приют и торопимся на автобус. Впереди далекий, счастливый путь в Тиверию, в Галилею. Поздний ужин и долгожданный отдых. Завтра новый, полный чудесных встреч с местами, день, где прошли детские, отроческие, юношеские годы Христа и откуда Он вышел на проповедь Нового Завета.

Третий день

«Гора Фавор, гора Святая», — этот распев многие из нас слышали и раньше. Также есть песня и об Афоне — «Гора Афон, гора Святая» — и мы не знаем, какая была раньше, но это и не важно, важно, что святость обоих мест вдохновляет нас на праведную жизнь. На Фаворе настолько русские запахи быстро увядающей на палестинском солнце травы, такие просторы и

так громко и победно поют совсем российские петухи, что понимаешь: Святая Русь с нами. Здесь, в православном греческом храме Преображения, чудотворная икона Божией Матери. Многое множество крестиков, маленьких фотографий исцеленных людей подтверждают ее целебную силу по нашим искренним молитвам. В ночь Преображения на Фавор сходит евангельское облако, из которого когда-то раздался Божий глас, поразивший апостолов Петра, Иоанна, Иакова: «Се есть Сын Мой возлюбленный, о Нем же благоволих, Того послушайте».

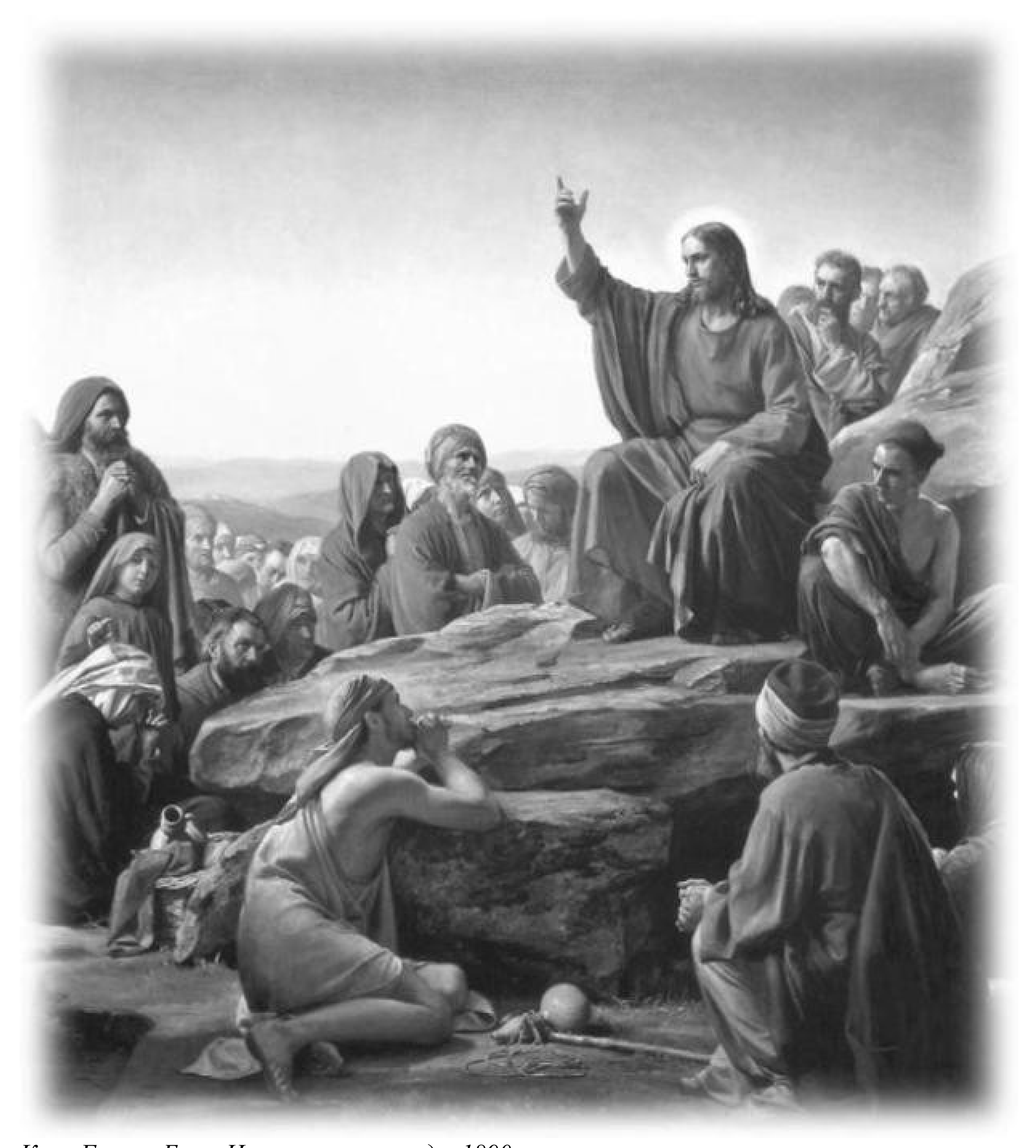
Золотой купол греческой православной патриархии. Иерусалим

Радуйся, Благодатная: Господь с тобою. Православная греческая церковь Архангела Гавриила и Святого источника

Не надо объяснять, зачем мы в Кане Галилейской, это земля, на которой стоял дом — свидетель превращения воды в вино, первого чуда Спасителя, свершенное по просьбе Его Пречистой Матери.

Назарет, поднебесный город, который мог бы и при земной жизни Спасителя гордиться Им, но не смог по своему неверию. Здесь родилась пословица, произнесенная Пречистыми устами Спасителя: «Нет пророка в своем Отечестве». Не так ли и мы в матушке России не верим своим умам, воспринимаем их прозрения и предупреждения горько и запоздало. В Назарете Святая Дева Мария услышала приветствие архангела Гавриила: «Радуйся, Благодатная: Господь с тобою». Здесь православный храм Благовещения и большой, к сожалению, очень модернизированный католический храм. Назарет, кстати, дает миру пример дружного сожительства арабов и евреев.

Карл Генрих Блох. Нагорная проповедь. 1890

Галилейское море

Нас ждет незабываемое: выход на лодках, изготовленных по образцу библейских и обед, главное блюдо которого — жареная петровская рыба. Да, та самая, наследница тех рыб, которые апостол Петр поймал по слову Спасителя. Видишь на море, особенно заметные в ясную погоду, пересекающие его полоски, это дорожки, по которым ходил, «аки по суху», Иисус Христос.

Невозможно покинуть Тивериаду, не побывав на горе Блаженств, где прозвучали Новозаветные Заповеди Христа, обращенные к каждому сердцу и дающие ключ спасения души. Там, где пятью хлебами насыщались пять тысяч. И опять же, горько думать, что многие из тех, кто вскоре закричал: «Распни, распни Его!» были из тех, кто принимал хлеб из апостольских рук. Люди ждали хлеба, не более. Они думали, что сытость тела отгонит от них голод души.

Очень хочется погрузиться в живительную влагу озера. И вскоре это желание осуществится, ибо мы движемся в монастырь Русской духовной миссии, освященной во имя

святой Марии Магдалины. В монастыре небольшой, но очень молитвенный приветливый храм, источник Святой Марии и дар Божий — родоновый источник.

С веранды монастыря открывается вид на море-озеро с тремя названиями: Тивериадское, Галилейское и Генисаретское. Так что сегодня мы погружались и топили свои грехи сразу в трех морях.

Четвертый день

Мы не сразу прощаемся с Галилеей, у нас еще впереди Капернаум, так часто упоминаемый во всех Евангелиях, развалины синагоги, слышавшие голос Христа, бывшие свидетелями воскрешения дочери Иаира, исцеления кровоточивой, очищения прокаженного, выздоровления слуги сотника.

Еще до обеда мы переезжаем к реке Иордан, через восточную часть озера.

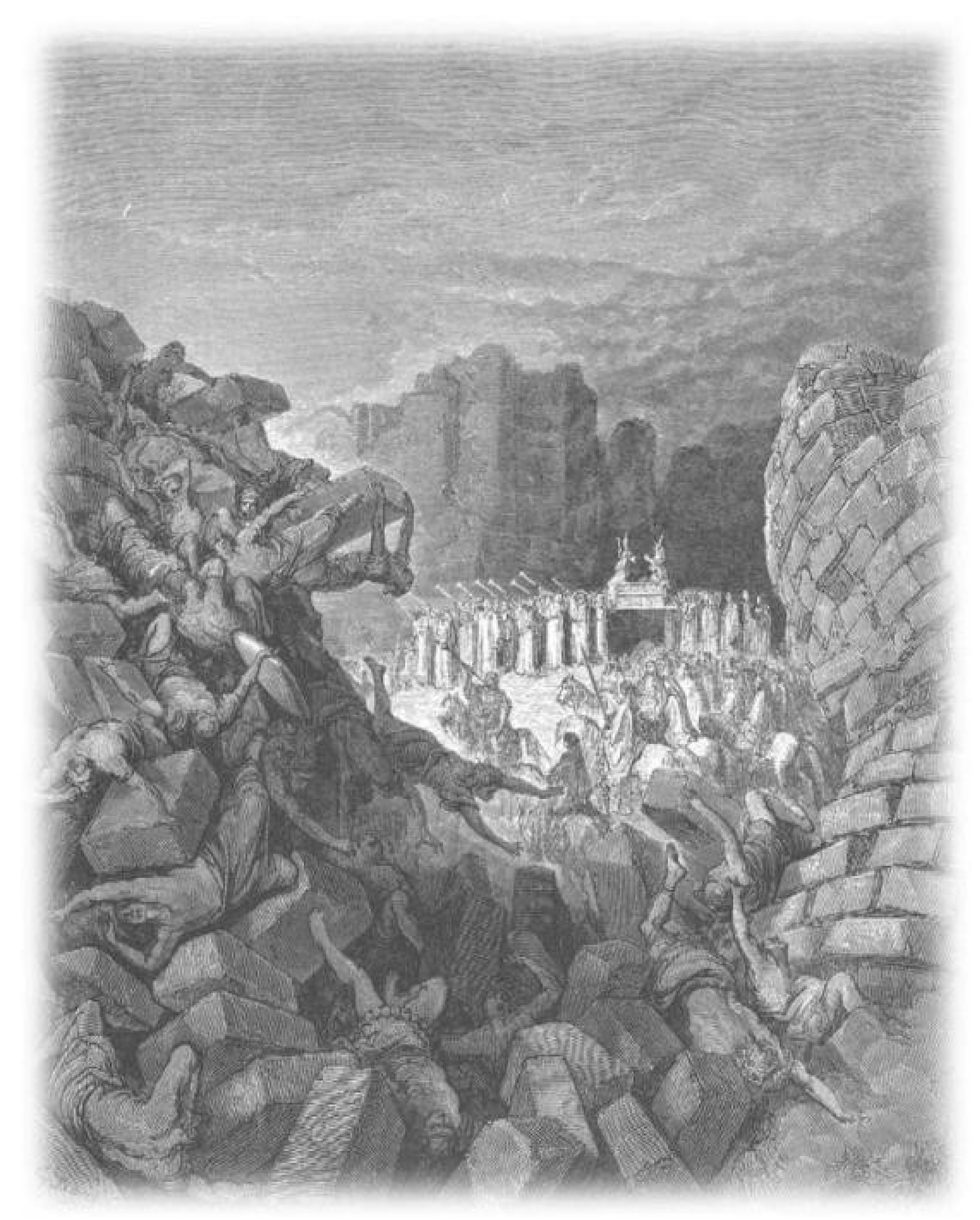
С молитвой погрузимся в освежающие воды Иордана, недалеко от выхода реки из озера.

А далее, далее дорога в Иерихон. Как грустно, как не хочется, чтобы исчезали из виду эти просторы, эти спасительные дали, но едем. Вот, на прощание мелькнул красно-белый храм Двенадцати апостолов, его закрывают новые постройки, все! Впереди ветхозаветные места, освященные Христом. Но вообще, надо заметить, что это чувство светлой печали расставания — оно постоянно на Святой земле. Таково православное сердце, оно не может не любить все это, даже мало-мальское место или событие, которое напоминает о Христе.

Иерихонские трубы — это библейское выражение означает очень громкий звук. Оно из древности, от труб, от звука которых рухнули стены неприступного Иерихона. Ныне он «приступен», гостеприимен, здесь участки нашей Православной церкви, отсюда начинается дорога на гору Искушения. Здесь же евангельское дерево, на которое влез малорослый Закхей, чтобы видеть Спасителя. Это прообраз того, чтобы и нам подниматься над житейской суетой и идти к свету Истины, которая есть Христос.

Тяжелая, но целебная дорога в гору. Ее проделывали тысячи и тысячи наших соотечественников, в том числе и старцы и сам Патриарх. А бывает и такой подарок, когда паломники поднимаются на самую вершину, где почти никто никогда не бывает, и около развалин монастыря встретим, нет, не восход, а закат солнца. Вспомним, что здесь враг нашего спасения искушал Христа, и здесь Диавол услышал резкую отповедь: «Отойди от меня, сатана!»

Сил осталось только на то, чтобы добраться до ночлега. Около Мертвого моря вспоминаем Кару Господню на города Содом и Гоморру, погибших по вине развратных жителей.

Поль Гюстав Доре. Падение Иерихона. Гравюра. 1866

Пятый день

Встанем пораньше: впереди огромная программа дня, насыщенного посещением трех величайших мест: Хеврона, Вифлеема и Вифании.

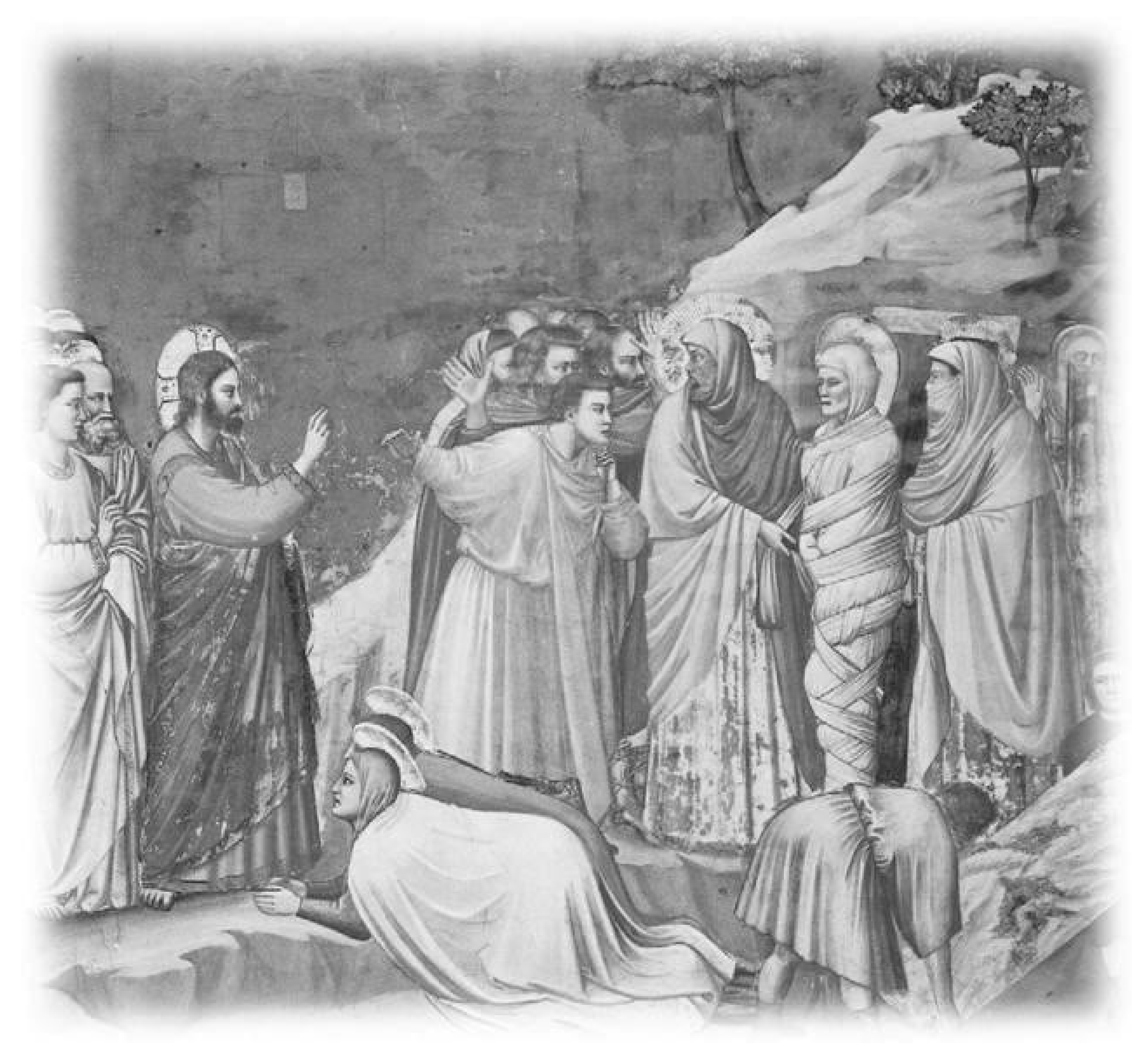
Хеврон. Мамврийский дуб. Усыхание его, ускорившееся в XX веке, дало повод говорить о близком конце света. Но мудрые старцы замечают: а сколько же за эти многие и многие сотни лет паломники унесли и рассадили во всех местах нашей планеты желудей от него? Дата Страшного суда, конечно, в руках Божиих, но и мы, грешные, можем ее отодвинуть, если будем молиться и жить праведно. Как праведные праотцы Авраам и Сара, которые именно под этим дубом принимали троих ангелов — образ Святой Троицы. Здесь храм Русской духовной миссии. Здесь уже подрастают два новых дубика, их зовут Авраам и Сара.

Движемся в Вифлеем. Вифлеем (по-арабски Бейт-лехем, город хлеба) навсегда в нашей душе как родина Рождества Христова. По этому небу шла Вифлеемская звезда, ведущая пастухов к пещерке Спасителя. Сюда волхвы принесли Богомладенцу смирну как земному

человеку, золото как царю, и ладан как Сыну Божию. Храм Рождества безграничен для познания. Не могут не литься слезы у крохотных черепов Вифлеемских младенцев, избитых по приказу Ирода. Дворец его недалеко, и, если будет время, подняться к нему очень интересно. Так же как и посетить церковь пастухов в Бейт-Сахуре. Можно все это успеть, если не затягивать обед.

Древний Мамврийский дуб в Хевроне. Фото конца XIX в.

Джотто. Воскрешение Лазаря. Фреска. Капелла Скровеньи, Италия

Впереди Вифания, притягательная и малодоступная. Ибо из-за конфликтов последнего времени, дорога в Вифанию часто перекрыта то железобетонными блоками, то танками. Но Вифания необходима для поклонения.

Вифания, иначе Бетания — дом бедности. Она и сейчас небогата, но Спаситель всегда шел прежде всего к бедным и обездоленным. Здесь Он прослезился, жалея умершего праведного Лазаря Четверодневного. Тот, кто был на Кипре, в Ларнаке, помнит эту потрясающую надпись на гробнице Лазаря — «Друг Христа». Всего два слова — друг Христа. Из дома Лазаря, после его воскрешения Спаситель ушел в свой последний путь, на Голгофу. В Вифании прозвучали Его слова, обращенные к Марфе и Марии, а по сути, ко всем нам о том, что надо меньше хлопотать и заботиться о земном, что прежде всего надо думать о душевном спасении, о том, что не отнимется, о богатстве неветшающем, о добрых делах.

Пора к ночлегу. Надо постараться лечь пораньше, ибо завтра еще более ранний подъем, нежели обычно. Потому что…

Шестой день

…нас ждет Иудейская пустыня. Голая, безжизненная. Как говорит Псалтырь, «Земля преложилась в сланость (то есть перестала плодоносить) от злобы живущих на ней». Освящают эту пустыню и делают ее местом поклонения оазисы монастырей Георгия Хозевита, Саввы Освященного Феодосия Великого и Герасима Иорданского. История каждого из них — это

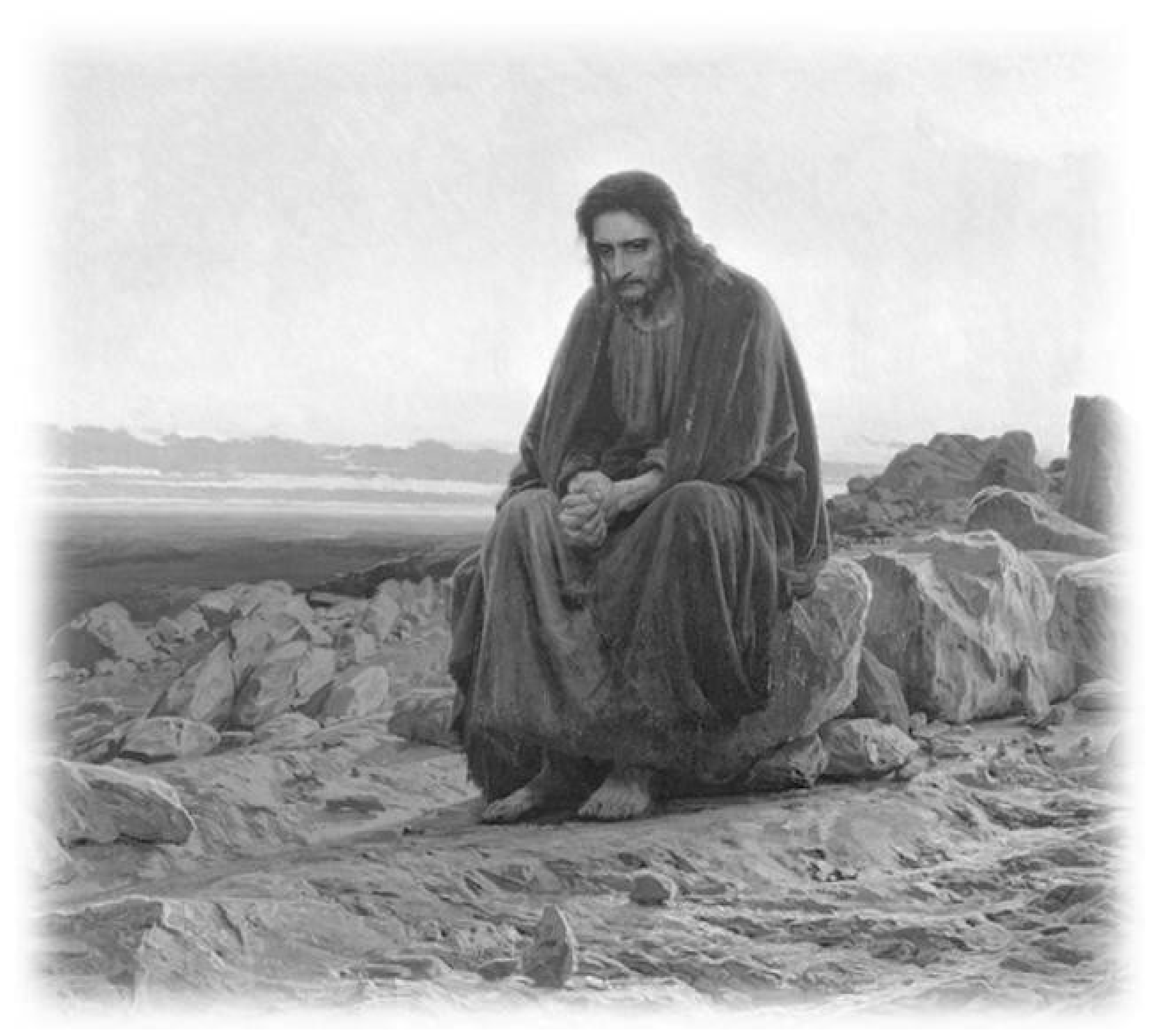
история страданий и молитв, история сражений за православные святыни. Этот день для паломников за время поездки, может быть, самый трудный, но очень важный. В этих монастырях, исключая монастырь Святого Герасима, паломники из России редки. В монастыре живет собачка, удивительно похожая на крохотного льва. И живет попугай, говорящий по-русски: «Слава Богу, Слава Богу!». Еще надо заметить, что в лавру Святого Саввы Освященного вход женщинам воспрещен. И женщины воспринимают эту новость с пониманием. Тем более монахи и их не оставляют без внимания — выносят для поклонения частички мощей святых угодников и скромное угощение, лепешки и воду.

Обед в этот день романтичен, потому что запланировать его, ввиду больших передвижений, невозможно и он будет на одной из остановок.

Может быть, получится в этот день вернуться пораньше в отель, чтобы отдохнуть, привести в порядок записи, рассортировать купленные сувениры, изумляясь их красоте и дороговизне, и набраться сил для переезда в страну Иорданию.

Седьмой день

Наш путь в Десятиградие, в Заиорданье! Куда ушла Мария Египетская и откуда вел евреев из Египетского плена пророк Моисей.

И.Н. Крамской. Христос в пустыне. 1872

Церковь на горе Нево. Иордания

Если все благополучно, то, благословясь и вновь надевши крестильные рубашки, мы погрузимся в Иордан. На сей раз, что незабываемо навсегда, у места Крещения Иисуса Христа.

Далее ветхозаветные места: ущелье Вади-Хорор, место Вознесения Ильи-пророка, прощание его с пророком Елисеем. Далее переезд к горе Нево, или как часто произносят, Нэбо, Небо — видимо, по близости к небу и по тому, что дальше этой горы пророк Моисей по воле Божией не смог пойти и здесь скончался.

Гора Мохерус, и снова вспомним царя Ирода, оставшегося в истории только своими поступками: убийством младенцев и усекновением главы Иоанна Крестителя. Здесь плясала Саломея, дочь Иродиады. Надо ли говорить, как все они страшно закончили свои жизни? Ирод сгнил заживо, Иродиаде отрезало льдиной голову.

Танец Саломеи. Фреска. Монастырь Святого Иоанна. XII в.

Свободный день

Завтра рано утром поедем в аэропорт, чтобы поехать в Москву. Грустно. Но впереди целый день, интересная экскурсия, уроки соединения исторических событий и современности, и, конечно, незабываемые базары. Конечно, вас и обсчитают и попробуют обокрасть, так что будьте начеку. Не стесняйтесь торговаться. Просят за что-то десять долларов, давайте три, сойдетесь на семи. И это, конечно, обман, но все-таки будет осознание борьбы за свое благосостояние и справедливость.

Старайтесь больше увидеть, услышать, запомнить, записать. Обилие впечатлений не подавит нас, напротив, напитает душу и сердце, возвысит ум.

Ради чего мы ездили по святым местам? Ради молитв, ради устремления от Иерусалима земного к Иерусалиму Небесному, в то жилище, в котором обитает Христос и куда мы стремимся всей душой.

Монастырь Святого Креста. Иерусалим

Несколько необходимых сведений

Время в Иерусалиме отстает от московского на один час.

Климат для нас всегда жаркий, иногда очень, но ночи бывают прохладными, так что теплые свитера и кофты пригодятся. Обувь должна быть паломническая, то есть удобная, разношенная, без шпилек. Головной убор обязателен. У женщин головные платки для посещения храмов и, конечно, длинные юбки. Солнцезащитные очки.

Сумма пожертвований за записки о здравии и упокоении чаще всего добровольна. Конечно, лучше всего памятные иконки, свечи, церковные сувениры, крестильные рубашки покупать в храмах Русской миссии, в Горней или в греческих православных обителях, чтобы помогать им. Это важно еще и потому, что западный мир резко, боясь терактов, сократил поток паломников на Святую Землю. Нашу безопасность обеспечивают и израильтяне, и палестинцы, и иорданцы. Но и самим надо быть внимательными, не отставать от группы, не опаздывать на сбор к выезду, на обед. Не оставлять вещей без присмотра. Сумочку держать не сзади, не сбоку,

а спереди. Как и мобильник. Кстати, телефон полиции — 100, скорой помощи — 101.

Телефон Русской Духовной миссии — 02-6252565.

Арабское застолье. Восточная повесть

Главный неф собора Святой Софии. Стамбул.

Предыстория

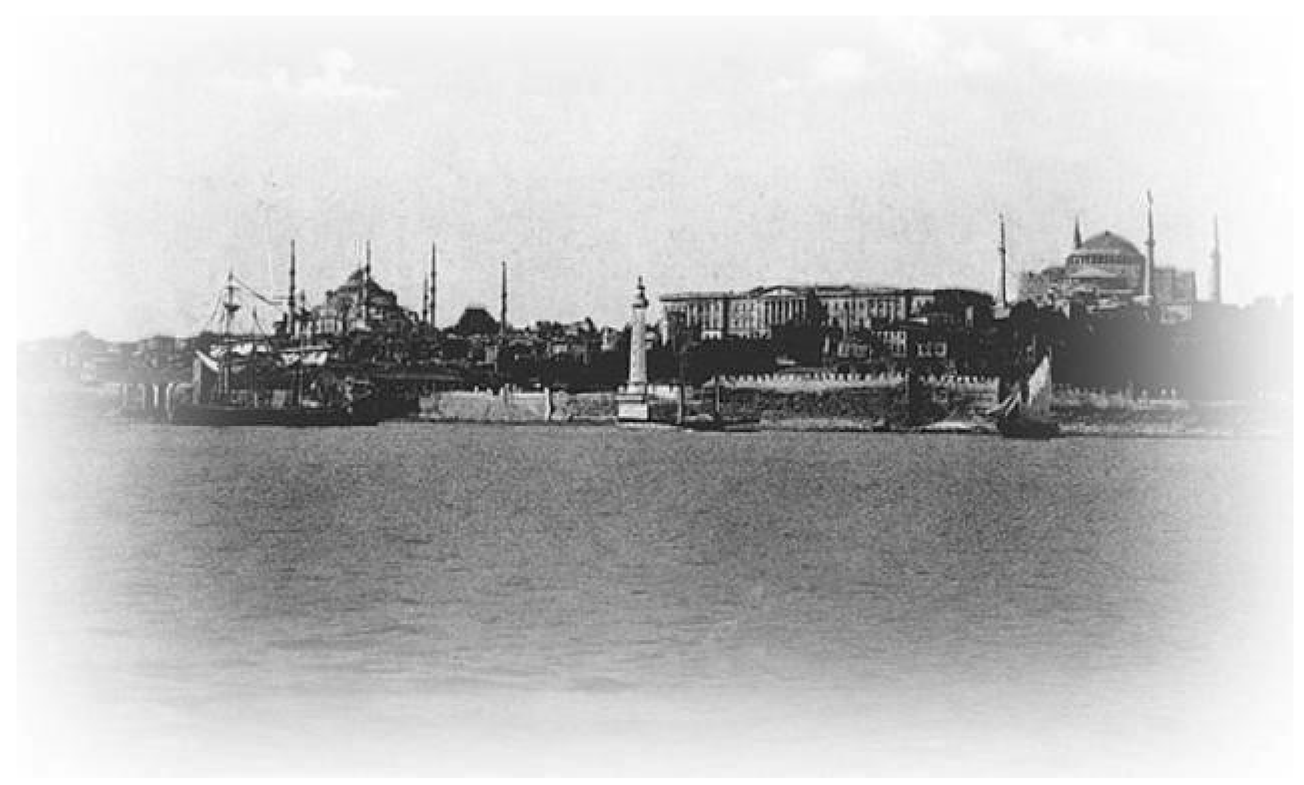
Вид на мечеть Аль-Акса, Иерусалим, Старый Город. Фото Б. Гальперина.

Вот теперь Америка на всех перекрестках кричит, что борется с терроризмом. Но кто же, как не сама Америка, вызвала к жизни этот терроризм? Еще задолго до всяких взрывов и гибели людей американское кино стращало нас террористами. Террористы были сплошь арабы, а храбрые борцы с ними — сплошь американцы. Арабы захватывали самолеты и теплоходы, брали заложников, убивали их по одному, а то и всех. Экранная кровь хлестала во всех кинотеатрах мира. Наши демократы угодливо подставляли под демонстрацию все программы телевидения. Людей приучали думать, что арабы — люди недалекие, люди-звери, а уж палестинцы, те вообще…

Даже немного зная историю арабской культуры, видишь, насколько безобразным было изображение арабов. Кто же тогда дал миру алгебру, арабские цифры, величайшую поэзию? Может, американцы? По всему этому я, справедливо возмущенный, написал статью «Кошка скребет на свой хребет». И, плохой пророк в своем Отечестве, пророчествовал об имеющих быть событиях в чужом. То есть это накаркивание терроризма, оно не могло не появиться в жизни после столь страстного его ожидания. Конечно, мои симпатии были на стороне несправедливо оболганных арабов.

Эта предыстория рассказана к тому, что вскоре вдруг мне последовало приглашение на самом высоком государственном уровне от руководства одной из стран Ближнего Востока. Они заметили мою статью и были за нее благодарны.

Приветственный ужин

Стамбул. Вид с Мраморного моря. 1900.

Меня встретили у трапа и привезли в многозвездочную гостиницу в такой огромный номер, что я его полностью за все дни пребывания так и не успел обойти. Состоялся приветственный ужин, где я познакомился и перешел для удобства на «ты» с переводчиком Махмудом. На ужине было все, кроме возлияний, что меня даже обрадовало: выпивать можно и на Родине, за ее пределами надо работать. Тут моя работа, как я понял, была проста: отдыхать, говорить речи о дружбе, смотреть, радоваться теплу и свету, ибо в это время в моей России было пасмурно, и в погоде, и в общественной жизни.

Мы, конечно, для начала поругали, со знанием дела, и американскую, и израильскую политику. Именно политику, надо это подчеркнуть: ни к евреям, ни к американцам у нас претензий не было, но политика их правительств была хамской и стервозной во всех отношениях. Они закоснели в гордыне и всевластности. Вооружаясь, они от других требовали разоружения и так далее.

Незнакомые кушанья были превосходны, и я, прямо скажу, переел, однако утром проснулся на аэродроме кровати свежим и энергичным. Решил более не напрягать желудок. Голову же, как я понял, можно было не напрягать, речи о дружбе могла говорить и табуретка. Еще уставало от неподвижности и многочасового сидения сидячее окаменевающее место, но с этим я решил бороться. Мне же гарантировали свободу действий. Буду больше ходить среди цветущих бугенвиллий, да и море, сказали, недалеко. Обязательно залезу. Да, надо, непременно надо залезть в эти синие чернила Средиземного моря, ибо в эту чернильницу макаются перья пишущих мировую политику. Здесь ее кухня, этой мировой политики, здесь.

А вчерашняя кухня — это кухня арабов, а кухня — это часть культуры народа и тоже подлежит познанию. Так я себя оправдывал, стоя под душем. То, что эта часть здесь очень большая, я это вчера понял. Надо позвонить Махмуду, он сказал, что вся его жизнь на десять дней в полном моем распоряжении.

Позвонил. Оказывается, он уже составил программу. «Ты будешь доволен».

В девять, в холле

Собор Святой Софии. Стамбул. Вид через пролив Босфор. 1797.

Договорились в девять, в холле. Я спустился заранее и любовался рыбками в огромном аквариуме зимнего сада. Подошел вдруг ко мне служащий гостиницы и пригласил идти за ним. Я пошел, и был приведен в ресторан, на завтрак. Да, ведь я еще не завтракал. А я люблю завтраки в гостиницах. Берешь, на что упадет взгляд, никто не давит, не заставляет выбирать. Если понравится кушанье, можно еще за ним сходить. Не понравится — отставь.

Солнце за окнами сияло. Зелень и цветы в вестибюле, зелень и горы за окном, приятная музыка в динамиках, отсутствие московской телевизионной похабщины — все это радовало и вызывало аппетит. Но только почему вдруг такой завтрак называют шведским столом? Я еще и не знал, что есть такая страна Швеция, когда в любой колхозной чайной питание было точно таким. Выбор блюд был победнее, но и блюда и хлеб брали сами. Сами и чай наливали. Здесь выбор был разнообразен, и хотелось попробовать всего понемножку: и молочного, и мясного, и рыбного, и овощного, и фруктового, и десертного. А соков было, а напитков! А всякого благоухающего хлеба, разных кренделей, гладких и обсыпанных чем-то. А чаев, а кофиев! А всяких пирожных, тортов, всяческих сластей, кусками и врассыпную. И — вот интересно: вроде же я совсем не был голодным, вчера переел, но завтракал с удовольствием. И раза два, а то и три сходил за добавкой, за новыми образцами кушаний. Особенно нравился фруктовый салат.

В девять я жал крепкую руку Махмуда.

— Как почивал, сиятельство? — Махмуд занимался русской историей.

— Валлахи! — отвечал я, что означало: «Слава Богу!»

— Едем завтракать! — скомандовал Махмуд.

— Ты что, я прекрасно позавтракал.

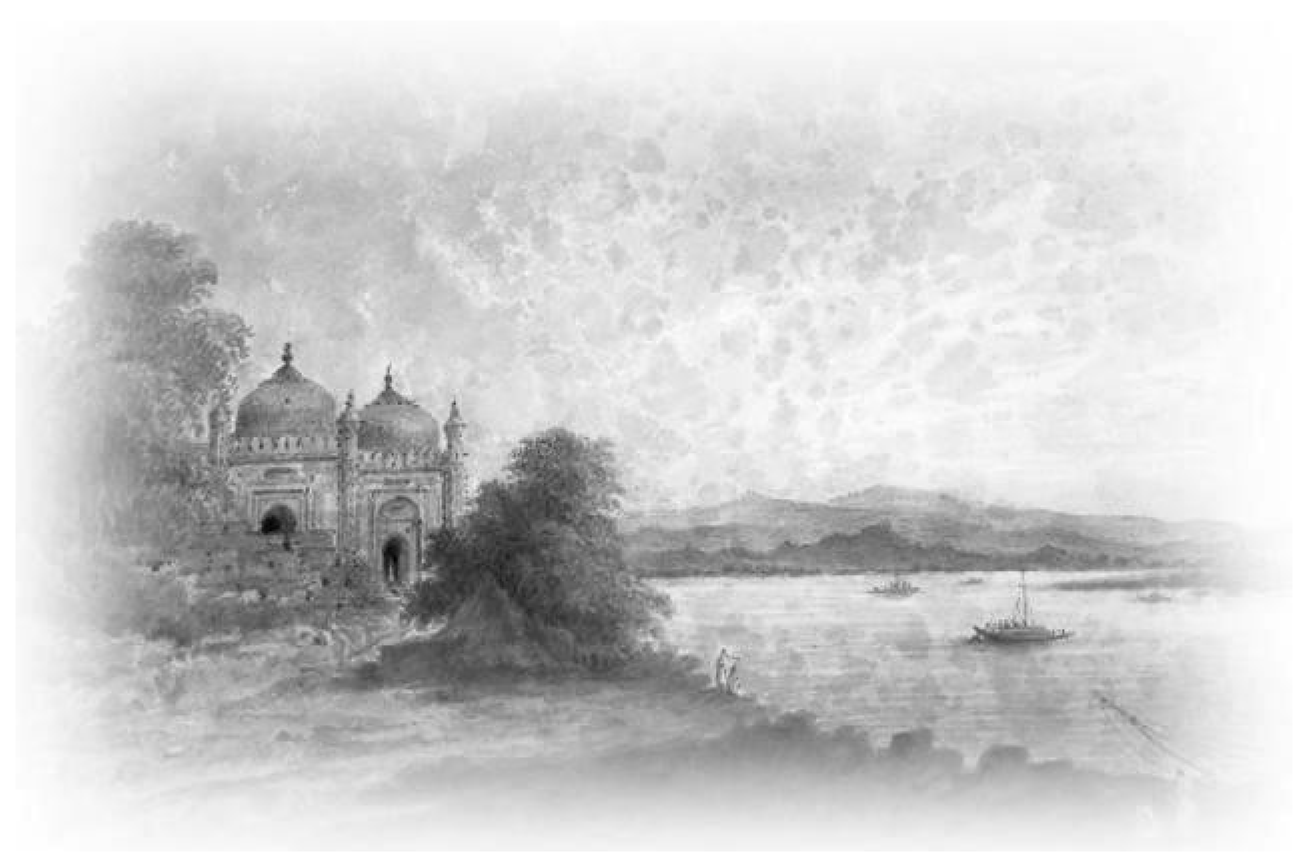
— Хах! — воскликнул Махмуд. — Ресторанный завтрак, ф-ф! — Он брезгливо передернулся, устыдив меня. — Это не завтрак. Извини за каламбур, это пародия. Я тебя везу завтракать серьезно. Там будет господин Али. У тебя могут быть к нему вопросы.

— Какие?

— Ну, у него к тебе.

Пришлось ехать на завтрак. Хоть и говорилось, что Махмуд был в моем распоряжении, но я же понимал, что это фраза для вежливости, это я был в их распоряжении. Тем более, вдруг этот Али и Махмуд не завтракали, как их лишить завтрака? Так посижу.

По восточному городу

Мечеть Акбари на берегу Ганга, Радж-Махал. Акварель. 1820.

Мы ехали по восточному городу. Очень люблю восточные города: они живые. Это не муравейник Европы, музейный и банковский. Тут жизнь, там существование. Здесь неожиданность, там расписание. Везли меня в «Мерседесе», в котором звучала, как сказал Махмуд, пустынская музыка. То есть музыка бедуинов. Пела знаменитая бедуинка, забыл ее имя. Махмуд сказал, что, скорее всего, мы ее услышим вживую в один из дней. Голос был действительно чарующ. Она даже на непонятном расстоянии эфира любила меня, пела только для меня. Я ее полюбил.

Приехали в ресторан на искусственном острове. Столики среди цветов, журчание воды. Снова приятная постанывающая музыка. Улыбающийся господин Али ждал нас. Мы принялись за еду.

Люблю Ближний Восток, а больше всего люблю его хлеб. Вспомним, что город рождения Христа — Вифлеем, что означает по-арабски Бейт-лехем, то есть город хлеба. Хлеб, питающий нас две тысячи лет, пришел отсюда, с Ближнего Востока.

В ресторане — такая удача, спасибо Махмуду — прямо на виду у всех выпекали хлеб.

— Ты знаешь, такая печь даже у нас редкость, — объяснил Махмуд. — Видишь, барабан не стальной, даже не из глины, а из цельного камня. Его высекали из глыбы вручную. Как скульптуру. А огонь, видишь? Не газ, не уголь, дрова. А дрова у нас — о! это не сибирская тайга, дрова у нас дороже газа и нефти. А тесто, видишь? Мешает не машина — руки. Раритет! Или, лучше сказать, — антиквариат? Как?

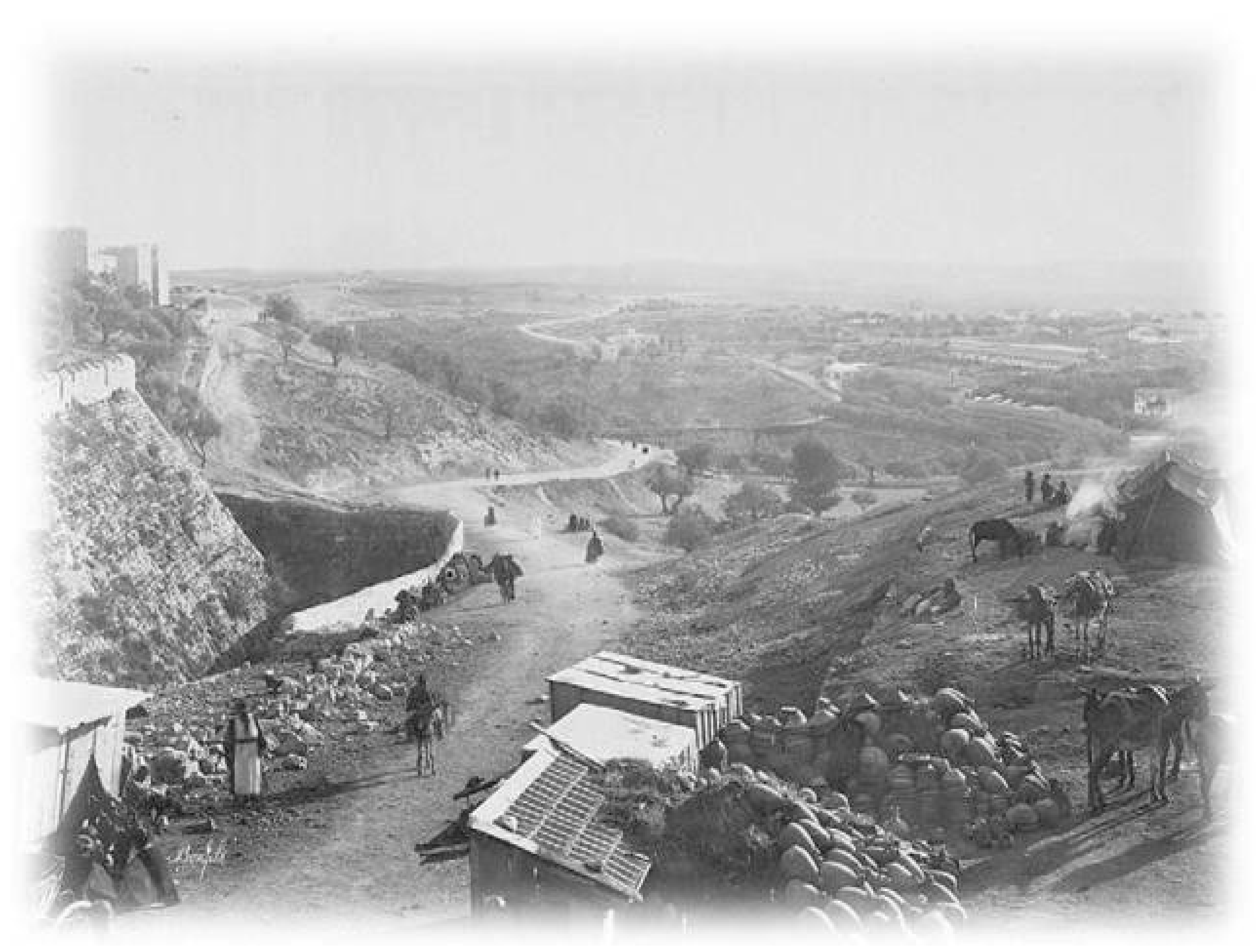
— И так и так, уникум, одним словом, история, ископаемое. А можно подойти поближе, посмотреть? Это удобно? Хоб? (Хорошо?)

— Вполне. Ему даже нравится внимание. Арабы не скрывают тайн мастерства. Он на сцене, это театр.

Да, мастер-пекарь был бесподобным артистом. Только он не играл мастера-пекаря, а был им. Я пронаблюдал весь цикл приготовления хлеба и был в полном восторге. Стоял в благоухании прежде выпеченного хлеба и благоговейно лицезрел действо превращения муки в

чудо свежего хлеба.

Помощники месят тесто, отщипывают от него кусочки, бросают мастеру. Мастер пробует их на упругость, на растяжение, бросает обратно. Наконец принимает от помощников толстый круг белого теста и начинает выделывать с ним неописуемое: этот круг летает вокруг мастера, растягивается, сжимается, переходит из левой руки в правую и наоборот, крутится над головой как винт вертолета, и кажется, что вот-вот поднимет мастера в воздух и тот улетит в горы, но нет, вот лист уже как белая порхающая бабочка, тончает, светлеет, увеличивается, и вот он, уже большущий, взлетает над мастером последний раз, будто захватывает побольше воздуха, закрывает много пространства и хлопается на раскаленный каменный барабан. Через пару секунд в разных местах хлебного белого листа вспыхивают золотистые пятна, а еще секунды через три-четыре, беря отвердевший лист руками за края, мастер снимает его. Это уже как сферическая крыша хлебного дома. Мастер вздымает это чудо, этот золотой хрупкий лист, ломает его на куски, раскладывает по тарелкам. И сам отламывает маленький кусочек и пробует. Даже прикрывает глаза, не мешая ощутить вкус созданного. Удовлетворенно кивает и радостно улыбается. А помощники уже приготовили новую толстую лепешку. И мастер, будто совсем не устал, вновь принимается за дело.

Феликс Бонфис. Дорога на Вифлеем. Фото XIX в.

Я поклонился весело вздевшему руки мастеру и вернулся за стол. И нам принесли свежего хлеба. Запах от него был такой призывный, что рука, уже не управляемая сознанием, взяла кусочек и, по примеру остальных, сидящих за столом, обмакнула его в один из соусов. А соусов на столе было множество, далеко за десяток. И все разные: и по вкусу, и по цвету, и по густоте, и по аромату. Кажется, можно было просто попробовать румяную корочку свежего хлеба, запить соком, зачем еще соус сытому человеку? Но видишь, как они пробуют соусы, и тоже им подражаешь. Да и интересно, что это за соусы. Коварство соусов в том, что они мгновенно разжигают аппетит. И вот — отведал соусов и уже не замечаешь, как ешь все, что несут. А несут часто и много.

Вопросы

Остров Грайя в заливе Акаба у скал Аравии. Литография по рисунку Дэвида Робертса. 1839.

От полного объедания меня спасал господин Али. Он задавал вопросы, Махмуд переводил, мне надо было отвечать, то есть делать паузу в поглощении пищи. Махмуд ел вовсю. Я заметил, что он не все вопросы Али переводил. Или мои ответы.

— А что он спросил? — интересовался я.

— Ерунду спросил!

— Какую ерунду?

— О свободе творчества.

— Но я бы ответил.

— Я сам за тебя ответил.

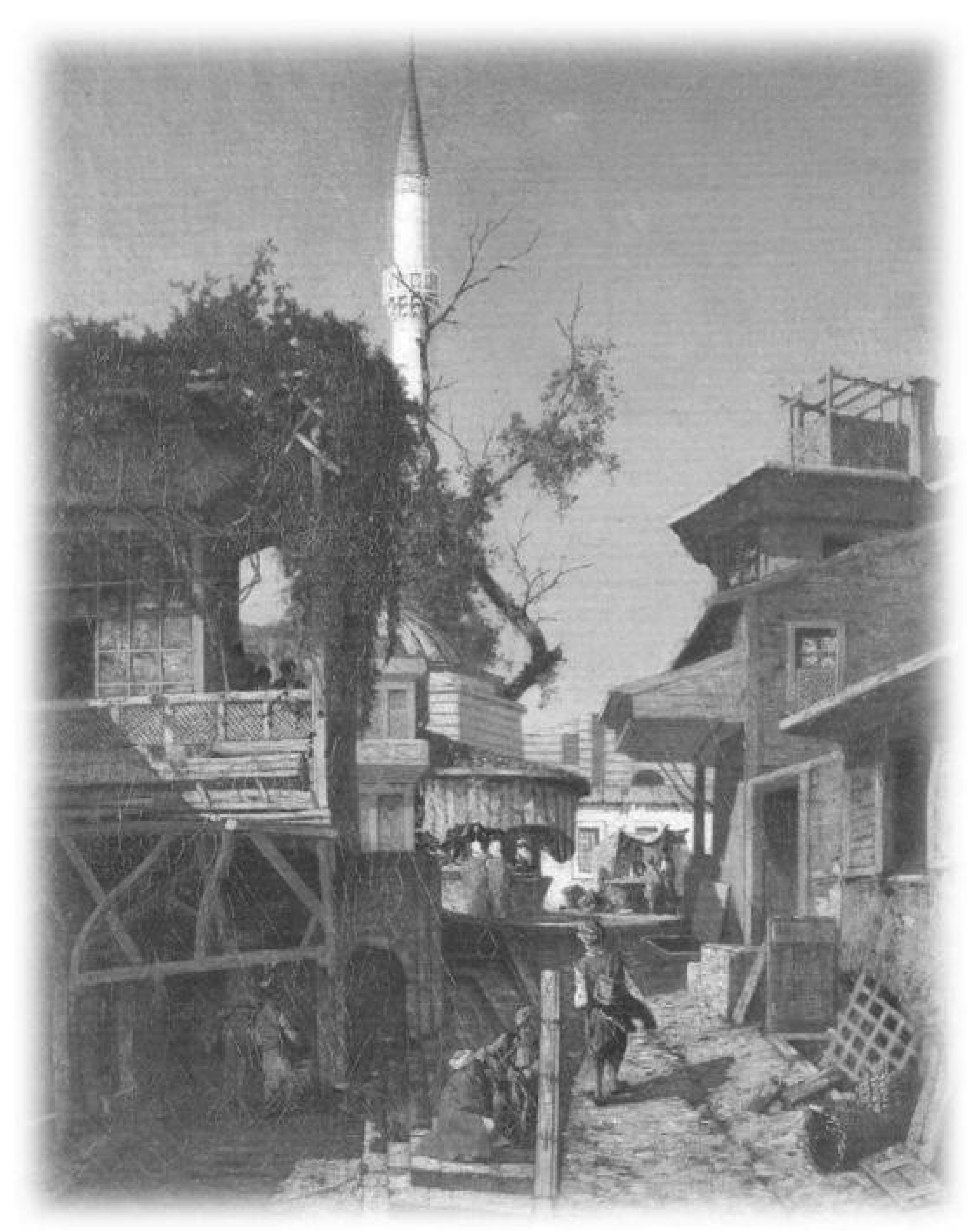
— Что именно?

— А! Сказал: умный всегда свободен.

— А может быть, я иначе бы ответил.

— Ты что, глупый?

— Какой есть, но я вовсе не свободен в творчестве. Например, статью, которую вы заметили, можно было свободно не писать. А меня принудила совесть. То есть я постоянно несвободен.

Фабиус Брест. Перекресток по дороге к собору Святой Софии Константинопольской. Не позднее 1900 г.

Махмуд что-то долго говорил Али. Я поневоле что-то жевал. Потом Али, обращаясь ко мне, произнес целую речь. Я перестал есть. Махмуд перевел коротко:

— У нас общий враг — массовая культура. Страна, охваченная массовой культурой, не имеет будущего.

— Правильно, — одобрил Махмуд, но Али еще что-то говорил, я услышал слово «Россия». — Господин Али выражает тебе сочувствие по поводу захваченности России массовой культурой. У вас были Чайковский и Достоевский, но были и коммунисты, — теперь нет коммунистов, но нет Чайковского и Достоевского. Где они?

— Переведи: ушли в подполье. До начала монархии, то есть до ее возрождения.

— Ты веришь в возрождение монархии в России?

— Ты вначале переведи господину Али.

Они начали о чем-то говорить. Я же обратил внимание на приготовление сока. О, это тоже надо было видеть. Здесь не было такого священнодействия, как в выпечке хлеба, но была такая

ловкость рук, что тоже залюбуешься. Молодой смуглый парень брал левой рукой апельсин из корзины, подбрасывал, а правой, в которой был широкий длинный нож, взмахивал, перерубал апельсин в воздухе пополам, хватал на лету одну половинку (другая временно падала на сетку), опрокидывал половинку над механизмом выжимания сока, легонько, на полсекунды ее придержав, отбрасывал уже пустую корку, хватал вторую половину, опустошал и ее, и я не успевал заметить, как в воздух взлетал новый апельсин, тут же разлетавшийся на два полушария.

Пинель де Граншам. Пикник в Стамбуле на фоне мечети султана Эйюпа. XIX в.

Мы сидели долго. Запили завтрак чашкой кофе и заели парой пирожных. Напоследок я еще полюбовался хлебопеком. Он отблагодарил за любопытство целой половиной свежевыпеченного, золотистого благоухания. Я хотел дать ему денег, но резко был схвачен за руку Махмудом.

— Обидишь! Это же мастер. Твое внимание — вот награда.

— Бог стыдится вернуть поднятые к нему руки пустыми. Такой хадис (изречение) пророка подойдет сюда?

— Примерно. Значит, ты листал книги, которые у тебя в номере?

— Еще бы! Издатель поместил очень много хадисов, похожих на православные.

— Например?

— Забвение о смерти ожесточает сердце.

Господин Али, мы уже садились в машину, добавил:

— Ничто так не продлевает жизнь, как делание добра.

На улице начиналась жара, но в просторном черном автомобиле было прохладно и уютно. Опять звучала музыка. Хотелось ехать далеко и долго. Но мы уже снова приехали.

— Будем пить кофе, — сообщил Махмуд.

— Но мы же его сейчас пили.

— Хо! Ты не видел, значит, я так понял, настоящего кофе.

— Я его и не люблю. Выпил из вежливости. — Я все-таки надеялся, что меня не потянут за стол.

— Не любишь, потому что не знаешь, что такое настоящий кофе. Не растворимый — тьфу! — европейский и не жареный — тьфу! — турецкий, это все для простаков, арабский — вот вершина! Видишь? — Он показал на увитую виноградом кофейню.

Кофейня

Дэвид Робертс. Назарет. 1842.

Нас встречал веселый арабчонок в белой чалме. Провел на узорные ковры, натаскал вышитых золотом подушечек, поставил в центр низкий столик, около водрузил башню серебряного кальяна, спросил, какой аромат мы пожелаем.

На маленькой сцене появилась девушка, вся в шелковых тканях. Одни глаза да руки в кольцах были видны, остальное — льющийся, колышущийся, переливающийся цветной шелк. Уже несли крохотные фарфоровые, с золотым узором, чашки, еще более крохотные фарфоровые наперстки со сливками, тут же, будто стая птиц, уселись на стол тарелочки с лакомствами. Конфеты разной величины и формы, орехи в сиропе и просто орехи, леденцы, рахат-лукум, козинаки и много всего такого, что и названия для меня не имело, ибо прежде и не бывало в моей жизни. Помня коварство соусов, разжигающее аппетит, решил к сластям не притрагиваться. Чтобы не разлакомиться. А лучше смотреть на девушку. Но, видимо, и такое поведение гостя было предусмотрено арабами. Вскоре я и на девушку любовался и ощущал во рту восточные сладости. Так сказать, услаждал и взор и вкус. Фисташковые орешки были в меру поджарены и неуловимо подсолены. Мне захотелось еще орешков.

Махмуд предупредил, что кофе, которое нам принесли, — это только прелюдия к настоящему кофе, увертюра, аперитив, так сказать. Конечно, голов на десять выше остальных, поглощаемых в мире, кофе, но главное впереди. Он повел меня смотреть, как готовят настоящий кофе.

— Слышишь запах?

Да, запах был тончайший и обволакивающий. Даже пьянящий. Мастер взял из небольшого льняного мешочка горсть зерен и коричневой струйкой слил их в кофемолку. Затем легкий как пыль порошок ссыпал в каменный ковшик, стоящий на жаровне, на древесных углях. Залил кипятком, тоже из ковшика, но уже серебряного, подождал неуловимое время и

выхватил ковшик с кофе, когда напиток вспыхнул мелкой белой пеной.

Попробовали мы и этого кофе. Но уже совсем изысканный сорт готовился в закрытой емкости, из которой кофе появлялось по капелькам.

— Восточный самогон, — назвал я это производство.

Махмуд и Али хохотали, очень довольные.

И в самом деле действие этого, «капельного», кофе было сродни опьянению. Ударило в голову, заколотилось сердце. Уж очень быстро я поднялся по ступеням качества кофе. Как в тумане плавала по сцене шелковая танцовщица. Махмуд и Али курили кальяны. В них булькало и хрипело. Но на кальян у меня сил уже не хватило.

Не путай меня с туристами

Дэвид Робертс. Иерусалим. Цветная литография. 1841.

Поехали смотреть развалины. Давно я разлюбил сии зрелища. Наглядевшись развалин от бомбежек, например в Эль-Кунейтре, не захочешь смотреть развалины былого могущества, разбомбленные временем. Смотреть на трещины и сколы мраморных колонн, на черепки керамики с остатками узоров, на выщербленные изразцы, на позеленевшие камни стен — что это? Экскурсия на кладбище эпохи, назидание, что и с нами будет так же? Но, по крайней мере, не было гида, никто не загружал датами и фамилиями. Просто гуляли. Но очень недолго. Махмуд сфотографировал верблюда, накрытого ковром, и меня перед верблюдом.

— Прокатишься?

— Ни за что, — ответил я, — не путай меня с туристами.

— Да нам и некогда, — сказал он, поглядев на часы, — пора обедать.

— Махмуд, господин Али, — оторопел я, — вы это серьезно?

— Смотри на часы — время обеда. За обедом будут большие люди: Мохаммед, устод, раис, как говорят у вас в Средней Азии, и профессор доктор Хусейн. Они тебе будут интересны, ты — им. Ты приехал познавать страну, страна — это люди.

— Давай ходить по улицам. Смотреть на людей. Я сыт-сытехонек.

— Как-как? Сыт-сытехонек?

— Да. Запиши. Превосходная степень насыщения. После него объедение и чревобесие.

Большие грехи. Разве ислам не порицает перегрузки желудка?

— Есть время пищи, время поста. Рамазан, байрам-ураза. У вас тоже посты. Сейчас нет поста, осень. Так?

— Махмуд, — я пробовал все-таки отбиться от обеда, — Махмуд, у нас пока получается демьянова уха. Помнишь басню дедушки Крылова?

— Дедушки? Нет. За обедом расскажешь.

— То есть нельзя без обеда?

— Программа, — ответил Махмуд.

Я смирился

Дэвид Робертс. Эль-Дейр. Петра. 1839.

Мы уже ехали. Ехали обедать. Я смирился Ресторан был за высоким, плетеным из тростника забором. Внутри, в стиле этого забора, была плетеная мебель, столы тоже плетеные, над столами широченные соломенные зонты. Среди этой мебели летали официанты в народных костюмах, на возвышении играл оркестрик, между кухней и посетителями был очаг с открытым огнем — словом, дорогое заведение.

Профессора Хусейн и Мохаммед были милейшие люди, словесники, лингвисты-русисты. Но, хотя и русисты, по-русски не говорили, Махмуд по-прежнему переводил. Тема разговора быстро определилась, как только мне были сказаны комплименты о русской поэзии Пушкина и Есенина, о том, что их не понимают в Европе, а только на Востоке. В свою очередь я блеснул знанием Низами, Хафиза, Саади, и мы сошлись на том, что религиозность и нравственность внедряются в народное сознание еще и посредством высокой поэзии. Только я засомневался, что воспеваемое Хайямом вино — это символ, а не вино вовсе.

— Это духовное вино, — переводил мне Махмуд. — Экстаз, молитва.

— Но он же пьет с женщиной. То есть он с нею, так сказать, молится, так понимать?

Махмуд долго переводил мои слова застолью. Увеличил их раз в пять, не меньше. Профессора, поглядывая на меня, смеялись.

— Ты меня, наверное, таким дураком выставляешь, — сказал я Махмуду. — Чего они смеются? Надо точно переводить.

— Разве я переводчик? — вскинулся вдруг Махмуд. — Я приставлен к тебе как друг, как

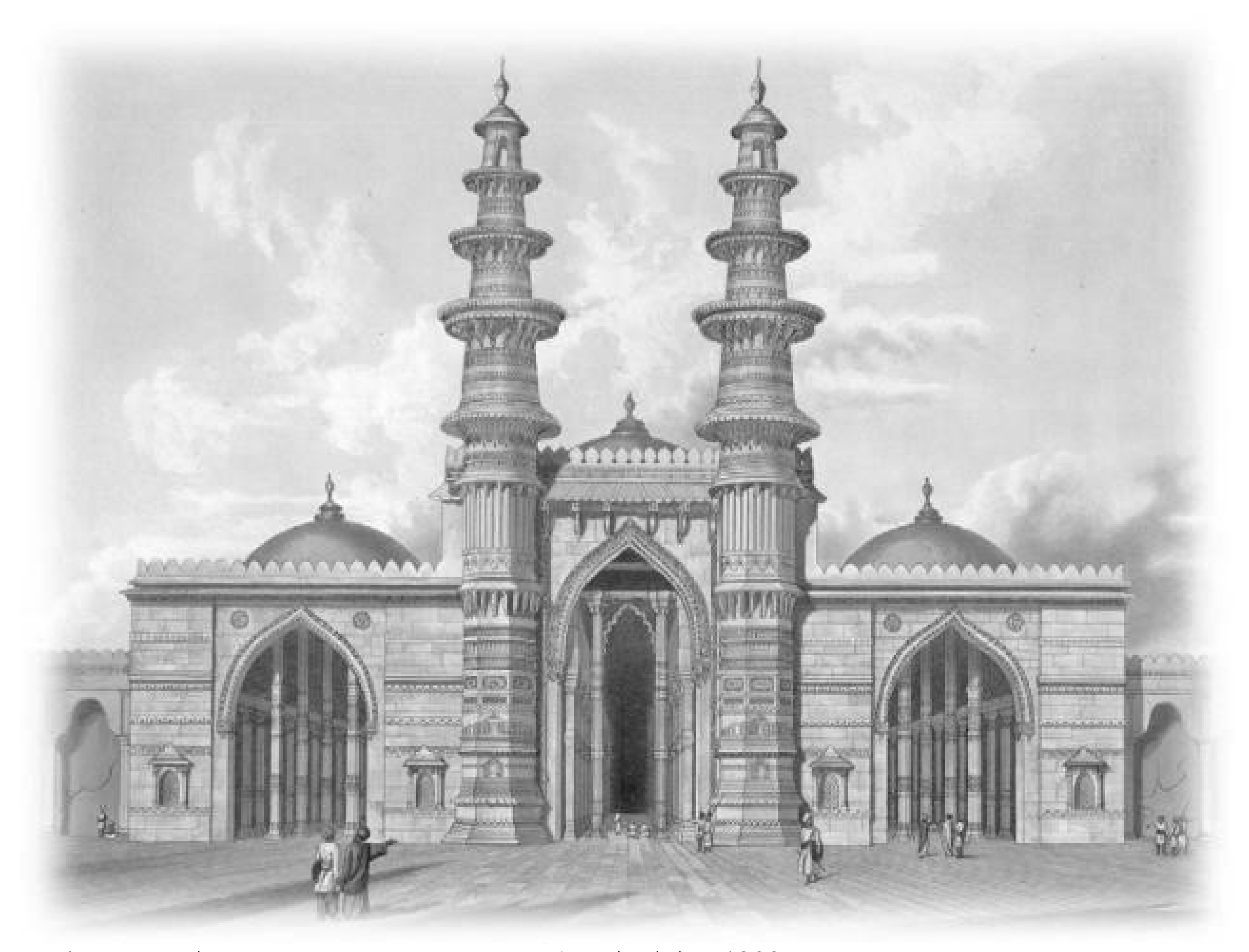
большой ученый, разносторонний специалист, как можно не понять?

— Извини, пожалуйста. Все-таки чем ты их рассмешил?

— Не я, а ты. Добавил только, что Восток в русской поэзии значительнее Запада. Ты не согласен?

— Согласен. Да будет благословенна твоя отсебятина и благословен род твой. На отсебятину не обижайся. Отсебятина — это смысл творчества.

— Запишу.

Роберт Гриндли. Дрожащие минареты Ахмедабада. 1809

Тем временем стол заполнялся. Снова началось нашествие соусов, подливок, приправ. Гора благоухающих, тонких, золотистых лепешек. Я был настороже, контролировал себя. Прислушался к себе: полная приятная сытость. Из вежливости отламывал по крошечному кусочку от лепешки, отпивал по крошечному глоточку свежего сока. Но вот принесли какое-то незнакомое кушанье. Извиняя себя тем, что надо же попробовать новый вкус, я и вкусил. И очнулся, когда тарелка предо мной опустела. И была тут же заменена другой, полной. Нет, так нельзя.

— Так много есть я не могу, Махмуд-ага. Махмуд-устод, Махмуд-раис. Это не обед, это какой-то тяжелейший труд.

— Это, хранит тебя Аллах, удовольствие. Не ешь, а знакомься. Вот. — Он показал, как это делается: колупнул вилкой в своем блюде, отведал кусочек, а тарелку небрежным движением кисти оттолкнул на край стола. Не успела еще тарелка закончить движение, как была подхвачена возникшим из воздуха официантом. — Вот так, таким образом, таким макаром, как у вас говорят. Да, а что такое демьянова уха? Я уху тоже заказал.

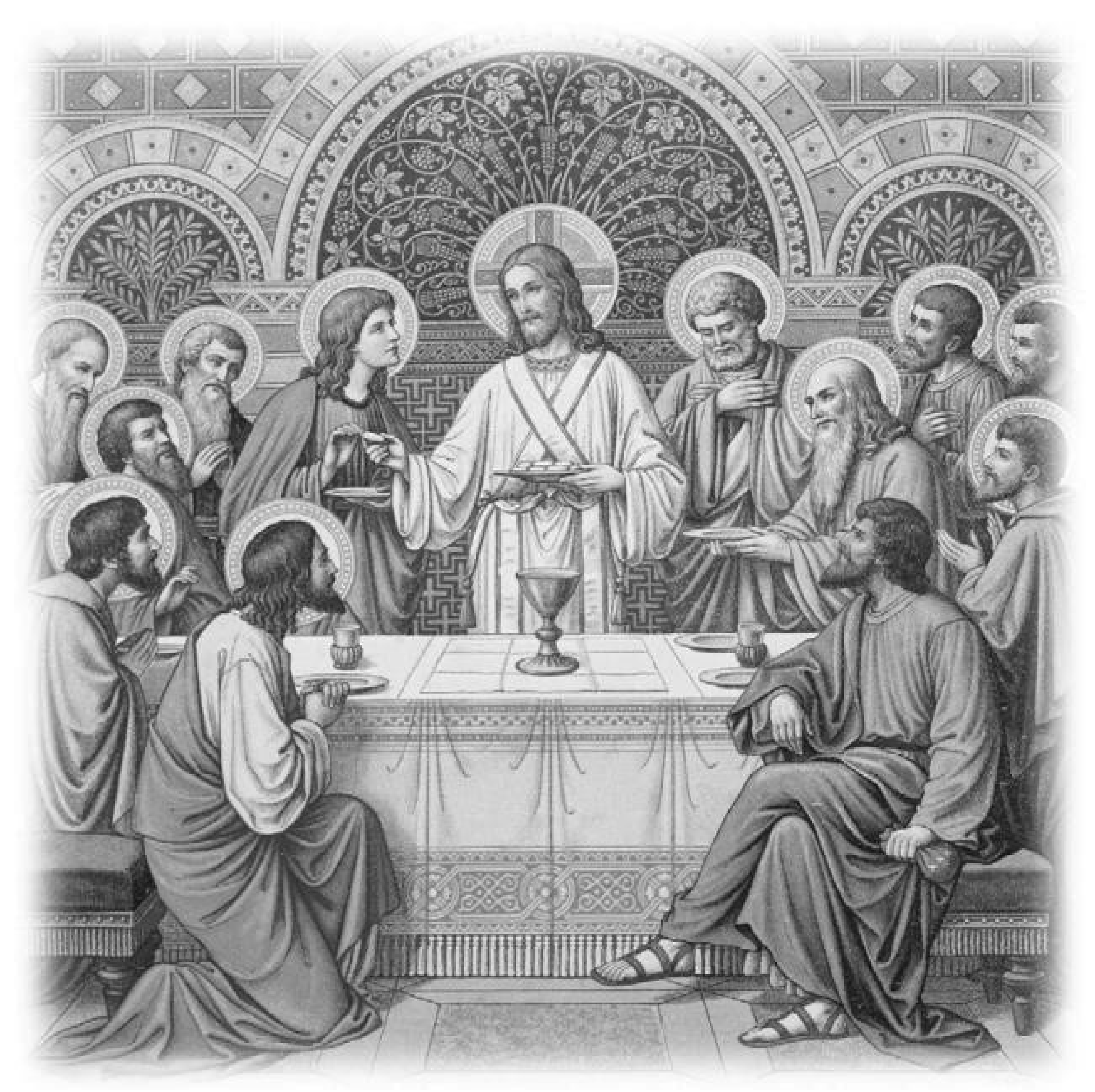
— Ужас! — сказал я. — демьянова уха — это насильное утощение.

— Насильно? Это нехорошо, это агрессия. Это политика Америки и Израиля — делать образ жизни других насильно по-своему. Нехорошо. — Махмуд обратил мое внимание на

очередное кушанье: — Традиционное арабское. Можешь только попробовать.

— Что это?

— Кислое верблюжье молоко, особым способом приготовленное.

Тайная вечеря. Фото Р. Седмаковой

Паоло Веронезе. Брак в Кане Галилейской. 1562—1563 гг.

Я попробовал, и вспомнил, и рассказал Махмуду и профессорам о простокваше детства, которую томили в русской печи.

— Печь уже протоплена, простокваша ставится в глиняном горшке и томится до обеда.

— Томится?

— Становится протомленной.

— Утомленной? Усталой?

— Протомленной. Сверху появляется такая румяная пенка, слабая корочка. А если еще этот продукт осторожно перелить в марлю и выдержать, чтоб ушла жидкость, получается творог вкуса… Ммм!

Махмуд записал слово «протомленное молоко» и мы стали говорить о молочных продуктах, потом вообще разговор стал гастрономическим.

Мы вовсю обедали: несли в чашках густой грибной суп, потом овощной, зеленый, потом в плошке принесли кусочки белой рыбы, а к ним превосходную уху, прозрачно-желтую, с блестками жира.

Несли второе — огромное плоское блюдо, в центре которого шипел бело-коричневый ошметок мяса, находящийся в оцеплении зелени, жареного сладкого картофеля, долек незнакомых овощей и фруктов. Морковь и яблоки я узнал. Тарелочки с соусами тем временем были сменены бутылочками и баночками с приправами, подливами, специями.

— Это к мясу, — объяснил Махмуд. — А второе второе… Не изумляйся: мясо — это второе первое, а будет рыба — это второе второе.

К своему немалому удивлению, я справился и с первым вторым, и со вторым вторым. Может быть, тут срабатывало чисто крестьянское — жалко, нехорошо выбрасывать пищу.

— Уф, — сказал я, откидываясь. — Отличное мясо, превосходная рыба. Все уел. Как говорит моя теща: лучше в нас, чем в таз. Запиши. Уел не в смысле кого-то уязвил ехидством, допустим, а все приел, съел, очистил, вместил, ужас! Сколько же я с утра слопал, стрескал? Так, конечно, грешно про пищу Божию говорить, но должна быть мера.

Махмуд переспросил про пословицу тещи и записал пословицу в книжечку. Я же, вспомнив, что и у меня должна быть записная книжка, полез в карман, но ее не обнаружил. Я даже не расстроился: уж какой сейчас из меня записчик? Опустив глаза на стол, я увидел перед

собой продолговатое блюдо под крышкой.

— Не надо, — испуганно сказал я, — не открывать!

— Вспомни свою тещу, — сказал Махмуд. — Лучше в нас, чем в таз.

— То есть: лопни брюхо, чем добру пропадать? Это тоже наша пословица, запиши. Есть у вас похожие?

— Про тещ? Есть. Ты забыл, что у нас не одна теща.

— А у тебя?

— У меня? — Махмуд пригорюнился. — Одна. Пока. — Он что-то сказал профессорам. Те показали по два пальца. — У них по две тещи. Значит, и жены две. Но вторую жену обычно требует первая. Ей нужна прислуга.

Лоуренс Альма-Тадема. Розы Гелиогабала. 1888

— А ревность? — наивно спросил я.

— Хо! Они лучшие подруги. А тещи крутятся вокруг зятя, как вокруг центра Вселенной.

— Хорошо вам, — сказал я и взглянул на ждущего мой приказ официанта. Он снял крышку с третьего второго. Белый ароматный пар лучше слов сказал о качестве продукта.

Махмуд плоской серебряной лопаточкой снял полосатую шкурку с красного мяса неизвестной мне рыбы, ловко отделил выгнутые ребра и стал так вкусно жевать, прикрывая глаза и постанывая, что я последовал его примеру. И выражаясь гоголевским языком, доехал эту рыбу от головы до хвоста.

Рассказал Махмуду и профессорам о Собакевиче, о его успешной борьбе с осетром, о том, как совершенно объевшийся у помещика Петуха Чичиков начинает снова хотеть есть, так как слышит, как хозяин заказывает повару «под видом раннего завтрака решительный обед».

— Меня тоже надо будет скоро вести к кровати под руки.

— До какой кровати? — спросил Махмуд.

— До гостиничной. Я уже от сытости ничего не соображаю. Завтрак в гостинице, два часа завтрака в ресторане, кофе пили, сейчас третий час сидим.

— Кофе сейчас принесут. Я сказал, чтоб тебе покрепче.

— Махмуд, я совсем не пью кофе, просто попробовал, какой бывает настоящий. Мне от кофе плохо. Я всю жизнь чай пью.

— Чай тоже принесут. Но кофе для пищеварения. Для бодрости. — Махмуд шевельнул поднятым пальцем, сигналя официанту. — Что будешь на десерт?

— Высокочтимый Махмуд! И это называется: беспривязное содержание? Неужели еще на сегодня есть какие-то мероприятия? Отпусти меня.

— О да! Да не заградит никто твой путь к водопою. Никакой программы! Беспривязное содержание — надо записать. Очень восточное выражение. На сегодня все. Пьем чай-кофе, едим десерт, отдыхать и на званый ужин. Приглашены хорошие люди.

Я тяжко вздохнул. Мы еще долго сидели, пили чай-кофе, заедали сладким десертом, который был обилен и разнообразен. Говорили о политике, культуре, литературе. Наконец я стал проситься в гостиницу.

В номере звонил телефон

Паскаль Косте. Площадь Имама. Исфахан. XIX в.

Застревая в пробках, мы добрались до отеля.

Отяжелевший, даже осоловевший, даже непонятно от чего охмелевший, я притащился в просторном лифте на свой этаж и долго тыкал в дверную щель электронной карточкой. В номере звонил телефон. Махмуд.

— Мне позвонили, — сообщил он, — просили быть в ресторане к семи.

— Махмуд! Но ведь уже шесть!

— Да, пора спускаться.

— Но хотя бы душ принять можно?

— Не советую, — сказал Махмуд. — Ужин в загородном ресторане, к вечеру прохладно, может продуть.

Я упал на кровать животом кверху и погладил его.

— Да, миленький, — сказал я, — достается тебе? А что же ты меня не тормозишь? И кто виноват? Ты или я? Или ты и я — одно целое, тогда что думать? Ну-ка, давай вспомним правило: завтрак съешь сам, так и было, даже два съел, обед раздели с другом, разделил, а ужин отдай врагу. Вот и давай отдадим врагу.

Брюки не сходились на животе, я надел рубашку навыпуск над сильно распущенным ремнем, умылся, с упреком глядя на себя, причесал остатки волос и седую бороду — и поехал на ужин.

И отдал его врагу! Кому же? Да сам и съел. Я враг себе, мой враг — мое чрево.

Сцена застолья. Фреска. Помпеи. I в.

Но уж и ужин был! Мы сидели часа четыре. И ели, ели, ели. А какая музыка была, какие павлины кричали, бродя на привязи у ограды и вздымая разноцветные веера хвостов. Какие певцы и певицы оглашали пространство сладкими голосами. Ждали главную певицу, бедуинку. Ту, голос которой я слышал утром, в машине. Уже и утро вспоминалось мне как далекое прошлое, закрытое от меня стуком ножей и вилок. Певица пела одновременно и для всех мужчин, ибо за столами были только мужчины, и для каждого в отдельности. Она как-то так умела поглядеть, так давала понять, что поет только тебе, что иначе и быть не могло. Мы сидели близко к ней. Между нашим столиком и ею сидел тяжело и неподвижно ее мрачный, крепкобородый муж. Сидел на сцене, свесив в зал ноги. Иногда засыпал, и певица начинала быстрее и вожделеннее двигаться, взмывать сквозящими в тонкой ткани руками и колыхать бедрами. Когда он просыпался, она работала только голосом, позволяя редкие, плавные подъемы рук не выше плеч.

А какая была еда! Я старался не есть ни мучного, ни мяса, ни даже рыбы, но являлась белая благоухающая, в аромате приправ, птица. Не хотел ни тортов, ни пирожных, ничего сладкого, но опускалось на стол, будто с неба, чего-то такое зефирно-воздушное.

Бедуинку увел муж, влача за руку по аплодирующему коридору меж столиков. Тут как раз выключили свет и внесли облитое голубым спиртом, пылающее мороженое.

Загремели барабаны, вострубили трубы — на сцену волной музыки выплеснуло танцоров. Гибкие юноши, обнаженные до пояса, и тонюсенькие девушки, все в широких шелках, которые висели на них и взвихривались на поворотах, и вроде бы закрывали тела, но закрывали так нескромно.

— Видишь как? — спросил Махмуд. — У грузинцев и молдавцев такого нет. У азербайджанцев тоже нет. У вас тем более?

— Что тем более у нас?

— Партнеры. Покружил одну, другую, третью даже. Разврат! У болгарцев тоже хоровод, коллектив. Тут прикосновений нет. А у шиитов вообще даже в автобусе разные места, чтоб женщины отдельно. У вас в метро давка, все прижимаются. Подумай — к твоей жене прижался чужой мужчина.

— Не прижался, а его прижали.

— Прижали! Тебе от этого легче? Хочется даже сказать… Нет, не скажу.

— А у еврейцев какие танцы? — спросил я.

— Не видел, — сердито ответил Махмуд.

Речи и здравицы

Дэвид Робертс. Акведук на Ниле. Остров Рода, Каир. 1838.

Начались речи и здравицы. Махмуд немного переводил, но тут все и так было ясно. Арабский — язык удивительной красоты и музыкальности, вот отчего поэзия Востока так хороша. Речи походили на стихи.

В застолье очень одобрили мои слова о том, что слово «тост» навязано русскому языку. В русском всегда была «здравица».

— Пью ваше здоровье! — я вздымал очередной бокал с очередным соком.

Профессор, кажется, Хасан, очень хорошо сопоставил слова «искусство» и «искусственный». Пока искусство во многом искусственно, тогда как искусство и жизнь должны быть одно и то же.

— Вместе с тем, — поправил другой, — жизнь не должна подчинять искусство. Вагнер слушает жизнь, и его музыка похожа на жизнь. Но жизнь в Германии в это время полна милитаризма.

— Так, — сказал Хасан, — но в отношении русской литературы не так. Мы воспринимаем Достоевского, Толстого, Тургенева, Гончарова не как литературу, а как жизнь.

— И очень зря, — не выдержал я. — Не повторяйте ошибки Запада, он изучал нас по литературе и всегда ошибался. Теперь снова изучают нас по литературе. Но какая литература к ним хлынула от наших демократов? Литература отхожего места. И вот — результат: то мы представлялись ядерным монстром, которого все боялись. Кстати, очень хорошо, что боялись, мы удерживали зло в мире. А сейчас нас представляют страной криминала, разрухи и проституции. Проституции, особенно политической, конечно, хватает, но по преступности мы очень даже отстаем от той же Америки, не к столу будь помянута. Жизнь в России никогда не была литературной. Века примерно с восемнадцатого.

— Тогда по каким документам изучать Россию? По историческим?

Это спросил доктор Хасан, любезно придвигая ко мне на место опустошенной тарелки новую, полную.

— Тоже бесполезно. Россия может быть понята только единственным путем — любовью к ней и пониманием, что определяет ее судьбу Православие. Мы много раз могли погибнуть, а все живы. Почему? Россия — Дом Пресвятой Богородицы, подножие Престола Небесного.

— Мы очень уважаем Святую Богородицу, — сказал Махмуд. — Очень. И чтим Иисуса Христа и Иоанна Крестителя. И Георгия Победоносца. Чтим также пророка Мусу, Моисея.

Также ожидаем Второго пришествия пророка Иисуса.

— Иисус не пророк, — перебил я, — Он — Сын Божий. Моисей — пророк, Мохаммад у вас — пророк, Иисус Христос — Сын Божий.

Роберто Бомпиани. Римский пир. 1875

Они помолчали, но не возражали. Официанты летали вокруг нас бесшумно и деловито. Ставили все новые тарелки. Поневоле приходилось взглядывать, что принесли.

Жанр застолья предполагает, кроме разговоров на общие темы, еще и темы гастрономические. Я очень хвалил арабскую кухню, мне в ответ очень хвалили русскую. Конечно, называли обычный набор: пельмени, икра, уха, окрошка.

— Спасибо, но все названное — это ничтожные осколки великой империи, которая называлась русской кухней. Есть книги «Домашний быт русских царей» и «Домашний быт русских патриархов». Их нельзя читать голодными. Но после вашей великой кухни — можно.

— А если после американского хот-дога — «горячей собаки», сосиски в хлебе?

— Что мы о них? — возмутился я. — Много им чести, еще и тут их вспоминать. Вот, например, ели вы щеки осетра, вязигу? А рыжики с пуговку, которые входят в горлышко бутылки и хранятся свежими, только в собственном соку, без всяких приправ? Грибы рыжики. А грузди?

— Да, по грибам и по икре вы всех впереди, — подтвердил Махмуд — Это я все пробовал. Да, народ, сохранивший национальную кухню и женщину, стряпающую на кухне, имеет будущее!

— Даже оккупированный массовой культурой? — поддел я.

До этого молчавший профессор Хусейн высказался:

— Нет, кухня не спасет, спасет оружие. В Римской империи было изысканное блюдо — сурок в меду. И где та империя, и где тот сурок? Только у Бетховена. Песенка: «И мой сурок со мною».

— Но все-таки, — это Махмуд сказал мне по-русски, им не переводил, — кухня и империя, империя кухни — это впечатляет. У России есть будущее, у нас, — он обвел застолье рукой, в которой держал нож, — у нас тоже есть. Но когда еда собачья, какое тут будущее?

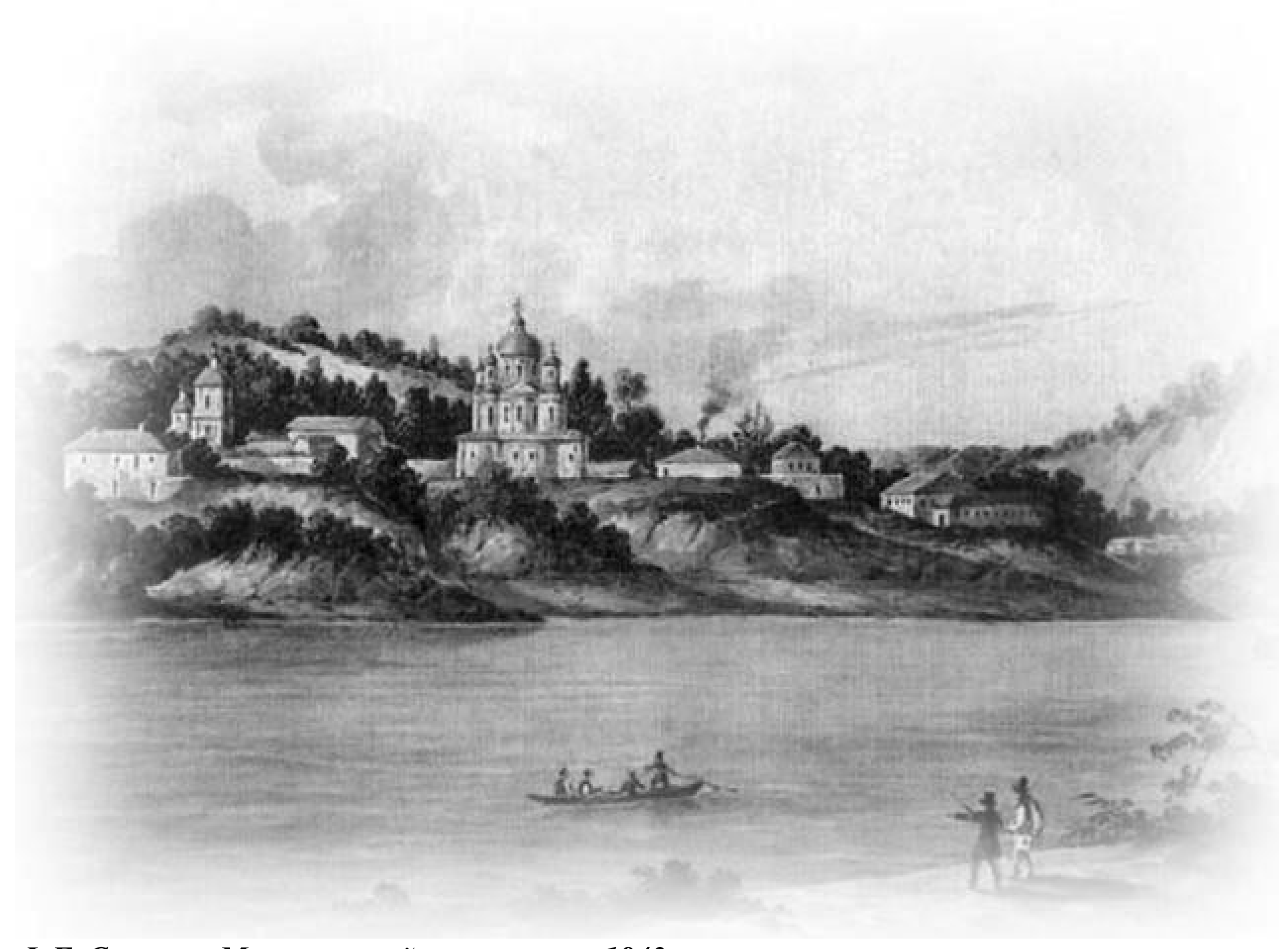
Делают деньги? Чтоб их жрать? Подавятся. — Он ловко покрутил ножом и вдруг с размаху воткнул его в торт, который уже царствовал в центре стола. — Хот-дог, биг-мак, мек-моней… Тошнит! Я однажды попробовал гамбургер — неделю рвало и изжога еще на месяц. А в Москве, в Москве! Уже эти обжорки и даже в самом центре. Эти «Макдональдсы». Зачем пускаете? У нас видел хоть одну их обжорку? Нет, и не будет. У нас они зубы сломают. Сломали во Вьетнаме, сломали в Ираке. К вам ползут под видом борьбы с терроризмом. Ты спроси террориста, он террорист? Он мститель!

— Это разговор к десерту? — спросил по-русски доктор Хасан. Махмуд, несмотря на мое слабое сопротивление, навалил мне на тарелку кусище торта. Я попробовал — торт был хорош.

Послышался треск и разрывы финального фейерверка, закричали павлины. Мы пошли к машинам. В машине было тихо, свежо, казалось, машину легонько покачивают волны арабской музыки.

У подъезда долго прощались. Я выпросил у Махмуда свидание утром не в девять, а хотя бы в десять. Поднялся в номер. Глаза сами закрывались. Неужели только сутки моей жизни прошли в этой стране?

Россию спасет православие

Ф.Г. Солнцев. Межигорский монастырь. 1843

В номере трещал телефон. Ну кто, кто, кроме Махмуда, мог мне звонить! Зачем я взял трубку?

— Спускайся! — скомандовал Махмуд. — Приехал специально, учти, специально с тобой встретиться, Рустам. Он специалист по религиям.

— Но я-то не специалист. Я на ногах не держусь.

— Нельзя, обидишь. Как же не специалист, ты сказал, что Россию спасет религия.

— Не вообще религия, а Православие.

— Видишь. А ты говоришь! Спускайся, мы в ресторане, тебе чего заказать? Кстати,

Рустам говорит по-русски лучше меня.

— Ташаккур (спасибо) тебе за заботу. Но я уже сплю.

— Валлахи (слава Богу), ты не в России. Там будешь спать. Ждем!

Здороваясь с невысоким, смуглым Рустамом, я сказал:

— Меня так накормили, вернее, честно сказать, я сам так наелся, что готов был уснуть без вечернего правила. Вот что делает пресыщение.

Константин Великий приносит Город в дар Богородице. Мозаика. Собор Святой Софии, Стамбул

Доктор Рустам сразу дал понять, что хорошо знаком с православной литературой:

— Но святитель Тихон Задонский говорил, что надо иногда и по-… по-…? — он запнулся.

— Поизбыточествовать, — помог я вспомнить. — Поизобиловать. Но потом усугубить, усилить пост.

— Мне за вами не угнаться, — огорчился Махмуд. — Вы так изобильствуете словами.

Ресторан изобиловал посетителями. Но для нас был особый, под белой скатертью, столик.

— Мне ничего, — попросил я. — Сок или слабый чай. Травяной.

Рустам глядел на меня пронзительно. Я понял — будет допрос. И — точно.

— Россия сохранила имперские устремления?

— Еще бы! Я до сих пор, да и не один я, зову Стамбул Константинополем, Царьградом. Щит на врата Царьграда прибит навсегда. Над Святой Софией будет крест. — Я автоматически принял от официанта тарелку. «Маринованные осьминоги», — сказал Махмуд. — В Святой Софии наши послы выбрали веру православную, крестилась равноапостольная Ольга. Каждый день в наших храмах поминается святитель Иоанн Златоустый, архиепископ Константина-града, как иначе? Да, у меня имперское мышление.

Второе пришествие. Греческая икона. Начало XVIII в.

— Но им обладают нынешние руководители?

— Не знаю, не общался. Но и большевики, и демократы — это одно и то же: воровать собранное не ими, присваивать чужое. Живут только паразитированием. Соединять времена и пространства, крепить государство может только Православие.

— То есть вы снова пошли не по тому пути?

— Как Богу угодно. Иншаллах (как Бог даст). У России миссия в этом мире — все перепробовать, все возможные пути, и сказать, куда надо, а куда не надо идти.

Принесли новое блюдо.

— Креветки под легким маринадом, — объяснил Махмуд.

Но я и сам отличил креветок от съеденного уже маринованного осьминога.

— Но почему, — допрашивал Рустам, — от вас так резво убежали бывшие республики?

— Как убежали, так и прибегут. Думают, новые крыши крепче. Но какие б ни были, ты под ними не хозяин, а из милости. Распад — следствие лжеидеологии, слабости таких понятий, как экономика, оружие, и доказательство силы православия. От СССР осталась только вера православная.

— Но у вас же есть и ислам.

— И буддисты есть.

— И иудеи?

— Куда денешься, есть. Но это все такой мизерный процент. Можно добавить в перечисление, как блох, наползших в теплую шубу, разных протестантов, сектантов. Но погоду делает, определяет сознание вера православная.

— Это была рыбная закуска, — объяснил осьминога и креветок Махмуд. — А сейчас начнется ужинный ланч. Можно так сказать? — спросил он Рустама.

Тот засмеялся:

— Лучше сказать — ночной обед.

Я ужаснулся — официант в белоснежном кителе подкатил просторную тележку и перегружал с нее на стол такое преизбыточествование! Как только тележка довезла?

Рустам приветствовал меня полным бокалом гранатного сока.

— Хорошо для крови.

— Для крови-то хорошо, — согласился я, подумав про себя: а для желудка? Но выпил и гранатного сока, и другого, и третьего. И решил уже ничему не удивляться: ни еде, ни разговору. Узрел легкий овечий сыр, поел сыра, разглядел орехи — употребил, увидел еще и другие орехи, залитые сиропом из лепестков розы, — насладился.

Доктор Рустам молотил приносимые яства с огромной скоростью. Он торопился допрашивать меня. Извлек из длинного черного пиджака тетрадь размером с букварь.

— Итак, — он утерся салфеткой с национальным орнаментом, — вы считаете, что православная вера единственно правильная. Так?

— Для меня — да. Она принесена на землю Самим Богом, Иисус Христос — Сын Божий.

— Мы также верим в Его Второе пришествие.

— Слава Богу. Но ждете как пророка, опять же. А Он принесет Суд.

— Но именно Христос перед Вознесением обещал послать людям Утешителя. Он говорил о пророке Мухаммаде.

— Нет, вот тут мы не сойдемся: Он говорил о Духе Святом, о Пятидесятнице — дне, когда на апостолов в виде языков пламени сошел Дух Святой. Это вначале понимало латинство, потом отпало: идея земного блага для них выше. Социализм, коммунизм — все это порождения католиков.

— Испытанные на России, — вставил Махмуд. Он что-то приказывал официанту.

— Увы! — воскликнул я. — Мне только руками развести. — И в самом деле развел руки, а когда свел, меж ними оказалась наполненная фруктами тарелка. — Увы! Создали муравейник, одобрили банк, ростовщичество, благословили стяжательство богатства, создали индустрию развлечений. Вознесли рынок над культурой, остальное — гибель души — свершилось автоматически.

— Иудеи не послушались Мусу-Моисея, впали в разврат, тогда пришел Иса-Иисус, так? — спросил Рустам.

— Да. Перед этим замолчали пророки. Приход Христа, Боговоплощение, было последней к нам Божией милостью.

— Христос так же, как Моисей, принес заповеди? — Рустам допрашивал меня, как студента.

Я вздохнул:

— Да, принес заповеди. Но сейчас вы скажете, что люди их так же не выполнили, как и Моисеевы, и вот уж тогда-то пришел Мухаммад. Так? — теперь уже я спросил.

— Разве не так? — поддержал Махмуд Рустама.

— Не совсем. Христос принес Христову Церковь, указал пути спасения. Разве Он где-то, кому-то обещал, что все спасутся? Спасется малое стадо. За что спасать развратников телевидения, циников эстрады и политики, ростовщиков, наркоторговцев? Христос указал на корабль спасения, на который можно попасть. Но надо сильно для этого потрудиться. — Для десерта были принесены специальные вилочки, которыми я цеплял дольки неизвестных мне по названию фруктов.

Купол греческой православной церкви. Кафр-Кана

Питер Брейгель Старший. Битва карнавала и поста. Музей изящных искусств, Вена. 1559

Рустам тоже очищал свое блюдо. Но оторвался от него:

— Но Иисус не учел испорченной человеческой природы.

— Нельзя же так про Бога говорить. Нельзя же представить, что Господь чего-то не учел. После грехопадения прародителей природа человека, под влиянием падшего Денницы, склонна ко греху.

— О! — Рустам вскинул руки. В каждой было по вилке. — О! И этим грехам, этой склонности к преступлениям нужна рама, нужна узда, жесткость. Для спасения человека, для его же счастья. Мухаммад владел инструментом управления людьми. Что такое заповеди блаженства? «Блаженны нищие духом!..» Нужны конкретные указания, как жить, как поступать. Если бы вы видели хадж, Мекку, Медину, вы бы поняли силу ислама.

— Я также могу сказать: если бы вы видели наши крестные ходы, вы бы поняли духовность православия. Я и без Мекки вижу вашу силу и уважаю в исламе многое: не пьете, не курите, семья крепкая, самоограничение, строгость рамазана — все это вызывает уважение. У нас сельский батюшка своим прихожанам привел в пример татарскую девочку, которая в пост не пила, не ела, а некоторые прихожане нарушали пост.

— Почему нарушали?

— Исправятся. Господь долготерпелив. Главная свобода — свобода освобождения от греха, но не по принуждению и страху наказания, не бьют у нас палками по пяткам, а по своей доброй воле. Нищета духом означает растворенность своей воли в воле Божией. Это главное и единственное счастье. Я прилепился к православию, и мне не надо больше ничего искать. Я спокоен: я нашел смысл жизни. Клянусь! Альхамду лилля! Хотя у нас клясться нельзя. Да — да, нет — нет.

Махмуд пригласил пересесть за низенький столик среди ковров. На столике дымился окованный серебром кальян.

— С ароматом яблок. Попробуешь?

— Отпусти меня, Махмуд. Я осоловел, обалдел, отупел от еды. Плохо соображаю. Представляю, какие сны меня ждут.

— Золотые! — уверил Махмуд.

— Шехерезадские! — добавил Рустам.

Не знаю, вежливо это было или невежливо, но я простился и поднялся в номер. А в номере, хоть плачь, хоть смейся, стояла огромная корзина с фруктами. Арбузы, дыни, виноград, финики, апельсины, абрикосы, персики. На отдельном блюде, окруженный сливами, вишней и маслинами, возвышался мохнатый, желто-зеленый ананас.

Конечно, я не притронулся ни к чему, пренебрег дарами ближневосточной природы. Но в отместку за это они мне снились всю ночь.

Самое приятное в утреннем пробуждении было то, что я проснулся совершенно выспавшимся, а значит, счастливым. Я даже запел, стегая себя резкими струями контрастного душа.

Степь да степь кругом,
Путь далек лежит…

А также:

По диким степям Забайкалья,
Где золото моют в горах…

Да, подумал я, мы ж еще о Китае не поговорили. Надо поговорить. Очень же легко решаются все проблемы, когда на столах изобилие. Но сегодня никакого избыточествования! Завтракаю в отеле и — вперед, к познанию страны и народа! Стоп, какой завтрак? Ты что, вчера не наелся?

Я спустился вниз. Ноги принесли меня в ресторан. Вот уж поистине величайшая русская пословица: «Брюхо добра не помнит». Эта пословица повелевала мною с утра. Хорошо, думал я, сок, холодная простокваша и крепкий чай — это то, что нужно. Может быть, овсянка, может быть, кефир. Кусочек сыра, он здесь такой хороший. И никакого завтрака с Махмудом. Если он не завтракал, скажу: «Ешь, я на улице подожду».

В десять, у выхода из гостиницы, мы встретились с Махмудом так, как будто век не виделись.

— О чем твои высокие парящие думы? — спросил он. — Я видел, что ты о чем-то думал.

— Махмуд, спасибо тебе за высокое обо мне мнение. Со вчерашнего дня вся кровь моего организма обслуживает желудок, а не голову. Но нет, одну мысль я могу изречь. Плохо быть голодным, но плохо быть и чересчур сытым. Голодный думает о еде, пресыщенный не думает ни о чем. Тем более о голодных. Нужен средний, царский путь. Мы сейчас куда? Только не завтракать. Я уже перекусил.

— Перекусил что? Телефонный провод? А? Хорошая шутка? Нет, завтракать надо, как без завтрака?

Я сел на широкое мягкое кресло «мерседеса», поздоровался по-арабски («Сабахальхайр») с водителем, вновь услышал очарование «пустынской» музыки и…

«И так все десять дней?»

Дэвид Робертс. Церковь Рождества Христова. Вифлеем. 1839.

И начался день, который в точности повторил вчерашний. Вся вчерашняя объедаловка, обпиваловка, все эти многочасовые сидения за столиками все новых и новых ресторанов повторились и усилились. «И так все десять дней?» — думал я, пережевывая уставшими зубами все новые образцы восточных кушаний.

Язык тоже работал. Особенно он обработал политику, и мировую, и ближневосточную. Доставалось от Махмуда и его товарищей политике российской. Очень они критиковали нашу робость перед Америкой. Очень осуждали рознь славянского мира.

— А у вас? — отбивался я. — У вас полное единение, у арабов? Когда бомбят одних, другие не очень спешат на выручку. А послушаешь — все вы терпеть не можете политику Израиля и всяких клинтоно-бушей.

— Ну, это сложно, — отвечали мне.

— Так и у нас непросто. Конечно, стыд и срам, что мы отдали Сербию под бомбежки, струсили. И Болгария одобрила Америку, и прибалты, и чехи, и другие. Да, не сплотились мы в коллектив. Это я Заболоцкого вспомнил, знаете? Когда католики уговаривают Чингисхана пойти под папу римского, он отвечает: «Конечно, путь у нас различен, но вы, Писанье получив, не обошлись без зуботычин и не сплотились в коллектив».

— О, я знаю Заболоцкого, — воскликнул доктор Хусейн или Али, я пока их сильно не запомнил. — Жертва репрессий, так?

— Да у нас, почитать исследования по русской, советской литературе, все сплошь жертвы репрессий.

— Литература возникает из сопротивления официальному курсу, так? — спросил Махмуд, оторвавшись на секунду от разговора с официантом.

— Так примерно было во все времена. Но сейчас демократическая литература выработала тип лизоблюда, который угождает власти тем, что гадит на прошлое, издевается над всем святым. Таких прикармливают. Все крупные литературные премии последнего времени вручаются за антирусские книги.

— То есть их присуждают не русские люди? Евреи?

— Ну, на все евреев не хватит. Своих лизоблюдов полно.

— А вообще евреи оказывают большое влияние на политику? — спросил доктор

Хусейн. — Или умеренное? Или среднее? Или никакое?

— А вы как думаете? — отвечал я. — Думаю, они бы хотели оказывать решающее влияние, но не получается. Жадность фраера всегда губит. Это понятно? То есть меры не знают. Банкир петушинский воровал, приватизировал миллионные предприятия за копейки, чего еще? А все мало. Сидит. Конечно, с комфортом, с интервью, с ореолом страдальца. Конечно, вытащат. Но хотя бы следующие будут воровать осторожнее. Видите, до чего нас довели: уже мы тому рады, что воров власть уговаривает воровать аккуратнее.

Г.И. Семирадский. Князь Александр Невский принимает папских легатов. 1876

И опять звучала над нами арабская, обволакивающая, музыка. Пели чаще сладкоголосые мужчины. Их умоляющие, пылкие, иногда даже приторные голоса склоняли к взаимности предмет любви. Так ли я понял, спросил я, но ведь цель поэзии и песен — это стремление к взаимности.

— Несомненно, — подтвердил Махмуд. — Это все варианты русской песни: «Нельзя рябине к дубу перебраться, видно, сиротине век одной качаться».

— Переведи вот эту, — попросил я.

Махмуд прислушался:

— А! Это ты и сам можешь перевести, даже и не зная языка. Возьми, опять же, дерево. «О, это дерево над быстро бегущим потоком, оно так же одиноко, как я. О любимая, луноликая, цвет души моей, утренняя прохлада…»

— Краса очей моих, — подсказал я.

— Да, и краса, и очарование. «О Зухра, не будь жестокой, останови потоки моих слез, дай мне надежду, отрада моей мечты…» Так можешь смело переводить любую. Ну, разнообразь: не одинокое дерево, а путник в пустыне, идущий к свету и теплу костра. Все это звучит веками и не надоедает.

— Голоса у них, — сказал я, — прямо как халва.

— О! — воскликнул он. — Хорошо, что ты вспомнил. Халва! Надо угостить тебя нашей халвой.

— Не надо, я не совсем темный, я знаю, что такое халва.

— Не знаешь! Халва с фисташками, с миндалем, с горным медом. Когда попробуешь, будешь тогда только говорить, что знаешь, что такое халва. Настоящая!

— А с равнинным медом нет халвы?

— Поищем. Ешь.

Я вздохнул, глядя на восточную скатерть-самобранку.

— Видимо, в ваших, восточных, желудках больше ферментов, чем в наших, — высказал я догадку. — Серьезно. Я видел, как едят монголы, японцы, так и они меньше здешнего. — В этом месте одна песня сменила другую, и я вспомнил, о чем хотел спросить: — Да, Махмуд, по поводу песен о любви. Вот он, герой песни, так стонет, плачет, уговаривает, обещает, и когда он добивается своего, то как начинает петь? Поет песнь торжествующей любви, апофеоз победы, итог ухаживательного марафона?

— Таких песен я не помню.

— Значит, и у вас, как у нас: счастье — в его ожидании. Или в чем у вас счастье?

— В раю, у Аллаха. Сады, гурии, танцы, роскошная еда…

— То есть я уже в раю? Это же и на земле достижимо. Еще добавим восточные бани.

— Да, они тоже запланированы, — уверил Махмуд. — А что, в Монголии много едят?

— Все дни. Иногда и ночь прихватывают. — Я рассказал о том, как готовят в Монголии целого барана, как извлекают из него внутренности и кости, набивают пряностями, крутят над огнем сутки, а то и больше.

И что? И на следующий день повезли меня в загородный ресторан и подали нашей компании погубленного из-за моего рассказа ягненка.

— Жалко же, — сказал я Махмуду.

— Гостеприимство, — отвечал он.

В.М. Васнецов. Блаженство рая. Фрагмент росписи Владимирского собора в Киеве. 1885—1896 гг.

Но о чем же, скажите, говорить за едой, как не о еде, о том, где, как и чем кормят, что едят, что пьют, чем закусывают. Ко времени арабских застолий я успел-таки поездить по миру. Было что вспомнить. И очень интересно вот такое наблюдение. Я куда-то ездил, было какое-то мероприятие, кто-то что-то говорил… Но это, при возвращении, было никому не в новость. А вот то, что ты там ел и пил, об этом слушали внимательно.

— В Словении, — вспоминал я, — есть такое блюдо, вроде как слоеная плетенка из ломтиков мяса, сыра, перца, трав, забыл, как называется, вроде армянской долмы.

— А она как?

— Да как голубцы, только завернута не в капустные, а в виноградные листья.

И что вы думаете — на следующий день являлась такая полусловенская, полуармянская арабская долма, вкусная необычайно. Если за столом мы вспоминали японско-корейских фаршированных угрей, к следующему застолью они приплывали в продолговатых тарелках, сверкая жирной чернотой змеиного тела.

На свою беду, я вспомнил фирменный рыбный ресторан в Палермо на Сицилии — и был назавтра привезен в рыбный ресторан на побережье. На столе все шевелилось. Точно так, как я и рассказывал: стояла в центре огромная чаша с чищеными и разрезанными пополам лимонами, по тарелкам ползли лангусты и креветки, маленькие осьминожики, приносились горы моллюсков и вскоре уносились горы скорлупы, от них оставшейся. Устрицы тоже были живые. Все это надо было обрызгивать лимонным соком и поедать. Пища продолжала шевелиться и скрестись в желудке, а потом в животе. Но в Палермо я, по крайней мере, выпивал, запивал весь этот ужас ледяной водкой, которая оглушала и меня, и пищу, а здесь? Свежие соки оживляли съеденную морскую живность, и она продолжала жить. Так казалось.

— Вас все-таки не подмял доллар, — одобрял нашу политику Махмуд, вдвигая в свой рот и лишая жизни какого-то моллюска. — Но евро агрессивно. А ваших финансистов легко купить. Как?

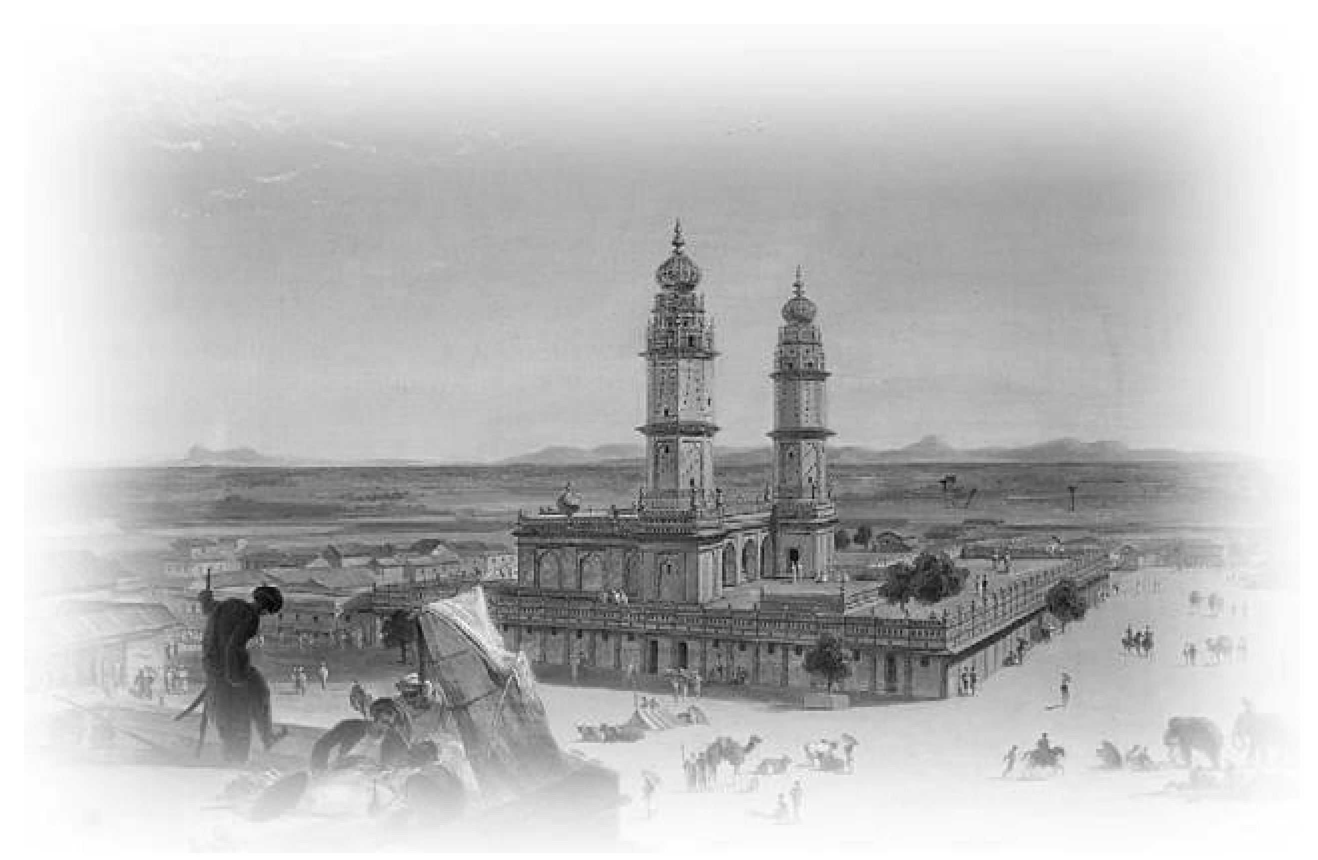
— Успокойся. — Я с содроганием глядел на красные клешни крупного краба. — Мы не Швейцария. Кстати, и она живет за счет наших вложений. И царского времени, и теперешнего.

Жив русский дух. Сократилась Россия в размерах? Да. И это промыслительно. Набираемся сил.

— И снова увеличитесь? — спросил уж не помню кто. Собеседники менялись почти на каждом обеде и ужине.

— Конечно. Так думаю.

Ты видишь территорию арабской земли

Альберто Пацини. Восточный пейзаж с мечетью. Не позднее 1840 г.

Наш «мерседес» с широкими сиденьями, музыкой и кондиционерами пролетал большие пространства. Это была моя просьба — больше объехать и увидеть. Про себя я думал, что, по крайней мере, в дороге не надо есть. Но Махмуд учел и это: он загружал в багажник огромное количество пакетов с едой.

— Харч-пакеты, так это называется, да?

— Так. Но мы же к обеду вернемся. А может быть, сегодня без обеда, а? Махмуд-ага?

— Как можно? Тебя давно не видел Рустам, помнишь? Я отдохну, он лучше меня специалист. — Он что-то сказал водителю.

— Что ты сказал?

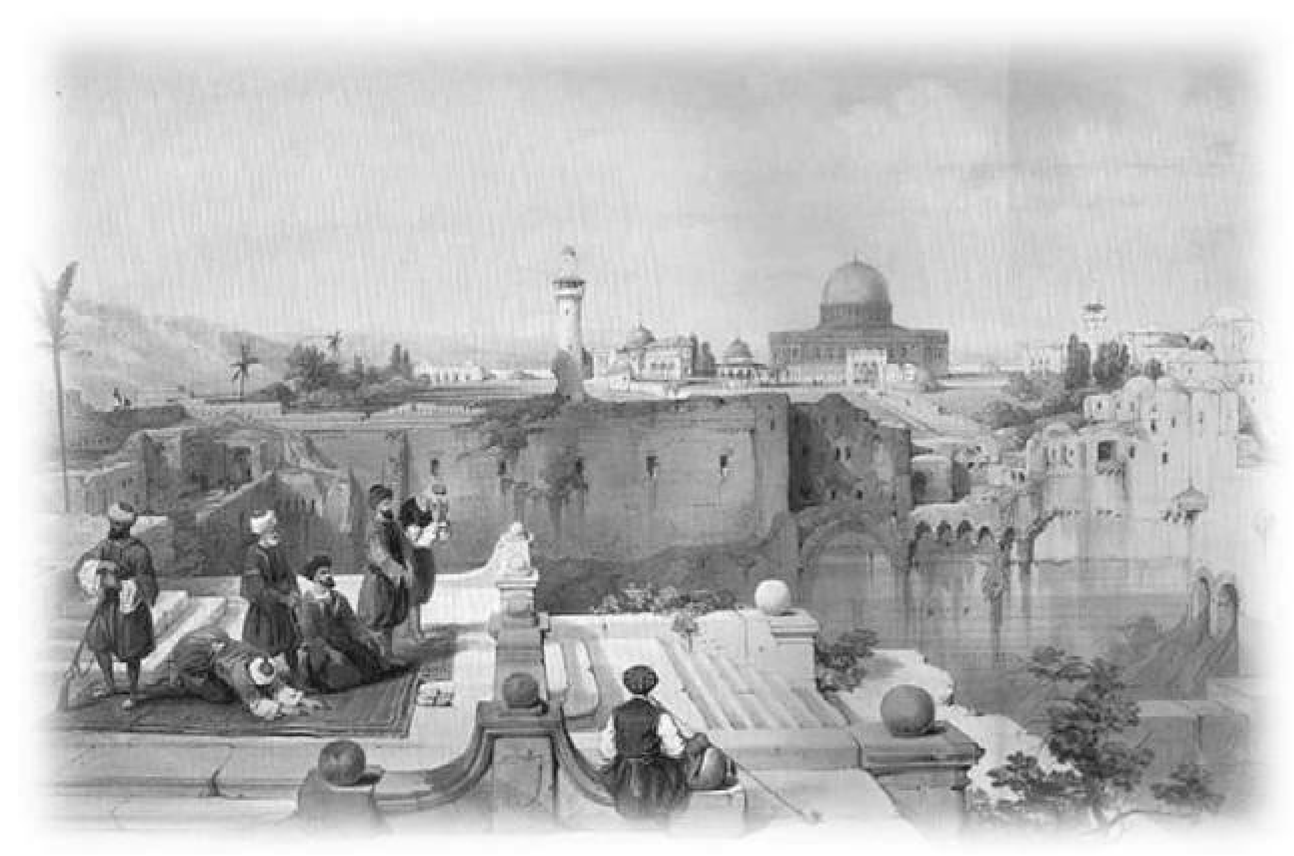
— Сказал: добавь прохлады и скорости, Ахмед.

— А, наконец-то я узнал, что он Ахмед. У него есть дети?

— Много.

— Ну вот, — обрадовался я, — он и заберет харч-пакеты.

— Посмотрим. Любуйся пока пространством. Ты видишь территорию арабской земли.

Дэвид Робертс. Моление в мечети Омара. Иерусалим. 1840

То красноватая, то желтая, то коричневая, уносилась в прошлое земля за стеклами. Иногда стаи шаров перекати-поля, как стада овец, двигались к горизонту. Мелькали изодранные шатры бедуинов с тарелками космической связи на шестах. Ехали бедуины на верблюдах, говорили с кем-то по мобильным телефонам. Снова мелькали развалины, возле них отели, автостоянки, зеленели рощи деревьев: маслины, пальмы, бананы, смоковницы — все древнее, библейское. Странно было говорить о пустяках, когда история Ветхого и Нового Заветов была и вблизи и вдали.

Но что считать пустяками? Приезжал в условленный заранее ресторан Рустам и опять заводил разговоры о наступательной и оборонной мощи России.

— Рустам, дорогой, — я уже и с Рустамом был на «ты», — ну что я понимаю в обороне? Да, я служил, да, я старший офицер запаса, но когда это было? Одно скажу — курс на контрактников и наемников подорвет нашу силу. Россия — родина любви, и защитить ее могут только любящие сыновья, а не наемники. Но вообще я за Россию спокоен.

— Почему?

Я тяжело вздохнул, уловив при вдохе разнообразный аромат восточной кухни.

— Почему? Ну как сказать? Вот есть восточный ум, есть же? Есть. Есть западный ум, а есть русский. Понимаете? Америка, от своей скудости ума, шарит по странам, тянет к себе специалистов, разживается чужим умом. Но и тут она обрежется…

— Как обрежется? — перебил внимательный Рустам.

— Обманется. Русский ум, пересаженный на чужую почву, поливаемый материальным интересом, быстро выдыхается. Ой, Рустам, еду несут. Давай лучше говорить о литературе. О еде. — Тут я неадекватно засмеялся. Они оба на меня посмотрели. — Долго я буду вспоминать ваши застолья, — объяснил я свое поведение. — А вообще у нас говорят: смех без причины — признак дурачины. То есть я от непрерывной сытости явно поглупел. Вы бы отпустили меня одного, а? Неужели еще я вам не надоел? Сказать нового ничего не могу, взгляды наши на Америку и Израиль одинаковые, мы это выяснили. Но мне теперь ваше гостеприимство надо будет долго отрабатывать.

— Что ты, зачем? — возразили они.

— Мне же вас так никогда не принять. Другое дело, если б поехать на мою родину, в

Предуралье, в Сибирь, — тогда да, тогда б вы поняли всю силу русской кухни.

Они оживились.

— Да, в самом деле, мы все о разных заграницах, а о России?

— Но вы же учились в России.

— О-о, — протянул Рустам. — Мы там под таким были колпаком, ты что. Институт — общежитие, редко когда массовый выход в театр.

— В Третьяковскую галантерею, в Бородинскую пилораму! — вставил давнню московскую шутку Махмуд. — Какая нам Сибирь? Снег, мороз, медведи, тайга — все умозрительно.

Я сказал:

— Вот, например, байкальская расколотка. Расколотка. От глагола «колоть», «раскалывать». В дом приносится мороженый омуль. В холщовом мешке. И в нем же он обухом топора на пороге крошится в порошок. Для этого блюда нужна зима и спирт. Водка не прошибет. Но это мне, опять же, не объяснить. Зимы у вас нет, водку не пьете. Хотя, если поедете в Сибирь, запьете. Вот это блюдо — байкальская расколотка, оно очень русское. Ну и бурятское тоже. Раздробленный обухом в порошок омуль высыпается в тарелку, солится, посыпается перцем. Это и еда, и закуска. С этой расколоткой можно выпить не поддающееся учету количество спиртного. Еще: тоже нужна зима, но мороз должен быть за минус сорок. За пятьдесят. Вас везут на аэросанях с мотором или на нартах с оленями. Вы промерзаете так, что даже ничего не соображаете, забываете семью и родину, сознание слабеет, руки и ноги не чувствуете, хотя их видите. Тут нарты останавливаются, достается из мешка строганина. Это такая северная рыба, например муксун, нельма, чир. Замороженная до каменной твердости. Вот ее строгают острейшим ножом на стружки, поэтому и называется «строганина». Эти ледяные стружки надо негнущимися пальцами класть в рот и думать при этом, что это такое изысканное сибирское издевательство перед смертью. Жевать окоченевшими мышцами скул невозможно, их тоже не чувствуешь. Как и все остальное лицо. — Я прервался, поглядев на Махмуда и Рустама.

— Минус пятьдесят? — недоверчиво спросил Махмуд.

— Бывает и ниже. Добавь сюда ветер. Представь, как под ногами несутся змеи поземки, как впереди темнеет — это идет снежная буря, вспомните песчаные ураганы, охладите их. Самум! Ураган!

Православная церковь в Сибири

Рустам поежился и пододвинул к себе тарелку с мясом.

— Так вот, — продолжил я, — в этой строганине спасение. Она тает во рту, течет по горлу, обжигая его горячей струей жира, идет к желудку, быстро его согревает, а от желудка спасительное тепло разбегается и вверх и вниз. Уже минут через пять начинаешь шевелить пальцами рук, а через десять — пальцами ног. Вот такой пылающий, спасающий, живоносный рыбий жир. Акулий? Нет, близко даже не может быть к сибирскому. А бараний вообще может убить. Если его съесть да залить негорячей водой, он будет в желудке как пробка, которую уже не ликвидировать.

— Да-а, — протянул Махмуд. — У нас бывало в эти дни за окном кабины «мерседеса» плюс пятьдесят. То есть переброска в сотню градусов. Ну у вас и нагрузки.

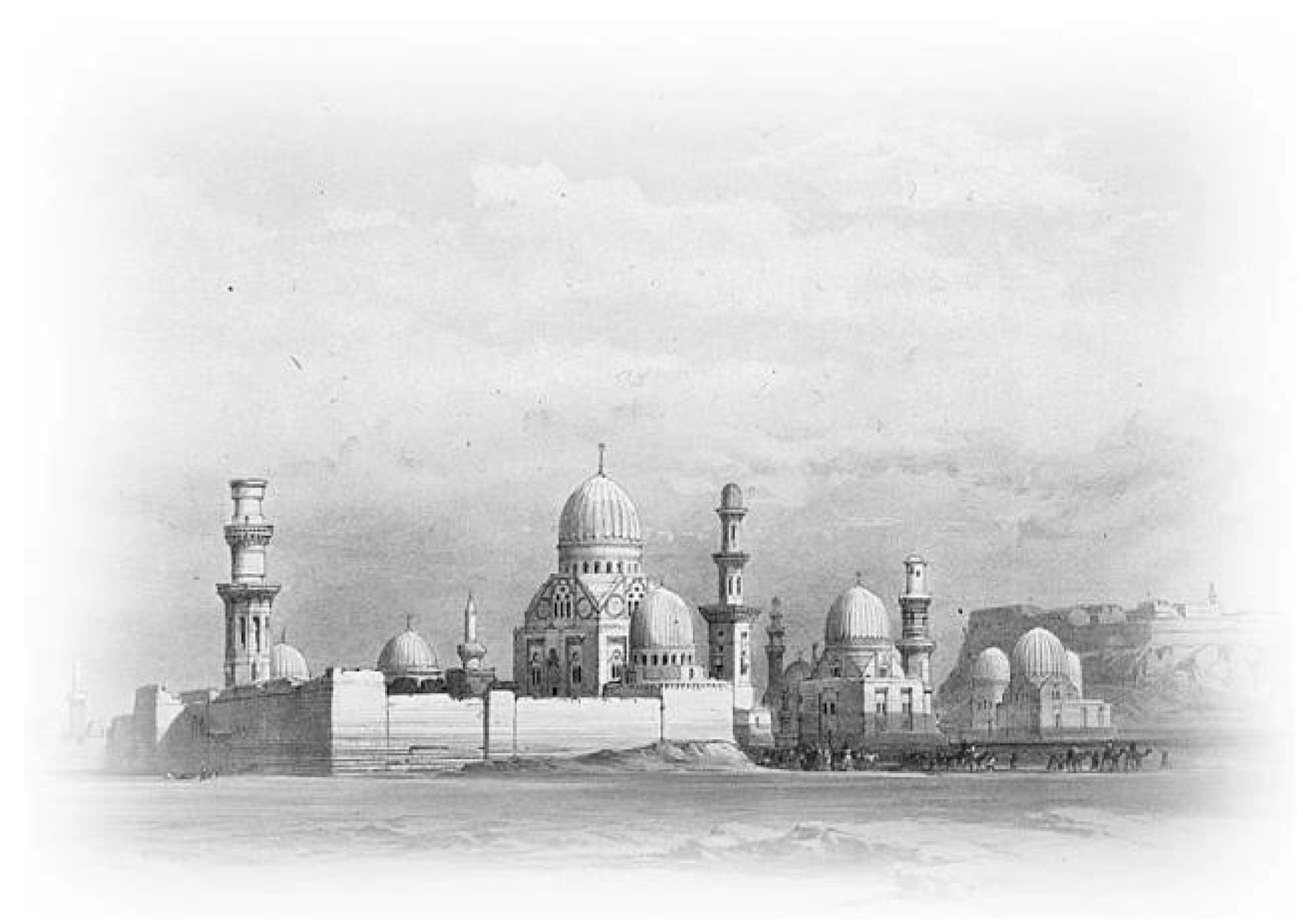
— Так вот и скажите, можно нас победить?

— Но здесь вы льете воду на мельницу врагов России. Они говорят, что не русские победили немцев, а генерал Мороз. А как же военный гений Сталина?

— Мы же не только зимой побеждали. А Курская битва, а взятие Берлина? А Полтавская битва, а Бородино? А Куликово поле? Били и всегда будем бить захватчиков. Они иногда это понимают и начинают разлагать нас изнутри. Но, слава Богу, мы это уже тоже понимаем.

— Но если вы не имеете влияния ни в правительстве, ни в прессе, то что значит ваше понимание? — так очень жестко и справедливо спросил Рустам.

Кто прочтет, кто услышит?

Дэвид Робертс. Могилы мамлюков. Каир. 1838.

Я долго молчал. Куда денешься, они были правы. Вот вернусь я в Россию, напишу добрые слова о Ближнем арабском Востоке, кто напечатает? Ну найдется смелый малотиражный журнал. Кто прочтет, кто услышит?

— Вы правы, — вздохнул я. — Мы, русские, живем в России, как в оккупированной стране. Радуемся, что есть полторы радиостанции, говорящие по два часа в день, да две-три получасовки, где под гармонь пляшут русские, как туземцы, и этому рады. Ну, соберемся, ну поскулим, что жизни нет, что русская культура задавлена жидовством, да и разойдемся. И опять погоду делают на сильно голубом экране два десятка хохмачей-евреев да два-три русских придурка. И опять, уже двести лет, застрявшие в зубах слова, что в России две беды: дураки да дороги, да что в России воруют, — такие клише. Понять же, что талдычить одно и то же — это признак тупости, дано немногим. Нет, надежда только на Бога. — Я опять вздохнул, но теперь уже от того, что на меня надвигался официант с подносом.

Мы молча ели.

— Надо прервать молчание, — сказал я, — а то у нас примета: замолчали в застолье — милиционер рождается. А их уже давно хватает. Так вот, эти штампы развиваются и множатся в таком же духе новые, например: единую Германию сделал лучший немец, рекламщик пиццы Горби. Это вздор, еще в пятьдесят втором году мы предлагали проект единой Германии. Америка не захотела, ей было некогда, готовила десятки атомных бомбежек городов России. Но наш зомбированный обыватель будет верить говорящим обезьянам телеведения, а не фактам. Будет верить, что мы живем «двести лет вместе», хотя правильнее было бы говорить: «Тысяча лет в гостях». И так далее.

О чем ты задумался

Иерусалим. Церковь Святой Анны. Фото Berthold Werner.

Три дня прошло или неделя, я уже не соображал: за меня все решали, даже и календарь стал не нужен. Я прислушивался к себе и немало дивился тому, что привык к такой жизни, что уже, так сказать, впился и въелся настолько, что уже и сам думал: а какое же застолье меня ожидает? Они как-то плавно перетекали одно в другое, менялись официанты и столы, собеседники, танцовщицы и певицы, но одно текло неизменно — поток пищи в тарелках, питья в бокалах, соуса в блюдцах и постоянные запахи роскошной восточной кухни. И конечно, аромат свежего хлеба и свежего кофе. Я уже и кофе хлопал помногу и уже без него жить не мог. Как я буду в России, думал я, кто меня там так накормит?

— О чем ты задумался, устод (учитель)? — спросил меня Махмуд. Мы ехали на ужин в пустыне.

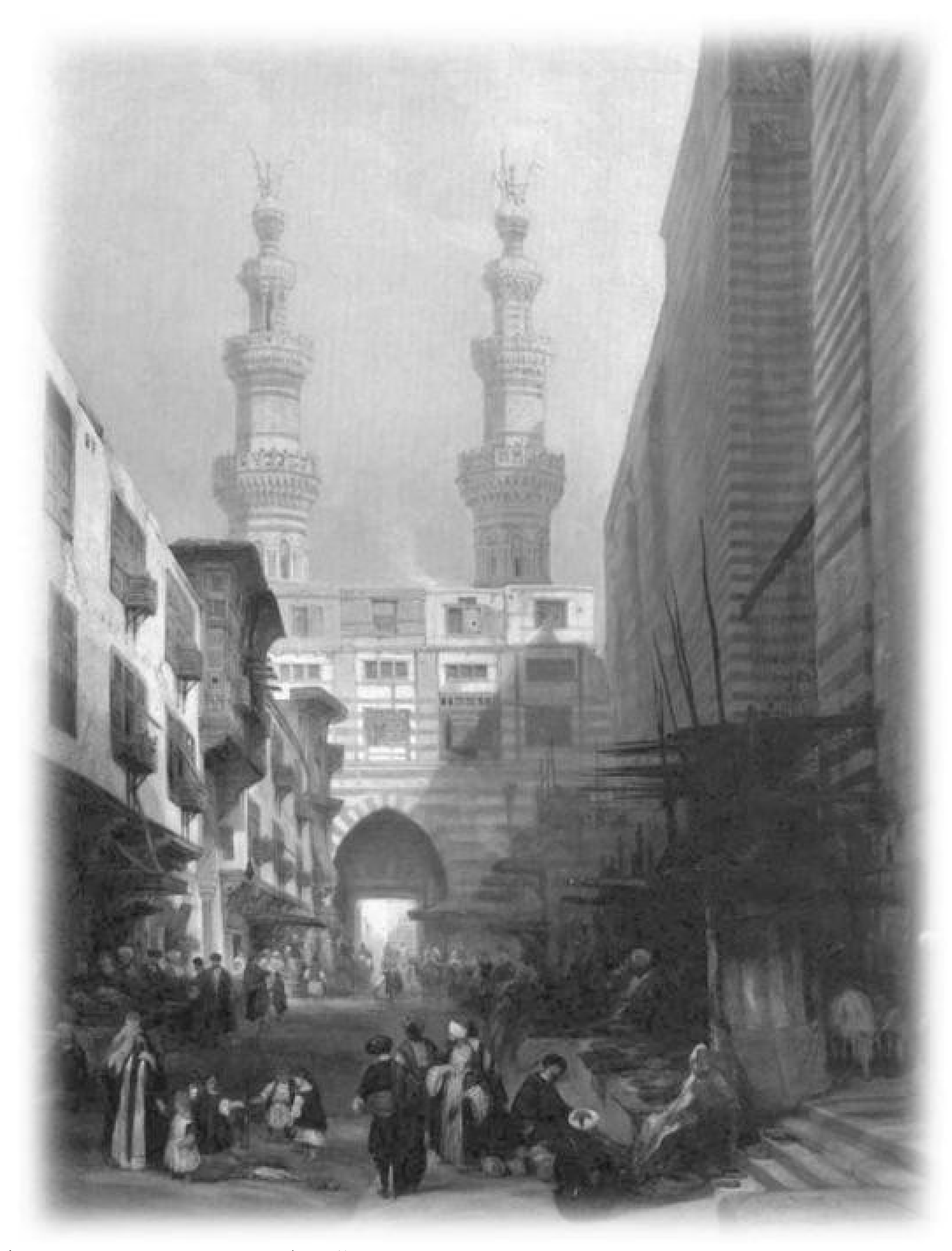
— Думаю, что Россия награждает писателей, говорящих правду, не такими вот обедами, а нищетой. Может, так и надо, а? За что нас возносить?

— Но вы же боролись! — возразил господин Ахмед, наш новый попутчик. Его, как и водителя, звали Ахмед. Только он говорил по-русски, но, может, и водитель знал русский, как их знать. — Вы боролись.

Тут Ахмед изложил краткий курс по советской и русской общественной мысли последней трети двадцатого века. Да так четко, с таким знанием фамилий и событий, что я поразился.

— Единственное, что я могу добавить, — после раздумья сказал я, — это деление этих борцов на три вида, разряда, категории, как хотите. Вот эти, чаще всего мелькаемые доселе фамилии — они боролись, да, но очень благополучно. Это номенклатура, прямые телефоны большому начальству, дачи, санатории, личные водители, пайки, зарплаты, у всех были хобби — кто оружие собирал, кто картины, кто редкие книги. Заваливали их подарками… Вместе с тем действительно считали, что борются за Россию. Считали заслугой упоминание русскости в строчке или между строк. Но все они прекрасно вписались в демократию и продолжают бороться. Второй разряд — это диссиденты, даже и посидевшие в тюрьмах. Но что они высидели? Демократию? Ее они хотели привести в Россию? Но ведь страдали! Их очень ловко из борцов с коммунизмом перевели в борцов с Россией. Не всех. Но все они, опять же, прекрасно устроились. И продолжают бороться. Не забывая постоянно упоминать о прошлой борьбе. Кстати, как и первые. Третий разряд — это люди бедные, от которых ни раньше, ни

сейчас ничего не зависело. Но они говорили правду. И продолжают говорить. Другое дело, что их не слушают. Но тут уж Бог всем судья.

Ты видишь территорию арабской земли…
Дэвид Робертс. Вид Каира. 1840.

Махмуд заговорил о бедуинах, значит, мы к ним подъезжали.

— Бедуин уверен, что дал детям образование, если они понимают время по часам и считают до десяти.

— Но я видел, — сказал я, — бедуинчика-мальчишку на верблюде, он говорил по сотовому телефону.

— Так там как раз цифры до десяти, — сказал Ахмед. Мы засмеялись.

Был костер, три или четыре вида разнообразно приготовленного мяса, были опять же соусы, травы, приправы, «пустынская» музыка, морды верблюдов в свете пламени костра. Махмуд, очень довольный, широко поводил рукой:

— Ты видишь территорию земли арабов. Хорошо, да? Тут проходил заведующий

войсками Саладдин, его боялись англосаксы, мы не забыли.

— Полководец, лучше сказать, — поправил я. — Да ведь и мы все помним. Но сейчас мне, спасибо вам, да продлятся ваши драгоценные, многоцветные годы, сейчас так хорошо, что я даже временно не вздыхаю о России, да помогут ей Господь и Матерь Божия. Вспоминаю хадис пророка: «Если не можете изменить чего-либо, потерпите, пока Бог не изменит». Потерпим! Махмуд, Ахмед! Хабиби! Я вас люблю. Мархаба — привет! Правильно я запомнил?

— Сколько можно терпеть? — спросил Ахмед.

Слава Богу, скоро домой!

Церковь Димитрия в Угличе.

Мы возвращались так поздно, что я думал: ну уж сегодня-то обойдемся без полуночного застолья. Да, без застолья обошлось, но без еды и питья никак. На спуске с горы, перед городом, перед распахнутым видом на огни моря, мы остановились. Нас ждали с подносами, на которых были напитки, и тут же принесли и кофе. Я чуточку отошел в сторону от машин, глядел на север, старался отделить корабельные огни от отражения звезд в воде.

— Хорошо! — вслух сказал я. — Хорошо. Слава Богу. Слава Богу, скоро домой. Домой! — сказал я вслух. — В снега, в леса, в милую Вятку.

Наутро меня приехали терзать еще два специалиста по России. И терзали, допрашивали целый день. Обстановка располагала: ковры, свечи, благовонные курения, бассейн с золотыми рыбками, камины, бани, а в банях вновь ковры и кальяны, и кофе, и, конечно, восточная, а какая еще, музыка. Целый день у меня пытались узнать секрет непобедимости России. И будет ли она еще непосредственно участвовать в крупных конфликтах? И так далее.

Совершенно измученный, я отвечал, кутаясь в гигантские махровые полотенца:

— Но как же не надвигаться конфликтам? Вы Саладдина вспомнили, а ведь он курд, а в курдах живет дух реванша. Даже у монголов. Почему даже? Но ведь чего не жить им: вода чистая, пастбища сохранены, дацаны возрождены, нет, надо вспоминать Чингисхана и завет его: владейте миром, тем, куда ступит копыто монгольского коня. А если оно ступало на Венгрию и так далее? Немцы внутренне не смирились с поражением, японцы, англичане владели полусветом, кичились, что в их империи никогда не заходит солнце. Америка хамеет от

безнаказанности…

— Почему?

— Ни разу как следует по морде не получала, вот почему. Можно, я схожу в бассейн?

На другом краю бассейна меня ждал человек в чалме с подносом, на котором теснились бокалы с холодными соками. А также новый дознаватель с новым вопросом:

— Как вы думаете, у России есть неизвестное оружие?

— Даже точно есть, — отвечал я, пытаясь понять, какой же я сок выпил. Вроде айва. — Есть, конечно.

— Какое? — подскакивал и второй товарищ.

— Не знаю, — честно говорил я. — Но как не быть? Иначе чем же сдержишь дядю Сэма? У меня есть знакомый оборонщик, и вот был случай лет уже десять назад. Один наш подлец продал секреты электронных средств то ли наводки, то ли обнаружения низколетящих целей. Огромное предательство. Об этом писали.

— Да, у нас тоже писали, — поддакнул товарищ Ахмеда.

— Так вот. Я возмущаюсь, а земляк мой, этот оборонщик, говорит: да это и хорошо, пусть. Почему, спрашиваю. А, говорит, мы еще лучше придумаем. Так что главное наше оружие — русский ум. То есть главное в духе непобедимом, а ум — награда за преданность Господу.

— Но ведь ум можно купить, — возразили мне.

— Этим они только и занимаются, не имея своего. Но даже в последнем подлеце, продающем секреты Родины, есть та самая русскость, которая зовется совестью. Думаю, этот подлец, продавший оборонные секреты, или уже спился, или удавился.

— Или удавили, — высказал догадку Ахмед.

Мы вернулись за стол. Вернулся за него и Махмуд, бывший не менее часа под руками массажиста. Предложил массаж и мне.

— Это уже будет перебор, — ответил я. — Намнут бока, еще есть захочешь.

— Итак, — спросил товарищ Ахмеда, я узнал наконец, что его зовут Ханафи, — итак, Россию никто не побеждал. Снаружи. Но вот сейчас идет разложение изнутри. Уже и армия будет из наемников. Это как?

— Конечно, это очень плохо: в сражениях первыми бегут наемники.

Подали в тарелках дымящееся ароматное хлебово. Действительно, Махмуд после массажа кушал отменно. Да и я, честно признаться, слопал всю порцию. Я не виноват, уж очень все это было вкусно.

М.В. Нестеров. Святая Русь. 1901—1906 гг.

Ханафи, напротив, ел мало. Подождал, пока я откинулся на подушки, и опять приступил к расспросам:

— Вы завоевывали Германию и говорили немцам: у вас такая хорошая культура, Шиллер, Вагнер, а Гитлер плохой.

— О да, отвечали немцы, — в тон Ханафи сказал я, — о да, Гитлер очень любил Вагнера. А немцы нам говорят: вы тоже хорошие, у вас Рахманинов, Глинка. О да, отвечаем мы, Сталин очень любил Глинку. Что говорить, эффенди, сардар Махмуд-Ханафи-ага-заде, что говорить.

Они мне на такое пышное величание даже поаплодировали.

— Что говорить, милые восточные люди. Все бы деньги, которые идут на войну, перевести бы на культуру, вот бы было соревнование культур, в котором бы все побеждали. Но это мечта пацифиста. Лишь бы нас не стравили.

— Кого?

— Мы отлично понимаем, кого. Христиан и мусульман.

— Кто?

— Махмуд, нам что, опять по кругу ходить? Да с древних времен нас пытаются ссорить, только этим иудеи и занимаются. Стравить ислам и христианство — вот их главная мечта и цель.

— У них это не получится, мы им не верим! — Ханафи даже рукой сверху вниз секанул.

— Но получается же вас ссорить. Одних бомбят, другие молчат в тряпочку. Так? Но, не дожидаясь упрека, скажу, что и славянское единство обрушилось мгновенно. Сейчас, правда, что-то свершается, вроде мы опять зашевелились. Спасибо Америке, она показала, что собирается всех передушить поодиночке. Когда до петли доходит, опомнились.

— Ну… — Скидывая просохшую ткань с плеч, я сообщил: — Пойду еще купнусь.

— Вначале съешь, — велел Махмуд. Я взглянул на стол — ужас. В высокой закрытой глиняной чашке что-то ворчало и выкипало. Но запах был призывным.

— Устроили вы мне встречу с Востоком, спасибо. Это стократ лучше Европы. Была у меня там такая же неделя, там было сплошное питье. Там говорили вместе с кушаньями о напитках. Хотите кратко из европейских застолий, о чем там говорят наши с ихними на фуршетах сидячих и стоячих, да? Говорят о еде и выпивке. Блюд меньше, но размерами больше. Вместо здешних соков — лес бутылок, заросли стекла с цветами этикеток. Ну,

например, как не обсудить, что яблочный кальвадос ставропольский вытесняет венгерский, потом идут сторонники и противники всяких дисанни-уокеров с рэтлейблом, конечно, купленным, конечно, в дьюти-фри, а еще есть любители и блэклэйбла, и шивос-ригл, которое в просторечии кличут «вшивый герл». А потом обсуждаются и пьются кампари, и что под него идет, а сколько увлекательного в обсуждении джинов! Лучше, конечно, ирландский, но сухой шатл, эта самогонка на можжевельнике, не хуже. А бурбон английский, лучше двойной ржаной? С него можно загудеть, но хорош! Ну, всякие «белые лошади» — это дешевка, но ячменный виски — это нечто, тут, вместо Хайяма, вспоминается Бернс, его баллада «Джон-ячменное зерно». Обратимся к Востоку, помянем корейскую водку с женьшенем и китайскую со змеей, которая в конце выпивания употребляется как закуска.

Жан, герцог Берри, наслаждается пиршеством. Миниатюра. Великолепный часослов герцога Беррийского. 1410

А мексиканская текила, которую надо уметь пить. Как? Посыпать лимон не сахаром, а солью и съесть его не после выпивки, как при коньяке, а до этого. И как обойти в разговоре

ром, начиная с ароматного ямайского и крепкого кубинского, которого много перепило мое поколение в студенчестве. А еще был с ног сшибающий грубый румынский ром. Мы ходили за этим ромом через пионерский лагерь мимо медведя на цепи, которого споили еще до нас этим ромом. А вспомним ракию и черноморскую и средиземноморскую, она же чача. А португальские портвейны, а нашествие алжирского вина, которое везли в танкерах? Колоссальный букет. Выпили и его, и живы остались. А коньяки! Все пито. Французский «Хэннесси» и «Наполеон», лучше которого во всех смыслах только «Суворов» из Тирасполя, а еще мартель, а еще армянский, при питии которого бывает ритуальное упоминание Черчилля, выпившего его три цистерны. А мы еще не обращали взор к Монголии, к ее многоградусной водке архи, про которую еще Ленин говорил, что архи нужно, архи важно, архи полезно. Не устали? Мы же просто обязаны хотя бы из вежливости упомянуть и молдавского «Аиста», и беловежского быка, и болгарскую перлу, всякие хересы, сухие и мокрые, всякие кагоры, наливки, настойки, а мадера! О, мадера! Всякие дамские амаретти, созвездие хванчкары, киндзмараули, напареули, цинандали, хах! Словом, начинаем массовку, открываем перцовку. И все всегда заканчивается непобедимой русской водкой, у которой уже и названия пошли: «Пушкин», «Тютчев», «Александр Второй», да и «Третий». Словом, не просто чтоб одуреть, а одуреть красиво, знающе, с приятностию. Как же не вспомнить то, с чего уже переблевалась половина мужчин и одна треть женщин. И как за столом без разговоров об исламском векторе, германском халифате, о ваххабитах прежних и нынешних, что есть экстремизм и где он переходит в терроризм и бандитизм, и чем одно от другого отличается? И все вопросы всегда решаются, да? А все это было одной болтовней. Но вид борьбы за народы всех стран произведен. Все довольны. — Я расправил плечи, готовясь к сражению с очередным блюдом. Его принесли на двойной подставке. Одна просто, а вторая была раскаленным круглым камнем, который заставлял пищу в блюде пищать и потрескивать. — Такие вот европейские застолья. А у нас вариант пищевой. Вакханалия вкуса, бешенство аппетита, торжество плоти, именины желудка, ожирение головы, отолстение сердца, но зато забвение нужд и печали. — Вот куда я вывернул. Не мог же я обидеть принимающую сторону.

Мне опять поаплодировали. Очень я их развлек.

А.П. Рябушкин. Пир богатырей у ласкового кнзяа Владимира. 1888

Интересно, что мое обличение европейских застолий и напитков на них было понято арабскими друзьями очень своеобразно. Когда я тяжелой поступью сытого охотника пришел в просторы своего номера, то в центре его, на круглом столе, кроме обычной корзины с фруктами, высились керамические и стеклянные емкости с винами. В центре их, как командир, сверкала серебряной фольгой бутылка «Советское шампанское». Подивившись обилию ассортимента (тут были даже не перечисленные мною в застолье бехеровка и бенедиктин), я

подошел к окну.

Надо что-то делать, думал я, что-то решать. Надо как-то разорвать этот гастрономический круг. Еще я думал: может, они меня принимают за кого-то другого, за какую-нибудь персону-«вип»? Все расспрашивают. Что я такого знаю, что другой мог бы не знать?

Я решил для начала сделать что-то полезное, осознанное. Что? Носки постираю. И носовые платки. Но в ванной, на особой полочке, рядом со стопками полотенец, лежали разнообразные по цвету и толщине новые носки. А также разные по размеру и окантовке носовые платки. Но я, тяжко вздохнув, из упрямства, постирал свои. И носки, и платки.

Утром моя решимость, созревшая в недре восточных перин, подняла меня к действию. Хватит жить брюхом, а не духом. Грешное тело душу съело — такую пословицу, наверное, такой же, как я, обжора, сочинил. В минуту раскаяния и понимания, что телу мало будет материальной пищи, захочется ему и остального, я казнил себя, что даже не находил перед сном сил читать вечернее молитвенное правило. Прочел утреннее. Вырвал из чистого блокнота листок и начертал:

«Махмуд, Хамид, Гассан, Ханафи! Дайте мне чуть-чуть свободы, которую обещали в первый день. Рестораны — не страна. Дайте побыть на беспривязном содержании. Ничего со мной не случится. Иншаллах! Как Бог даст. Отдохните от меня. Да продлит Господь ваши долгоденствия и благоденствия, и да восславит!»

Я испугался, что Махмуд уже дежурит внизу, сбежал вниз по ковровым дорожкам, покрывшим мрамор лестниц, отдал записку вместе с ключом дежурному и выскочил на улицу. Посмотрел туда-сюда и пошел по ощущению. Тянуло, конечно, к морю.

К морю

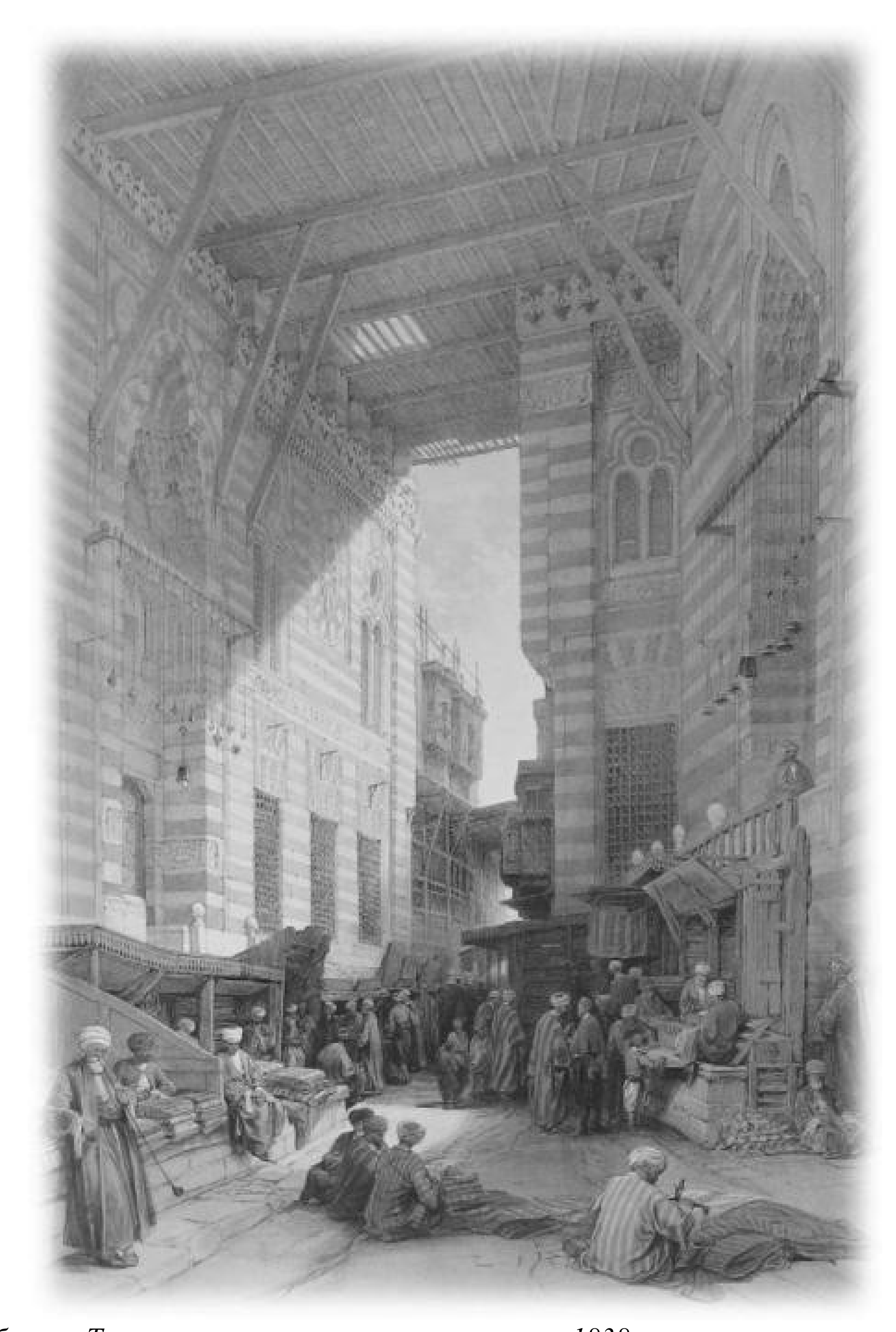
И.К. Айвазовский. Панорама Константинополя. Деталь. 1856.

Я поневоле ощущал несущийся отовсюду призывный запах утренней выпечки, кофе,

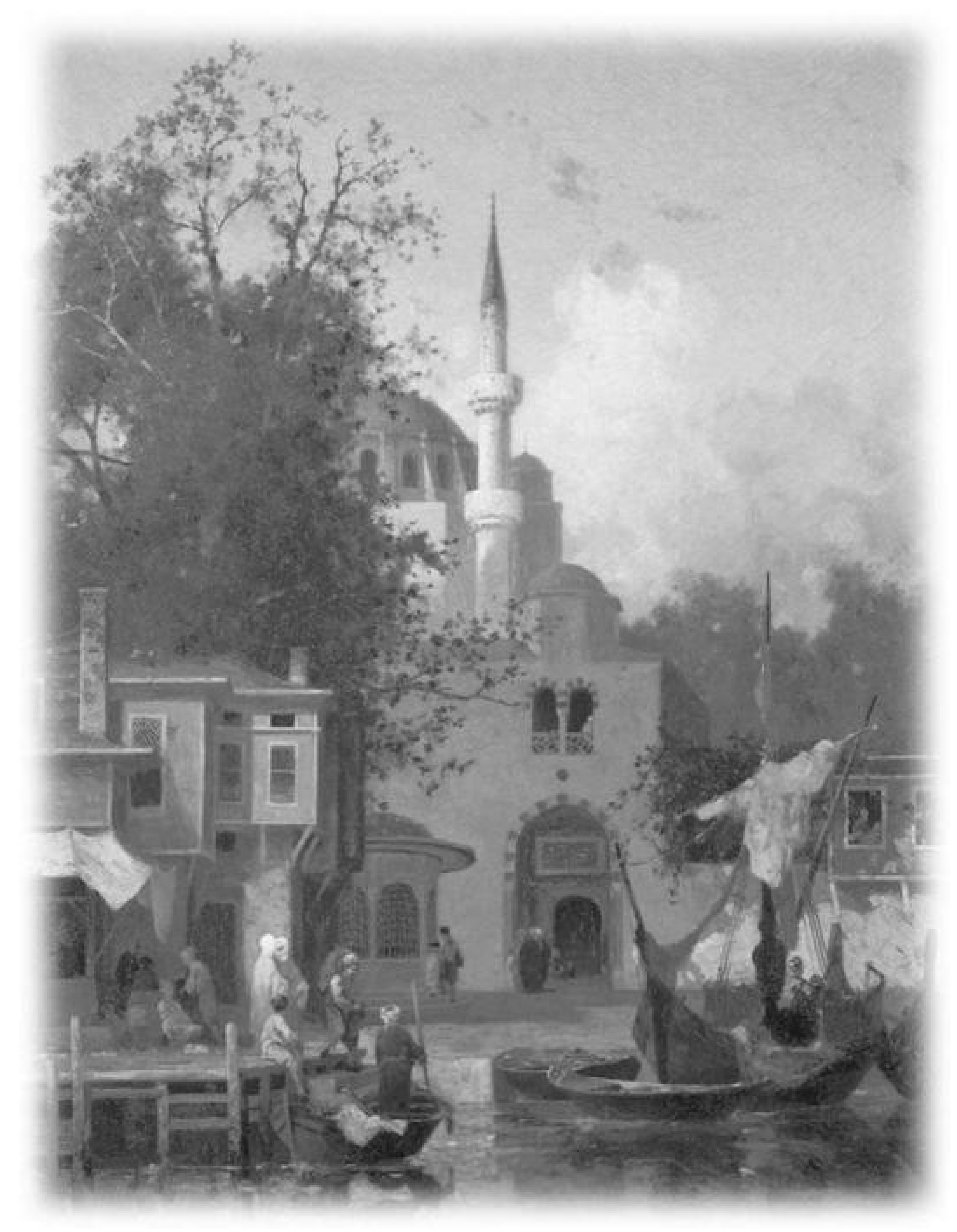
жареного мяса, кипящего масла. Весь город был пропитан ароматом приправ, пряностей. Куда бы я ни свернул, всюду пестрели уличные лавочки. Но я решил что-то съесть, когда выйду к морю. А вот и оно. Я озирался вправо и влево, соображая, в какой же стороне скорее кончится город, чтобы посидеть на пустынном берегу, а может быть, и выкупаться. В мусульманском государстве купаться нельзя, но я уйду подальше, чтобы не нарушать правила здешнего приличия. Да мне и не купаться, а только хотя бы погрузиться. Символически. В воды моря, которое столько раз пересекали апостолы. Передать привет южному морю от северных моих озер. Они же его тоже питают, не так себе.

На улицах не было ни одной собаки. В прямом смысле. Ни одной собаки. А людей было много. Но ни одного курящего. Ни одной женщины в брюках. Ох, как отдыхали глаза. Женщины, идущие навстречу, глядели вниз, но при мгновении встречи взглядывали так быстро и пронзительно, что через секунду хотелось оглянуться. Мужчины были улыбчивы и приветливы. Я тоже широко улыбался. И доулыбался: был схвачен и вовлечен под торговый навес, где всюду, на полках и на полу было навалом всякого товара. Мне бросился в глаза восточный кинжальчик в кожаном чехле. Такой загнутый, с медными бляшками на ножнах. Прямо «Шехерезада». Продавец запросил двенадцать денежных единиц. Убедившись, что я не понимаю по-английски, а по-немецки он не понимал, он показал на пальцах: двенадцать. Я показал, тоже на пальцах: десять. Он стал говорить быстро и страстно, и без перевода было понятно, что двенадцать — это очень дешево, что такая цена только из любви ко мне. «Хабиби, — говорил он, — хабиби. Двенадцать». Я молча стоял, потом повернулся уходить. Продавец сделал отчаянный жест, мол, грабь меня, грабь, пей мою кровь, и отдал за десять.

Я пошел дальше очень довольный и собой, и кинжальчиком. Но, как, бывало, писывали раньше, неприятности не заставили себя долго ждать. В витрине магазинчика мелькнул точно такой кинжальчик, и на нем была четко выведена цифра «пять». То есть меня крепко надули. И не то было обидно, что переплатил, но что обманули. Так как я недалеко отошел от места покупки, то я вернулся.

Дэвид Робертс. Торговцы шелком на каирском рынке. 1838

Фабиус Брест. Вид Константинополя. 1874

— На, — сказал продавцу, кладя кинжальчик на прилавок, — возьми. Не надо мне ни кинжала, ни денег. Тут недалеко, — я махнул рукой, — такая штука стоит… — И я показал пять пальцев.

Он отлично понял. Стал говорить, что у него много детей, что жить как-то надо и так далее.

— Ташаккур, — сказал я, — спасибо. — И пошел.

Араб что-то крикнул. Изнутри выскочили два здоровенных араба, лет по тридцать, и схватили меня под руки.

«Ничего себе, купил кинжальчик», — подумал я, вырываясь. Но они держали крепко, более того, потащили меня внутрь. Их силе сопротивляться было бесполезно. Меня втащили в служебное помещение. И… любезно усадили на низкую скамеечку перед столиком. Мой араб нес кофейник. Появились свежие булочки, масло, всякое кондитерство. Мы пили кофе. Араб восклицал: «Руськи! Гагарин!» Араба звали Хамид. Мы подружились. Я обещал заходить и отправился дальше.

Вышел на берег и пошагал вдоль него. Кончились высокие дома, пошли всякие виллы, строения, начатые и неоконченные. Дорога стала пыльной, пошли заборы с табличками «Приват», то есть частная собственность. Кончились и заборы, пошла натянутая в несколько рядов колючая проволока с прежними табличками «Приват». За проволокой бегали лающие собаки, явно голодные. Море было рядом, но за проволокой. Я шагал и шагал. И все было «Приват» и «Приват». Море-то, слава Богу, было не «приват», но как к нему подойдешь? Так и до Турции доберусь. Но там, конечно, тоже «Приват». Да-да. Все побережье было скуплено. День разошелся жаркий, я измучился. Остановился и взмолился морю: «Ты же рядом! Когда же будешь доступно?» Но не море мне отвечало, а приватные собаки. И хоть бы где один человек.

Наконец я заметил, что между двух опутанных проволокой участков есть прогал, в нем тропинка, по которой я устремился и, чуть ли не цепляя штанинами за боковые проволоки, вышел по сухой траве к берегу. Я посмотрел по сторонам — берег был пуст, но на самом берегу было такое количество отходов цивилизации, столько пластиковых бутылок, пробок, целлофана, что Робинзон, выплыв к такому берегу, был бы счастлив — он увидел бы явное присутствие человека. На отмели лежали остатки сетей, над ними летали крупные осы.

Я снял рубашку, брюки, разулся, сел на какой-то обрубок дерева, видимо, остаток лодки, и отдышался. Вода в море была стеклянно чистой. От мелкой ряби по камешкам на дне бегали мелкие пятна света, и камешки казались драгоценными.

Конечно, я боялся напороться босыми ногами на морских ежей или на маленького прибрежного ската, но, перекрестясь, прочтя «Отче наш», вступил в теплую, освежающую влагу. Вздрогнул от приятного озноба и долго, медленно, ступая по крупным камням, забредал в глубину. Камни кончились, пошел крупный песок, дно понизилось. Погрузился, даже заплыл, даже проплыл туда и сюда. Поглядел из моря на город. Ого! Он белел вдали так далеко, что не верилось, что я пришел сюда пешком. Ну, вот и это пройденное, «приватное» пространство, пока не нарушенное человеком, будет застроено всякими зонами дорогого и дешевого отдыха, и опять же к морю не подойдешь, только за деньги. Я повернул к берегу. Немного еще посидел в море, как в теплой ванной, и побрел одеваться.

Не хотелось уходить от моря. Ведь это придется проделать весь путь до города в пыли и под солнцем. Но куда денешься, пошел. Шел и рассуждал: «Тебя провели как мальчишку. Ничего ты не видел, кроме еды. Чреву служил. Оно вытеснило все остальное».

Уже послеполуденное солнце так нажаривало, что я рад был первой окраинной забегаловке, чтобы укрыться в ее тени. Кондиционеров в ней не было, вместо вентиляторов гудели мухи, но все-таки тень. Я попросил «кальте минералише аква» и протянул долларовую купюру.

Тут произошло то, что меня очень обрадовало. Араб закрылся от купюры как от чумы.

— Но! Но! Но! — закричал он. — Но! Но валюта! Доллар капут!

— Отлично! — сказал я. — Везде бы так. — Я достал местную валюту. Подошел нищий старик. С костылем, оборванный, заросший. Я отдал ему долларовую бумажку. Тут же возникли еще два просителя, потом еще. Я оказался в кольце смуглых, просящих подаяние мужчин. Я поднял руку. Хозяин забегаловки выбежал и стал кричать на нищих.

— Но! — сказал я ему. — Накормим их. Давай… — я посчитал их, — давай семь, чего там у тебя, семь порций. Вы все, — я показал на столик под изодранным навесом: — Сид даун плиз, зетцен зи плюх! Садись, артель!

Они стояли в нерешительности. Но хозяин что-то им велел, и они расселись. Нам всем принесли кушанье, которое показалось мне отвратительным. Соответственным, то есть бурдой, был и кофе.

— Руськи? — спросил хозяин, и щелкнув себя по горлу, показал под прилавок, мол, есть чего и для русских.

Я пошел в центр, к отелю. Нищих в центре не было, чистота. Меня радовали журнальные и газетные киоски — никакой похабщины, не как в Москве. К киоскам можно было подходить без чувства омерзения. Весь бело-красный, мокрый, встречал меня у отеля Махмуд. Его, беднягу, прямо трясло.

— Махмуд-ага, я ж тебе написал. Я просто гулял.

— Хах, — только и говорил он. — Хах! Возьми! — Он протянул мне два кинжальчика. —

Ты купил и забыл взять.

— Ну, вы орлы! Как в таком огромном городе вычислить одну лавочку? Махмуд! — торжественно сказал я. — Я полюбил твою страну. Прости меня! Как сказал пророк, да приветствует Аллах его, Бог принимает раскаяние до последнего вздоха. Едем обедать! Или меня уже сняли с довольствия? Неделя — больше! — проедена, проговорена, еще один день, куда ни шло! Ничего не понимаю, я постарел или помолодел в эти дни? Но то, что поглупел, это точно. Выболтался, иссяк. Но Пушкин советовал, что надо выбалтываться в прозе. Хотя здесь была поэзия. Махмуд, — позвал я, видя его заторможенность, — Махмуд, ты ожил? Все валлахи, все слава Богу? Звони, что нашел беглеца, и мы пойдем за сувенирами для матушки-России. У меня одних крестников знаешь сколько?

Махмуд сделал глубокий-глубокий вдох и выдох и в самом деле позвонил. Видимо, нагоняй ему дали не очень крепкий, ибо он повеселел, бодро захлопнул крышечку мобильника и уже не командовал, а спросил:

— Значит, сиятельство, за сувенирами?

Дэвид Робертс. Медных дел мастера на каирском рынке. 1838

Как мы что-то и у кого-то покупали, — это отдельный рассказ, но у меня нет сил об этом рассказывать. Даже вспоминать тяжело. Как Махмуд торговался, как бывал доволен, когда выторговывал какие-то копейки, как веселел от покупок. Меня весь этот процесс торговли измучил, измочалил. Я пытался платить, мне не давали, я пытался оттащить Махмуда от прилавка, он отлягивался. Только в лавке женского платья я смирился: надо же жене купить платье, надо?

— Ну конечно, надо купить, — согласился я.

— Какого она у тебя размера?

Я стал оглядываться, ища в проходящих женщинах аналогичный жене размер.

— Вот, примерно, как вот эта.

К моему изумлению Махмуд схватил указанную мною женщину и повлек в магазин. Она, нисколько не удивясь, пошла с нами. Там Махмуд стал приставлять к ней невыносимо сверкающие вышивкой и камнями наряды и спрашивать:

— А это? Ах! А вот в этом к гостям выйдет? Э? Или это? Или оба?

Мне было жаль безропотную женщину в черном, я соглашался с любым вариантом. Наконец купили два. Одно зеленое, халатного покроя, другое сиреневое, тонкое, в кружевах. Но как Махмуд выцарапывал платья из магазина, я уже не мог слышать и вышел на улицу.

— Интересно, — сказал я Махмуду, — все женщины в черном, а в магазине женского платья такое многоцветье, такая роскошь.

— В черном для всех, а в нарядном только для мужа, — был ответ.

Мы шли с пакетами по улице, и вдруг я узнал лавочку Хамида, родину, так сказать, кинжальчиков.

— Зайдем, Махмуд?

— Не надо! — решительно повлек меня мимо лавочки Махмуд.

— Но мне же интересно знать, как вы меня вычислили!

— Могу сказать. Это, конечно, только для тебя. Хамид был просто обязан сообщить куда следует про иностранца, вот и все. А тебя уже искали. Приехали: по описаниям — ты. Но потом следов не было.

Мы сели в открытом кафе у моря. У Махмуда, после того как он нашел меня и вдоволь поторговался, было хорошее настроение. Как и у меня: скоро домой. Я глядел на море и облака в сторону севера.

— Никаких у нас нет секретов, Махмуд-ага, — говорил я. — Секрет один — дух народа. Он крепок в России, крепок и у вас. Главное — не поссориться. А так — жить можно.

Махмуд посмотрел на часы и аж подпрыгнул:

— Нам же на обед! — закричал он. — Сиди. Я вызову машину сюда.

— Но пока сюда идет машина, Махмуд, можно я тебя спрошу, но ты ответишь только правду, можно?

Махмуд обвел взглядом кафе, показал жестом на уши, на окружающее пространство, мол, везде уши, и встал.

Мы подошли к набережной. Плескались волны о гранит. Прямо как заговорщик, я сказал:

— Махмуд, здесь никто не услышит. Скажи, что все вы из спецслужб, я поверю. И это естественно, что спецслужбы занимаются иностранцами. Но какими-то важными, а я что? И что я такого знаю? Зря вы на меня столько убухали времени и средств. Я бы еще понял, если б я был из стана врагов, мы же друзья. Я, конечно, вас разочаровал, вы знаете о России больше моего.

Махмуд вздыхал, улыбался и молчал.

Иншаллах

Джон Фредерик Льюис. Внутреннее Убранство Большой Мечети Улу-Джами. Бурса, Турция. 1841.

Потом был обед. Потом был ужин. Потом был и прощальный обед, потом был и званый ужин. Мне было грустно: все заканчивалось. Уже не видел я больше той певицы из пустыни, бедуинки, хотя голос ее звучал всюду. Казалось, что я живу тут так давно, так мне все здесь знакомо, что я знал — долго буду помнить эту поездку.

Мы стояли у трапа. Меня провожали на самолет. Билет взяли в первый класс.

— Зачем? Это же так дорого.

— В первом классе лучше кормят, — отвечали мне.

— Лучше, чем вы, никто не накормит. Ну, да спасет и сохранит нас Господь и да не даст нам раздоров и да сохранит и восславит нашу дружбу!

Нас торопили. Я пошел по трапу, который тут же отъехал. Они прикладывали правую руку к сердцу и кланялись. Я перекрестил их. Когда еще увидимся? Иншаллах. Как Бог приведет.

Литература

Архимандрит Ефрем Святогорец. Отеческие советы. С новогреческого. Саратов, 2006.

Афонская трагедия. Гордость и сатанинские замыслы / Автор-составитель игумен Петр (Пиголь). М., 2005.

Афонский календарь на 2007 год.

Афонский патерик, или Жизнеописание святых, на Афонской Горе просиявших. М., 1897.

Вестник «Королевской гимназической академии наук. Москва — Киров, 2001.

Душеполезный собеседник за 1889 г. Святая Гора Афон. Репринт. Сергиев Посад, 2005.

Жития святых. М., Ковчег, 2004.

Зайцев Б. Собр. соч. Т. 2. Афон. М., 1993.

Иеромонах Антоний (Святогорец). Жизнеописание афонских подвижников благочестия X1X века. М., 2001.

Иеромонах Гавриил (Краньчук). Афонское приношение современному человеку.

Молдавская митрополия. Единецко-Бричанская епархия, 2004.

Иеромонах Исаак. Житие старца Паисия Святогорца. Перевод иеромонаха Доримедонта. М.: Издательский дом «Святая Гора», 2006.

Избранные письма в Бозе почившего Афонского старца иеромонаха о. Арсения к разным лицам (с кратким жизнеописанием). М., 1899. Репринтное издание, 2004.

Кладезь мудрости. Советы старцев о земном и небесном. М.: Эдельвейс, 2006.

Колчуринский Н. Дорога к святыне из Москвы в Дивеево. Паломнические заметки. М., 2003.

Монах Герман (Макаров). Третьего не дано. Изд-во «Оранта», 2005.

Монах Иосиф Дионисиатис. Наставник молитвы Иисусовой. Жизнеописание старца Харалампия Дионисиатиса. Братство святителя Григория Паламы. М., 2005.

Монах Феоклит Дионисатский. Преподобный Никодим Святогорец. Житие и труды. М.: Феофания, 2005.

Мудрый простец. (О старце Порфирии Кавсокаливите). Журнал «Встреча», № 3, 2005.

Муравьев А.Н. Письма с Востока. Путешествия по Святым местам. Белорусский экзархат, Минск, 2006.

Муравьев Е. Звезда утренняя. М., 2006.

Письма Святогорца к друзьям своим о Святой Горе Афонской. М., 1895.

Полный православный богословский энциклопедический словарь. Том 1-й. М., 1992. Репринтное издание.

Посмертные вещания преподобного Нила Мироточивого Афонского. М., 2007.

Поучительное видение святого великомученика Горгия монаху Иоасафу, первому старцу братства Иосафеев. Пер. с греческого. Святая Гора Афон, келлия св. патриарха Иерусалимского Модеста. Дата выхода не обозначена.

Православная энциклопедия. Том 4-й. М., 1997.

Православный календарь «Год со старцем Паисием» на 2008 год.

Православный календарь «Гора Афон, Гора Святая» на 2008 год.

Преподобный Аристоклий, старец Афонский и Московский чудотворец. Подворье Русского на Афоне Свя-то-Пантелеимонова монастыря в Москве. М., 2005.

Преподобный Силуан Афонский. Издание Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря, 2004.

Преподобный Симеон Новый Богослов. Творения, том 3-й. «Каковым должно быть монаху».

Проснись, душа… Школа Православия для новоначальных. М., 2005.

Протоиерей Андрей Ковалевский. Иеросхимонах Иероним, духовник Русского на Святой Афонской Горе Пантелеимонова монастыря и его присный ученик игумен священноархимандрит Макарий. М., 2006.

Протоиерей Георгий Флоровский. Пути русского богословия. М., 1992.

Протоиерей Димитрий Бусьос. Поучительные истории из жизни одной греческой епархии. Минск, 2005.

Протоиерей Сергий Четвериков. Старец Паисий Величковский. Минск, Свято-Елизаветинский монастырь, 2006.

Распутин В. Афон (очерк). М., 2006.

Святитель Каллист, архиепископ Константинопольский. Житие преподобного Григория Синаита. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2005.

Святитель Филофей, патриарх Константинопольский. Житие святителя Григория Паламы. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2004.

Священник Дионисий Тацис. Когда чужая боль становится своей. Жизнеописание и наставления схимонаха Паисия Афонского. М., 2006.

Старец Даниил Катунакский. Ангельское житие. М., 2005. С новогреческого.

Старец Иосиф Ватопедский. Афонские беседы. С новогреческого. СПб., 2004.

Старец Паисий Святогорец. Письма. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2001.

Старец Паисий. Отцы-Святогорцы и святогорские истории. 2001.

Старец Порфипий Кавсокаливит. Житие и Слова. Святая обитель Живоносного источника

Хрисопиги. Крит, 2003. Малоярославец, Свято-Никольский Черноостровский женский монастырь.

Старец Порфирий Кавсокаливит. Житие и Слова. Крит, 2003. М., 2005.

Странствования Василия Григоровича-Барского по Святым местам Востока с 1723 по 1747 г. М., 2004.

Талалай М. Русский Афон. Путеводитель. М., 2003.

Харалампий Бусьяс. Старец Анфим из скита Святой Анны. Фессалоники, 2002. Минск, 2005

Христодул Агиорит. Старец Паисий. Кн. 1. СПб., 2000.

Хроника исторического паломничества. Пантелеимонов монастырь, 2005.